

Институт нового индустриального развития
имени С.Ю. Витте

На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления

Под редакцией А.В. Бузгалина, А.И. Колганова

Москва, 2020

ББК 65.04 65.050 65.23 65.9(2)

На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления / Под ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020. – 490 с.

Авторы сборника развивают различные аспекты теории Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики, разработанной профессором С.Д. Бодруновым. Исследуются проблемы высокотехнологичного материального производства, шеринговой экономики, соединения производства и социальной сферы, продвижения к новой модели общественного развития. Ставятся вопросы оптимальных направлений социально-экономической политики в условиях современных глобальных вызовов.

Тексты опубликованы в авторской редакции.

ISBN 978-5-00020-080-3

© Коллектив авторов, 2020

© ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

13 **глава 1. На пути к НИО.2 и ноономике**

<i>Бодрунов С.Д.</i> Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики	15
<i>Аганбегян А.Г.</i> Предложения по социально-экономическому развитию в современной кризисной обстановке	32
<i>Бузгалин А.В., Колганов А.И.</i> Трансформации социально-экономических отношений в условиях пандемии: рынок, собственность, доходы	50
<i>Глазьев С.Ю.</i> Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов	76
<i>Нигматулин Р.И., Нигматулин Б.И.</i> Пандемия. Мировой кризис. Экономическое состояние России	105
<i>Миркин Я.М.</i> Изменения в экономических и финансовых структурах: воздействие шоков-2020	125
<i>Рязанов В.Т.</i> Новые технологии в экономике и коронавирусная пандемия: предварительные выводы	135

151 **глава 2. Рождение нового качества производства: техничко-экономические и социальные корни**

<i>Белокрылова О.С., Васильева Д.А.</i> Цифровая экономика и занятость: перспективы молодежного рынка	153
<i>Дроздов Б.В.</i> Пределы и ограничения разработки и внедрения систем искусственного интеллекта	163
<i>Елецкий Н.Д.</i> Бесконтактная экономика и дистанционный образ жизни как атрибуты новой реальности	174
<i>Ирхин Ю.В.</i> Актуализация цифровых технологий и переход к новому качеству управления в свете вызовов НИО.2	184
<i>Каленов О.Е.</i> Экосистемы как новые структуры экономических отношений	195

<i>Маслов Г.А.</i> Теория НИО.2 и ноономики в русле развития современной экономической теории	203
<i>Рудык Э.Н.</i> К новому индустриальному обществу второго поколения на путях развития современных информационно-коммуникационных технологий	210
<i>Яковлева Н.Г.</i> Технологические и социально-экономические трансформации начала XXI века: роль и место образования ...	220

237 глава 3. Императивы экономической политики в условиях «новой нормальности»

<i>Белокрылов К.А.</i> Ноономические тенденции в госзакупках	239
<i>Бижоев Б.М.</i> Цифровые механизмы обеспечительных мер в системе государственных закупок товаров, работ, услуг	250
<i>Воронов В.С., Давыдов В.Д.</i> Цифровые интеллектуальные активы и цифровые инвестиции	260
<i>Доржиева В.В.</i> Цифровизация как новый приоритет стратегии развития промышленности в контексте задач перехода к НИО.2 и ноономике	272
<i>Захаров В.К.</i> Перспективы интеграционного перехода России к ноономике	282
<i>Лукина Е.М., Баймакова К.В.</i> Проблемы и перспективы экономического роста в России в условиях технологических и социально-экономических трансформаций эпохи НИО.2	293
<i>Николаева Е.Е.</i> Системное единство природных, экономических, институциональных и социальных процессов и его скоординированное использование для решения острых социально-экономических проблем в общественном воспроизводстве России	302
<i>Рассадина А.К.</i> Международный трансфер технологий. Роль государственного регулирования	312
<i>Щербина А.Ю.</i> Российская Федерация в международном рейтинге инноваций и общемировые тенденции развития инновационных процессов	323

**337 глава 4. Социально-, гуманитарно-
и эколого-ориентированное развитие
в условиях генезиса ноономики**

<i>Воронова Н.С., Давыдкин С.М.</i> Ассоциированные инвесторы и их роль в финансировании устойчивого развития	339
<i>Иванов С.А.</i> Трансформация труда и трудовых ценностей на пути к VI технологическому укладу и цифровой экономике	349
<i>Казанцева Д.Б.</i> Духовно-нравственный потенциал личности и экономический рост в условиях генезиса новых общественных отношений	356
<i>Ложко В.В., Хайкин М.М.</i> Мегасистема Информацио-Природо-Социо-ценоза как междисциплинарное основание системного развития хозяйственной деятельности и теории ноономики	367
<i>Любарская М.А., Путинцева Н.А., Кандеев К.О.</i> Роль экологических мероприятий в формировании пространства ассоциированного производства и потребления	377
<i>Пономарёв В.П.</i> О природном капитале и ноономике	388
<i>Скоков Р.Ю.</i> Новое индустриальное общество: новые товары, новые потребности, новые способы их удовлетворения	398

**409 глава 5. Неравенство при продвижении к НИО.2
и ноономике: финансовые и региональные аспекты**

<i>Горин Е.А.</i> Неравенство в практической ноономике: глобальные тренды и региональный дисбаланс	411
<i>Дейнека Л.Н.</i> Реиндустриализация как процесс формирования нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и проблема неравенства в России	427
<i>Игонина Л.Л.</i> Финансово-инвестиционная стратификация и траектории социально-экономического развития российских регионов в условиях продвижения к НИО.2	440

<i>Казанчева Х.К.</i> Технологические трансформации, императивы формирования территорий опережающего развития депрессивных субъектов в условиях постпандемического кризиса	453
<i>Калинкин Е.В.</i> Роль региональных систем профессионального образования в обеспечении социально-технологических трансформаций при переходе к новому качеству производства	461
<i>Никонова М.А.</i> Неравенство регионов и развитие нового индустриального общества: проблемы и перспективы	475
<i>Скудалова О.В.</i> Снятие неравенства в сферах доступа к ресурсам, богатству, доходах и генезис новых форм неравенства по мере продвижения к ноономике	481

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга необычна. Она представляет собой систему текстов, в которых с разных сторон анализируются и углубленно исследуются проблемы, поднимаемые в теории Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики, выдвинутой директором Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, президентом Вольного экономического общества России, доктором экономических наук, профессором С.Д. Бодруновым.

Прежде чем охарактеризовать логику и основные реперные точки книги, выделим важнейшие слагаемые названной выше теории, над которой С.Д. Бодрунов работает уже не первое десятилетие. С результатами этой работы хорошо знакома научная и образовательная общественность России и многих других стран мира. Это ряд монографий¹, переведенных и переводимых на английский, немецкий, испанский и другие языки; сотни статей², международные конгрессы

¹ Бодрунов С.Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации / Монография / – М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. – 224 с.; Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики. / Учебник / – М.: Культурная революция, 2019. – 504 с.; Бодрунов С.Д. Ноономика / Монография / – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.; Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / Монография / – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. – 328 с.

² Бодрунов С.Д. На пути к ноономике: человек, технологии, общество // Мир перемен. 2020. № 2. С. 24–39; Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. 2019. № 4. С. 6–18; Бодрунов С.Д. От зоо к ноо: человек, общество и производство в условиях новой см. на след. странице

в Москве и Санкт-Петербурге, посвященные обсуждению проблем НИО.2 и ноономики; доклады на международных форумах в Австрии, Великобритании, Германии, Китае, Франции и других странах; презентации текстов в прославленных университетах (упомянем хотя бы университет Кембриджа), чтение курсов ноономики в ряде университетов и др. Автор этой теории в 2018 году получил за свои работы специальную награду Всемирной ассоциации политической экономии.

В основе теоретических разработок НИО.2 и ноономики лежит хорошо известное, но далеко не всегда актуализируемое теоретиками положение об объективной детерминации общественного развития вообще и экономического прогресса в частности, развитием технологий, техническим, а затем и научно-техническим прогрессом, основные вехи которого отмечены технологическими революциями. Этот методолого-теоретический подход позволил профессору Бодрунову выделить контрапункт последних десятилетий социально-экономической эволюции, основными этапами которой, выделяемыми в работах этого ученого, стали Новое индустриальное общество середины XX века, описанное в работах Д.К. Гэлбрейта – миражи постиндустриализма, обернувшиеся деиндустриализацией и финансиализацией – новое индустриальное общество второго поколения как диалектическое снятие первых двух этапов.

Основные черты НИО.2, раскрываемые в работах С.Д. Бодрунова – это, прежде всего, качественно новые технологии, которые принято связывать с 5 и 6 технологическими укладами, НБИКС-технологии. Они обуславливают новую роль знаний в материальном производстве, превращаются в ключевой фактор и результат последнего, а само производство становится знаниеемким. Такое материальное производство генерирует новое место и роль человека, который из субъек-

см. на предыдущей странице технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 109–118; Бодрунов С.Д. Четвертая индустриальная революция – пролог нового индустриального общества второй генерации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 205. № 3. С. 262–284; Бодрунов С.Д. Возвращение индустрии – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации // Экономическое возрождение России. 2017. № 2. С. 17–21 и др.

та репродуктивного ручного или индустриального труда превращается, как предвидел еще К. Маркс, в «контролера и регулировщика», стоящего «по ту сторону» собственно материального производства.

Изменения в технологиях и материальном производстве закономерно вызывают трансформации экономических отношений и институтов, всех социальных процессов и форм. На смену экономической реальности, вершиной которой стала рыночная система, приходит ноономика. Ноономика, как пишет С.Д. Бодрунов, – это не просто новый, ориентированный на социальные и экологические приоритеты тип экономики (хотя эти приоритеты для ноономики характерны в полной мере). Ноономика – это качественно новая, неэкономическая общественная система, на пути к которой снимаются все основные институты существующей экономики – частная собственность, деньги и т.п., а человек становится личностью, ориентированной на несимулятивные потребности, на саморазвитие.

В работах автора теории ноономики показано, что этот путь полон противоречий и развилочек, связанных с обострением глобальных проблем и угроз, с которыми сталкивается человечество. Но движение по нему уже началось. И это не только глубокие технологические изменения. Это и диффузия частной собственности, развитие форм совместного присвоения и потребления – от каршеринга до коливинга и – шире – социализация экономики и не только экономики. Существенно, что автор теории ноономики видит этот процесс как эволюционный, генерируемый прежде всего технологическим развитием, создающим предпосылки разрешения социально-экономических и цивилизационных конфликтов, и критически относится к идеям революционных преобразований общества.

Следует отметить, что редакторы этой книги, разделяя социальную и гуманистическую направленность основных теоретических разработок С.Д. Бодрунова, остаются сторонниками марксистского видения будущего как коммунистического общества, «царства свободы» (К. Маркс), путь к которому лежит через революционное преобразование существующего общества¹. Критика этой позиции не

¹ См. Бугалин А.В. Политическая экономия революции (столетию Октября посвящается) // Вопросы политической экономии. 2017. № 3. С. 10–41.

раз давалась профессором С.Д. Бодруновым¹. Однако эти различия не мешают нам вести научный диалог с профессором Бодруновым и его последователями, поддерживать тезисы о будущем качественном изменении общества, снятии частной собственности, симулятивного потребления, постэкономической природе социума будущего и др.

Предваряя книгу, специально подчеркнем, что первоначально она планировалась как сборник материалов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса 2020 года (СПЭК-2020). Весной 2020 года СПЭК готовился по теме «На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления». Эта тема предполагала наибольшее внимание к проблемам новых форм собственности и организации производства и потребления, в частности, таким, как уже упомянутые выше каршеринг, коворкинг и другие. К сожалению, ситуация с коронавирусом не позволила провести СПЭК в намеченные даты и конгресс был перенесен на конец 2020 года. Однако тема никуда не делась. Она остается актуальной и является закономерным продолжением общей стратегической линии Санкт-Петербургских конгрессов, ориентированных на исследование проблем НИО.2 и ноономики. Данный сборник подготовлен на основе материалов, отобранных из присланных докладчиками статей несостоявшегося весной конгресса.

Настоящая книга по своей структуре в основном воспроизводит логику развертывания теории С.Д. Бодрунова и раскрывает различные аспекты проблем, поднимаемых в теории НИО.2 и ноономики. Открывает данную работу ряд текстов известных российских ученых, академиков и профессоров А.Г. Аганбегяна, С.Ю. Глазьева, Р.И. и Б.И. Нигматулиных и др., а также безвременно ушедшего от нас уже в период работы над книгой В.Т. Рязанова. Авторы раскрывают наиболее актуальные проблемы генезиса новой реальности, включая проблемы технологического и социально-экономического развития в условиях пандемии. В дальнейшем авторы книги показывают основные изменения в технологиях и социально-экономических отношениях, экономической политике, социальном и экологическом

¹ Бодрунов С.Д. К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма // Вопросы политической экономии. 2020. № 3. С. 52–66.

контексте становления нового качества производства и общества, генезиса ноономики.

Редакторы книги выражают благодарность коллективу научных сотрудников Московского отделения ИНИР имени С.Ю. Витте, проделавших большую работу по ее подготовке: С.И. Исламгулову, О.Б. Лемешонок, Г.А. Маслову, Н.Г. Яковлевой.

Авторы данной работы и инициатор ее создания, С.Д. Бодрунов, будут признательны читателям за критические замечания и дополнения и, главное, продолжение и развитие рассматриваемых в книге вопросов.

Бузгалин А.В.,

д-р. экон. наук, профессор,

Колганов А.И.,

д-р. экон. наук, профессор

глава I

На пути к НИО.2
и ноономике

Бодрунов С.Д.,

доктор экономических наук, профессор,
 директор Института нового индустриального развития
 (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
 президент Вольного экономического общества России,
 президент Международного Союза экономистов

Boдрunov S.D.,

Doctor of Econ. Sc., Professor, Director of the S.Y. Witte
 Institute of New Industrial Development (INID),
 President of the Free Economic Society of Russia,
 President of the International Union of Economists

**Глобальные риски в пространстве пандемии:
 практика подтверждает теорию ноономики¹**

**Global Risks during the Pandemic:
 Practice Corroborates the Theory of Noonomy**

Аннотация. Приближение глобального кризиса, отягощенного пандемией коронавируса, ставит мир на грань глобальной катастрофы, которая может изменить понимание экономики, соотношения экономики и общества, человеческих ценностей и пр. Основа изменений – прогресс технологий, приводящий к генезису нового индустриального общества второй генерации (НИО.2). На пути перехода к новому качеству общественного развития человечество сталкивается с противоречиями между различными технологическими укладами, классами и социальными слоями и т.д. Если человеческое сознание отстает в своем развитии от материальных условий, то

¹ Материал статьи опубликован в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 2 (64), 2020, с. 4–14).

конфликты становятся все более жесткими. Нерациональное разрешение конфликта при переходе к новому укладу и новому общественному устройству в современных условиях может привести к катастрофическим последствиям. Рост конфликтности во всех сферах жизни рассматривается как закономерное явление. Меняются и другие аспекты социального поведения, например, доверие в обществе, востребованное в условиях пандемии. Эта потребность будет удовлетворяться благодаря осознанию человеком своих истинных ценностей, что знаменует переход к ноообщественным отношениям. Подчеркивается, что продвигаться к новому этапу развития нужно «всем миром», сохраняя баланс между повышением благосостояния человека и сохранением его как Человека.

Abstract. Global risks during the pandemic: practice corroborates the theory of noonomy. Approaching global crisis exacerbated by the coronavirus pandemic puts the world on the verge of a global catastrophe that can change our understanding of the economy, relation between the economy and society, human values, etc. These changes stem from the progress of technologies that leads to the emergence of a new industrial society of the second generation (NIS.2). During its transition to a new quality of public development, the humanity experiences contradictions between different technological modes, classes, social strata, etc. If the development of awareness lags behind evolving material conditions, conflicts become increasingly severe. Irrational resolution of conflicts during the transition to a new technological mode and a new public order can have catastrophic consequences in the modern context. Under such circumstances, increased tensions in all spheres of life are deemed logical. Other aspects of social behavior also undergo certain changes, e.g. the concept of public trust that is highly relevant during the pandemic. The public demand for trust will be satisfied thanks to humans perceiving their true values, which signals the transition to noosocial relations. The author emphasizes that we should all come together as we move to a new development stage while maintaining the balance between increasing the general welfare and upholding the human condition.

Ключевые слова: ноономика, пандемия, глобальные риски, рост конфликтности, угроза существованию человечества, сфера знаний, общечеловеческие культурные ценности, доверие.

Keywords: noonomy, pandemic, global risks, increased tensions, threat to human existence, area of knowledge, general cultural values, trust.

Замаячивший на ближнем горизонте глобальный кризис (начало которому положили противоречия финансиализации), превращенный пандемией в общемировую драму, подтверждает вывод о том, что человечество стоит на перепутье, что в развитии цивилизации появилась развилка и существует реальная угроза не просто кризиса, но глобальной катастрофы, которая может изменить наше понимание экономики, соотношения экономики и общества, человеческих ценностей и ценности самого человека, и т.д. Этот вывод сделан нами за несколько лет до пандемии и развит в монографии «Ноономика» [4].

Сегодняшняя ситуация лежит в русле противоречий, с которыми сталкивается человечество на пути к новому качеству общественного развития. Мы назвали его ноономикой – состоянием социума, в котором доминируют неэкономические, постэкономические потребности и качества человека. Основа этих изменений – прогресс технологий, приводящий к генезису знаниеемкого, «умного» производства нового индустриального общества второй генерации (НИО.2). В НИО.2 человек выполняет только те функции, которые не может выполнить машина [17]; доминирующими становятся те сферы, где человек осуществляет преимущественно творческие функции.

Это – результат действия объективных закономерностей исторического развития, ибо всякое новое состояние общества обусловлено изменением материальных условий существования людей. В марксизме этот феномен описывается как диалектика противоречивого взаимодействия производительных сил и производственных отношений [16]. В данном случае мы говорим несколько об ином – о том, что изменения материальных условий происходили и происходят в том числе потому, что человек в рамках исторического движения все большее количество знаний применяет для удовлетворения своих растущих потребностей.

В какие-то моменты объем этих знаний, имплементированных в материальное производство (в частности, в технологии), возрастал настолько, что приводил к скачку в накоплении трансформационного потенциала, к необходимости качественных изменений во всех

компонентах труда и его общественной организации. Это стимулировало переход к новому состоянию материального производства, что не могло не отразиться на состоянии общества. Такие изменения стали особенно заметны с переходом к индустриальному способу производства.

Предметом данной статьи не является специальное исследование исторических закономерностей, сопоставление периодов переходов, изменений факторов общественного сознания или общественного устройства в целом, с одной стороны, и изменения типов производства – с другой; не является таким предметом и сопоставление этих изменений с конкретными контрапунктами исторического процесса, обычно акцентируемыми историками (войны, политические перевороты и т.п.), хотя все это связанные процессы. Безусловно, они будут разбросаны по времени и не всегда абсолютно соответствуют переходам к новым формациям (в категориальной базе марксизма). Более того, они не строго субординированы во времени – некорректно утверждать, что в таком-то году случилась такая-то социальная революция, потому что в это время произошла промышленная революция. Однако, всякий «переход» такого рода в материальном производстве вызывал не только конфликт между старым и новым производством, но и резкое усиление противоречий в социальной сфере. Подтверждений этому в истории более чем достаточно. Вспомним противоречия нарождавшегося машинного производства и отмиравшего ручного ремесла в Англии, породившие движение луддитов, а в более общем плане – новый, более развитый буржуазный социальный строй.

В переходный период такой конфликт происходит всегда – старое конфликтует с новым, новое рождается в конфликте со старым... Это хорошо известно и очень важно. И это не только противоречия «отцов» и «детей». Это – противоречия различных технологических укладов, классов и социальных слоев и других взаимодействий, «сопровождающих» такой переход. Ситуация стабилизируется, когда побеждают новый технологический уклад (ТУ) и новая модель социально-экономической системы. Развитие ТУ радикально влияет на формирование общественного уклада, поэтому, когда в обществе все уложилось (от слова «лад» – укладывать, уложить, складывать, уложение делать некое!), наступает менее турбулентный, менее пассионарный [9] период развития.

Но очередное накопление изменений приводит к переходу в новое состояние любую систему, в том числе и общественно-экономическую. Она становится «шире», что порождает новые конфликты.

При этом нужно четко понимать, что средства, при помощи которых конфликты ведутся (или разрешаются) в общественной системе, зависят и от материального состояния общества, и от сознания людей. Если сознание отстает в своем развитии, а материальные условия по своим возможностям возрастают, то конфликты становятся все более жесткими и даже кровопролитными. Чем более «продвинут» человек технологически, тем больше у него знаний, которые можно применить не только для созидания, но и для разрушения.

Это – важнейшая особенность нынешнего исторического момента: уровень развития технологий таков, что, в отличие от прошлых этапов развития, конфликты в случае нерационального их разрешения грозят глобальной катастрофой. Причина известна – переход к новому, шестому ТУ [11]. Этот переход чреват конфликтом технологий, что уже проявляется: старые технологии не выдерживают конкуренции, уходят, но с борьбой – с банкротством предприятий, с геополитическими столкновениями, со многими другими материальными, экономическими, политическими и культурными конфликтами.

Дальше, однако, видятся проявления «конфликта осознания» людьми перехода к новой реальности. Возрастает конфликтность в сфере общественных отношений: пересматриваются принципы этих отношений, ценностные параметры и т.п. Это касается, в частности, изменений в отношении к собственности, институтам и пр., что тоже происходит не без конфликтов.

Все это – признаки назревающего глобального конфликта между общественным устройством, порожденным экономическим обществом, дошедшим до состояния современного глобального развитого капитализма, и обществом, которое будет формироваться на основе использования достижений нового ТУ и генезис которого мы наблюдаем уже сегодня. Мы называем его новым индустриальным обществом второго поколения (НИО.2), естественное развитие которого предполагает переход в ноо стадию.

Безусловно, мир будет сопротивляться, бороться за свое существование, порождая мощные консервативные тренды, свидетелями чего мы являемся. При этом он пользуется инструментарием, на-

работанным технологическим прогрессом, т.е. уходящая система использует инструментарий нового технологического уклада. Данный инструментарий гораздо мощнее того, что применялся в предыдущих конфликтах переходных периодов. Эти инструменты – от сверхмощных энергетических ресурсов, ядерного оружия до химических, биологических, генетических, информационных, финансовых и прочих сверхсовременных технологий – создавались на предприятиях и в организациях различных направлений технологического развития. Соответственно, нерациональное разрешение конфликта в рамках перехода к новому мирохозяйственному укладу и новому общественному устройству может привести к катастрофическим последствиям, поскольку современный уровень технологий позволяет уничтожить все живое, включая инициаторов этого процесса [4].

Чтобы не допустить подобной ситуации, необходимо соответствующее развитие критериальной базы общественного пространства, знаний и установок для обеспечения рационального поведения людей, формирования элементов «нооповедения». Это – то, чего сегодня категорически не хватает, в чем человечество остро нуждается и где оно отстает от императивов времени. Именно в этой плоскости формируется основа грядущего конфликта, поскольку «глобальное человечество» не готово к разрешению упомянутого противоречия на бесконфликтной основе. Катализатором катастрофы может стать не прямое столкновение интересов, а любая не контролируемая человеком угроза, такая, как нынешняя пандемия коронавируса. Невозможность решать такие проблемы сообща, «всем миром», нежелание идти на компромиссы (хотя бы временные!) в геополитической борьбе может стать началом конца. В ситуации с пандемией определенные позитивные инициативы есть. Так, Россия обратилась с призывом объединиться в борьбе с коронавирусом, снять санкции и искусственные риски, создать «зеленые коридоры» хотя бы по тем направлениям, которые помогут в борьбе с эпидемией. В то же время некоторые страны, наоборот, рассчитывают получить от кризиса дополнительные геополитические и экономические выгоды.

Причины этого фундаментального конфликта – противоречие между новой объективной необходимостью солидарных глобальных действий и прежним геополитическим и рыночным эгоизмом госу-

дарств, капиталов, индивидов. Его корни связаны с противоречиями в культурном и технологическом развитии, с отставанием воспитательной составляющей в человеческом развитии от процесса познания и постижения человеком возможностей природных сил. Чтобы разрешить описываемый конфликт, необходимо прежде всего четко сформулировать его наличие и природу. Нужно перевести все это на язык *конфликта между стремительно развивающимся технологическим миром, знанием, врывающимся в нашу жизнь через технологии, с одной стороны, и отставанием в освоении (глобальном освоении и глобальном применении!) человеком других знаний (в сфере общекультурных и общечеловеческих ценностей, обеспечивающих естественное и осмысленное ограничение использования богатства вновь открывающихся технологий при разрешении противоречий) – с другой.*

Конечно, конфликт между стремительным развитием технологий, мира научных знаний и недостатком культуры и ценностей существовал всегда. Но, еще раз подчеркнем, *сегодня технологические возможности изменения мира и условий существования человека многократно больше, чем он может себе позволить при данном уровне своей культуры.*

В этом – риск нерационального разрешения базового конфликта нынешнего переходного этапа в развитии цивилизации, он – гораздо более высокого уровня, чем когда бы то ни было. Риски, сопровождавшие всю человеческую историю, не могли привести к гибели человечества, пока люди не получили технологии, позволяющие уничтожить мир одним нажатием кнопки.

Вывод об угрозе глобального уничтожения был сделан передовыми умами человечества практически сразу после появления ядерного оружия, что в 1950–1960-е гг. стало основой рождения интернационального движения «за мир во всем мире» [20]. В современных условиях информационные и генетические технологии, искусственный интеллект и т.п. создают новые риски, многократно усиливают возможность воздействия человека на состояние общества, природы, на самого себя. Налицо фундаментальное противоречие между технологическим развитием, с одной стороны, и общественным отношением и осознанием связанных с этим глобальных рисков – с другой.

Концепция ноономики [4] показывает возможный путь выхода из этой ловушки. Хорошо известно, что всякая теория поверяется

практикой. Если говорить о практическом случае реализации такой возможности, который дает любая социальная платформа, – она всегда проверяется тем, что мы либо уже имеем, либо видим, наблюдаем как некую тенденцию в процессе развития. В концепции ноономики мы имеем и то, и другое: эта теория построена полностью и на обобщении исторических трендов социального развития, и на анализе современных противоречий этого движения. Реальные события, наблюдаемые в последнее время, укладываются в рамки концепции ноономики, подтверждая ее положения, хотя эта теория создавалась не для того, чтобы описать будущее или показать один из его возможных сценариев. Она лишь указывает на тенденции и цель развития, равно как и пути достижения этой цели.

Отметим, что теория ноономики формировалась на протяжении более двух десятилетий. Сначала это были краткие тезисы [7, 8]; позже они оформились в серию книг и базовых статей [2–6, 13–16], в которых были сформулированы выводы, подтвержденные практикой общественных трансформаций последних лет. Мы не говорим, что эта модель позволяет предсказать, в какой день и час произойдет конфликт в той или иной точке социального пространства: фундаментальная наука, в принципе, не решает такие задачи, закон всемирного тяготения не дает ответа на вопрос, кто из нас и когда споткнется и упадет. Но в перечисленных работах показано, что закономерностью современной эпохи (начала перехода к НИО.2) является рост конфликтности во всех областях нашей жизни – экономической, социальной, геополитической; показано, что она захватывает сферу ценностных установок, сопровождается эскалацией военных, экологических и других конфликтов, протекающих в разнообразных, порой не виданных ранее формах. И жизнь подтвердила: все это продолжается, более того – усиливается.

Один из парадоксов этой ситуации состоит в том, что даже в условиях глобального кризиса, подобного нынешнему, мир поначалу внешне мало меняется. Но некоторые сдвиги, на которые указывает теория ноономики, заметны уже сейчас. Технологические изменения, массовый переход производства и социальных коммуникаций в онлайн-пространство влекут неотвратимые (пока не слишком очевидные) изменения в экономических и социальных отношениях, в институтах. И это подтверждает неоднократно описанный нами тренд,

который развивается в том числе сейчас, в наши дни, причем с существенной акселерацией и интенсификацией вследствие нашего конфликта с природой.

Меняются и будут меняться и другие аспекты социального бытия. Это касается, например, технологий доверия и, в целом, доверия в обществе: в условиях пандемии и изоляции мы вынуждены больше доверять друг другу и институтам, а современные технологии создают материальную базу для таких взаимодействий. Это говорит о некоторых сдвигах в сознании людей. Чем глубже такого рода конфликт, тем выше потребность в таких сдвигах. И эта потребность будет удовлетворяться за счет развития сферы знания, благодаря осознанию человеком своих истинных ценностей, своих человеческих особенностей, именно *человеческой* природы, что знаменует переход в пространство ноообщественных отношений.

Приведут ли эти сдвиги к глобальным изменениям? Очевидно – да, но не сразу. Они повысят темп таких изменений, позволят сделать определенный шаг, ускоряющий движение в сторону принятия человеком ноопринципов своего существования, развития «разумности» нашей жизни, «взросления» человека. Эти изменения будут происходить постепенно и по-разному – и в разных областях (геополитических, геоэкономических и т.п.), и в разных частях глобальной цивилизации. Они не выдадут готовую модель выхода из конфликта, не переведут весь мир за короткий срок в другое состояние, но ускорят (лишь ускорят!) такой переход.

Для этого есть ряд причин. И одна из главных – неготовность цивилизации к такому переходу. Несмотря на гигантские достижения НТП, позволяющего сегодня прокормить все население Земли, сверхэкспансия глобального финансового капитала, рост его влияния на мировую экономику приводят ко многим негативным последствиям, затрагивающим динамику и структуру мировой экономики [18–20]. Финансиализация интенсифицировала неравномерность темпов экономического и технологического развития разных стран и регионов, неоднородность их экономик и негомогенность общества. К переходу готовы в той или иной степени лишь отдельные зоны экономического развития и отдельные страты общества. В терминах мир-системного анализа [1, 9] к этому в значительной мере готовы страны ядра (Западная Европа, североамериканская зона,

Япония); в некоторой мере – ведущие страны полупериферии (например, Китай, но и он готов, скорее, технологически, чем социально); периферия по преимуществу не готова вовсе.

Однако движение должно быть более-менее общим, согласованным; оно не должно быть разнонаправленным либо разноскоростным, как это зачастую случалось ранее. Это – еще одна важнейшая особенность нынешнего перехода. Если раньше, к примеру, было естественно, что одни страны (Англия и др.) уже перешли в капитализм, а другие (Индия и большая часть Азии и Африки) жили при феодализме (что служило основой для их закабаления более передовыми по технологиям и социально-экономической организации социумами), то грядущий переход возможен только как единый для всего человечества. Этот процесс в некоторой мере сродни идее «мировой революции», проповедовавшейся классиками марксизма. При этом, если такая революция предполагала насильственное (читай – вооруженное) противостояние, то современный переход, совершаемый глобально, должен произойти ненасильственно, без крайних форм агрессии и борьбы.

Впрочем, заметим, что и современное «закабаление» возможно, хотя оно может происходить (и отчасти происходит) на новой технологической и институциональной основе. Однако с постепенным редуцированием роли капитала (в соответствии с концепцией ноономики), с его уходом с исторической арены современные инструменты и институты закабаления (к примеру, глобализация и ее игроки) не будут столь же эффективны и действенны, как те, что использовались в XIX–XX вв. Сейчас капитал ищет более изощренные формы «политики канонерок», прикрываясь фальшиво представляемыми ценностями (демократией, или глобальными ценностями, или либеральным контекстом и т.п.). Иными словами, пока происходит в основном неравномерное движение с мощными попытками мирового капитала продолжать традиционную политику, используя новые технологические и институциональные инструменты.

Однако, в отличие от этого (реакционного) процесса, обратные (прогрессивные) трансформации, обеспечивающие продвижение к новому технологическому и социально-экономическому устройству (к НИО.2 и далее – к ноономике и ноообщественному устройству), резко неравномерно идти не могут. Намерение лидеров технологи-

ческого развития первыми войти в НИО.2 и получить глобальное преимущество на длительный исторический период вряд ли реализуемо¹.

Напомним, что попытку «построить коммунизм в отдельно взятой стране» мир уже видел на примере СССР. Если мы внимательно отнесемся к истории вопроса, то вспомним, что первоначально марксистская концепция предполагала всемирное движение к коммунизму. Только потом, осознав реальность, «неготовность мира», СССР принял на вооружение тезис построения нового общественного устройства в отдельно взятой стране. Жизнь показала, что это нереализуемо, если иметь в виду общество, которое базируется на нооценностях и ноокритериальной базе общественного устройства. Если мы хотим продвигаться к новому этапу развития (а мы вынуждены будем это делать), то двигаться надо всем вместе. Впереди – длительный этап, глобальное насыщение общественных потребностей товарами, услугами и т.д. Этот сложный и небесконфликтный период будет сопровождать нас, вероятно, десятки лет, а может быть, и больше, в зависимости от темпов технологического развития и социального сознания.

Продолжая аналогию с попытками создания нового общества в СССР, где в середине XX в. господствовал лозунг «обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму», отметим, что на том историческом этапе так оно и было, по-иному и быть не могло. Это вытекало из фундаментальных закономерностей, о которых мы упоминали выше: 1) всегда есть конфликт старого с новым; 2) новый уклад всегда дает большие технологические возможности для более драматичного разрешения конфликта; 3) при этом общественное сознание (общечеловеческая культура, коды жизненных установок) недостаточно развито не только для бесконфликтного снятия противоречий, но даже для того, чтобы исключить наиболее разрушительные из имеющихся возможностей разрешения конфликта. Отсюда – «обострение по мере продвижения...».

¹ Более того, у этой медали есть и другая сторона: наиболее подвержены мировым потрясениям, в частности пандемии-2020, страны, более интенсивно включенные в глобализационные процессы [12, 13].

И сейчас мы, в принципе, находимся в сходной ситуации – на пороге глобальной развилки. Но – с гораздо более высоким уровнем технологий, с продвинутыми средствами как для драматического, так и для менее конфликтного разрешения нарастающих противоречий. И снова мы глобально отстаем в нооразвитии, хотя мыслящей частью человеческого общества для решения этой проблемы предложено много позитивного. Но в главном человек пока «недомысливает», не может он никак увериться, что открытые им коды культурного осознания общечеловеческих ценностей (не связанных с принципами «зоо»-поведения) есть истина – и истинный путь развития.

Если человечество сумеет эту ситуацию преодолеть «всем миром» (и только так!) в обозримой исторической перспективе, то для него откроется дорога к относительно бесконфликтному развитию по пути к новому индустриальному обществу следующего поколения. На ранних этапах оно тоже будет экономическим, но, решая иные, в иных критериях определенные, стратегические задачи, которым будет подчинено его развитие; этому же будут подчинены экономическая координация, трансформация отношений и институтов собственности, способы и формы удовлетворения потребностей, равно как их содержание и структура. Начнется продвижение в социальное пространство, лежащее по ту сторону собственно экономических отношений. Это будет экономика, постепенно переходящая к новому качеству общественного бытия, к чистому удовлетворению потребностей. Там будет другая жизнь, другое отношение к ценностям, в частности, ценности человеческой жизни будут стоять выше, чем экономические. Сегодня мы, декларируя такой приоритет (уже – декларируя, это важно: вербальное выражение, формулирование ценностей предшествует их реальному воплощению! Вспомним: «... вначале было слово...»), вынуждены считаться с экономической реальностью, которая диктует соответствующее поведение. И вот уже, несмотря на пандемию, начинают «во имя спасения экономики» работать заводы, учреждения, предприятия – с риском для жизни работников и потребителей.

Почему это происходит? Современная экономика есть инструмент удовлетворения нынешних потребностей людей, доставшийся нам в наследство от предшествующего общественного устройства. Если без наличия альтернативы не задействовать этот инструмент,

то произойдет разбалансировка механизма «добывания» и распределения общественного блага и удовлетворения потребностей. На практике это может обернуться не просто падением стоимости нефтяных фьючерсов на спекулятивных площадках или снижением ВВП, ростом безработицы и т.п., но истинными бедствиями – голодом, распространением болезней, смертью людей. Поэтому на данном историческом отрезке важной задачей является развитие экономики на самой передовой технологической основе с ориентацией на истинные нужды человека, с постепенным отказом от решения задач, диктуемых глобальным капиталом, и формированием альтернативной экономики НИО.2.

В качестве краткого отступления приведем пример, касающийся субординации экономических, социальных и духовных ценностей. В официальных документах зафиксировано, что Российская Федерация – это социальное государство. В социальном государстве экономика должна быть ориентирована на структуру общественных отношений, направленную на человека. Человек – это высшая ценность, человека надо развивать, повышать его культуру, его осознание себя как человека и т.д. Но для этого необходим материальный достаток, который даже при (разумном!) росте несимулятивных потребностей тем ближе, чем более продвинута технологически современная экономика. Именно поэтому стоит поддержать в целом позитивный тренд формирования задач развития российского общества, обозначившийся в последнее время в базовых документах властей России – развитие человека на основе повышения кондиций экономики с использованием современных прогрессивных и перспективных технологий.

Китай тоже строит «общество средней зажиточности», и здесь нет никакого противоречия между объявленными стратегическими «коммунистическими» идеологическими целями и избранной тактикой вкупе с современными «капиталистическими» экономическими инструментами. Китаю сначала надо сформировать условия, при которых все члены общества станут, как минимум, «среднезажиточными», имеющими «достаточный достаток»; получают гарантию на удовлетворение базовых потребностей, а потом – идти дальше, к удовлетворению более высоких потребностей. При этом формирование общественных потребностей более высокого уровня – в само-

развитии, творчестве, восприятии духовных ценностей и благ и т.п. – задача и стратегическая, и повседневная.

Идти по пути решения стратегической задачи – формирования новых общественных отношений, ноопотребностей – можно только через (1) удовлетворение не только в странах ядра, но и на полупериферии базовых потребностей на основе технологического прогресса и с использованием самых мощных имеющихся сегодня экономических инструментов вкупе с (2) подтягиванием периферии к уровню развитых стран.

И это надо делать не так, как в Советском Союзе, где воспитывали «нового человека» и призывали к духовному развитию, но не обеспечивали удовлетворение базовых материальных потребностей. Этот путь ведет в тупик. Человека нужно сначала избавить от постоянного опасения за нерешенность материальных проблем, «приучить» его жить в парадигме достатка и лишь затем постепенно продвигать его духовное, нооразвитие. Одно без другого (несмотря на многочисленные позитивные частные примеры) в глобальном масштабе невозможно.

Пока человек не решит задачи перехода к НИО.2, необходимо «всей цивилизацией» стремиться предотвратить срыв в пучину глобальной катастрофы. Попытка такого курса реализуется в России, где социально-экономическое развитие нацелено как на повышение материального благосостояния, так и на прогресс в сферах здравоохранения, образования и воспитания, культуры; на развитие взаимопонимания и доверия, а внешняя политика демонстрирует приверженность разрешению противоречий путем достижения договоренностей и компромиссов, а не вооруженного противостояния (что не противоречит задаче обеспечения защиты интересов страны при возникновении конфликта).

Этот курс не простой, он требует усилий, настойчивости и чреват постоянным противостоянием с глубоко «взевшимися» в ткань экономики представлениями, правилами, нормами и институтами. Особенно трудно его реализовывать в условиях пандемии. России важно найти баланс между двумя классами потребностей: 1) при нормальном экономическом состоянии – сохранение достатка людей, недопущение резкого снижения качества их жизни; 2) сохранение здоровья и жизни каждого конкретного человека.

Проблема нахождения этого баланса актуальна для всех стран мира. Более того, когда речь идет не о сегодняшней ситуации, а о том обществе, которое будет через многие десятки лет, необходимо понимать, что этот баланс всегда должен соединять повышение материального благосостояния человека и сохранение его как человека.

Достижение этого баланса, его «постижение» является предтечей продвижения к ноообществу, а предпосылками такого перехода являются развитие материального производства на новой технологической основе и развитие человека, способного быть его ноореципиентом. Отсюда – императивы реиндустриализации экономики, цифровизации, внедрения технологий нового уклада, инновационного развития экономики России, приоритетного развития материального производства и т.д. – при непременном продвижении к социально более высокоорганизованному обществу и гармоничному развитию личности.

Список литературы

1. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / С. Амин; пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. – М.: Европа, 2007.
2. Бодрунов С.Д. К вопросу о ноономике / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1 (59). – С. 4–8.
3. Бодрунов С.Д. Нооиндустриальное производство: шаг к неэкономическому развитию / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – №1 (55). – С. 5–16.
4. Бодрунов С.Д. Ноономика / С.Д. Бодрунов – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
5. Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 4. – С. 6–18.
6. Бодрунов С. Д. Нооразвитие, а не бездумный рост / С.Д. Бодрунов // Вольная экономика. – 2018. – № 6. – С. 13.
7. Бодрунов С.Д. Модернизация общественных институтов: базовая антикризисная стратегия России / С.Д. Бодрунов // Аэрокосмическое приборостроение России: сб. – Сер. 1. «Экономика авиаприборостроения». – Вып. 9. – СПб.: НААП, 2009. – С. 5–16.

8. Бодрунов С.Д. Модернизация России – политический лозунг дня / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2012. – №4 (34). – С. 4–12.

9. Валлерстайн И. После либерализма / И. Валлерстайн. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

10. Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов / С. Ю. Глазьев // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 2. – С. 15–32.

11. Гумилев Л. *Passionarium*. Теория пассионарности и этногенеза / Л. Гумилев. – М.: АСТ, 2016. – 936 с.

12. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения): сб. науч. тр. / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2017. – 606 с.

13. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. – Т. 2. Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения: сб. науч. тр. / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2018. – 672 с.

14. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. – Т. 3. Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества: сб. науч. тр. / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019. – 664 с.

15. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. – Т. 4. Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества: сб. науч. тр. / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020. – 422 с.

16. Мавродес С. Гипотеза финансиализации в марксизме: шаг вперед или ложный путь? / С. Мавродес // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 68–81.

17. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 5–9.

18. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России / В.Т. Рязанов. – М.: Экономика, 2016. – 695 с.

19. Сифакис-Капитанакис К. Новые факторы глобальных финансов и финансиализация капитализма / К. Сифакис-Капитанакис // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 82–93.

20. Файн Б. Финансиализация с марксистской точки зрения / Б. Файн // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 34–49.

21. Фриман А. Сумерки машинократического подхода: незаменимый труд и будущее производства / А. Фриман // Вопросы политической экономии. – 2016. – № 1. – С. 37–60.

22. Farzanegan M.R., Feizi M., Gholipour H.F. (2020). Globalization and Outbreak of COVID19: an Empirical Analysis. MAGKS Papers on Economics 202018, Philipps-Universitat Marburg, Faculty of Business Administration and Economics, Department of Economics (Volkswirtschaftliche Abteilung)

23. Sforza A., Steininger M. (2020). Globalization in the Time of COVID-19. CESifo Working Paper Series 8184, CESifo Group Munich.

24. Сайт Пагуошского движения ученых URL: <https://pugwash.org/1955/07/09/statementmanifesto/>.

Аганбегян А.Г.

доктор экономических наук, академик РАН, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Aganbегyan A.G.

Doctor of Econ. Sc., Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Policy of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Предложения по социально-экономическому развитию в современной кризисной обстановке¹

Suggestions on Socioeconomic Development in the Context of the Current Crisis

Аннотация. Дается оценка социально-экономической ситуации в России в условиях стагнации и коронавирусной пандемии. На основе анализа глубины кризиса определяются объемы и источники финансовых средств, необходимых для перехода к социально-экономическому росту. Подчеркивается приоритетность повышения доходов и платежеспособного спроса населения. Предлагаются стимулы и структурные реформы для возобновления экономического роста.

Abstract. Suggestions on socioeconomic development in the context of the current crisis. Based on his analysis of the depth of the crisis, the author

¹ Материал статьи опубликован в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 2 (64), 2020, с. 33–44).

determines the scope and sources of funding required for the transition to socioeconomic growth. The article emphasizes the importance of prioritizing an increase in public income and purchasing power and suggests stimuli and structural reforms that can help revive economic growth.

Ключевые слова: социально-экономическая ситуация, коронавирусная пандемия, глубина кризиса, стагнация, платежеспособный спрос, структурные реформы

Keywords: socioeconomic situation, coronavirus pandemic, depth of the crisis, stagnation, purchasing power, structural reforms

1. Оценка социально-экономической ситуации – переход от стагнации к структурному кризису

Коронавирусная пандемия в России возникла в марте 2020 г. – на два месяца позже, чем в Китае, и на месяц позже, чем в США и странах ЕС. На 4 мая число больных превысило 145 тысяч человек и в дальнейшем увеличивалось более чем на 10 тысяч в сутки.

Пандемия коронавируса приводит к тяжелым социально-экономическим последствиям: от 30 до 40% всех занятых в странах с пандемией не работают; безработица увеличивается в 2...4 раза; миллионы представителей малого бизнеса – на грани банкротства. Страны выделяют значительные средства на борьбу с коронавирусом и его последствиями.

Очевидно, что глубина социально-экономического спада в России в связи с коронавирусом будет выше, чем при кризисе 2008–2009 гг. Тогда под руководством премьер-министра В.В. Путина была подготовлена и одобрена Думой антикризисная программа, подкрепленная крупными финансовыми мерами. На борьбу с кризисом были потрачены финансовые ресурсы, оцененные в 10,9% ВВП, в том числе были использованы 211 млрд долларов из золотовалютных резервов, которые тогда составляли 597 млрд долларов. Эти средства пошли не только на дополнительное финансирование предприятий и организаций, но и на поддержание валютного курса.

Сегодня недостаточно учитывается, что 63% граждан России не имеют сбережений и счетов в банке, а 35% всех предприятий и орга-

низаций страны убыточны и не могли покрыть свои затраты до начала пандемии. Большая часть населения и треть всех предприятий и организаций не имеют средств на покрытие убытков от коронавируса, и льготы им не помогут. Тем более что 30% простаивающих предприятий отправили работников в неоплаченный отпуск. К тому же пособие по безработице в России крайне мало и не обеспечивает выживание семей, кормильцы которых лишены зарплаты.

В других странах пособия по безработице составляют обычно 60...65% от среднего заработка. В развитых государствах в связи с коронавирусной пандемией неработающим выплачивается 2/3 от зарплаты, если они числятся на работе, но вынуждены самоизолироваться. Нужно также учесть, что у нас пособия, всякого рода выплаты, льготы и отсрочки получить непросто. Для этого надо предоставить соответствующие справки, которые при самоизоляции трудно получить. Обследование показывает, что даже предоставленные возможности выживания не дошли до значительной части населения.

На наш взгляд, нужны срочные глобальные меры, чтобы смягчить удвоение безработицы, не допустить увеличения бедности в 1,5...2 раза и сокращения доходов населения до 10%.

Новый нефтегазовый кризис возник в начале марта, после отказа России заключить новое соглашение с Саудовской Аравией и странами ОПЕК по регулированию объемов добычи и экспорта нефти с целью поддержать цены на нефть, которые составляли 60...65 долларов за баррель. В ответ Саудовская Аравия и страны ОПЕК увеличили добычу и экспорт нефти, установив демпинговые цены. В короткий срок предложение нефти на рынке намного превысило спрос, и цены рухнули в 2–3 раза – в среднем до 20...30 долларов за баррель. К тому же в связи с распространением коронавирусной пандемии и замедлением развития экономики спрос на нефть (в том числе со стороны Китая) сократился примерно на 30%. Экспортные цены на природный газ при сокращении объема его экспорта снизились в 1,8 раза. Объем экспорта газа в первом квартале в стоимостном выражении уменьшился более чем в два раза. В результате нефтегазовая выручка пока снизилась на 1 трлн рублей.

В целом, цены на нефть и газ обеспечивали примерно 8,5 трлн рублей из 20 трлн доходной части российского федерального бюджета. Теперь доходы составят 4...4,5 трлн рублей. Их доля с 40...50%

в прошлом формировании доходов федерального бюджета снизится примерно до 20%. Нужно учесть и снижение объема добычи и экспорта нефти и газа в обозримой перспективе. К концу 2022 г. (по мнению ряда экспертов, к 2024 г.) цена на нефть Urals может подняться до 40 долларов за баррель. О цене 2019 г. (63,5 доллара за баррель) нам придется забыть.

Таким образом, Россия в основном освободится от «нефтегазовой иглы», но не благодаря замене в экспорте доли нефти и газа другими продуктами, а из-за снижения объемов и цен. Нефть и газ перестанут быть источником экономического роста, как это было в 1999–2008 гг., когда ВВП вырос на 90%, и половина прироста была связана с восьмикратным увеличением цен на нефть и газ и возрастающей добычей углеводородного сырья. В этих условиях нам нужны новые источники социально-экономического роста.

*2. Глубина кризиса в России и объем финансовых средств,
необходимый для перехода
к социально-экономическому росту*

По нашей оценке, в 2020 г. объем ВВП России уменьшится на 7...8%: на 50% из-за коронавирусной пандемии и на 50% из-за сокращения доходов от нефтегазового бизнеса.

Пандемия наиболее сильно повлияет на доходы и потребление населения, а снижение цен и объемов добычи нефти и газа – на снижение экономических показателей. При этом пандемия коронавируса наибольший урон нанесет в марте–августе, а возвращение к нормальной деятельности (особенно в сентябре–декабре) позитивно скажется на выходе из кризиса. А вот низкие цены на нефть – долгосрочный тренд. И хотя постепенно они восстановятся, потерянные доходы будут возмещаться очень медленно, в лучшем случае возместятся на треть до конца 2021 г. В итоге можно ожидать весьма продолжительного кризиса.

При выделении достаточных финансовых ресурсов на преодоление кризиса мы смогли бы в 2021 г. или в первой половине 2022 г. превзойти уровень 2019 г., а с 2023 г. устойчиво перейти сначала к 3...4%-ному социально-экономическому росту, а через несколько лет –

к 4...5%-ному ежегодному росту. Чтобы добиться подобных результатов, нужно разработать антикризисную программу с объемом финансирования в размере 15...20 трлн рублей на ближайшие 1,5–2 года.

Главные драйверы экономического роста в индустриальной стране, которой является Россия, – инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал, в его главную составляющую – сферу экономики знаний (включая НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение). Как известно, темпы социально-экономического роста зависят от доли указанных инвестиций и вложений в ВВП. В результате стагнации и снижения инвестиций доля последних в основной капитал у нас сократилась до 17%, а доля вложений в экономику знаний – до 14%. При таких параметрах экономический рост невозможен.

Основной капитал обеспечивает не менее 2/3 социально-экономического роста, и эта доля тем выше, чем значительно отстает материально-техническая база страны от таковой в развитых странах. Чтобы добиться социально-экономического роста, нам нужно долю инвестиций в основной капитал повысить хотя бы до 22...23%, а долю вложений в человеческий капитал (экономику знаний) – до 20%. Тогда мы сможем устойчиво увеличивать ВВП примерно на 3% в год. А если подтянуть долю указанных инвестиций и вложений в ВВП до 25%, то темп можно будет удержать на уровне 4%.

Возникает вопрос, *где взять столь значительные финансовые средства?* Нам нужны новые серьезные источники средств, прежде всего внутри страны, поскольку из-за санкций нам ограничен доступ на мировой финансовый рынок.

Первый и главный источник средств – *банковские активы* (главный «денежный мешок» страны), которые в 2019 г. составляли 96 трлн рублей при ВВП 110 млрд рублей. Из этих средств на инвестиции в основной капитал в виде инвестиционного кредита ежегодно выделяется 1,5 трлн рублей. Половина этих средств приходится на иностранные банки в России, которые финансируют свои иностранные предприятия. И только 700 млрд рублей составляет инвестиционный кредит в основной капитал отечественных банков. Доля банковских инвестиций в основной капитал составляет 8% в общих инвестициях. Можно сказать – самая низкая в мире; в развивающихся странах – 20...25%, а в развитых – 40...50%. В США, где длинные деньги форми-

руются в избытке и на огромных фондовых биржах, и в виде накопительных пенсий, и в виде страховых фондов, а также так называемых mutual funds, 42% всех инвестиций составляют долговременный банковский кредит. В Германии инвестиционный кредит банков в основной капитал – 53% от всех инвестиций.

Объем инвестиционного банковского кредита в основной капитал следовало бы увеличить вначале втрое, а через несколько лет – ещё в 1,5–2 раза. Столь крупные взносы нужны, чтобы начать массовое техническое перевооружение действующего производства, а также удвоить и утроить долю слаборазвитых (пока) высокотехнологичных отраслей (электроники и приборостроения, производства самолетов, кораблей, изделий атомной и космической промышленности, фармацевтики, современной, прежде всего синтетической, химии и др.). Эти средства нужны и на перестройку нашей транспортно-логистической инфраструктуры – переход на строительство автострад, скоростных железных дорог, крупных логистических центров, портов, аэропортов. Нам предстоит удвоить размеры инвестиций и в жилищное строительство, чтобы как можно быстрее выполнить задания Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. о ежегодном улучшении жилищных условий не менее чем 5 млн человек при ежегодном вводе нового жилья в 2024 г. 120 млн м² (2019 г. – около 80 млн м²).

Инвестиционный кредит имеет преимущество перед другими формами инвестирования благодаря своей целенаправленности, возвратности, повышенной роли коммерческих банков (с их высококвалифицированными коллективами) в оказании помощи предприятиям. Инвестиционные банки должны участвовать в переговорах с производителями оборудования для инвестиционных проектов, следя за выполнением обязательств производителей и переводя деньги сразу на их счета. То же самое относится и к взаимоотношениям со строителями и т.д. Естественно, это инвестиционное кредитование в основном должно быть построено на принципах проектного финансирования, без залоговых сумм. Во многих случаях таким образом будут кредитоваться проекты государственной, федеральной или региональной значимости под гарантии федеральных или региональных органов для банков.

Ключевую роль будет играть использование долговременного низкопроцентного кредитования граждан для получения ими профессио-

нального образования при государственных гарантиях, поскольку во многих случаях профессиональное образование платное. Это позволит способным и мотивированным людям для приобретения высокой квалификации получить качественное образование в лучших учебных заведениях, пройти стажировки на лучших предприятиях России и за рубежом. Речь идет обо всех видах профессионального образования – от подготовки квалифицированных рабочих до получения высшего образования (и дополнительного к высшему), в том числе для программистов или специалистов по информационным технологиям (потребность в которых у нас кратно больше, чем мы имеем), для аспирантов и даже докторантов. Лица, получающие профобразование, естественно, будут иметь более высокую зарплату, а следовательно, источник средств для возмещения кредита, особенно если он будет предоставляться на 10...15 лет в беспроцентном виде для отдельных важных для государства категорий либо по трехпроцентной ставке. Такое решение сыграет важную социальную роль – его реализация позволит нивелировать социальное неравенство, проявляющееся в различном доступе к образованию для бедных и богатых.

Такая практика распространена во многих странах. У нас тоже есть опыт кредитования образования. В частности, Сбербанк выдал на эти цели более 500 млн рублей. Если это делать всерьез, то масштабы кредитования должны измеряться не миллионами, а триллионами рублей, поскольку в таком образовании ежегодно нуждаются сотни тысяч граждан.

Другой важнейший источник средств – наши золотовалютные резервы, которые составляют около 570 млрд долларов. Около 150 млрд долларов составляет Фонд национального благосостояния. Но взаимнообразно на проекты с 5...10-летней окупаемостью может быть потрачено ещё 100 млрд долларов при использовании по 15...20 млрд долларов в год. Оставшихся 300 млрд вполне достаточно для обеспечения безопасности нашей финансовой системы.

Третий источник – *средства предприятий и организаций*, которые сегодня формируют 60% инвестиций – немного больше половины за счет амортизационного фонда и немного меньше за счет прибыли. Из 14-триллионной прибыли предприятий в 2019 г. на инвестиции было потрачено около 5 триллионов. Если отменить налогообложение с прибыли на ту часть, которая направляется на инвестиции в

основной капитал, то предприятие не станет скрывать значительную часть своей прибыли, переводя ее в издержки, а будет заинтересовано в использовании этих средств как инвестиций. Прибавка может составить, как минимум, 1 трлн рублей. Одновременно нужно в 1,5–2 раза сократить сроки амортизации, как это сделал Рейган в своей программе «рейганомика», и ввести правила ускоренной амортизации. Тогда амортизационный фонд увеличится, что может дать прибавку инвестиций в размере 1 трлн рублей.

Четвертый источник дополнительных инвестиций – *приватизация части государственной собственности*, которая не выполняет государственные задачи, а используется только для коммерческих целей. Надо продолжить реформу приватизации РЖД, начать приватизацию Роснефти, Газпрома, крайне неэффективных хозяйственных организаций, занимающихся больше самообогащением, нежели выполнением госзадач. Примером может служить Москва, где с приходом нового мэра были приватизированы и Банк Москвы, и аэропорт «Внуково», и ещё многие объекты, позволившие получить дополнительно триллионные доходы.

Пятый источник – *возможность в ближайшее время печатать по 3–4 трлн рублей ежегодно*, что вряд ли вызовет заметную инфляцию, которая в России во многом носит немонетарный характер. Возможность этого связана со значительным замедлением скорости обращения денег в связи с самоизоляцией из-за коронавирусной пандемии и возникающим кризисом при снижении доходов населения.

Шестой новый источник – *крупный облигационный заем для населения*, готового на льготных условиях приобрести жилье, легковые автомобили, гараж, участок земли и т.д. Приобретатель займа в необходимых размерах в течение ряда лет сможет приобрести квартиру с предоставлением ему банковского займа по сниженной процентной ставке и на льготных условиях, например, с понижением цены за жилье на 20% и более. Эти заемные деньги сразу станут источником дополнительного инвестирования строительства жилья, которое в этом нуждается, по низкой процентной ставке. И со стройорганизациями будет заключен контракт: мы вам – инвестиции по низкой ставке за счет средств облигационного займа, а вы через 2, 3, 4 года предоставляете под эти суммы квартиры со скидкой. Для строителей это может быть выгоднее, чем отмененное софинансирование гражд-

данами жилищного строительства с предоставлением им жилья со скидками 15...20%. Так же можно поступить и с инвестициями в автомобильную промышленность, в подготовку земельных участков для продажи и т.д.

Очевидный путь мобилизации дополнительных средств – *переход к дефицитному бюджету*. Как известно, дефицитные бюджеты имеют большинство стран мира, и это правильно. Бездефицитный бюджет – это, как добровольный отказ предприятий от банковских кредитов. Важно тратить этот дефицит на окупаемые проекты, чтобы его возместить.

Если этих, на мой взгляд, вполне достаточных инвестиций окажется мало, то можно прибегнуть к *дополнительным займам государства* при увеличении крайне низкого внешнего и внутреннего долга, составляющего у нас меньше 15%. Его можно повысить, скажем, до 40% (нормативно безопасным считается долг в 60%). Для сравнения: европейские страны только внешних государственных долгов набрали около 90% от ВВП, а сейчас наберут ещё. США имеют 120% только внешнеэкономического долга, который они собираются нарастить в связи с антикризисными мерами. А если взять общий долг (внешний и внутренний), то на сегодня долг Японии – 250% ВВП (при наличии 1 трлн долларов золотовалютных запасов), а у Китая – 257% (при наличии более 3 трлн долларов золотовалютного резерва).

Крайне важно эти займы государства использовать под окупаемые проекты, обеспечив гарантированность возврата этих долгов. Государство может получить такие заемные средства из золотовалютных резервов отдельных держав, от крупных инвестиционных фирм, крупнейших банков. При этом наше государство имеет хорошую репутацию, ибо новая Россия рассчитывалась по своим долгам в основном досрочно и в полном объеме.

3. Первоочередная задача – поднять доходы и потребление населения, вернуть растущий платежеспособный спрос

Эту задачу, естественно, надо рассматривать вместе с мерами по переходу к социально-экономическому росту, который невозможен

без повышения доходов и платежеспособного спроса. Приоритетным здесь является *предотвращение значительного роста бедности населения* в период кризиса, а затем двукратное сокращение бедности в соответствии с задачей, поставленной в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. Очень важно также *подтягивание доходов среднего класса*, который существенно обеднел в условиях стагнации и потеряет много доходов в связи с кризисом. Эксперты оценивают долю среднего класса населения в России в 10...20%. При этом около 10% населения отвечает всем требованиям среднего класса, а 20% соответствует большей части критериев. Именно эти две группы населения (бедных и среднего класса) являются главными потребителями отечественной продукции. Богатые семьи больше ориентируются на зарубежные товары и услуги...

Главным инструментом для повышения доходов населения может стать увеличение устанавливаемого государством *минимума заработной платы*. Подняв зарплату, скажем, осенью 2020 г., можно резко улучшить жизнь примерно 40% населения, чьи доходы значительно сокращаются в период пандемии. Повышение минимума заработной платы в России с 12,1 до 20 тыс. рублей в месяц вынудит предприятия и организации повысить зарплату смежных групп населения (особенно группы с доходом в 20...30 тыс. рублей), чтобы избежать уравниловки.

Первоочередное повышение минимальной заработной платы (включая заработки, примыкающие к минимальным) позволит существенно сократить бедность (ведь 65% бедного населения России – работающие люди). Это даст возможность сократить социальное неравенство в доходах. В России, как известно, средний душевой доход 10% богатого и зажиточного населения России составляет около 100 тыс. рублей в месяц, а 10% бедного – около 6 тысяч. Разница – 15,5 раза. В Западной Европе эта разница находится в пределах 10 раз, а в странах социально-демократической ориентации, Японии и даже Казахстане – 5–6 раз. Надо поставить задачу – снизить эту разницу к 2025 г. хотя бы до 10 раз, а к 2030 г. – до 5 раз. Кстати, в СССР она составляла три раза и увеличилась к 1990 г. до четырех раз.

На реализацию предложений, связанных с повышением минимального размера оплаты труда, необходимо до 8 трлн рублей, из них 5 трлн рублей для своих работников могут оплатить из собствен-

ных средств крупные предприятия и организации. Есть ли у них для этого ресурсы? Да, есть. По имеющимся данным, за два последних года (2018–2019 гг.) их сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) увеличился на 72%, а заработные платы работников и инвестиции – менее чем на 20%. При этом более чем в 1,5 раза выросли предпринимательские доходы указанных предприятий и организаций, на их счетах в отечественных банках аккумулировано более 30 трлн рублей, не считая сотен млрд долларов в офшорах и зарубежных банках. На них приходится 60% численности работников, у которых повышается минимальная заработная плата, и они в состоянии профинансировать ее повышение. Тогда на долю государственных средств придется три трлн рублей, которые будут израсходованы на повышение заработных плат сотрудников бюджетной сферы, работников убыточных предприятий и организаций, а также части предприятий малого и среднего бизнеса.

В связи с высоким ростом безработицы из-за пандемии Covid-19 крайне важно поднять размер пособия по безработице до 60% от заработка, но не выше 30 тыс. рублей в месяц. При этом с учетом ограничений следует организовать получение этих выплат на заявительной основе. Все данные для этого у государственных органов есть – в рамках «электронного государства» создана и налажена система электронного межведомственного взаимодействия. Подключение ее возможностей позволит без бюрократической волокиты оперативно поддержать материально людей, потерявших работу.

Перейдем к *пенсионному обеспечению*. Наиболее массовая и обездоленная часть населения страны – 46 млн пенсионеров, жизнь которых ухудшается в связи с ежегодным повышением возраста выхода на пенсию. Россия – одна из немногих стран, где средняя ожидаемая продолжительность *здоровой жизни* мужчин (61 год) намного ниже нового возраста выхода на пенсию – 65 лет. В западноевропейских странах показатель продолжительности *здоровой жизни* мужчин составляет 72–73 года при максимально высоком возрасте выхода на пенсию в отдельных странах в 67 лет. Поэтому важно, скажем, в 2021 г. (а не в 2024 г., как предусмотрено) повысить средний размер пенсий по старости с 14 до 20 тыс. рублей с соответствующим увеличением пенсий по инвалидности и другим социальным причинам. На реализацию этого предложения потребуется около 3 трлн ру-

блей. Одновременно надо предоставить возможность людям, которые по здоровью или из-за трудностей с устройством на работу остаются без дохода, выходить на пенсию в 55 лет (женщинам) и в 60 лет (мужчинам) с предоставлением им пенсий существующего уровня, т.е. без учета предлагаемого повышения. В большинстве стран досрочный выход на пенсию с пониженной пенсией – обычная практика. Например, в Германии большинство людей выходят на пенсию за 2–3 года до официального пенсионного возраста, когда размер государственной пенсии наибольший.

Во вторую относительно бедную группу населения входит *значительная часть семей, проживающих в сельской местности и малых городах* (до 50 тыс. человек). Это почти 60 млн человек, чьи средние доходы составляют около 15 тыс. рублей на душу (менее 50 % от среднего показателя по России) и только $\frac{1}{3}$ от душевого дохода в крупных городах. На наш взгляд, следует разработать программу приоритетного повышения доходов этих семей (по 6–7% в год). Частично это повышение автоматически произойдет, если принять предложения по увеличению минимума заработной платы и пенсий. Вместе с тем главное – увеличение доходов за счет создания условий на селе для форсированного развития производства сельхозпродукции, ее переработки и продажи по линии потребкооперативов, объединяющих фермерские хозяйства. На создание потребкооперативов, оказание помощи фермерам и наиболее активным семьям из личного подсобного хозяйства потребуется до двух трлн рублей и предоставление 3%-ного займа (до трех трлн рублей). Ассоциация «Федеральный сельсовет» разработала конкретные предложения по этим вопросам.

Важнейшее дело – *снижение налогов с бедных семей*. Когда в России начнется ощутимый социально-экономический рост, например в 2023–2024 гг., можно провести реформу подоходного налога с граждан. Целесообразно полностью отменить этот налог с месячной зарплаты (дохода) до 30 тыс. рублей, а дальше на каждые 50 тысяч дополнительной месячной зарплаты (дохода) вводить повышенный налог на добавочную часть. При доходах от 30 до 80 тыс. рублей в месяц будет уплачиваться 13%, а с дополнительных 50 тысяч – вначале 20%, а потом – 25 и 30%. Для лиц, на иждивении которых находятся дети, размер налога снижается в размере прожиточного минимума

на каждого ребенка. В итоге повышенные налоги на богатых покроют расходы бюджета по отмене налогов для бедных.

Одновременно с повышением налогов на относительно высокие зарплаты (доходы) следует предоставить налоговые льготы при расходах на образование, здравоохранение и благотворительность. Нужно стимулировать вложение части зарплаты (доходов) на банковские счета, в совместные фонды, на накопительные пенсии, приобретение акций, облигаций и т.д. – на то, что может использоваться для долгосрочных вложений в основной капитал и в человеческий капитал, т. е. на экономический рост. Таким образом люди получают возможность разбогатеть, вкладывая все больше средств в социально-экономическое развитие страны.

Цель предлагаемых мер – повысить доходы бедных, сохранить и приумножить средний класс, который с каждым годом должен жить лучше, и заставить доходы богатых (в большей мере, чем сегодня) работать на социально-экономический рост страны.

4. Программы, стимулы и структурные реформы для возобновления социально-экономического роста

Главной мерой по коренному улучшению системы управления является, на наш взгляд, *перевод страны на пятилетнее и годовое планирование*, которое должно быть преобразовано применительно к новой экономической системе в России. Благодаря такому планированию Франция и Япония быстро восстановились после войны, а Южная Корея, будучи отсталой страной, в короткий срок стала передовой. Весьма ценным может оказаться и опыт Китая, который реализует сейчас 13-й пятилетний план с годовой разбивкой.

Именно отсутствие целенаправленного плана, прежде всего единой инвестиционной программы как его важнейшей части, разрозненные действия госорганов и ЦБ привели к стагнации в России. В течение трех лет (2013–2015 гг.) все инвестиции, контролируемые государством, сократились в среднем на 25% (и бюджетные, и инвестиции крупных корпораций, контролируемых государством, и инвестиционный кредит госбанков), в том числе государственные инвестиции (это – часть инвестиций, контролируемых государством)

упали на 31%. Это усугубило возникшую стагнацию и перевело в ее рецессию.

При наличии государственного плана и росте доходов предприятий и организаций страны в 2015–2016 гг. было бы невозможным сокращение реальных доходов, розничного товарооборота и конечного потребления домашних хозяйств на 10...15%, в то время как экономика сократилась менее чем на 3 %, а промышленность, сельское хозяйство и транспорт даже выросли. Только отсутствием плана можно объяснить систематическое сокращение доли образования в валовом внутреннем продукте с 2008 г. почти на 15%. В 2013–2015 гг. рост номинальной зарплаты из года в год сокращался, а потребительские цены выросли с 6,8 до 15,5% за год, как и прибыли предприятий и организаций. В результате реальная зарплата за один 2015 г. снизилась на 9,5%, зато предпринимательские доходы богатых и акционерные выплаты выросли. При плановой системе этого не может быть, потому что всегда планируется пропорциональный рост экономических и социальных показателей, прибыли предприятий и зарплаты. Невозможно, чтобы, как в 2018 г., прибыль минус убыток предприятий выросли на 46,6%, а номинальная зарплата – на 11%. При наличии плана было бы невозможно с 2015 г., когда мы вводили 85 млн м2 жилья, при преодолении рецессии и росте ВВП на 5% за 2017 и 2018 гг. сократить ввод жилья на 10 млн м2 при задании его нарастить в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. Такие примеры можно приводить без конца.

Важнейшим разделом плана должен стать план научно-технологического развития с конкретными целевыми показателями и выделенным для них финансированием при программно-целевом управлении. По каждому ключевому технологическому направлению должны быть головной научно-производственный комплекс, научный руководитель и реализующее этот проект агентство.

В области технологического перевооружения производства нужно в первую очередь заняться машиностроением, чтобы осуществлять перевооружение народного хозяйства в значительной мере на собственной материально-технологической базе, а не за счет преобладающего здесь импорта. Приоритеты – развитие информационно-коммуникационных технологий, прежде всего производство современных полупроводников и компьютерной техники; биотехнологии с фармацевти-

кой на ее базе и высокотехнологичной химии, в первую очередь производство и использование современных синтетических материалов.

Решающую роль в финансировании этих программ могут сыграть долгосрочные низкопроцентные инвестиционные кредиты наших банков. *Центральный банк* должен превратиться в банк социально-экономического развития и подчинить свою деятельность именно этой задаче.

Необходимо создать новую современную техническую базу экономики со средним износом основных фондов 25...30% (в настоящее время – около 50%) и средним сроком службы машин и оборудования 7–8 лет (сегодня 15 лет), как в самых передовых странах.

В то же время с каждым годом будет возрастать роль *человеческого капитала* – экономики знаний как источника социально-экономического роста. Эта сфера у нас резко отстает. В науку мы вкладываем около 1% ВВП против 2–3% в Китае и развитых странах; в образование – около 5% в сравнении с 8% в передовых странах. По финансированию образования по доле расходов в ВВП на эти цели Россия занимает 120-е место среди 200 стран мира. Доля информационно-коммуникационных технологий в ВВП у нас 3,9% против 11% в США и 10% в Китае. В Указе Президента поставлена задача в три раза увеличить эту долю. Следовало бы финансирование науки в России довести до 2,5% к 2025 г. и 3% к 2030 г. (как было в СССР). Соответственно предстоит увеличить долю затрат на образование до 8% к 2025 г. и 12 % к 2030 г. (в конце 1950-х – начале 1960-х гг., когда по международным рейтингам наше образование занимало 3-е место в мире, мы тратили на него 11% национального дохода).

На *здравоохранение* Россия направляет около 5% ВВП против 10% в Европе и 17% в США. По финансированию здравоохранения по доле его расхода в ВВП Россия занимает 140-е место среди 200 стран. По уровню смертности на 100 тысяч человек (для населения трудоспособного возраста) в России показатель втрое выше, чем в развитых странах, а по сердечно-сосудистым заболеваниям – вчетверо выше. По уровню экономического развития Россия занимает 45-е место среди 150 стран мира, по средней ожидаемой продолжительности жизни – 90-е, а по качеству здоровья населения – 119-е (оценка ВОЗ). Следует поднять расходы на здравоохранение в ВВП до 9% к 2025 г. и до 12% к 2030 г. Этот вопрос особенно актуален в свете

коронавирусной пандемии, в ходе которой мы убедились в огромных возможностях нашей страны.

Экономика знаний в России, доля которой в ВВП составляет 14%, должна ускоренно развиваться и достичь 25%-ной доли к 2025 г. и, как минимум, 30%-ной – к 2030 г.

Самое важное – *создать условия для перехода к форсированному росту инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал для подъема экономики на базе технического перевооружения.*

Ключевую ставку Центрального банка надо за два года снизить до 3–4%, а главное – привести реальные процентные ставки кредитования бизнеса и населения в соответствие с размерами этой ключевой ставки. Нужны серьезные стимулы, чтобы побудить банк в крупных размерах использовать инвестиционный кредит. Для этого им нужно возмещать пониженные ставки за счет государственных средств, установить льготы и приоритеты для банков, которые занимаются этим жизненно важным делом. С другой стороны, важно заинтересовать предприятия в массовом использовании низкопроцентных кредитов и за счет этих средств осуществить технологическое перевооружение.

Ещё раз подчеркнем, крайне важен массовый небюрократизированный *переход к беззалоговому проектному финансированию*. По значимым объектам государство и регионы должны давать банкам госгарантии по возврату кредитов и осуществлять всемерную помощь соответствующим предприятиям и организациям.

Нам надо *перестраивать всю структуру экономики*: резко снизить долю добывающих отраслей, повысить глубину переработки сырья и материалов, развивать безотходное производство, ввести жесткую экономию и четкий курс на повышение эффективности использования труда, капвложений, энергии, сырья и материалов. Курс на технологическое перевооружение преобразует шаг за шагом структуру экономики, делает ее современной. Труднее изменить структуру экспорта, поднять долю готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, увеличить удельный вес продукции и услуг высокотехнологичных отраслей.

Для этого нужно создать соответствующие стимулы, беря пример с Индии, которая, приняв постановление о стимулировании экспорта, добилась его трехкратного увеличения во многом за счет ставки на

экспорт информационных услуг и массовой разработки востребованной США и другими развитыми странами математических программ.

Индия экспортирует их на сумму более 120 млрд долларов в год, уступая только США. Она нарастила число программистов до 3 млн человек, создала 8-миллионный город Бангалор – центр IT.

На пути массового инвестирования и экономического роста будут возникать многочисленные препятствия. Многие организации, органы власти на местах будут стараться использовать часть крупных выделяемых средств на другие, более близкие цели. Поэтому нужны *институциональные меры*, например, против удорожания земли, если по ней прокладывается трасса; повышения цен и желания взять дополнительные средства на инфраструктуру при массовом жилищном строительстве и т.д. Для создания мощных стимулов и устранения препятствий для социально-экономического развития необходимы *структурные реформы*.

В первую очередь целесообразно провести *реформу собственности* – провозгласить частную собственность священной и неприкосновенной. За сохранение и преумножение этой собственности должны нести ответственность все государственные структуры, в том числе силовые ведомства (как в других рыночных странах). При нанесении ущерба частному сектору все структуры несут персональную и финансовую ответственность, возмещая убытки в кратном размере (часть полученных средств может поступать в бюджет). Необходимы массовая приватизация и сокращение доли предприятий и организаций, контролируемых государством, в создании ВВП с 71% хотя бы до 45%.

Другая важнейшая реформа – *финансовая*, в первую очередь *реформа банковской системы*. На протяжении нескольких лет почти не растут объемы кредитования предприятий и организаций, не говоря уж об инвестиционном кредитовании, которое находится в заго-не. Как известно, ЦБ должен руководить внебанковскими финансовыми организациями, связанными с фондовым рынком, страховыми, пенсионными, совместными фондами и т.д. В других странах эти фонды играют огромную роль в развитии экономики, поскольку там формируются длинные деньги, черпаются инвестиции и другие долговременные вложения. Почти во всех развитых странах эти внебанковские фонды в целом превышают валовой продукт. В США они

в разы больше даже банковских активов. В России этот сегмент финансового рынка не развит, что лишает нас длинных денег. В этой связи целесообразно снять с Центробанка функции мегарегулятора и выделить специализированное агентство или иной орган, который будет регулировать этот важнейший сегмент финансового рынка.

Третье важнейшее направление структурных реформ – *перевод большинства субъектов Федерации на самокупаемость, самофинансирование и самоуправление*. На примере борьбы с коронавирусной эпидемией мы ещё раз убедились, что нельзя из Москвы управлять серьезным делом на всей территории России, что регионы находятся в совершенно других условиях, чем Москва. И вникнуть во все эти условия из Москвы, когда этих регионов 85, невозможно. Поэтому, когда нас прижало с коронавирусом, мы вынуждены были предоставить регионам большую самостоятельность – право самим решать, вводить карантин (и насколько жесткий) или нет, вводить пропуск для автомобилей или нет, закрывать предприятия или нет и т.д.

Чтобы обеспечить в России социально-экономическое развитие, нужны мощные стимулы для каждого региона. И первый шаг – это перевод большинства субъектов Федерации на самокупаемость, самофинансирование и самоуправление.

Второй шаг касается административно-экономического деления России. Сегодня существует 85 совершенно несопоставимых субъектов Федерации, некоторые из которых, в принципе, не могут быть самокупаемыми. Эта система, введенная в 1926 г., с мелкими поправками дожила до сегодняшнего дня. Ее нужно заменить новой продуманной системой, с крупными не только автономными республиками, но и губерниями с серьезными правами.

Конечно, в регулировании нуждается многое и в социальной системе России – в образовании, здравоохранении, жилищно-коммунальном хозяйстве с его приватизацией и в пенсионном обеспечении. Но эти структурные реформы надо начинать, когда будет налажен устойчивый экономический рост, люди почувствуют реальное улучшение своей жизни, сокращение социального неравенства, более полное осуществление справедливости и свободы.

Бузгалин А.В.,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: 0000-0003-3923-8385

Buzgalin A.V.,

Doctor of Econ. Sc., Professor, Professor of the Department of Political Economy at the Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University, Director of the Center for Modern Marxist Studies at the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher at Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3923-8385

Колганов А.И.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований ИЭ РАН

Kolganov A.I.,

Doctor of Econ. Sc., Professor, Head of the Laboratory on Comparative Studies of Socio-Economic Systems at the Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher at Center for Methodological and Historical and Economic Research at Institute of Economy, Russian Academy of Science

**Трансформации
социально-экономических отношений
в условиях пандемии:
рынок, собственность, доходы¹**

**Transformation
of Socio-economic Relations
in a Pandemic: Market, Property, Income**

Аннотация. В тексте показаны изменения в социально-экономических отношениях, вызванные вирусом Ковид-19 и касающиеся трансформации отношений рынка, собственности, а также связанные с новыми импульсами перераспределения доходов и трансформации в системе ценностей. Предлагается ряд мер в области экономической политики и реформирования институтов, направленных на выработку оптимальной стратегии выхода из кризиса.

Abstract. The text shows the changes in socio-economic relations caused by the Covid-19 virus and related to the transformation of market relations, property, as well as associated with new impulses of income redistribution and transformation in the value system. A number of measures in the field of economic policy and reform of institutions are proposed, aimed at developing an optimal strategy for overcoming the crisis.

Ключевые слова: кризис, пандемия, коронавирус, рынок, собственность, государство, справедливость, политическая экономия

Keywords: crisis, pandemic, coronavirus, market, property, state, justice, political economy.

Изменения, связанные с массовым распространением вируса COVID-19, еще не в полной мере очевидны. Не ясны и сценарии развития этой масштабной проблемы. Но первые выводы о ситуации накануне пандемии, причинах и проблемах социально-экономической ситуации, складывающейся в мире и в России в ее результате, уже можно сделать.

¹ Текст основан на публикации: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рынок и собственность: социально-экономические уроки пандемии // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 145–157.

1. Мировой кризис: признаки

Мы в этом материале предлагаем читателю политико-экономический взгляд на проблему, исходя из методологии и теории, развиваемых в рамках Постсоветской школы критического марксизма. Основные реперные точки нашего подхода коротко можно обозначить следующим образом.

Во-первых, обращение в первую очередь к анализу объективных производственных отношений и их противоречий. В частности, проблем, обозначаемых в современной литературе как соотношение плана и рынка, общественной и частной собственности, распределение богатства и доходов между различными социальными слоями и меры неравенства и др.

Во-вторых, исследование интересов основных социально-экономических страт, формируемых данной системой производственных отношений, плюс проявлений этих интересов в сфере экономической политики. В последнем случае политэкономы, анализируя те или иные меры, предлагаемые правительством, правящей партией или оппозицией, задают вопрос: *cui prodest*?

Наконец, в-третьих, политико-экономический подход предполагает акцент не на количественных аспектах экономического роста, а на качественных моментах, на содержании отношений воспроизводства. Последнее, в частности, предполагает основное внимание к воспроизводству производственных отношений и его результатам – типу и качеству технологического базиса, мере прогресса человеческих качеств, продвижению по пути снятия социальных и экологических противоречий и т.д.

Все эти аспекты (в особенности второй и третий) выделяются не только в рамках представляемого нами направления, но мы именно их акцентируем.

А теперь к нашей теме – социально-экономическим проблемам пандемии.

Первые признаки надвигающегося нового **мирового социально-экономического кризиса** стали заметны еще до того, как пандемия заявила о себе в полную силу. Практически весь 2019 год прошел под знаком дискуссии о том, придет ли кризис, и если да, то когда. Предлагались разные варианты ответа – от оптимистического подхода,

утверждавшего неисчерпанность господствующей либеральной модели и опасность попыток перехода к новой версии социал-демократической трансформации экономики (см. (Executive Office of the President, 2019)), до апокалиптических построений. Большинство сходилось на констатации стагнации и квалификации ее как «новой нормальности», но были и иные оценки, показывавшие пределы неолиберальной модели и варианты ее трансформации либо по пути новой социализации, либо в направлении консервативного либерализма (см., например (Бузгалин, 2018)). Впрочем, к концу года появились гораздо более жесткие прогнозы, и в январе 2020 года, буквально накануне нынешнего спада, директор распорядитель МВФ Кристина Георгиева заявила, что ситуация в мировой экономике напоминает канун Великой депрессии 1929–1933 годов (IMF, 2020).

О кризисе как таковом стали говорить только в начале марта, когда обвал цен на нефть и падения биржевых индексов стали очевидными свидетельствами начинающегося кризиса (см. рис. 1 и рис. 2).

Oil price in 2020

Brent crude, US dollars per barrel

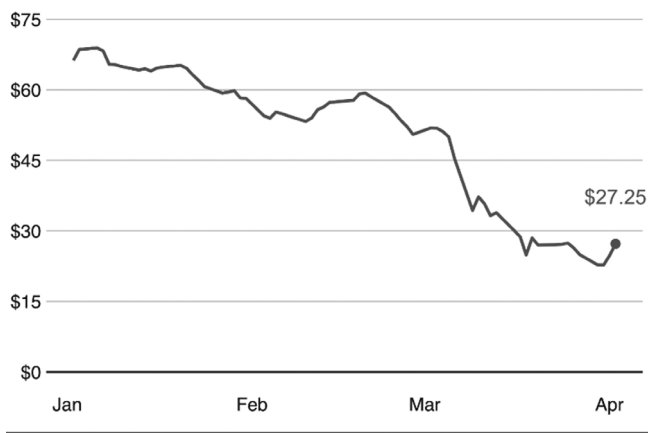

рис. 1. Динамика цены на нефть марки Brent, долларов США за баррель

Источник: Coronavirus: Oil prices surge on hopes of a price war truce // BBC News, 2 April 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/business-52115442> (access time: April 18, 2020)

Trumping the Dow

Dow Jones Industrial Average

from President Trump's inauguration to close on March 18, 2020

рис. 2. Индекс Доу-Джонса с января 2017 по март 2020 года

Источник: Trump took credit during Wall Street's highs, but what about its lowest of lows? // Washington Post, March 18, 2020.

URL: <https://www.washingtonpost.com/business/2020/03/18/trump-stock-market-dow/> (access time: April 18, 2020)

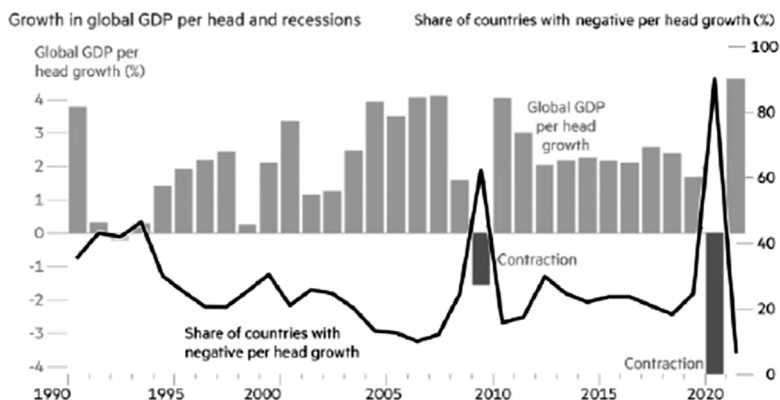
Ряд ученых приходит к мнению, что мировая экономика вновь сталкивается с противоречиями, которые не были разрешены во время мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 годов, – с проблемами перенакопления капитала, причем в первую очередь – финансового (см., например (Toussaint, 2020)). Мы не будем уходить далее в детали анализа ситуации накануне пандемии. Для нас важно сформулировать предпосылку дальнейшего анализа: *мировой экономический кризис имел в своем исходном пункте причины, не связанные с пандемией.*

Последняя стала особым фактором, который существенно изменил течение социально-экономических процессов, углубляя спад, но при этом активно трансформируя производственные отношения, причем одновременно в нескольких, в ряде случаев качественно различных, направлениях. Одним из парадоксов этой трансформации стало то, что сформировался мировой импульс движения в сторону

ограничения регулирующей роли рынка и капитала, что, в свою очередь, сыграло роль «огнетушителя», позволившего несколько смягчить сползание в назревавший экономический (и социально-политический) кризис. Пандемия оказалась мировым бедствием, которое, однако, частично и скорее всего временно, но замаскировало напряжение противоречий, ведущих к новой великой депрессии.

Однако в настоящее время именно пандемия становится главной объективной причиной кризиса. Прямые потери от нее в России уже сейчас оцениваются в 17,9 триллиона рублей (около 240 млрд долларов по курсу на середину апреля 2020 г.)¹. Что касается мировой экономики, то эксперты, как мы отметили выше, еще до коронавируса писавшие об угрозе глобального кризиса, после появления фактора пандемии стали еще более пессимистичны (см. рис. 3).

The depth and breadth of the coronavirus recession will be far worse than in 2009

Условные обозначения: левая шкала (столбчатая диаграмма) – темпы роста ВВП на душу населения (%); правая шкала (линейный график) – доля стран с отрицательными темпами роста на душу населения (% от всех стран)

рис. 3. Темпы роста мирового ВВП на душу населения и рецессии в период с 1990 по 2020 гг. Источник: (Wolf, 2020).

¹ См.: Аналитики оценили потери российской экономики от коронавируса в \$18 трлн // РБК. 16.04.2020. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e97afc49a7947967490948a> (время доступа: 18.04.2020)

Еще более наглядное сравнение кризиса 2009 года и кризиса 2020 г. представлено на рис. 4, а совокупные потери мирового ВВП от кризиса, вызванного пандемией, за период с 2020 г. по 2021 г. оцениваются экспертами МВФ в 9 трлн долларов (Международный валютный фонд, 2020).

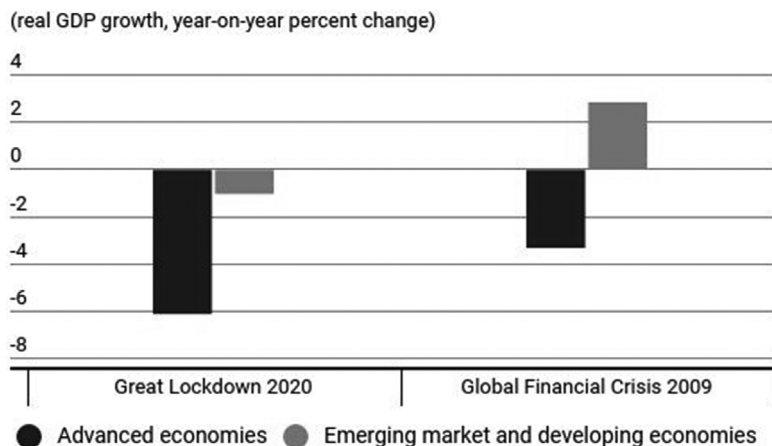

Рисунок 4. Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в развитых экономиках и в экономиках с развивающимися рынками во время кризисов 2009 г. и 2020 г.

Источник: (Международный валютный фонд, 2020).

Но есть и другая сторона этой медали: субъективный фактор. Более или менее адекватные действия мирового сообщества (подчеркнем – именно мирового сообщества, а не только отдельных национальных государств) по реформированию системы производственных отношений и институтов (подчеркнем: речь идет именно о глубоком реформировании отношений, «правил игры», организаций, а не только о выборе мер экономической политики¹) могут су-

¹ С точки зрения академика В.М. Полтеровича, речь здесь идет – если говорить в терминах теории институциональных изменений – о необходимости формирования институтов догоняющего развития, которые способны обеспечить координацию см. на след. странице

щественно смягчить или, напротив, интенсифицировать человеческие, культурные и экономические потери вследствие кризиса.

*2. Реформирование производственных отношений:
сужение роли рынка и развитие непосредственно-
общественного регулирования*

Что же генерировала пандемия? Мы, естественно, будем рассматривать только социально-экономические аспекты этой темы, и прежде всего зафиксируем: вследствие масштабных изменений в общественном производстве (включая производство самой жизни) **началось всемирное реформирование производственных отношений**. И это касается не только эмпирически легко наблюдаемых изменений, хотя они тоже симптоматичны. К числу таких легко фиксируемых трансформаций относятся, в частности следующие.

Во-первых, значительный рост заболеваемости и смертности, превращающий сферу здравоохранения в ключевую для дальнейшего бытия социума. Причем, в отличие от других инфекций, развитые страны не смогли сдержать распространение пандемии на своей территории. На 18 апреля 2020 г. в мире подтверждено почти 2,3 млн. случаев заражения, более 156 тыс. человек скончались¹.

Во-вторых, массовая изоляция, приводящая к сокращению масштабов трудовой деятельности. Количественная оценка здесь пока затруднена, но эксперты ЕС ожидают сокращение занятости на 60 млн

см. на предыдущей странице действий государства, бизнеса и гражданского общества, направленных на преодоление последствий кризиса. К таким институтам относятся индикативное планирование, генеральное агентство развития и др. (см.: (Полтерович, 2017, 2018). См. также: Академик Виктор Полтерович: спасение от коронавируса может невольно вызвать резкий рост смертности // Коммерсантъ Наука. № 10. 21.04.2020. С. 45. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4323126?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr (время доступа: 21.04.2020).

¹ См.: Johns Hopkins University. Coronavirus Resource Centre. April 18, 2020. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/> (access time: April 18, 2020).

человек¹. Косвенные данные по РФ говорят о том, что «по итогам двух недель карантина (30 марта – 12 апреля) снижение электропотребления к уровню «недели до карантина» составило 7,9%, что соответствует падению среднесуточной экономической активности на 11,4%» (ЦМАКП, 2020a). Это ведет к соответствующим последствиям для динамики всех основных макроэкономических показателей (объемов производства, занятости, доходов и т.п.). По укрупненным предварительным оценкам, учитывающим межотраслевые связи, прямой мгновенный эффект от самоизоляции (в случае отсутствия каких-либо мер поддержки) в России может составить минус 20% ВВП в годовом выражении, или почти 18 трлн руб. в ценах 2018 г. (если самоизоляция продлится квартал, то ущерб будет в 4 раза ниже – т.е. порядка 5% ВВП), при этом потенциально невостребованными могут оказаться 15 млн работников, а бюджет недосчитается 4 трлн. руб. (ЦМАКП, 2020b). Эти цифры являются предварительными и грубыми оценками, но позволяют представить масштаб того, за что можно и нужно бороться с помощью продуманного комплекса мер господдержки.

В-третьих, ограничение международных, а с определенного времени межрегиональных и иных перемещений людей и товаров, что подрывает сложившуюся систему общественного разделения труда и кооперации, причем не только мирового, но и внутри национальных экономик и регионов.

В-четвертых, многократно вырастает потребность в государственной поддержке экономики². В США и странах ЕС на эти цели выделяется до 10–15% годового ВВП, в РФ на момент написания статьи

¹ См.: COVID-19 поставил под угрозу порядка 60 млн рабочих мест в Европе / ИА REGNUM. <https://regnum.ru/news/economy/2921923.html>

² Эксперты The Economist красноречиво называют правительство «единственным двигателем потребления» на следующие год или даже два (The Economist, 2020), а нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц акцентирует внимание на том, что пандемия и сопутствующий ей кризис сделали очевидной несостоятельность тезиса, который провозглашался республиканцами США на протяжении десятилетий: «правительство – это не решение нашей проблемы, правительство – это проблема» (Stiglitz, 2020).

масштабы государственных расходов на борьбу с пандемией были не слишком ясны, поскольку многие шаги осуществлялись и осуществляются в режиме «ручного управления», но исходные ресурсы, которые планировалось выделить на эти цели, были много меньше (по отношению к ВВП), чем в указанных странах.

В-пятых, качественно изменился образ жизни людей...

Перечень эмпирически наблюдаемых изменений можно продолжить, но для политико-экономического анализа важна их сущность. Это трансформация тех производственных отношений, которые определяют (1) способ взаимодействия производителей и потребителей и (2) соединения работников со средствами производства. Применительно к экономике, которую принято называть рыночной, и которую мы квалифицируем как поздний капитализм, в первом случае мы говорим об отношениях, имеющих форму рынка; во втором случае – капитала и наемного труда. Первое в докризисных реалиях задавало в качестве цели и средства развития, соответственно, максимизацию продаж и конкуренцию (дополняемую государственным регулированием); второе – максимизацию прибыли и частнокапиталистическое присвоение (более или менее – в зависимости от типа экономик – ограничиваемое мерами социальной защиты).

Начнем с краткого анализа *отношений рынка*. Едва ли общим местом сегодня является понимание того, что эти отношения, кажущиеся «естественными» и как бы «вечными», трансформируются под влиянием глобальных изменений, связанных с коронавирусом. Эти изменения, как мы показали выше, трансформируют те основы, на которых строится рыночная экономика, и обуславливают развитие переходным к пострыночным (основанным на непосредственно-общественном регулировании экономических процессов и др.) экономическим отношений.

Режим изоляции и ограничения форм общения приводит к тому, что (1) ограничиваются возможности свободного взаимодействия обособленных товаропроизводителей; (2) в ряде случаев принудительно приостанавливается (вследствие карантина работников) деятельность названных экономических акторов; (3) нарушаются «правила игры» (в частности, работникам не выплачивается в полном размере зарплата, не погашаются долги по кредитам и т.п.); (4) большая часть акторов экономики обращается к государству с просьбой

(требованием) предоставления различного рода прямых или косвенных субсидий и т.д.

В этих условиях государство активизирует свою деятельность, наращивая как прямые, так и косвенные, как насильственные, так и экономические воздействия на хозяйственных агентов и общество.

Подчеркнем: происходит не только рост масштабов экономической и волевой активности государства и коррекция институциональной системы («правил игры»), но и изменение их содержания. Возникают и получают все большее распространение *прямые нерыночные экономические (являющиеся формой пострыночных производственных отношений) методы общественного регулирования экономической жизнедеятельности и взаимодействий практически всех акторов хозяйственного процесса*. К числу таких форм относятся прямые плановые задания по производству определенных видов продукции (строительство медицинских объектов, производство медицинских препаратов и оборудования и др.), нормирование цен на определенные виды продукции, различные формы прямого целевого субсидирования различных категорий граждан и другие формы того отношения, которое в политической экономии принято называть «планомерностью» (см. подробнее: Хессин, 1975, 1964; Бузгалин, Колганов, 2016).

Одновременно с этими формами, лежащими преимущественно в пространстве общественного (государственного) регулирования экономики, вырастают и другие отношения, как минимум дополняющие, а в определенной мере трансформирующие рыночные взаимодействия: наряду с отношениями рыночной конкуренции, базирующейся на принципах экономического эгоизма, *объективно востребованными становятся отношения экономической солидарности* (в скобках заметим: не только экономической, но мы в данном тексте не затрагиваем социальные, нравственные и культурные аспекты проблемы). Понятие «солидарность», до недавнего времени крайне редко использовавшееся экономистами-теоретиками и экономполитиками, весной 2020 года стало общезначимым и акцентируемым наиболее значимыми акторами современной жизни, в частности, такими, как Всемирная организация здравоохранения и др. Более того, пандемия активизировала не только национальный эгоизм, но и международную взаимопомощь, которая до настоящего времени, признаем, остается на низком уровне, но востребована во все воз-

растающем масштабе, а в будущем – с более чем вероятным распространением пандемии в беднейших регионах Земли – будет востребована еще больше.

Солидарность, активизация свободного, добровольного, без расчета на вознаграждение труда (деятельность *волонтеров*) – все это пока не обобщенные и количественно не оцененные свидетельства более широкого, чем ранее, развития еще одного класса пострыночных отношений – солидарности как способа решения глобальных проблем.

Мы, безусловно, отдаем себе отчет, что и в условиях пандемии экономика мира и РФ остается в основе своей по-прежнему рыночной, и основная мотивация поведения людей остается по-прежнему рационально-эгоистической, но практики первых месяцев жизнедеятельности мирового сообщества в условиях пандемии свидетельствуют, что пострыночные формы экономических отношений становятся все более востребованными.

3. Трансформация отношений собственности

Этот вектор – вектор социализации – проявляет себя и в отношениях присвоения (отчуждения) общественного богатства, **отношениях собственности**.

Начнем с анализа того, что в политической экономии квалифицировалось как основа рыночно-капиталистической системы – с отношений между собственниками капитала (их в экономической литературе принято называть «работодателями») и наемными работниками.

Под влиянием пандемии взаимодействие этих акторов вынужденно трансформируется.

С одной стороны, *работники* (прежде всего, в тех случаях, когда невозможна дистанционная работа) оказываются лишены возможности продавать свою рабочую силу. В результате в странах «ядра»¹

¹ В выделении «ядра», «периферии» и «полупериферии» мировой экономики мы опираемся на понимание этих групп, развиваемое в работах Самира Амина и Иммануила Валлерстайна (см., напр.: Amin, 2004, 2010; Wallerstein, 2004).

в меньшей степени, в странах «периферии» и «полупериферии» (включая РФ) в большей степени, они оказываются лишены средств к существованию. Более того, в условиях высокой степени закредитованности и малых объемов сбережений большинства населения, такие категории наемных работников как временно занятые, мигранты, лица, работающие без оформления трудовых договоров и получающие «серую» зарплату и т.п., оказываются под двойным бременем: сокращения или полного отсутствия доходов и нарастания долгов.

Решение этой проблемы исключительно рыночно-капиталистическими методами предполагает, что каждый частный собственник, в том числе, собственник товара «рабочая сила» – это свободный актер конкурентной экономики, и следовательно, он должен сам решать свои проблемы. Естественно, что в условиях глубокого всемирного кризиса такое решение приведет к катастрофическим социальным последствиям. Последовательной альтернативой может быть решение, качественно отличное от рыночно-капиталистической модели – прямая селективная (с выделением категорий работников) общественная поддержка лишавшихся работы лиц и их семей в достойных масштабах. Это социально-экономическое отношение непосредственно-общественного поддержания жизнедеятельности (финансирования) работников как членов ассоциации по имени Российская Федерация (ФРГ, США, Франция и т.д.). Естественно, в этом случае встает вопрос об источниках средств для этой поддержки. К этому вопросу мы вернемся ниже.

С другой стороны, *собственники капитала* в условиях пандемии и вызываемого ей экономического кризиса также оказываются в затруднительном экономическом положении. Приостановка ряда производств, сужение рынков сбыта, обострение проблемы задолженности и т.п. приводят к возникновению той же, что и в описанном выше случае, дилеммы.

Собственно рыночно-капиталистическое решение проблемы – разорение значительной части собственников капиталов, что в принципе является нормальным для рынка явлением. (В качестве короткого отступления напомним: рыночная экономика предполагает, что обогащение одних акторов и разорение других является не просто нормой, а главным двигателем предпринимательской активности. Угроза разорения, риск – это альфа и омега рынка. Без разорений

классический рынок не может эффективно функционировать. Другое дело, что в условиях позднего капитализма ситуация изменяется, и возникает правило «too big to fail»).

Альтернативный вариант преодоления угрозы массового разорения капиталистических предприятий – прямая и/или косвенная общественная помощь частному сектору. В этом случае реализуется модель так называемого «финансового социализма», уже апробированная в условиях Мирового кризиса 2008–2010 годов. Деньги из государственного бюджета направляются на помощь частным собственникам, которые оказались неспособны поддерживать на должном уровне свой бизнес без безвозмездной помощи. Такая помощь может иметь как прямую форму, так и осуществляться в виде отсрочки различных платежей, снижения налогов и т.п. Суть дела во всех этих случаях одна и та же: отношения непосредственно-общественной поддержки частно-капиталистических предприятий. Это отношение является примером кажущегося парадоксальным, но на самом деле хорошо известного (об этом более 100 лет назад писал Фридрих Энгельс¹) решения: использования посткапиталистических отношений для поддержания и укрепления капиталистической системы.

Итак, для решения проблем и наемных работников, и собственников капитала в условиях глобального кризиса требуется непосредственно-общественное выделение ресурсов для поддержания этих акторов и экономики в целом. Этот вывод сам по себе не нов, но важен: частно-капиталистические экономические отношения сами по себе выход из таких проблем не дают, требуется их дополнение посткапиталистическими отношениями.

Но и в случае принятия данного решения возникают глубокие противоречия, в данном случае связанные с тем, чьи интересы в первую очередь будет защищать государство – собственников капитала, трудящихся или «экономики вообще». Оставим пока в стороне вопрос

¹ «В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплатное производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов» (Энгельс, 1961. С. 221).

об источниках финансирования этих мер – к нему мы вернемся ниже, и рассмотрим три базовых варианта решения названной задачи.

Первый – выделение (прямое или косвенное – через снижение налоговых ставок и т.п.) средств собственникам капиталистических предприятий. Можно предположить, что в этом случае собственники частных предприятий выберут одно из двух решений использовать средства: либо на выплаты зарплат работникам, поддержание производства и погашение долгов; либо (полностью или преимущественно) на решение проблем сохранения своего личного капитала (например, перевод средств на счета мажоритарных акционеров в оффшорных зонах).

Что именно будет наиболее типичным для экономики той или иной страны, в частности, РФ, можно судить по опыту использования средств, выделявшихся во время кризиса 10 лет назад. Напомним, что тогда общие объемы поддержки банковской системы, включая прямое дофинансирование уставного капитала, увеличение массы размещенных в банках бюджетных средств, снижение нормы обязательного резервирования, различные виды кредитной поддержки со стороны ЦБ оценивались не менее, чем 4,5 триллиона рублей (Логутова, 2011. С. 31). При этом масштабная поддержка была оказана не мелким и средним банкам, действительно имевшим серьезные проблемы с краткосрочной ликвидностью, а крупнейшим банкам, которые таких острых проблем не имели. В результате «банки, получившие и продолжавшие получать вплоть до конца января 2009г. огромную рублевую ликвидность, начали покупать иностранную валюту, что привело к быстрому снижению уровня золотовалютных резервов» (Давыдова, Гордина, 2010. С. 4). Поддержка, оказанная реальному сектору экономики, была в несколько раз меньше.

Второй вариант – целевое выделение средств непосредственно на (1) выплаты пособий работникам, лишившимся дохода вследствие кризиса, при активной организации общественных работ и оплате труда в этих сферах и (2) поддержание этих производств (подчеркнем – не фирм, а именно производств) через фиксацию поступающих из бюджета средств на специальных счетах, с прямой ответственностью руководителей за использование выделенных ресурсов исключительно по целевому назначению.

Третий – та или иная форма компромисса между первыми двумя вариантами: преимущественно косвенная селективная поддержка

бизнеса при одновременной минимальной прямой и косвенной поддержке работников.

Как мы отметили в начале текста, вопрос интересов больших социальных групп – это одна из основных проблем политико-экономического исследования. Поэтому мы не можем обойти его, и ниже зафиксируем, что первое из названных выше решений прямо отвечает интересам собственников капитала и той части государственного аппарата, которая сращена с ними и имеет аналогичные интересы. Реализация этой модели приведет к сохранению, с незначительными потерями, частных состояний наиболее богатых собственников при существенном ухудшении качества жизни большинства населения и обострении проблем выживания низкодоходных групп, плюс – к глубокому спаду производства.

Второе решение ориентировано преимущественно на интересы наемных работников и поддержание производства в реальном секторе и тех отраслях сферы услуг, которые непосредственно обслуживают его воспроизводство. При этом значительно (в разы) сократятся частные состояния крупнейших собственников, разорится (частично или полностью) большая часть частных финансовых организаций, значительная часть среднего и малого бизнеса в сферах посредничества, элитной торговли, туризма и т.п., произойдет существенная плановая реструктуризация занятости с перераспределением кадров из сфер торговли, маркетинга, финансов и посреднических услуг в отрасли материального производства, здравоохранения, образования, социальной работы и т.п. По большому счету, это будет шаг к *существенной трансформации всех основных параметров существующей модели позднего капитализма.*

Третье – компромиссное – решение является наиболее реалистичным, и именно по этому пути сегодня пытается идти большинство государств мира при немалых различиях, на которых в этом тексте мы останавливаться не будем.

В качестве краткого, но важного постскриптума к этому подразделу, посвященному проблемам отношений между собственниками и работниками, отметим два важных момента, касающихся сферы **здравоохранения.**

Один – постановка в повестку дня как одного из наиболее актуальных вопроса о необходимости социализации основных объектов

и институтов («правил игры») сферы здравоохранения. Подчеркнем: объективной необходимостью стала не обязательно и даже прежде всего не национализация, а именно социализация – подчинение функционирования этой сферы общественным целям, общественному контролю, общественно-устанавливаемым правилам функционирования. В перспективе, мы уверены, мир вообще задумается о пересмотре соотношения и модели развития частной и общественной сфер здравоохранения.

Другой момент, на котором мы не можем не остановиться, рассматривая политэкономические проблемы пандемии – интеллектуальная частная собственность и ее пределы вообще и в сфере здравоохранения, в первую очередь. Речь идет о *международном решении об отказе от режима интеллектуальной частной собственности как минимум в такой наиболее важной проблеме как борьба с коронавирусом*. Какое-бы лицо (организация, страна) ни создали эффективные препараты для лечения этой болезни и предотвращения ее распространения, все интеллектуальные слагаемые решения, вплоть до технологии производства, должны быть без каких-либо ограничений и бесплатно доступны всему человечеству, любому производителю. К сожалению, мы не обладаем на момент написания этого текста информацией, есть ли уже такое решение, проектируется ли его принятие, но мы настаиваем на его необходимости без каких-либо дальнейших пояснений: пандемия показала, что есть проблемы которые можно решить только одновременно во всем мире, для всех, солидарно.

4. Новый подход к проблеме социальной справедливости

Еще один блок политико-экономических проблем, которые с очевидностью обнажила пандемия – мера социальной справедливости.

Какой она должна быть и должна ли она определенным образом измениться в условиях атаки коронавируса? И если да, то как? Отвечая на эти вопросы важно исходить не только из нравственных императивов, но и из объективной необходимости решения единой для всех и каждой проблемы преодоления пандемии. Исходным пунктом в последнем случае будет констатация, что в современных условиях

стало едва ли не очевидным наличие единого общенародного интереса (см. (Бузгалин, Колганов, 1985; Рубинштейн, 2007; Гринберг, Рубинштейн, 2013)), который характерен для каждого и для всех членов общества в целом, и интересе этот – победить в борьбе с коронавирусом с минимальными жертвами и издержками.

Но этот интерес – не единственный, который присущ акторам рыночной экономики. Для них характерны еще и эгоистические интересы каждого как более или менее рационального homo economicus, а так же специфические интересы собственников капитала, наемных работников, лиц получающих социальные пособия (в частности, пенсионеров) и др. Соотношение сил социально-экономических субъектов, для которых характерны эти интересы, с одной стороны; эгоистического интереса каждого и общенародного интереса, с другой; наконец, объективной необходимости осуществления согласованных действий, которые должны быть реализованы независимо от баланса интересов, с третьей, – вот что определяет меру социальной справедливости, которая может и должна быть реализована в экономике в таких условиях.

Если перевести эти теоретические постановки в более конкретную плоскость, то речь пойдет о (1) мере перераспределения прибавочного продукта и, в частности, используемых на личные цели доходов наиболее состоятельных членов общества, и ее возможном изменении под влиянием пандемии, а также (2) о системе поддержки социально незащищенных слоев общества и лиц, получающих доходы из общественных фондов (пенсионеров и др.). Эти вопросы встают при определении и источников финансирования, и адресатов, и модели распределения выделяемых средств.

Начнем с источников. Здесь важно помнить, что в РФ они (1) формируются в основном за счет рентных доходов от эксплуатации общенародных ресурсов и налогов, значительную часть из которых платят трудящиеся и (2) что это средства, принадлежащие обществу, а не государственному аппарату. То же относится к резервным фондам.

Возможно, однако, использование и другого источника финансирования. Назовем его условно «Фонд борьбы с пандемией». Этот фонд может формироваться за счет добровольных средств, отчисляемых из личных средств граждан, прежде всего, наиболее обеспеченных, ибо у низкодоходных слоев населения таких стран как Россия

в условиях кризиса средств хватит в лучшем случае на выживание. Первый месяц пандемии показал, что ряд крупных собственников уже начал осуществлять отчисления на борьбу с вирусом. Правда, выделяемые ими средства составляют менее 1–2% от их совокупного капитала¹ (за редким исключением – например, Джек Дорси, сооснователь и гендиректор Twitter, направил 1 млрд долл., что составляет около трети состояния, в фонд на борьбу с коронавирусом²), а круг этих лиц остается крайне узким. Возможны и более жесткие меры – введение высших органов государственной власти обязательных отчислений на борьбу с пандемией.

С политико-экономической точки зрения в любом случае нам представляется обоснованным вывод, что в условиях глобальных катастроф должна возрастать мера перераспределения прибавочной стоимости (используем категорию марксизма) в пользу общественных фондов, нацеленных на решение единых для социума проблем. К числу таких проблем относится не только борьба с пандемией, но и поддержка социально незащищенных слоев общества, мера которой в этих условиях так же должна возрастать.

* * *

Некоторые итоговые ремарки и выводы.

Описанные выше изменения во всем строе социально-экономического и культурного бытия и, в частности, в системе производственных отношений, происходят в мире с удивительной скоростью и заметны даже для простого гражданина, далекого от науки. Они отражаются, в частности, в коррекции системы ценностей, которая только начинается, но, повторим, уже заметна. Люди во всем мире стали меньше ориентироваться на утилитарные и симулятивные

¹ См., напр.: *Taylor Nicole Rogers*. Billionaires donating hundreds of millions towards coronavirus. *Businessinsider.com*. Apr 8, 2020. <https://www.businessinsider.com/billionaires-spending-hundreds-of-millions-on-coronavirus-research-2020-3>

² См.: *Андрей Злобин*. Основатель Twitter отдаст треть состояния на борьбу с коронавирусом. *Forbes.ru*. 8 апреля 2020 г. <https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/newsroom/milliardery/397273-osnovatel-twitter-otdast-tret-sostoyaniya-na-borbu-s-koronavirusom>.

(фиктивные, знаковые (Baudrillard, 1981)) потребности и цели. Все более актуальными становятся ценности, которые далеки от величины денежного дохода и которые невозможно купить. И это не только здоровье (которое, конечно, зависит от величины дохода, но, как показали практики коронавирусная инфекция, захватила и представителей высокодоходных групп). Это способность к неотчужденным общественным отношениям и солидарным действиям (в том числе, со стороны государств). Это потенциал самореализации и саморазвития, который зависит не столько от величины дохода, сколько от личных качеств человека, способного или неспособного содержательно трудиться, когда ему доступен только Интернет и др. Эти ценности как высшие ориентиры общественного развития выделяли философы вчера (подробнее об этой традиции см. (Фромм, 1990)), подчеркивают их значение как альтернативы глобальным угрозам экономисты теоретики сегодня (см. (Бодрунов, 2018)). Все это еще раз указывает на то, что не узко экономические цели, а качество жизни людей, мера их счастья (Антипина, 2012, 2014) в условиях пандемии все в большей степени зависит не только от величины дохода (особенно при условии усиления мер социальной защиты), но и от вышеперечисленных качеств человека, формируемых ничем иным, как системой производственных отношений, в том числе – рыночных и посткапиталистических.

Между тем большинство экономистов-теоретиков пока по-прежнему ищет выход из кризиса на путях тех или иных коррекций макроэкономической политики и формальных институтов, хотя и здесь произошли определенные коррекции. Так, представители неолиберального направления (Рогов, 2020) предлагают не только традиционные меры государственной поддержки финансового сектора, но и шаги по поддержке спроса, включая прямую раздачу денег населению. Эти в основе своей кейнсианские меры, они считают обоснованными, т. к. в условиях кризиса это не приведет к инфляции вследствие сокращения доходов населения. Все это они дополняют некоторыми шагами социализации экономики (вплоть до перехода к безусловному базовому доходу), что ранее ими воспринималось сугубо негативно.

Их оппоненты – сторонники активизации государственного регулирования (Глазьев, 2020) – акцентируют иной вариант мер под-

держки экономики. Они ставят задачи выделения средств при условии их использования для решения задач поддержания ключевых секторов реального сектора. В качестве обязательного дополнения этих мер предлагается закрыть каналы вывоза капитала и перекачки ресурсов в финансовый сектор. Упоминают эти ученые и о прогрессивном подоходном налоге.

Мы в этих дискуссиях более обоснованными видим рекомендации вторых, хотя нельзя не отметить, что первые отходят от прежних ортодоксально-либеральных рекомендаций. Более того, названных материалах сторонников активизации роли государства справедливо указывается на глубинные технологические и геополитические аспекты глобального кризиса.

Мы, однако, постарались показать выше, что меры экономической политики и институциональные преобразования могут быть не более (но и не менее), чем механизмами реформирования всей системы производственных отношений. Необходимость этого обусловлена тем, что *глобальные проблемы, в частности, такие как пандемия, обуславливают объективную необходимость расширения пространства и глубины проникновения в ткань экономической жизни элементов пострыночных и посткапиталистических производственных отношений* – таких как общественно-государственное регулирование экономики, включающее не только косвенные, но и прямые методы; солидарность; добровольный бесплатный труд; формирование общественных фондов развития и потребления и т.п.

Таким образом, современная экономическая реальность все больше убеждает нас, что рынок и капитализм способны эффективно справиться далеко не со всеми проблемами. Что же касается кризисных процессов, вызваны ли они внешними шоками, или внутренними противоречиями самой капиталистической системы, то на них капитализм реагирует все хуже и хуже. Устранил ли капитализм хоть одну глобальную угрозу, сформировавшуюся еще в XX веке?

Думается, уже пора отмечать не только в академических докладах, но и в учебниках, что рынок, экономический эгоизм и частная собственность – далеко не лучшие средства в условиях обострения глобальных проблем и угроз. В таких условиях они малоэффективны и требуют активного дополнения (а в определенных сферах и замещения) новыми социально-экономическими формами.

Список литературы

1. Антипина О.Н. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 94–107. [Antipina O. (2012). Economics of Happiness as an Academic Research Discipline. Voprosy Ekonomiki, No. 2, pp. 94–107. (In Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-2-94-107>]

2. Антипина О.Н. (2014). Экономика и счастье: парадоксальная взаимосвязь // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 181, № 2. С. 45–60. [Antipina O.N. Economy and happiness: a paradoxical relationship // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. Vol. 181, No. 2, pp. 45–60. (In Russian).]

3. Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. [Bodrunov S. D. (2018). Noonomy. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russian).]

4. Бузгалин А.В. (2018). Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономики. № 2. С. 10–38. [Buzgalin A.V. (2018). Late capitalism and its limits: dialectics of productive forces and production relations (to the 200th birth anniversary of Karl Marx). Voprosy politicheskoy ekonomii [Problems of Political Economy], No. 2, pp. 10–38. (In Russian).]

5. Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2016). Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике // Вопросы политической экономики. № 1. С. 21–43. [Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2016). Theory of systematically development (regularity) and objectives of the development of selective planning in market economy. Voprosy politicheskoy ekonomii [Problems of Political Economy], No. 1, pp. 21–43. (In Russian).]

6. Бузгалин А.В., Колганов А.И. (1985). Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985. [Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (1985). Realization of general public interests. Moscow: Ekonomika. (In Russian).]

7. Глазьев С.Ю. (2020). Доклад о глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // Глазьев. ру, 01.04.2020. URL: <https://glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodo-leniju-jekonomicheskogo-krizisa> (время доступа: 18.04.2020). [Glaz'ev

S. Yu. (2020). Report on the underlying causes of growing chaos and measures to overcome the economic crisis // Glazev.ru, 01.04.2020. (access time: April 18, 2020). (In Russian).]

8. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2013). Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир. [Grinberg R.S., Rubinstein A.Ya. (2013). Individual & State: An Economic Dilemma. Moscow: Ves' mir. (In Russian).]

9. Давыдова Л.В. Гордина В.В. (2010). Проблемы банковского сектора России на фоне мирового финансового кризиса // Финансы и кредит. № 31. С. 2–7. [Davydova L.V. Gordina V.V. (2010). Problems of the Russian banking sector amid the global financial crisis. Finansy i kredit, No. 31, pp. 2–7. (In Russian).]

10. Логутова С.В. (2011). Ликвидность коммерческих банков: причины кризиса и управление риском // Вестник Новгородского государственного университета. № 61. С. 31–34. [Logutova S.V. (2011). Liquidity of Commercial Banks: Causes of the Crisis and Risk Management. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, No. 61, pp. 31–34. (In Russian).]

11. Международный валютный фонд (2020). Великая самоизоляция: самый глубокий экономический спад со времен Великой депрессии // Международный валютный фонд. 15 апреля 2020 г. <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/04/14/blog-weo-the-great-lock-down-worst-economic-downturn-since-the-great-depression> (access time: April 18, 2020). [International Monetary Fund (2020). Great self-isolation: the deepest economic downturn since the Great Depression // International Monetary Fund. April 15, 2020. <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/04/14/blog-weo-the-great-lockdown-worst-economic-downturn-since-the-great-depression> (access time: April 18, 2020). (In Russian).]

12. Полтерович В. М. (2017). Институты догоняющего развития и гражданская культура // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 205. № 3. С. 314–328. [Polterovich V.M. (2017). Institutions of catching-up development and civil culture. Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], Vol. 205, No. 3, pp. 314–328. (In Russian).]

13. Полтерович В.М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. № 12. С. 77–102. [Polterovich V.M. (2018). Towards

a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 77–102. (In Russian)]. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-12-77-102>

14. Рогов К. (ред.) (2020). Коронакризис-2020: что будет и что делать? Сценарии развития и меры экономической политики / Под ред. Кирилла Рогова. Либеральная миссия – Экспертиза. Вып. 9. М.: Фонд «Либеральная миссия». <http://liberal.ru/lm-ekspertiza/korona-krisis-2020-chto-budet-i-chto-delat> (время доступа: 18.04.2020). [Rogov K. (ed.) (2020). *Coronacrisis 2020: What Will Happen and What to Do? Development Scenarios and Economic Policy Measures*. Ed. by Kirill Rogov. *Liberal'naya missiya – Ekspertiza*. Issue 9. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya». <http://liberal.ru/lm-ekspertiza/koronakrisis-2020-chto-budet-i-chto-delat> (access time: April 18, 2020). (In Russian).]

15. Рубинштейн А. (2007). Общественные интересы и теория публичных благ // *Вопросы экономики*. № 10. С. 90–113. [Rubinstein A. (2007). *Public Interests and the Theory of Public Goods*. *Voprosy Ekonomiki*, No.10, pp. 90–113. (In Russian)]. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-10-90-113>

16. Фромм Э. (1990). Иметь или быть. М.: Прогресс. [Fromm E. (1990). *To Have or to Be?* Moscow: Progress. (In Russian).]

17. Хессин Н.В. (1975). Об историко-генетическом подходе к исследованию системы производственных отношений развитого социализма // *Экономические науки*. № 6. С. 3–17. [Khessin N. V. (1975). *On the historical and genetic approach to the study of the system of production relations of developed socialism*. *Ekonomicheskie nauki*, No. 6, pp. 3–17. (In Russian).]

18. Хессин Н.В. (1964). Понятие «клеточка» и его методологическое значение // *Вопросы экономики*. № 7. [Khessin N.V. (1964). *The concept of “cell” and its methodological significance*. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7. (In Russian).]

19. ЦМАКП (2020а). Центр макроэкономического анализа и прогнозирования. Экономическая активность в дни «карантина»: оценка по данным электропотребления в России и ЦФО. 13.04.2020. URL: http://www.forecast.ru/_Archive/analitics/PROM/2020/electro2020-04-13.pdf (время доступа: 18.04.2020). [CMASF (2020a). *Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting. Economic activity during the “quarantine” days: an estimate based on electricity consumption*

in Russia and the Central Federal District. 04/13/2020. URL: http://www.forecast.ru/_Archive/analitics/PROM/2020/electro2020-04-13.pdf (access time: April 18, 2020). (In Russian).]

20. ЦМАКП (2020b). Центр макроэкономического анализа и прогнозирования – ЦМАКП (2020). Эффект «карантина» для России: оценка с использованием межотраслевого баланса. 01.04.2020. URL: http://www.forecast.ru/_Archive/analitics/PROM/2020/Effect_MOB.pdf (время доступа: 18.04.2020). [CMASF (2020b). Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting. Quarantine effect for Russia: valuation using interindustry balance. 04/01/2020. URL: http://www.forecast.ru/_Archive/analitics/PROM/2020/Effect_MOB.pdf (access time: April 18, 2020). (In Russian).]

21. Энгельс Ф. (1961). Развитие социализма от утопии к науке. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат. [Engels F. (1961). The development of socialism from utopia to science. In Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).]

22. Amin S. (2004). The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World. Monthly Review Press.

23. Amin S. (2010) The Law of Worldwide Value. 2nd edition. N. Y.: Monthly Review Press.

24. Baudrillard J. (1981). For a Critique of the Political Economy of the Sign. Telos Press Publishing.

25. The Economist (2020). Briefing: Less globalisation, more tech – The changes covid-19 is forcing on to business // The Economist. Apr 11th, 2020. <https://www.economist.com/briefing/2020/04/11/the-changes-covid-19-is-forcing-on-to-business> (access time: April 18, 2020).

26. Executive Office of the President (2019). 'Markets versus Socialism'. In: Executive Office of the President. Economic Report of the President, March 2019: Together with The Annual Report of the Council of Economic Advisers. Maryland: Bernan Press, pp. 381–426.

27. IMF (2020). The Financial Sector in the 2020s: Building a More Inclusive System in the New Decade // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/01/17/spo1172019-the-financial-sector-in-the-2020s> (access time: April 18, 2020).

28. Charlie Nash (2020). 'What I like about coronavirus' by Slavoj Žižek. Spectator USA. March 14, 2020. <https://spectator.us/like-about-corona-virus-slavoj-zizek/> (access time: April 18, 2020).

29. *Joseph E. Stiglitz* (2020). Plagued by Trumpism. Project Syndicate. Mar 9, 2020. <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-coronavirus-failure-of-small-government-by-joseph-e-stiglitz-2020-03> (access time: April 18, 2020).

30. *Éric Toussaint* (2020). No, the coronavirus is not responsible for the fall of stock prices // Monthly Review online. March 04, 2020 URL: <https://mronline.org/2020/03/04/no-the-coronavirus-is-not-responsible-for-the-fall-of-stock-prices/> (access time: April 18, 2020).

31. *Wallerstein I.* (2004). *World-Systems Analysis: An Introduction*. Duke University Press.

32. *Martin Wolf* (2020). The world economy is now collapsing // Financial Times. April 14, 2020. <https://www.ft.com/content/d5f05b5c-7db8-11ea-8fdb-7eco6edeef84> (access time: April 18, 2020).

Глазьев С.Ю.,

доктор экономических наук,
академик РАН, профессор,
министр по основным направлениям интеграции
и макроэкономике

Евразийской экономической комиссии

Glazyev S. Y.,

Doctor of Economics,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Professor, Minister for Main Areas of Integration
and Macroeconomics

of the Eurasian Economic Commission

Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов¹

Noonomy as the Kernel for the Formation of New Technological and World Economic Modes

Аннотация. Рассматривается формирование новых технологических, управленческих и социальных структур. Суть происходящего анализируется с точки зрения теории больших циклов: технологические сдвиги в экономике – с позиций теории длинных волн и лежащих в их основе технологических укладов; институциональные изменения – с позиций теории вековых циклов накопления капитала и лежащих в их основе мирохозяйственных укладов. Исходя

¹ Материал статьи опубликован в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 2 (64), 2020, с. 15–32).

из этого формируется концептуальный взгляд на переход к новому мировому порядку как формационный – от экономики товарного производства к экономике знаний, составляющей основу ноономики. Рассматриваются три прогнозных сценария перехода к ноономике.

Abstract. The current situation is analyzed from the perspective of the theory of major cycles: technological shifts in the economy are considered from the standpoint of the long wave theory and underlying technological modes; institutional changes are assessed from the perspective of systemic cycles of accumulation of capital and underlying world-systems modes. On these premises, Glazyev formulates his conceptual view on the transition to a new world order as a formational shift from the economy of commercial manufacturing to knowledge economy that constitutes the foundation of noonomy.

Ключевые слова: технологический уклад, мирохозяйственный уклад, теория длинных волн, экономика знаний, ноономика, сценарий перехода к ноономике.

Keywords: technological mode, world-systems order, long wave theory, knowledge economy, noonomy, scenario for transitioning to noonomy.

Основные определения

Происходящие в мире революционные технологические и институциональные изменения создают ощущение уже не конца истории, а конца света. Православные фундаменталисты усматривают в широко внедряемых в рамках карантинных мер цифровых пропусках признаки Апокалипсиса, в Израиле раввины заявляют о пришествии Мессии (Машиаха)¹, в Лондоне говорят о формировании мирового правительства². Капиталисты после очередного краха финансового

¹ В интервью Chamal News об этом заявил министр здравоохранения Израила Яков Лицман.

² Об этом заявил бывший премьер-министр Великобритании Г. Браун // Спаситель Великобритании предлагает мировое временное правительство // РИА «Новости» (URL: <https://ria.ru/20200328/1569257083.html> – 28 марта 2020 г.).

рынка рассуждают о новой реальности, вымогая у государства деньги на спасение бизнесов, а социалисты объявляют о конце капитализма.

Для точной интерпретации используемых нами понятий предлагаем их авторские определения.

Под **технологическим укладом** (ТУ) понимаются группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в технологической структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности. Каждый такой уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления [1].

Мирохозяйственный уклад – это система взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство экономики и определяющих механизм глобальных экономических отношений. Ведущее значение имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные институты, регулирующие мировой рынок и международные торгово-экономические и финансовые отношения [2, 3].

Согласно определению С. Д. Бодрунова, создавшего теорию **ноономики**, под последней понимается неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. Суть нооэтапа цивилизационного развития заключается в том, что не индивиды вступают в отношения друг с другом в процессе материального производства, а две разные сферы цивилизационной конструкции: производство (ноопроизводство, сводящееся к техносфере) и человеческое общество [4, с. 171].

Переход к ноономике, доказывает С.Д. Бодрунов, «будет основан на естественной, знаниевой и технологической революции. Такой переход будет осуществляться через прогресс знаний, интеллекта, ума, направляемых на все более полное удовлетворение растущих потребностей людей. Как раз возможность такого, все более полного, удовлетворения потребностей будет служить важнейшей предпосылкой снятия конфликтности перехода. И в то же время в струк-

туре самих потребностей на первый план будут во все возрастающей степени выходить потребности истинно человеческие – в образовании, изучении мироздания, духовном развитии, культуре. На началах культуры будут преобразованы все стороны образа жизни человека – культуры физической, культуры отношений, культуры потребления...

Ускоренное развитие человеческого знания будет вынуждать общество принаравливать скорость своего духовно-общественного развития к темпам развития технологического... Поэтому должно произойти сначала естественное «выравнивание долей» материальных и духовных потребностей, а затем и опережение роста потребностей духовных. Именно на такой – и только такой! – основе взойдет нооцивилизация. И ноономика, а не экономика, станет знание-емким и «умным» способом удовлетворения потребностей и индивидов – членов ноообщества, и ноообщества в целом» [4, с. 121].

Теория ноономики уточняет появившееся в 1917 г. понятие постиндустриального общества¹, в котором подчеркивается роль НТП и интеллектуализации экономики. К этому понятийному ряду следует добавить определение **экономики знаний** как «модели развития постиндустриального общества или ступени развития постиндустриальной экономики в связи с совершенствованием ИКТ, активным применением инновационных технологий в промышленности, глобализацией рынков» [5, с. 27].

В отличие от концепций постиндустриального общества и экономики знаний, которые отражают изменения, происходящие в структуре и факторах производства, не затрагивая производственные отношения, теория ноономики говорит о таком качественном скачке

¹ Термин «постиндустриальное общество» впервые был применен в 1917 г. теоретиком английского либерального социализма А. Пенти. В 1958 г. это понятие появилось в статье американского социолога Д. Рисмена «Отдых и труд в постиндустриальном обществе». Но основоположником комплексной теории постиндустриального общества считается Д. Белл, который описал основные элементы этой теории в книгах «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) и «Культурные противоречия капитализма» (1978).

в развитии производительных сил, который вообще лишает содержания производственные отношения. Логика этого скачка исходит из предположения, что прогресс в автоматизации производства делает ненужным участие в нем людей, которые смогут, наконец, избавиться от адамова проклятия¹. Совершится долгожданный «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»².

Действительно, уровень производительных сил уже сейчас позволяет прокормить более 20 млрд человек [6]. Доля работающих в сфере материального производства составляет менее четверти занятых и имеет тенденцию к снижению [7, с. 97, 98]. Одновременно сокращается доля занятых рутинным трудом в сферах управления, социального обслуживания, строительстве, инфраструктуре. Они замещаются роботами, алгоритмами, автоматизированными процессами. Можно предположить, что эта тенденция в обозримое время приведет к полному вытеснению всех нетворческих видов деятельности. И в этом царстве свободы от тяжелого труда производственные отношения будут замещены социальными. Однако это не означает всеобщего благополучия и гармонии. Неравенство в обладании собственностью, деньгами, властью создает сложные противоречивые отношения между людьми, которые могут оказаться антагонистическими.

Возможно, в будущем закономерности воспроизводства экономики как единой системы техникой социально-экономических отношений прекратят свое действие. Но это может произойти только вследствие этого самого действия. Ниже закономерности долгосрочного экономического развития экстраполируем в будущее, чтобы выявить признаки ноономики в формирующихся новых технологических, социальных и экономических структурах.

¹ «Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» // Ветхий Завет, Бытие. Гл. 3.

² Из книги «Анти-Дюринг» (отд. 3, гл. 2) Фридриха Энгельса (1878).

*Мировой кризис как процесс смены
технологических и мирохозяйственных укладов*

Охвативший мир кризис носит структурный характер, обусловленный кардинальными технологическими и институциональными изменениями.

В настоящее время происходит переход от пятого к шестому технологическому укладу (ТУ). В основе последнего лежит комплекс нано-, биоинженерных и аддитивных технологий, которые, наряду с информационно-коммуникационными и когнитивными, являются ключевым фактором роста нового ТУ. Его ядро расширяется с темпом около 35% в год, формируя технологические траектории новой длинной волны экономического роста [8].

Переход к шестому ТУ совершается через очередную технологическую революцию, кардинально повышающую эффективность основных направлений развития экономики. Стоимость производства и эксплуатации средств вычислительной техники на нанотехнологической основе снизится еще на порядок, многократно возрастут объемы ее применения в связи с миниатюризацией и приспособлением к конкретным потребительским нуждам. Наноматериалы обладают уникальными потребительскими свойствами, создаваемыми целевым образом, в том числе в целях многократного повышения прочности, износостойкости, надежности производимых из них изделий. В машиностроении на основе системы «нанокomпьютер – наноманипулятор» создаются сборочные автоматизированные комплексы и 3D-принтеры, способные собирать любые макроскопические объекты по заранее снятой либо разработанной трехмерной сетке расположения атомов. С развитием наномедицинских роботов, методов адресной доставки лекарств к пораженным участкам организма, клеточных технологий в медицине кардинально расширяются возможности профилактического лечения и продления человеческой жизни¹. Медицина полу-

¹ Автором настоящей статьи в 2016 г. зарегистрировано научное открытие «Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик» (свидетельство о регистрации №65-S выдано Международной академией авторов научных открытий и изобретений ^{см. на след. странице}

чит в свое распоряжение технологии борьбы с болезнями на клеточном уровне, предполагающие точную доставку лекарственных средств в минимальных объемах и с максимальным использованием способностей организма к регенерации. Трансгенные культуры многократно снижают издержки, повышают эффективность и улучшают потребительские качества фармацевтического и сельскохозяйственного производства. Генетически модифицированные микроорганизмы будут использоваться для извлечения металлов и чистых материалов из горнорудного сырья, революционизируя химико-металлургическую промышленность.

Одновременно с технологической революцией развивается социально-политическая. Происходит переход от имперского к интегральному мирохозяйственному укладу, американский вековой цикл накопления капитала сменяется азиатским¹. Система институтов, задававшая ход американскому циклу накопления, больше не обеспечивает поступательное развитие производительных сил. Спустя четверть века после установления глобального доминирования США мировой рынок уже не обеспечивает расширенное воспроизводство институтов американского цикла накопления. На периферии американского цикла накопления возник новый центр быстро расширяющегося воспроизводства, который в сфере производства товаров превзошел США. Провал попытки последних усилить свои конкурентные преимущества путем организации трансокеанических зон свободной торговли свидетельствует о переходе нынешнего мирохозяйственного уклада в фазу упадка. По мере нарастания американской агрессивности – от торговой войны к применению биологического оружия – у стран ядра формирующегося нового мирохозяйственного уклада исчезают основания для дальнейшего поддержания финансовой пирамиды американских обязательств, составляющей основу американского цикла накопления капитала. Решение Китая о пре-

см. на предыдущей странице под научно-методическим руководством Российской академии естественных наук).

¹ Научная гипотеза С. Глазьева «Гипотеза о периодической смене мирохозяйственных укладов» (свидетельство №41-Н о регистрации Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством РАЕН, 2016 г.).

крашении наращивания долларовых резервов обозначило предел бесконфликтного разрешения противоречия между расширенным воспроизводством американских долговых обязательств и глобальными инвестиционными возможностями. Этот процесс неизбежно приобретет в скором времени лавинообразный характер, что повлечет разрушение нынешнего мирохозяйственного уклада.

Современное развитие производительных сил требует новых производственных отношений и институтов организации глобальной экономики, обеспечивающих устойчивое развитие и отражение планетарных угроз, включая экологические и космические.

На основе возвышения Китая и Индии формируется ядро нового мирохозяйственного уклада, что влечет реформирование мирового экономического порядка и международных отношений. Об этом же свидетельствует возрождение отвергнутых «вашингтонским консенсусом» институтов планирования социально-экономического развития и государственного регулирования основных параметров воспроизводства капитала, промышленной политики, контроля за трансграничными потоками капитала и валютных ограничений.

Сочетая государственное планирование и рыночную самоорганизацию, государственный контроль за движением денег и частное предпринимательство, интегрируя интересы всех социальных групп вокруг цели повышения общественного благосостояния, КНР демонстрирует рекордные темпы роста инвестиционной и инновационной активности, более тридцати лет лидируя в мире по темпам экономического роста. Если в США, несмотря на пятикратное увеличение объема долларов за последнее десятилетие, экономика продолжает стагнировать, то КНР сочетает максимальные уровни монетизации экономики, нормы накопления и темпы ее роста. Ориентирующаяся на максимизацию текущей прибыли американская финансовая олигархия явно уступает по эффективности управления развитием экономики китайским коммунистам, использующим рыночные механизмы для повышения народного благосостояния за счет роста производства и инвестиций, а также индийским националистам, создавшим свой вариант интегральной системы управления развитием экономики с демократической политической системой.

Все страны (от Вьетнама до Эфиопии), идущие по пути формирования конвергентной модели, сочетающей социалистическую идео-

логию и государственное планирование с рыночными механизмами и частным предпринимательством (регулируя последнее в целях повышения производства материальных благ), демонстрируют опережающее устойчивое развитие на фоне стагнации ведущих капиталистических стран. Американский вековой цикл накопления капитала сменяется азиатским, а центр мировой экономики смещается в Юго-Восточную Азию.

Новый мирохозяйственный уклад основан на принципах недискриминации, взаимного уважения суверенитета и национальных интересов сотрудничающих государств, ориентируя их не на обслуживание международного капитала, а на подъем народного благосостояния. Характерный для стран ядра интегрального мирохозяйственного уклада подход к международной политике (отказ от вмешательства во внутренние дела, от военной интервенции и торговых эмбарго) дает развивающимся странам реальную альтернативу выстраивания равноправных и взаимовыгодных отношений с другими государствами. Он принципиально отвергает применение силы, а также использование санкций во внешней политике.

Формируется новая, более эффективная по сравнению с предыдущими, система институтов воспроизводства экономики, центр мирового развития перемещается в ЮгоВосточную Азию, что позволяет говорить о начале нового – азиатского – векового цикла накопления капитала. Наряду с Китаем в формирование ядра нового мирохозяйственного уклада вовлечены Вьетнам, Япония, Сингапур, Индия и Ю. Корея, принципиально отличающиеся от него политическим устройством и доминирующей формой собственности. Общими для них являются сочетание институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы, а также приоритет общенародных интересов над частными, что выражается в жестких механизмах личной ответственности граждан за добросовестное поведение, четкое исполнение своих обязанностей, соблюдение законов, служение общенациональным целям. Система управления социально-экономическим развитием строится на механизмах личной ответственности за повышение благополучия общества.

Смена мирохозяйственных укладов до сих пор всегда сопровождалась мировыми войнами. Их провоцировал теряющий влияние глобальный лидер, чтобы удержать контроль за своей периферией в завершающей фазе жизненного цикла соответствующего мирохозяйственного уклада. И всегда заканчивалась появлением нового глобального лидера, превосходство которого обеспечивалось институциональными преимуществами нового мирохозяйственного уклада. Так, две мировых войны прошлого столетия опосредовали переход от мирохозяйственного уклада колониальных империй к имперскому укладу, который в завершающей фазе своего жизненного цикла приобрел форму либеральной глобализации. Движущей силой этого перехода было противоречие между быстрым расширением производства на американской и европейской периферии доминировавшей в системе мирохозяйственных связей Великобритании и возможностями последней по удержанию глобального контроля.

Происходящая эскалация мировой гибридной войны отражает стремление США любыми средствами и инструментами максимально оттянуть момент краха своей финансовой системы и перескочить на новую длинную волну роста до его наступления. Для этого они пытаются переложить бремя обслуживания своих обязательств на другие страны или вовсе их списать. Удержать контроль над нефтедолларами помогают войны на Среднем и Ближнем Востоке. Контроль над наркодолларами предполагает контроль над Афганистаном. Госпереворот на Украине и установление в ней антироссийского нацистского режима направлен на стравливание европейских стран НАТО с Россией и ослабление всех сторон конфликта ради усиления над ними контроля со стороны американской властвующей элиты с целью упрочения возможностей последней по ослаблению Китая. При этом контроль над Россией американские геополитики рассматривают как ключ к удержанию глобального лидерства.

Современная ситуация характеризуется наложением процессов смены технологических и мирохозяйственных укладов, следствием чего становится резонансное усиление кризисных явлений. Типичная для смены технологических укладов гонка вооружений с обострением военно-политической напряженности переходит в мировую войну, которая является закономерной фазой смены мирохозяйственных укладов.

С точки зрения исторических аналогий нынешнее десятилетие аналогично Великой депрессии, предшествовавшей Второй мировой войне. И хотя благодаря колоссальной денежной накачке эмитенты мировых валют смогли смягчить структурный кризис и избежать резкого падения производства, экономики ведущих стран мира пребывают в состоянии длительной стагнации. Накопленные за десятилетие потери потенциального ВВП сопоставимы с ущербом от падения производства в 1930-е гг., которое было сравнительно быстро преодолено.

Разворачивающийся мировой кризис усугубляет экономическую ситуацию, и счет потерь ВВП в современный период, видимо, превысит провал в соответствующий период прошлого века. Если тогда выход из Великой депрессии произошел быстро и резко благодаря колоссальному увеличению государственного спроса вследствие милитаризации экономики в преддверии и в ходе мировой войны, то сегодня гибридная война ведется, главным образом, в сфере гуманитарных технологий и не нуждается в производстве большого количества оружия и военной техники. И, к счастью, она не сопровождается гигантскими потерями населения и материального богатства, что избавляет от роста расходов на восстановление. Вместе с тем не стоит недооценивать угрозы человечеству, возникающие в связи с глубокими структурными изменениями мировой экономики. Тем более в ситуации, когда агрессор преступил красную черту, открыв биологический фронт войны за гегемонию ценой угрозы самому существованию человечества.

В прошлом столетии властвующая элита Великобритании пыталась сохранить свою глобальную гегемонию за счет провоцирования войн между своими главными конкурентами: Японии против России; Германии с Австро-Венгрией против России и СССР; Японии против США. Чтобы сдержать развитие последних Британская империя даже ввела в 1930-е гг. эмбарго на импорт американских товаров. Сегодня то же самое пытается делать руководство США в отношении китайских товаров. Аналогичным образом американские спецслужбы провоцируют конфликты между своими главными конкурентами, подталкивая Вьетнам и Японию на конфликт с Китаем и выращивая русофобские режимы на постсоветском пространстве с целью разрушения исторической России.

В силу неумолимых законов мирового социально-экономического развития США обречены на поражение в развязанной ими торговой войне с КНР. Но американская властвующая элита будет бороться за глобальное лидерство всеми доступными ей методами, невзирая на международное право. Впрочем, последнее она уже разрушила: игнорируя нормы ВТО при торговой войне с Китаем; нарушая Устав ООН вооруженной агрессией на Балканах и на Ближнем Востоке, а также организацией госпереворотов в ряде стран Европы и Южной Америки; Устав МВФ – финансовыми санкциями против России; занимаясь разработкой биологического оружия, кибертерроризмом и наращиванием военного присутствия в других странах и в космосе вопреки международным конвенциям; спонсируя религиозный экстремизм и неонацизм с целью организации и манипулирования террористическими организациями; арестовывая имущество и похищая неугодных граждан других стран. В полном соответствии с теорией [9] эта война инициируется властвующей элитой США в целях удержания своей глобальной гегемонии в условиях появления в КНР на порядок более эффективной системы управления развитием экономики. Остается открытым вопрос: до каких пределов могут дойти американские лидеры в преступлениях против человечества в своем стремлении удержать господство?

Мировые войны существенно различаются применяемыми технологиями. Вторая мировая была войной моторов, давшей мощный импульс развитию автомобилестроения и промышленности органического синтеза, ставших ядром нового ТУ. К середине 1970-х гг. он достиг пределов роста, и начался процесс его замещения следующим ТУ, ядром которого стали микроэлектронная промышленность и информационно-коммуникационные технологии. Доктрина «звездных войн» и развернутая США гонка вооружений в ракетно-космической сфере дала мощный импульс росту этого ТУ, который продолжался вплоть до начала нынешнего столетия. Сегодня происходит процесс замещения этого уклада следующим, ядро которого составляют цифровые, нано биоинженерные технологии. Как и раньше, он стимулируется гонкой вооружений. Однако базисные технологии формирующегося нового ТУ существенно отличаются от предшествующих. Для стимулирования их разработки хорошо подходят высокоточное ракетное, целевое биологическое, кибернетическое и

информационное когнитивное оружие, поражающее стратегические объекты, системы управления, население и сознание противника. Нетрудно заметить применение этих видов оружия в настоящее время: высокоточного оружия – в боевых действиях; биологического – в форме пандемии коронавируса; кибернетического – в кибератаках против объектов финансовой и энергетической инфраструктуры; когнитивного – в социальных сетях. При невозможности применения ядерного и химического оружия современная мировая война приобретает гибридный характер, когда широко используются финансовые, торговые, дипломатические приемы сокрушения противника. США используют свое превосходство во всех перечисленных сферах.

В прошлом столетии мировые войны шли за обладание территорией, во всяком случае со стороны главных агрессоров – Германии и Японии, провозгласивших своей целью расширение жизненного пространства для своих наций путем порабощения остального человечества. Нынешняя мировая гибридная война разворачивается властвующей элитой США за контроль над мировой экономикой, прежде всего за ее финансовой системой. Приватизировав функцию эмиссии мировой валюты, американская властвующая олигархия может эксплуатировать все человечество посредством обмена создаваемых ею фиатных денег на реальные материальные блага и активы. Целью ее агрессии является завершение процесса либеральной глобализации, в рамках которой во всех странах должны обеспечиваться свободное обращение доллара в качестве мировой валюты и обмен на нее всех национальных товарно-материальных ценностей и активов. Поэтому боевые действия в нынешней гибридной войне происходят не посредством применения танков, кораблей и самолетов, как это было в прошлом веке, а путем целевого использования финансовых инструментов, торговых ограничений, кибератак и манипулирования общественным сознанием.

Вооруженные силы применяются на завершающей фазе боевых действий в карательных целях для окончательной деморализации поверженного противника, а биологическое оружие – для создания паники в целях дезорганизации управления и остановки экономической деятельности, в конечном счете – для обесценения активов миллионов инвесторов и граждан с целью их последующей скупки глобальным олигархатом.

Началом современного перехода к смене мирохозяйственных укладов следует считать крах мировой системы социализма [10]. Сегодня он вступает в завершающую фазу, в ходе которой должно произойти окончательное разрушение имперского мирохозяйственного уклада, перешедшего после распада СССР под контроль США, и переход к новому. Контуры последнего уже сформированы в Китае и других странах ЮгоВосточной Азии, осваивающих институты и создающих системы управления воспроизводством экономики интегрального мирохозяйственного уклада. Их эффективность подтверждается не только динамикой макроэкономических показателей, но и успешным отражением американской агрессии в ходе гибридной мировой войны.

Нет сомнений в том, что китайская система регулирования воспроизводства экономики выйдет из этого кризиса еще более окрепшей. Ее денежные власти воспользовались декапитализацией финансового рынка, чтобы консолидировать национальный контроль над сегментами экономики, зависимыми от иностранных акционеров. Экономика Китая станет не только более эффективной благодаря падению цен на энергоносители и сырьевые товары, но и более привлекательной для иностранных инвестиций. Хотя падение производства вследствие остановки предприятий в течение эпидемии оценивается в 50...70 млрд долларов, оно быстро восстановится, в то время как США и ЕС только предстоит его пережить. При этом КНР удалось избежать банкротств системообразующих банков и предприятий, принадлежащих и поддерживаемых государством, которое полностью контролирует банковскую систему страны, ее транспортную, энергетическую и социальную инфраструктуру.

Дальнейшее развертывание мирового финансового кризиса объективно будет сопровождаться усилением КНР и ослаблением США. Существенно пострадают также страны, находящиеся на периферии американоцентричной финансовой системы (включая ЕС и Россию). Вопрос заключается только в масштабе этих изменений. При благоприятном стечении обстоятельств продолжающаяся более 10 лет великая стагнация экономики западных стран продолжится до тех пор, пока оставшиеся после схлопывания финансовых пузырей капиталы не будут инвестированы в производства нового ТУ, и они смогут «оседлать» новую длинную волну Кондратьева. При неблагоприятном

ходе событий денежная накачка финансовой системы выльется в галопирующую инфляцию, что повлечет дезорганизацию производства экономики, падение уровня жизни населения и политический кризис. У властвующей элиты США останутся две возможности: 1 – смириться с утратой глобального доминирования и принять участие в формировании нового мирохозяйственного уклада; 2 – перейти к эскалации уже ведущейся ими мировой гибридной войны. И, хотя объективно победить в этой войне они не смогут, ущерб для человечества может быть катастрофическим, вплоть до летального.

Новый мировой порядок: сценарии перехода к ноономике

В прошлом веке в аналогичный период одновременной смены технологических и мирохозяйственных укладов развитие шло по трем глобальным политическим траекториям. В России после социалистической революции возникает прообраз нового мирохозяйственного уклада с коммунистической идеологией и тотальным государственным планированием. Через 15 лет для преодоления Великой депрессии в США реализуется Новый курс, формирующий другой тип нового мирохозяйственного уклада, с идеологией государства всеобщего благосостояния и государственно-монополистическим регулированием экономики. Чуть позже в Германии формируется его третий тип – с нацистской идеологией и частно-государственной корпоративной экономикой.

Все эти изменения происходят в завершающий период Британского цикла накопления капитала и лежащего в его основе колониального мирохозяйственного уклада. Занимая центральное место в мировой экономической системе, властвующая элита Великобритании пытается противостоять изменениям, подрывающим ее глобальное доминирование. Против СССР вводится экономическая блокада, для провоцирования массового голода разрешается импортировать из России только зерно. Против США вводится торговое эмбарго. В Германии поощряется антикоммунистический нацистский переворот, английские спецслужбы (в целях противостояния влиянию СССР) защищают и продвигают к власти Гитлера. С теми же намерениями и в ожидании высоких дивидендов американские корпорации инве-

стируют большие средства в модернизацию германской промышленности [11].

Англичане применяют свою традиционную геополитику – по принципу «разделяй и властвуй», провоцируя войну между Германией и СССР. Они надеются повторить свой успех в развязывании Первой мировой войны, в результате которой произошло самоистребление всех основных конкурентов Великобритании в Евразии: Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской и, окончательно, Китайской империй. Но сразу же после начала войны выясняется качественное превосходство Третьего рейха над всеми европейскими странами, включая Великобританию, в эффективности управления экономикой и мобилизации имеющихся ресурсов для военных целей. И хотя Великобритания, благодаря союзническим отношениям с СССР, оказалась в числе победителей, после Второй мировой войны она лишилась своей колониальной империи – более 90% территории и населения.

Самой эффективной на тот момент оказалась советская система управления народнохозяйственным комплексом, которая совершила три экономических чуда: эвакуацию промышленных предприятий из европейской части на Урал и в Сибирь, за полгода отстроив новые промышленные районы; выход на запредельные для других стран параметры производительности труда и фондоотдачи, на порядок превысившие показатели объединенной фашистами Европы; стремительное восстановление после войны полностью разрушенных оккупантами городов и производственных мощностей.

Новый курс Рузвельта существенно повысил мобилизационные возможности американской экономики, что позволило США нанести поражение Японии в Тихоокеанском бассейне. В послевоенной Западной Европе у США не было конкурентов: бывшие колонии европейских государств стали зоной соперничества американских корпораций и советских министерств. Дальнейшее мировое развитие происходило в формате холодной войны двух мировых империй – советской и американской, имевших схожие технократические и диаметрально противоположные политические модели управления социально-экономическим развитием. Каждая из них имела свои преимущества и недостатки, но при этом кардинально превосходила по эффективности организации массового производства и воз-

возможностям мобилизации ресурсов систему семейного капитализма с беспощадной эксплуатацией наемных работников и рабов.

Аналогичная картина складывается в настоящее время. Формирующийся новый мирохозяйственный уклад также имеет три разновидности. Первая, сформированная в КНР под руководством Компартии Китая, характеризуется сочетанием институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы и демонстрирует потрясающую эффективность управления развитием экономики, на порядок превосходящую американскую систему. Это наглядно проявилось в многократно более высоких темпах развития передовых секторов промышленности за последние 30 лет и подтверждено результативностью борьбы с эпидемией.

Вторая разновидность интегрального мирохозяйственного уклада формируется в Индии – самой большой функционирующей демократии в мире. Основы индийской разновидности интегрального строя были заложены еще махатмой Ганди и Джавахарлалом Неру на фундаменте индийской культуры. Национализация банковской системы, проведенная правительством Индиры Ганди, позволила поставить управление финансовыми потоками в соответствие с индикативными планами развития экономики.

Правильно выбранные приоритеты дали толчок развитию ключевых направлений формирования нового технологического уклада, и сегодня Индия выходит на первое место в мире по темпам экономического роста. Как и в Китае, государство регулирует рыночные процессы в целях повышения народного благосостояния, стимулируя инвестиции в развитие производства и освоение новых технологий. При этом валютно-финансовые ограничения удерживают капитал внутри страны, а государственное планирование направляет предпринимательскую активность на производство материальных благ.

Третью разновидность нового мирохозяйственного уклада можно разглядеть в тумане нарастающей пандемии массового психоза. Из недр глубинного государства США инициируются заявки на формирование нового мирового порядка. На волне пандемии создаются институты, претендующие на управление человечеством. Фонд Б. Гейтса устанавливает контроль над деятельностью ВОЗ в части вакцинации

населения. При этом вакцинация используется для продвижения давно разрабатываемой им технологии биологического программирования в целях сокращения рождаемости и тотального контроля над поведением прививаемых людей. В этой технологии сочетаются достижения биоинженерии и информатики: вакцинация сопровождается чипизацией, позволяя создавать любые ограничения жизнедеятельности людей.

Видимо, неслучайно Билл Гейтс, приближая нужный ему образ будущего человечества, неоднократно возвещал о надвигающейся пандемии¹: в своем выступлении в 2015 г. он провозгласил, что мир «не готов к следующей эпидемии». В дискуссии об эпидемиях в 2018 г., организованной Массачусетским медицинским обществом и журналом *New England Journal of Medicine*, Гейтс предупредил, что пандемия может произойти в течение ближайшего десятилетия. 18 октября 2019 г. Центр безопасности в области здравоохранения при Университете имени Джона Хопкинса (именно по его ресурсу сейчас весь мир отслеживает эпидемию коронавируса) в партнерстве с Всемирным экономическим форумом и Фондом Билла и Мелинды Гейтс организовал мероприятие «Событие 201»² о реагировании на пандемию высокого уровня. Встреча была проведена как стратегическая игра, в ходе которой моделировался процесс распространения пандемии устойчивого вируса, передаваемого воздушно-капельным путем, а также при рукопожатиях и других тактильных контактах. Особенностью вируса, по сценарию стратегической игры, было отсутствие эффективной вакцины и избирательная смертность населения, в основном лиц с ослабленным иммунитетом.

Еще одним известным спонсором идеи мирового правительства как необходимого инструмента спасения человечества от угроз перенаселения и загрязнения Земли является Д. Рокфеллер. На предыдущем переломном этапе технико-экономического развития, когда

¹ Bill Gates has been warning of a global health threat for years (URL: <https://www.businessinsider.com/people-who-seemingly-predicted-the-coronavirus-pandemic-2020-3>)

² Центр безопасности в области здравоохранения при Университете имени Джона Хопкинса (URL: <http://www.centerforhealthsecurity.org/event201/>)

мировая экономика погрузилась в кризис в связи с завершением жизненного цикла 4-го ТУ, он инициировал создание Римского клуба, выступив с докладом «Пределы роста»¹. Сегодня тема самоограничения потребления ресурсов развивающимися странами вновь актуализируется мировыми СМИ. На этот раз она дополняется угрозой самоуничтожения человечества невиданными ранее вирусами.

Прогноз Фонда Рокфеллера о вирусной пандемии, подготовленный десять лет назад, поражает точностью совпадения с нынешней ситуацией. В 2010 г. был обнародован доклад Фонда Рокфеллера и Глобальной сети бизнеса «Сценарии для будущего технологии и международного развития»². В одном из сценариев доклада с названием в духе спецопераций секретных служб США из голливудских блокбастеров – Lock Step («Замыкающий шаг») – по сути, представлено моделирование глобальной дестабилизации посредством пандемии вируса. В упомянутом докладе говорится: *«Во время пандемии национальные лидеры во всем мире усилили свои полномочия и установили строжайшие правила и ограничения... Даже после того как пандемия прошла, этот более авторитарный контроль и надзор за гражданами и их деятельностью остались и даже усилились. Чтобы защитить себя от распространения все более глобальных проблем – от пандемий и транснационального терроризма до экологических кризисов и растущей нищеты, лидеры во всем мире стали править более жестко»*. Поскольку вирусы не знают государственных границ, напрашивается вывод о необходимости создания глобальных институтов регулирования человеческой жизнедеятельности.

Иными словами, третья разновидность нового мирохозяйственного уклада предполагает, по сути, формирование мирового правительства под руководством американской властвующей элиты в ин-

¹ «Пределы роста» (англ. The Limits to Growth) — доклад Римскому клубу, опубликованный в 1972 г. Содержит результаты моделирования роста человеческой популяции и истощения природных ресурсов. В написании доклада принимали участие Донелла и Деннис Медоуз, Йорген Рандерс и Уильям Беренс III.

² Scenarios for the Future of Technology and International Development. The Rockefeller Foundation, Global Business Network. May 2010.

тересах финансового олигархата, контролирующего эмиссию мировой валюты, транснациональные банки и корпорации, глобальный финансовый рынок. Это – продолжение тенденции либеральной глобализации, дополненной авторитарными технологиями контроля за населением стран, лишенных национального суверенитета. В представлении традиционных конфессий – это сценарий «электронного концлагеря», предвещающего конец Света, описанный во многих антиутопиях.

Каждая из охарактеризованных выше разновидностей нового мирохозяйственного уклада предполагает использование передовых информационных технологий – ключевой фактор нового технологического уклада и материальную основу ноономики. Все они используют методы обработки больших данных и системы искусственного интеллекта, необходимые для управления не только безлюдными производственными процессами, но и людьми в системах регулирования экономики и социального поведения. Цели этого регулирования задает властвующая элита, способ формирования которой предопределяет сущностные характеристики каждой из разновидностей нового мирохозяйственного уклада.

В Китае власть принадлежит руководству Коммунистической партии, которая организует регулирование экономики в целях повышения народного благосостояния и направляет социальное поведение на построение социализма с китайской спецификой. Рыночные механизмы регулируются таким образом, чтобы в конкуренции побеждали наиболее эффективные производственно-технологические структуры, а прибыль была пропорциональна их вкладу в прирост общественного благосостояния. При этом в средних и крупных корпорациях, в том числе негосударственных, действуют партийные организации, контролирующие соответствие мотивов экономической деятельности моральным ценностям коммунистической идеологии. Поощряются повышение производительности труда и эффективности производства, скромность и продуктивность руководителей и собственников. Наказываются злоупотребления доминирующим положением на рынке и спекулятивное манипулирование им, расточительность и паразитическое потребление. Для регулирования социального поведения разрабатывается система социального кредита: социальные возможности каждого гражданина будут зависеть

от его рейтинга, который постоянно корректируется с учетом баланса хороших и плохих поступков. Чем выше рейтинг, тем больше доверия к человеку при устройстве на работу, продвижении по службе, получении кредита, делегировании полномочий. Эта своеобразная модернизация советской системы ведения личных дел, которые сопровождали человека на протяжении всей его трудовой жизни, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Ее главная проблемная зона – зависимость механизма формирования продуктивной элиты общества от искусственного интеллекта.

Вторая разновидность нового мирохозяйственного уклада определяется демократической политической системой, различной в разных странах. Наиболее развита она в Швейцарии, где основные политические решения принимаются на всенародных референдумах. В большинстве стран она серьезно поражена коррупцией и подвержена манипулированию со стороны крупного бизнеса, который может быть патриотическим или компрадорским. Внедрение современных информационных технологий в систему выборов народных представителей может существенно повысить эффективность этой политической системы, исключив подтасовки результатов голосования и обеспечив равный доступ кандидатов к средствам массовой информации. Распределенность последних в блогосфере создает конкуренцию, повышающую их достоверность и объективность. При должном правовом обеспечении использования современных информационных технологий в избирательном процессе формируется автоматический механизм ответственности органов государственной власти за результаты своей деятельности в интересах общества. Чем образованнее и активнее граждане, тем эффективнее работает демократическая политическая система. Ее главная проблема – зависимость формирования властвующей элиты от кланово-корпоративных структур, не заинтересованных в прозрачности и честности выборов.

Наконец, третья разновидность нового мирохозяйственного уклада определяется интересами финансовой олигархии, претендующей на мировое господство. Достигается оно благодаря либеральной глобализации, заключающейся в размывании национальных институтов регулирования экономики и подчинении ее воспроизводства интересам международного капитала. Доминирующее положение в струк-

туре последнего занимают несколько десятков американско-европейских семейных кланов, контролирующих крупнейшие финансовые холдинги, силовые структуры, спецслужбы, СМИ, политические партии и формирующих «глубинное государство» [12]. Это ядро властвующей элиты США ведет гибридную войну со всеми не контролируемыми им странами, используя широкий арсенал финансовых, информационных, когнитивных и уже биологических технологий для их дестабилизации и хаотизации. Цель этой войны – формирование подконтрольной ему глобальной системы институтов, регулирующих воспроизводство не только мировой экономики, но и всего человечества посредством современных информационных, финансовых и биоинженерных технологий. Главная проблема – полная безответственность и аморальность такой политической системы, приверженность ее наследственной властвующей элиты мальтузианским, расистским и человеконенавистническим воззрениям. В процессе формирования нового мирового порядка неизбежна конкуренция между этими тремя разновидностями нового мирохозяйственного уклада.

Итак, существует три прогнозных сценария перехода к ноономике. Общей для них материальной основой является новый ТУ, ядро которого составляет совокупность цифровых, информационных, биоинженерных, когнитивных, аддитивных и нанотехнологий. С их помощью создаются безлюдные, полностью автоматизированные производства, управляющие безграничными базами данных системы искусственного интеллекта, трансгенные микроорганизмы, растения и животные, клонируются живые существа и регенерируются ткани человека. На этой технологической основе формируются институты интегрального мирохозяйственного уклада, обеспечивающие сознательное управление социально-экономическим развитием как суверенных государств, так и, потенциально, человечеством в целом. Достигается это путем сочетания государственного стратегического планирования и рыночной конкуренции на основе государственно-частного партнерства. В зависимости от того, в чьих интересах осуществляется регулирование деятельности автономных хозяйствующих субъектов, формируется одна из рассмотренных разновидностей нового мирохозяйственного уклада. Первые две – коммунистическая и демократическая – могут мирно сосуществовать, конкурируя и сотрудничая на основе норм международного права. Третья – оли-

гархическая – является антагонистической по отношению к первым двум, так как предполагает установление наследуемого мирового господства нескольких десятков американо-европейских семейных кланов, не совместимого ни с демократическими, ни с коммунистическими ценностями.

По какому из трех прогнозных сценариев пойдет эволюция человечества, зависит от исхода гибридной войны, развернутой американской властвующей элитой против суверенных государств. Главными целями американской агрессии являются Китай, ставший мировым лидером формирующегося нового мирохозяйственного уклада, и Россия, ракетно-ядерный щит которой нивелирует преимущества США в военно-политической области. Стратегическое партнерство России и Китая выступает непреодолимым препятствием на пути установления мирового господства финансового олигархата. Мощь последнего опирается на эмиссию мировых денег, возможности которой ограничены политической волей суверенных государств, способных создавать и использовать в международном сотрудничестве свои национальные валюты. Если Китай и Россия смогут сформировать независимую от доллара валютно-финансовую систему хотя бы для ШОС, исход мировой гибридной войны будет предрешен. Без подпитки своего платежного баланса бесконечной эмиссией мировой валюты американская империя быстро лишится своей военно-политической мощи.

Особенностью ноономики является ведущая роль знаний в управлении социально-экономическим развитием на национальном и глобальном уровнях. Как только механизм эмиссии мировых денег перестанет быть тайной для национальных денежных властей суверенных государств, доминирующему положению американо-европейских олигархических кланов на мировом финансовом рынке придет конец. Слабость их положения заключается в фиатной (фидуциарной) природе современных денег, покупательная способность которых основывается на доверии, формируемом государственной властью. Доверие к доллару базируется на военно-политической и экономической мощи США, которая быстро размывается по мере разворачивания гибридной войны. Каждый акт американской агрессии приносит краткосрочные политические дивиденды, но ухудшает положение США в долгосрочном и даже среднесрочном плане.

Так, благодаря на порядок более высокой эффективности китайской системы управления развитием экономики, США обречены на поражение в инициированной Трампом торговой войне. Финансовые санкции против России подрывают доверие к доллару как мировой валюте. Очередной крах финансового рынка США разрушает американский центр накопления капитала. Вброшенный против КНР коронавирус наносит США куда больший ущерб, чем Китаю.

Возможно, в стремлении удержать глобальное доминирование властвующая в США олигархия решилась на применение когнитивно-биологического оружия. В точном соответствии со сценарием пандемии Фонда Рокфеллера, написанным еще в 2009 г., государства в панике блокируют передвижение людей и парализуют деловую активность. Паралич экономики вызывает резкое падение уровня жизни населения и расстройство государственных финансовых систем по всему миру. Обладающие монополией на эмиссию мировых денег связанные с ФРС США олигархические кланы предлагают послушным национальным правительствам финансовую помощь, а испуганному населению – спасительную вакцину. В дальнейшем в соответствии с планом Фонда Б. и М. Гейтсов поголовная вакцинация будет использована как инструмент биoprogramмирования населения, соглашающегося с контролем глобальных институтов над рождаемостью и доступом к ресурсам обеспечения жизнедеятельности.

Вероятно, именно таков был замысел коронавирусной диверсии против Китая. Об этом говорят цепочка «странных» событий, начиная от сценария Фонда Рокфеллера и заканчивая частичной приватизацией ВОЗ Фондом Б. и М. Гейтсов, а также расследования деятельности глобальной сети американских секретных биоинженерных лабораторий. Однако китайская система мобилизации населения и здравоохранения оказалась гораздо эффективнее, чем на порядок более дорогостоящая американская. Провалилась попытка американских властей и СМИ обвинить в пандемии КНР. Китайское руководство, напротив, перехватило глобальную инициативу и оказывает другим странам помощь на фоне социального бедствия в США. В этом проявились преимущества создаваемого КНР интегрального мирохозяйственного уклада над системой глобального доминирования американско-европейской финансовой олигархии.

Ноономика будущего мирохозяйственного уклада

Из трех охарактеризованных выше сценариев формирования нового мирохозяйственного уклада вариант мирового правительства выглядит наименее вероятным. Хотя именно в его русле разворачивается мировая гибридная война, властвующая элита США обречена на поражение в силу более высоких мобилизационных возможностей КНР и незаинтересованности всех стран мира в этой войне. Ее можно не допустить формированием широкой антивоенной коалиции на основе создания автономной от доллара валютно-финансовой системы, заключения конвенции против кибертерроризма, формирования механизма контроля за исполнением Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия (1975 г.).

При наиболее вероятном исходе мировой гибридной войны – не в пользу США – новый мирохозяйственный уклад будет формироваться в конкуренции коммунистической и демократической разновидностей, результаты которой будут определяться их сравнительной эффективностью в освоении возможностей и нейтрализации угроз нового ТУ. Эта конкуренция будет носить мирный характер и регулироваться нормами международного права. Все аспекты регулирования – от контроля за глобальной безопасностью до эмиссии мировых валют – будут основываться на международных договорах. Страны, отказывающиеся от принятия обязательств и международного контроля за их соблюдением, будут изолироваться в соответствующих сферах международного сотрудничества. Мировая экономика станет более сложной, восстановление значения национального суверенитета и разнообразие национальных систем регулирования хозяйственной деятельности будут сочетаться с фундаментальным значением международных организаций с наднациональными полномочиями.

Конкуренция коммунистической и демократической разновидностей интегрального мирохозяйственного уклада не будет антагонистической. К примеру, в китайской инициативе «Один пояс – один путь» с идеологией «единой судьбы человечества» участвует множество стран с различным политическим устройством. Демократические страны ЕС создают зоны свободной торговли с коммунистическим Вьетнамом. Ландшафт конкурентной борьбы будет определяться

сравнительной эффективностью национальных систем управления. Все они столкнутся со следующими вызовами нового технологического уклада:

1. Массовое высвобождение занятых рутинным трудом, который будет замещен автоматическими системами управления как в материальном производстве, так и в сфере услуг. Этим людям нужно будет либо освоить новые творческие профессии, либо дать им возможность досрочного выхода на пенсию.

2. Раскол общества на креативный класс (людей, занятых творческой самореализацией) и прекариат (обслуживающий персонал и потребители). Для социальной гармонии между этими двумя группами должны работать социальные лифты и системы социального обеспечения, позволяющие малоимущим получать хорошее образование, а «малознающим» – нормальный уровень жизни.

3. Фрагментация общества по социальным сетям, дифференцированным в зависимости от мировоззренческих представлений, моральных ценностей и потребностей. Интеграция этих сетевых сообществ государством должна вестись путем гармонизации их интересов в достижении общих целей повышения общественного благосостояния.

4. Концентрация власти у ноократии, знания которой создают неограниченные возможности для использования потенциально опасных для общества технологий. Эти люди должны согласиться на ограничение свободы творчества в сферах, представляющих опасность для человечества, включая биоинженерию, ядерную физику, системное программирование, тонкую химию и т.п.

5. Размывание социальных групп, основанных на физическом ощущении солидарности вследствие аутизма и социопатии растущей части населения, замыкающейся в виртуальном пространстве. Этим людям необходимы особые условия выживания и самореализации, требующие соответствующих механизмов социальной адаптации. Их интеграция в социум становится важной задачей национальной безопасности.

6. Увеличение доли свободного времени вследствие высвобождения людей из трудоемких сфер деятельности. Для использования этого времени в созидательных целях необходимо развитие сфер творческой самореализации, не связанных с работой ради потребления. За порогом этого вызова открывается дверь в ноономику.

Вызовы современной технологической революции можно продолжать. Способные их принять и конструктивно использовать институты формируются в рамках интегрального мирохозяйственного уклада. Общим знаменателем его двух базовых разновидностей является ноономика, определяющая способность системы управления создавать и регулировать автоматически воспроизводящиеся процессы социально-экономического развития. Эффективность демократической и коммунистической ипостасей интегрального мирохозяйственного уклада будет зависеть от нивелирования негативного влияния субъективных факторов управления и стимулирования их позитивной роли. Позитивный отбор этих факторов достигается посредством автоматически действующего механизма ответственности лиц, принимающих решения, перед обществом. В КНР экспериментируют с системой социального кредита, накладываемой на традиционную для Китая конфуцианскую этику. В Швейцарии развивают автоматические механизмы прямой демократии, заставляющие власть подчиняться постоянному народному контролю и волеизъявлению через референдумы.

Вероятнее всего, основная конкуренция между коммунистической и демократической разновидностями нового мирохозяйственного уклада развернется между Китаем и Индией, лидирующими сегодня по темпам экономического развития и претендующими (вместе со своими сателлитами) на добрую половину мировой экономики. Институты нового мирохозяйственного уклада на основе ноономики успешно формируются в Японии, Корее, странах АСЕАН. Остается открытым вопрос о будущем других стран, включая Россию, властвующая элита которых противодействует принципам ноономики. Без создания автоматически действующих механизмов ответственности власти перед обществом и эффективного кадрового отбора институты нового мирохозяйственного уклада в их демократической и коммунистической ипостасях создать невозможно. А без них нельзя освоить производства нового технологического уклада, требующие высокого профессионализма и социальной гармонии.

Ноономика снимает ресурсные ограничения в обеспечении материальных потребностей человечества. Современные аграрные технологии позволяют прокормить вдвое больше людей, чем сегодня проживает на планете. Энергетические технологии, особенно гели-

оэнергетика, снимают проблемы ограниченности невоспроизводимых сырьевых ресурсов, а информационные технологии успешно заменяют человека при обработке огромного количества данных. Ограничения в социально-экономическом развитии связаны, прежде всего, с субъективными факторами управления: коррупцией, некомпетентностью, кумовством, жадностью и жаждой власти – несовместимыми с принципами ноономики и институтами нового мирохозяйственного уклада.

Список литературы

1. Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2018.
2. Глазьев С. Мировозхозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии / С. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2016. – №2. – С. 3–29.
3. Глазьев С. Прикладные результаты теории мировозхозяйственных укладов / С. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2016. – №3. – С. 3–1.
4. Бодрунов С.Д. Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.
5. Кузнецов А.В. Новая экономика и постиндустриальное общество: сопоставление понятий / А.В. Кузнецов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №2(140). – Экономика, вып. 18.
6. Клюкин Н.Ю. Оценка биологической емкости агросферы с целью определения предельной численности населения земли / Н.Ю. Клюкин, В.А. Гутников // Государственное управление: электронный вестник. – 2018. – № 69. – С. 482–497.
7. Зиновьев А. Запад / А. Зиновьев. – М.: ЗАО «Изд-во Центрполиграф», 2000.
8. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / под ред. С. Глазьева и В. Харитонova. – М.: Товант, 2009.
9. Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают / С. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2016.

10. *Швейцер П.* Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря / П. Швейцер. – Минск, 1995.

11. *Higham Ch.* Trading With The Enemy: An Expose of The Nazi-American Money Plot 1933–1949 / Ch. Higham. – New York, 1983.

12. *Коулман Д.* Комитет 300. Тайны мирового правительства / Д. Коулман. – М.: ИД «Витязь», 2005.

Нигматулин Р.И.,

доктор физико-математических наук, академик РАН,
 профессор, научный руководитель
 Института океанологии им. П.П. Ширшова,
 член Президиума РАН, заведующий кафедрой механико-
 математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Nigmatulin R.I.,

Doctor of Phys.-Math. Sc., Academician of the Russian
 Academy of Sciences, Professor, Scientific Director
 of the P.P.Shirshov Institute of Oceanology, member
 of the Presidium of the Russian Academy of Sciences,
 head of the Department of Mechanics and Mathematics
 Faculty of Lomonosov Moscow State University

Нигматулин Б.И.,

доктор технических наук, профессор,
 генеральный директор Института проблем энергетики

Nigmatulin B.I.,

Doctor of Tech. Sc., Professor,
 Director General of the Institute of Energy Problems

Пандемия. Мировой кризис.**Экономическое состояние России¹****Pandemic. World crisis.****The economic state of Russia**

¹ Материал статьи опубликован в журнале «Экономическое воз-
 рождение России» (№ 2 (64), 2020, с. 45–58).

Аннотация. Анализируется влияние на социально-экономическое развитие России пандемии коронавируса и мирового кризиса, который характеризуется тремя показателями: 1) ростом инфляции; 2) потерей рабочих дней; 3) падением цен и спроса на экспортные товары. Приведены расчеты падения ВВП из-за снижения цен на углеводороды по трем сценариям (оптимистическому, базовому и тяжелому). Предлагаются меры по смягчению последствий кризиса.

Abstract. The authors analyze the effect of the coronavirus pandemic and world crisis on Russia's socioeconomic development and determine that it is characterized by: (1) rising inflation; (2) lost work days; (3) drop in prices and demand for export commodities. The article provides calculations on three scenarios (optimistic, basic and pessimistic) of a GDP drop caused by falling hydrocarbon prices and suggests measures for alleviating the effects of the crisis and consequences of the pandemic.

Ключевые слова: мировой кризис, пандемия коронавируса, социально-экономическое развитие, оптимистический, базовый и тяжелый сценарии, меры по смягчению воздействия кризиса и последствий пандемии.

Keywords: world crisis; coronavirus pandemic; socioeconomic development; optimistic, basic and pessimistic scenarios; measures for alleviating the effects of the crisis and consequences of the pandemic.

На седьмом году стагнации Россию постигли две беды: корона-вирусная пандемия, охватившая весь мир, и мировой экономический кризис, спровоцировавший резкое снижение мировых цен на углеводородное сырье и топливо. Для российской экономики эти события особенно болезненны. Наша страна в последние шесть лет либо переживала экономический кризис (2014–2016 гг.), либо имела слабый экономический рост (около 1% в год¹) в 2017–2019 гг. В 2019 г. уровень доходов населения (в сопоставимых ценах) снизился на 6% по сравнению с 2013 г.

¹ А потери от аварий, катастроф и старения основных фондов составляют более 1% ВВП.

Это тем более прискорбно, что в России среднедушевой ВВП, пересчитанный в доллары по паритету покупательной способности¹ (\$ППС = 25,5 рублей в ценах 2019 г.), низок в европейском масштабе. Он заметно ниже, чем в странах Восточной и Центральной Европы (Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Словения)², и даже, чем в республиках Прибалтики (Литва, Эстония, Латвия). У нас в два раза ниже уровень социальных затрат государства, определяемый долей ВВП на развитие человека (образование, здравоохранение, наука и культура). Из-за этого общий коэффициент смертности (число смертей на 1000 человек) у нас 12,4, что больше, чем в новых (10,7) и старых (9,3) странах Европы, а также в РСФСР в 1980–1990 гг. (10,9).

Несмотря на декларации и призывы, экономика России так и не сошла с «нефтяной иглы», в ней не построен внутренний механизм выхода из кризиса и послекризисного подъема. Все предыдущие выходы из кризиса связаны с восстановлением мировых цен на нефть. Последнее достаточно ярко проявилось в 2010–2013 гг., когда выход был обусловлен почти двукратным ростом мировой цены нефти³. Именно за счет этого наша страна восстановилась и превысила лучшие докризисные показатели по экономике и в социальной сфере.

Сегодняшний кризис характеризуется тремя показателями: 1) ростом инфляции; 2) потерей рабочих дней; 3) падением цен и спроса на экспортные товары, в которых 90% занимают сырье и полусырье.

1. Рост инфляции

В Приложении 1 (п. 1.1) принят сценарий, при котором в 2020 г. среднегодовой курс доллара будет равняться 73,0 рублям, т.е. вырастет с $\$_{ЦБ} = 64$ р. в 2019 г. на $\Delta \$_{ЦБ} = 9$ р. (на 14%). А доля импорта товаров и услуг в ВВП сохранится на многолетнем уровне (20%), и

¹ Именно по \$ППС, соотнесенному с ценами в стране, а не по банковскому курсу ($\$_{ЦБ} = 75$ рублей) надо сравнивать доходы населения в разных

² За исключением Румынии, Болгарии, Украины и Белоруссии.

³ Цена марки Brent поднялась с 60 долларов (2009 г.) до 110 долларов (2012 г.) за баррель.

внутренние инфляционные факторы будут сдержаны. В результате инфляция в 2020 г. увеличится на $0,2 \times 14 \% = 2,8\%$ к уровню инфляции (3,0%), заложенному в федеральном бюджете¹ на 2020 г. (составит до 5,8%).

Рост инфляции может быть выше из-за дополнительного падения курса рубля, роста внутренних цен, обусловленного падением ВВП, но, с другой стороны, ниже из-за падения потребительского спроса. Правительство и ЦБ постараются сдержать эти процессы. В 2020 г. инфляция будет на уровне 4–5% (см. прил. 1, п. 1.1).

2. Падение ВВП

из-за установления режима нерабочих дней

Для оценок режим нерабочих дней (каникул) принят равным 8 неделям (40 дней), составляющим 16,5 % от количества рабочих дней в году. Тогда падение ВВП можно представить состоящим из трех слагаемых (см. прил. 1, пп. 1.2–1.6):

первое – снижение производства товаров и услуг в компаниях с существенным электропотреблением или связанных с электрогенерацией, составит 2,5% ВВП, или 2,7 трлн рублей (в ценах 2019 г.);

второе – снижение производства на малых и средних предприятиях (МСП), занятых в сфере услуг с малым электропотреблением, оно равно 2,6%, или 2,8 трлн рублей в ценах 2019 г.;

третье слагаемое из-за последствия «каникул» связано с падением покупательского спроса обедневшего населения, с проблемами оплат между смежными предприятиями, отсутствием или дефицитом средств для закупки материалов, комплектующих и т.д. Это – плюс еще не менее 1,5–2 % ВВП.

В итоге за счет потери 40 рабочих дней и их последствия «каникул» падение годового ВВП составит 7%.

В последние годы доля денежных доходов населения России составляла в среднем 56% от ВВП. Тогда падение доходов населения

¹ Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов».

из-за «каникул» равно $0,56 \times 7 \% = 4\%$ ВВП, или 4,5 трлн рублей в ценах 2019 г.

3. Падение ВВП из-за снижения мировых цен на нефть и газ

Снижение мировых цен и мирового спроса на углеводородное топливо (нефть, нефтепродукты, природный газ) и другое сырье российского экспорта (уголь, металлы, древесина, целлюлоза, удобрения, зерно и др.) – самая крупная компонента падения нашего ВВП. Для его оценки рассмотрены три сценария.

Маловероятный *оптимистический сценарий* основан на оценках Президента РФ и Правительства РФ в начале апреля 2020 г.: падение цены на 35% (с 63,6 до 42 долларов за баррель) и сокращение объема экспорта углеводородов на 10% (см. прил. 1, п. 1.5). Расчет этого сценария с учетом снижения цены и объема экспорта других товаров на 10% показывает падение ВВП из-за сокращения экспортной выручки на 8%. Этот сценарий, как показывают последние события на нефтяном рынке, *маловероятен*.

Расчет по *базовому сценарию* (27 долларов за баррель, сокращение объема экспорта углеводородов на 15%) и снижение цены на экспорт других товаров и их объема на 10% даст падение ВВП в 2020 г. из-за сокращения экспортной выручки на 12%.

Тяжелый сценарий (20 долларов за баррель, снижение объема экспорта углеводородов на 20%) и сокращение цены на экспорт других товаров и их объема на 20% даст падение ВВП на 15%.

Все приведенные оценки о нефтяном рынке относятся только к 2020 г. С 2021 г. спрос на углеводороды и цены должен постепенно восстанавливаться.

4. Полное падение годового ВВП и доходов населения

Падение ВВП в 2020 г. из-за потери 40 рабочих дней и сокращения экспортной выручки по базовому сценарию составит $7\% + 12\% \approx 19\%$ ВВП 2019 г., что равно 21 трлн рублей в ценах 2019 г.

Выше упоминалось, что в последние годы доля денежных доходов населения составляла в среднем, 56% ВВП. Падение ВВП на 19% уменьшит денежные доходы всего населения страны по базовому сценарию в 2020 г. на 11% ($0,56 \times 19\%$) относительно 2019 г., а относительно 2013 г. эти доходы будут ниже на 17% ($11\% + 6\%$).

Не исключено, что социально-экономические потери будут еще больше, поскольку воздействие пандемии на экономику не ограничится 8 неделями, а среднегодовая цена нефти в 2020 г. может дойти и до 20 долларов за баррель (тяжелый сценарий, см. прил. I, п. 1.6). Эти два фактора приведут к тому, что снижение ВВП без существенного изменения подхода президента и правительства к компенсации потерь превысит 22%.

Представленные оценки свидетельствуют о тяжелом положении российской экономики не столько из-за удара пандемии *по нашей экономике*, сколько из-за удара пандемии *по другим странам*, что вызвало мировой экономический кризис и падение спроса на российское сырье. Рассчитанное по базовому сценарию падение ВВП в 2020 г. на 19% существенно выше, чем в 2009 г. (7,8%) и намного выше падения ВВП (по прогнозу МВФ¹) в странах Европы, Северной Америки (6...9%) и мира (3%). В России основное падение ВВП связано с потерей выручки от экспорта сырья и полусырья (12 из 19%). В большинстве европейских стран удешевление сырья даже уменьшит уровень падения ВВП и облегчит им выход из кризиса, хотя во многих странах (США, Италия, Великобритания, Испания, Франция и др.) пандемия проходит гораздо тяжелее, чем у нас.

5. Потери государственного бюджета России из-за падения ВВП в 2020 г.

Консолидированный государственный бюджет РФ состоит из сумм федерального и регионального бюджетов, а также внебюджетных фондов. За последние 10 лет его доля в ВВП изменялась мало и в

¹ World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/World-Economic-Outlook-April-2020-The-Great-Lockdown-49306>

среднем составляла 34%. Тогда по базовому сценарию потери консолидированного бюджета в 2020 г. будут равны 6,5% ($0,34 \times 19\%$), или 7 трлн рублей. Возможны и более тяжелые сценарии (см. прил. 1, п. 1.6), по которым эти потери могут быть еще большими!

6. Меры, необходимые для смягчения воздействия кризиса

Президент РФ потребовал «сохранения рабочих мест и доходов граждан» [выделено авторами], во время «нерабочих дней» (самоизоляции по месту жительства). Однако за время «каникул» зарплаты работников МСП уже упали и упадут еще сильнее. Большинство предприятий, обслуживающих население, находятся в сложном финансовом положении, у них отсутствуют финансовые резервы. Непосредственно затронутыми или потенциально невостребованными оказываются более 10 млн работников МСП, занятых в сфере услуг.

Президент РФ, Председатель Правительства и мэр Москвы объявили меры поддержки: полугодовая отсрочка по всем налогам (за исключением НДС), сокращение страховых взносов в два раза (с 30 до 15%) и, наконец, поддержка (начиная с 01.04.2020) в виде минимальной оплаты труда потерявшим доходы работникам, что составляет 120 млрд рублей в месяц, итого – около одного трлн рублей до конца года. Судя по высказываниям министров, в ближайшие недели предполагается выделить до 2–3 трлн рублей (около 3% ВВП).

Этого явно недостаточно, чтобы предотвратить беду!

При объявленной поддержке сохранение оплаты труда и рабочих мест на этих предприятиях невозможно. Ситуация осложняется тем, что после отсрочки бизнес должен будет оплатить аренду, услуги ЖКХ и заплатить налоги. Кроме того, в нашей стране восстановление экономической активности будет происходить дольше, чем в мире (минимум 1–2 года), из-за резкого снижения доходов населения. В мае–июне многие из этих предприятий не смогут приступить к работе из-за отсутствия оборотных средств, а это чревато массовыми увольнениями.

Поэтому необходимо разрешить предприятиям использовать НДС и страховые взносы, которые должны быть перечислены в госбюджет

и в страховые фонды, в течение двух-трех месяцев для оплаты труда (а это 2–3 трлн рублей), потому что даже работающие предприятия страдают от неплатежей остановившихся смежников и не смогут заплатить зарплату. Эта мера равносильна кредитованию бизнеса со стороны государства с существенным облегчением администрирования. А администрирование доставки даже выделенных средств до получателя будет серьезной проблемой.

Государство за счет Фонда национального благосостояния (ФНБ) и других резервов должно компенсировать потерю 4% ВВП «негосбюджетного» населения из-за 40 нерабочих дней (см. конец п. 2) и потерю 6% ВВП (по базовому сценарию) консолидированного госбюджета (см. п. 5). В сумме эта компенсация равна 10% ВВП, что составляет 11 трлн рублей в ценах 2019 г.

Такие средства в ФНБ есть. При базовом сценарии они сократят падение ВВП с 19 до 9%, которые придется на экспортеров сырья и полусырья.

Выделение 11 трлн рублей из ФНБ (75 тыс. рублей на душу) соответствует 150 млрд долларов по курсу ЦБ (73 рубля в ценах 2019 г.), или 430 млрд долларов по паритету покупательной способности (\$ППС = 25,5 рублей в ценах 2019 г.) и покрывает убытки населения и консолидированного бюджета. Но из-за девальвации цены на импортные товары вырастут на 14%, а общая инфляция будет находиться в диапазоне 4–5% (см. прил. 1, п. 1.1). В связи с этим все значения в рублях в ценах 2019 г. будут иметь меньшую покупательную способность в 2020 г. на 4–5%.

В условиях роста заболеваемости, падения реальных доходов, роста безработицы решающим для сохранения социально-политической устойчивости страны является доверие народа к власти, способность к сплочению вокруг своего государства и его руководителей. Президент и премьер-министр обращаются к народу с призывами мобилизоваться, сохранять дисциплину, перетерпеть лишения. Но они же должны показать, что депутаты, министры и другие высокооплачиваемые чиновники с доходами более 500 тыс. рублей в месяц, а также богатейшие менеджеры и собственники тоже готовы перетерпеть и перейти (хотя бы временно) на сокращение своих высоких доходов в пользу Фонда национального благосостояния. А богатейшие собственники России могли бы перевести в ФНБ часть

своих доходов для преодоления кризиса и помощи тем, кому особенно тяжело. Это можно сделать, если они хотя бы на три-четыре месяца по рекомендации руководства страны примут для себя прогрессивную шкалу налогообложения на доходы физических лиц, принятую во всех странах Европы и Северной Америки. А это – около 40% их доходов за три-четыре месяца предыдущего, очень успешного для них, 2019 г. Благодаря этим взносам ФНБ может получить около 2 трлн рублей. Эта акция безусловно поможет сохранить единство народа, снизить напряжение в обществе, предотвратить массовое недовольство.

Правительство должно позаботиться, чтобы выделенные финансы были обеспечены потребительскими товарами. В условиях сокращения производства это может стать проблемой, поэтому необходимо заранее обеспечить товарные запасы (в первую очередь продовольствие и медикаменты), в том числе и за счет импорта.

Пандемии будут повторяться. Общество и власть должны осознать, что медицинские работники обеспечивают безопасность страны, как и военнослужащие. Следовательно, общее финансирование здравоохранения и его часть, обеспечиваемая государственным бюджетом (суммарно федеральным, региональным и внебюджетными фондами), должны составлять соответственно не 5,3 и 3,5% ВВП, как в 2019 г., а достичь в ближайшие два года соответственно 7 и 5%. А затем – не менее 9 и 7% ВВП, как в странах ЕС и ОЭСР.

Заключение

Глобальная коронавирусная пандемия оказывает возрастающее негативное воздействие на наше социально-экономическое развитие. В 2020 г. доходы основной части населения упадут на 17% (по сравнению с 2013 г.). Десятки миллионов наших граждан живут в бедности и крайней бедности, а в 2020 г. станут еще беднее в условиях мировой войны с пандемией. И это на фоне избыточной роскоши нескольких сот тысяч семей. Дальнейшее падение уровня жизни населения – серьезная угроза стабильности нашей страны. К сожалению, власть часто не видит эту угрозу. В России так было в 1917 г. и в 1991 г.

Хочется верить, что ситуация с пандемией начнет улучшаться с конца мая или начала июня, и карантинные меры, которые губительны для экономики, увеличивают безработицу и снижают доходы населения, будут постепенно сниматься. При этом многие эксперты предупреждают, что осенью возможна вторая волна пандемии. Чтобы к ней быть готовыми, придется сохранить отдельные ограничительные меры.

Наши социально-экономические потери будут многократно большими, чем в Европе и Северной Америке, и значительно большими, чем наши потери в кризисе 2009 г. Это свидетельствует о крахе социально-экономической политики. После преодоления пандемии необходимо немедленно начать реализацию новой социально-экономической политики перехода к росту экономики и оздоровлению социальной сферы. Для этого следует переработать провозглашенные Президентом РФ национальные проекты и сменить руководство в финансово-экономическом, социальном и отраслевом блоках правительства и государственных корпорациях. Нам нужна более независимая от мировых кризисов отечественная экономика – с развитыми производительными силами и профессиональными руководителями.

И об этом пойдет речь в Рекомендациях, разработанных группой ученых Российской академии наук.

Приложение 1

Оценим последствия пандемии *коронавируса* и мирового экономического кризиса на уровень падения ВВП России в 2020 г.

1.1. Об уровне инфляции в 2020 г.

Катастрофическое снижение цен на нефть и газ при одновременном сокращении объемов экспорта не только существенно уменьшает доходы бюджета, но уже привело к 14%-ной девальвации рубля по отношению к доллару. Соответственно растут цены на импортные товары и услуги, вслед за ними вырастет инфляция.

Для оценки изменения уровня инфляции примем, что она линейно зависит от роста $\Delta\Phi_{\text{цб}}$ курса доллара \$, обеспечиваемого ЦБ:

$$\Delta И = K_{им} \Delta \$_{цб} / \$_{цб}, \quad (1)$$

где $K_{им}$ – доля импорта на внутреннем рынке (в долях ВВП), который в течение последних десяти лет меняется мало. В 2013–2019 гг. он составлял 0,2.

В качестве базового сценария примем, что в 2020 г. среднегодовой курс доллара будет равняться $\$_{цб} = 73,0$ рублям. В 2019 г. курс был равен $\$_{цб} = 64$ рубля, и годичный прирост будет $\Delta \$_{цб} = 9$ рублей, т.е. составит 14%. Тогда инфляция в 2020 г. увеличится на

$$\Delta И = 0,2 \times 0,14 = 2,8\% \quad (2)$$

к уровню инфляции ($И = 3,0\%$), заложенному в Федеральном бюджете на 2020 г.¹ (составит до 5,8%). Однако инфляция может снизиться на 1...2% из-за уменьшения спроса населения в случае недостаточной компенсации его потерь из ФНБ. Тогда наиболее вероятный уровень инфляции в 2020 г. будет в диапазоне 4...5%.

При более тяжелом сценарии, когда в 2020 г. среднегодовой курс доллара будет равняться 80,0 рублям, т.е. годичный прирост $\Delta \$ = 16$ рублей, или 25%, инфляция увеличится на $0,2 \times 25\% = 5\%$ к прогнозируемому уровню 2020 г. ($И = 3\%$) и составит до 8%.

1.2. Основные составляющие падения ВВП в 2020 г.

По базовому сценарию принимается, что в России ситуация с пандемией будет развиваться по южнокорейскому сценарию, и уже в мае начнет снижаться ежедневное количество заболевших. Президент РФ объявил режим нерабочих дней на 5 недель

«при сохранении рабочих мест и доходов граждан [выделено авторами]. ... Это общий приоритет для правительства, регионов, бизнеса», – заявил В. В. Путин. В этот период продолжают работу органы власти, предприятия с непрерывным производством, больницы, аптеки, магазины товаров первой необходимости, все службы жизнеобеспечения.

Для оценки потери ВВП примем, что режим «каникул» продлится 8 недель (40 дней), что составляет 16,5% всех рабочих дней в году.

¹ Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов».

В России в 2020 г. падение ВВП, обозначаемое через G , имеет две компоненты:

1. Снижение экономической активности в стране из-за режима нерабочих дней – коронавирусных «каникул». При этом следует выделить два вида предприятий: 1 – предприятия, у которых в добавленной стоимости заметную часть составляет электропотребление или электрогенерация, или они поставляют им смежную продукцию. Падение ВВП в них обозначим $\Delta G'$; 2 – предприятия с малой долей электропотребления, к которым относятся самозанятые и большая часть малых и средних предприятий (МСП), занятых в сфере услуг. Падение ВВП в них обозначим $\Delta G''$.

2. Снижение экспортной «выручки» из-за падения мировых цен на углеводородное сырье, топливо и другие сырьевые товары российского экспорта вследствие мирового экономического кризиса. Падение ВВП в них обозначим $\Delta \mathcal{E}$.

1.3. Падение ВВП из-за режима нерабочих дней для предприятий со значительным электропотреблением или электрогенерацией

По данным системного оператора ЕЭС¹, потребление электроэнергии, а значит и электрогенерация в нерабочую неделю (30.03–03.04.2020), по сравнению предыдущей рабочей неделей (23–27.03.2020) упало ровно на 10%. При этом средние температуры воздуха и связанные с ними затраты на отопление в стране мало различались.

Примем, что для рассматриваемых типов предприятий изменения ВВП и электропотребления E (в рублях) пропорциональны: $\Delta G' = k \times \Delta E$. Тогда для относительных изменений имеем

$$\Delta \bar{G}'_{(2009)} = k \times \Delta \bar{E}_{(2008)} \times \Delta \bar{E}_{(2009)}, \Delta \bar{G}'_{(2020)} = k \times \Delta \bar{E}_{(2019)} \times \Delta \bar{E}_{(2020)} \quad (3)$$

$$\Delta \bar{G}' = \Delta G'/G, \Delta \bar{E} = \Delta E/E, \Delta \bar{E}_{(2019)} = E_{(2019)}/G_{(2019)}$$

В России в кризисном 2009 г. ВВП упало на $\Delta \bar{G} = 7,8\%$, а электропотребление E снизилось на $\Delta \bar{E} = 4,6\%$, поэтому

¹ https://so-ups.ru/index.php?id=972&tx_msicdu_pir%5Bkpo%5D=1019&tx_msicdu_pir%5Bdt%5D=29.03.2020

$$k = \Delta \bar{G}_{(2009)} / [\bar{E}_{(2008)} \times \Delta \bar{E}_{(2009)}] = (7,8/4,6) \times 1/\bar{E}_{(2008)} = 1,7/\bar{E}_{(2008)} \quad (4)$$

За 11 лет (2008–2019 гг.) возросла электроэффективность и изменилась структура экономики, так как выросла доля ВВП, которая приходится на сектор услуг с малой электроемкостью. В результате относительно 2008 г. ВВП увеличилось¹ на $\Delta G = 18,6 \%$, а электропотребление E – только на $\Delta E = 7,6 \%$. Поэтому относительная электроемкость E экономики России, равная отношению электропотребления к ВВП, к 2019 г. уменьшилась:

$$\begin{aligned} \bar{E}_{(2019)} &= E_{(2019)} / G_{(2019)} = [E_{(2008)} \times (1 + 0,076)] / [G_{(2008)} \times (1 + 0,186)] \\ &= [E_{(2008)} / G_{(2008)}] \times [(1 + 0,076) / (1 + 0,186)] = 0,91 \times \bar{E}_{(2008)} \end{aligned} \quad (5)$$

В результате из (2) получим, что при снижении в 2020 г. электропотребления на $\Delta \bar{E}_{(2020)} = 10\%$ ВВП должно упасть на $\Delta \bar{G}_{(2020)}$:

$$\Delta \bar{G}_{(2020)} = k \times \Delta \bar{E}_{(2019)} \times \Delta \bar{E}_{(2020)} = 1,7 \times 0,91 \times 10\% = 0,155. \quad (6)$$

Если же это падение касается 16,5% всех рабочих дней в году, связанных с коронавирусными «каникулами», то ВВП России в 2020 г. относительно 2019 г. потеряет

$$\begin{aligned} \Delta \bar{G}_{(2020)} &= 16,5\% \times 0,155 = 2,5\%, \\ \text{или } \Delta \bar{G}_{(2020)} &= 2,7 \text{ трлн рублей (в ценах 2019 г.)} \end{aligned} \quad (7)$$

1.4. Падение ВВП из-за режима нерабочих дней для малых и средних предприятий (МСП), занятых в сфере услуг

В России в 2018 г. в системе МСП работало 13,4 млн человек, их вклад в ВВП составил 20,2%.

Рассмотрим отдельно предприятия МСБ, занятые в следующих видах деятельности: строительство; оптово-розничная торговля вместе с ремонтом автотранспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования; гостиницы и рестораны; транспорт и

¹ Падение ВВП из-за сокращения сектора услуг в 2020 г. оценено ниже.

связь; операции с недвижимым имуществом, аренды и предоставление услуг; научные исследования и разработки; образование; здравоохранение и предоставление социальных, коммунальных и персональных услуг. На этих предприятиях в 2018 г. работало 10,7 млн человек; их отличает малая доля электропотребления. При этом их вклад в ВВП приблизительно равнялся

$$20,2\% \times [10,7 / 13,4] = 16\%. \quad (8)$$

Если все выделенные предприятия МСП, занятые в сфере услуг, не работают во время коронавирусных «каникул», составляющих 16,5% всех рабочих дней в году, то потери ВВП от их простоя должны составить

$$\begin{aligned} \Delta \bar{G}'' &= \Delta G' / G, \Delta \bar{G}'' = 16\% \times 0,165 = 2,6\%, \\ \text{или } \Delta G'' &= 2,9 \text{ трлн рублей (в ценах 2019 г.)} \end{aligned} \quad (9)$$

1.5. Падение ВВП после режима «каникул»

После окончания «каникул» значительная часть предприятий, как связанных с электропотреблением или электрогенерацией, так и предприятий из сектора МСП, не сразу восстановят свою производительность из-за падения покупательского спроса обедневшего населения, проблем оплаты между смежными предприятиями, дефицита и даже отсутствия средств для закупки материалов и комплектующих и т.д. Для оценки примем, что соответствующее падение ВВП $\Delta G'''$ из-за последствий «каникул» пропорционально $\Delta G' + \Delta G''$ с коэффициентом $k_w \approx 0,5$:

$$\Delta G''' = k_w (\Delta G' + \Delta G'') \quad (10)$$

В результате падение ВВП $\Delta W = \Delta G' + \Delta G'' + \Delta G'''$ из-за «каникул» и их последствия определяется следующим выражением и величинами в (7) и (9):

$$\Delta \bar{W} = \Delta W / G, \Delta \bar{W} = \Delta G' + \Delta G'' + \Delta G''' = (1 + k_w)(\Delta G' + \Delta G'') = 7\% \quad (11)$$

1.6. Падение ВВП из-за снижения мировых цен на углеводородное сырье, топливо и другие сырьевые товары российского экспорта, вызванного мировым экономическим кризисом

В связи с мировым экономическим кризисом цены на нефть марки Brent упали с 60 долларов за баррель (20.02.2020) до 25...27 долларов (во второй половине марта). После соглашения с ОПЕК+ (10.04.20) эти цены выросли до 30...32 долларов. Аналогичная ситуация с мировыми ценами на природный газ.

Такое катастрофическое снижение цен на нефть и газ происходило во время мирового экономического кризиса 2009 г. В 2009 г. (по сравнению с 2008 г.) средняя цена нефти марки Brent снизилась на 35% (с 94,1 до 60,9 долларов за баррель). При этом ВВП страны упал¹ на 7,8%, а в мире – на 0,1%.

Отношение экспортной выручки $\mathcal{E}_{(2020)}$ в долларах относительно этого объема $\mathcal{E}_{(2019)}$ в 2019 г. определяется следующим выражением:

$$\frac{\mathcal{E}_{(2020)}}{\mathcal{E}_{(2019)}} = \frac{c^{(hc)}(2020)V^{(hc)}(2020) + \sum_i c^{(i)}(2020)V^{(i)}(2020)}{c^{(hc)}(2019)V^{(hc)}(2019) + \sum_i c^{(i)}(2019)V^{(i)}(2019)} \quad (12)$$

где $c^{(i)}$ и $V^{(i)}$ – цена единицы и объем экспорта i -го товара, а $i = hc$ (hydrocarbon) соответствует основному экспортному товару, дающему наибольшую экспортную выручку в долларах. Таковыми для России являются углеводородное сырье и топливо (нефть, нефтепродукты и газ), составляющие 50% экспортной выручки в 2019 г. Тогда

$$c^{(hc)}(2019)V^{(hc)}(2019) = \sum_i c^{(i)}(2019)V^{(i)}(2019) \quad (13)$$

и выражение (12) переписывается в виде

$$\frac{\mathcal{E}_{(2020)}}{\mathcal{E}_{(2019)}} = \frac{c^{(hc)}(2020)V^{(hc)}(2020)}{2c^{(hc)}(2019)V^{(hc)}(2019)} + \frac{\sum_i c^{(i)}(2020)V^{(i)}(2020)}{2\sum_i c^{(i)}(2020)V^{(i)}(2020)} \quad (14)$$

В качестве сценария, обсуждаемого Правительством РФ в 2020 г. по отношению к 2019 г., среднегодовая цена нефти марки Brent, как

¹ <https://knoema.ru/>

и в 2009 г., также снизится на 34% (с 63,6 до 42 долларов за баррель). Это оптимистичное предположение правительство связывает, во-первых, с договоренностью с ОПЕК+. Во-вторых, можно надеяться, что в Китае уже в июле объем потребления нефти восстановится до уровня 2019 г. И, в-третьих, в странах ОЭСР и США потребление должно восстановиться через квартал¹. Именно на этом основании В.В. Путин сказал²: «... наш бюджет свёрстан из расчета 42 доллара за баррель, и вокруг этой цифры мы вполне комфортно себя чувствуем. Полагаю, что и для потребителей это очень важно».

В сценарии, на который рассчитывает руководство страны, мировые цены на углеводородное сырье и топливо снижаются на указанные выше 34 %, а объем их экспорта сокращается на 10%. В остальных экспортных товарах преобладает (до 80%) полусырье: металлы, удобрения, древесина, целлюлоза, зерно и т.д. На них в 2020 г. также снизится спрос. Примем, что и цены, и физический объем на них снизятся на 10%. В соответствии с этим сценарием, который назовем оптимистическим или «правительственным», получим

$$\begin{aligned} \mathcal{E}_{(2020)}/\mathcal{E}_{(2019)} &= [(1 - 0,34) \times (1 - 0,1)/2] + \\ &+ [(1 - 0,1) \times (1 - 0,1)/2] = 0,70 \end{aligned} \quad (15)$$

Таким образом, объем экспортной выручки в 2020 г. относительно 2019 г.

$$\Delta \mathcal{E}/\mathcal{E}_{(2019)} = [\mathcal{E}_{(2020)} - \mathcal{E}_{(2019)}]/\mathcal{E}_{(2019)} = 0,3, \text{ т. е. снизится на } 30\%.$$

В России последние 10 лет доля экспорта товаров и услуг в ВВП равнялась в среднем 27,5%. Поэтому в 2020 г. из-за уменьшения экспортной выручки $\Delta \mathcal{E} = \mathcal{E}_{(2020)} - \mathcal{E}_{(2019)}$ ВВП, согласно «правительственному» сценарию, должен снизиться на

$$\begin{aligned} \Delta \bar{\mathcal{E}} &= \Delta \mathcal{E}/G = 0,275 \times 30\% = 8\%, \\ \text{или } \Delta \mathcal{E} &= 9 \text{ трлн рублей в ценах } 2019 \text{ г.} \end{aligned} \quad (16)$$

¹ <https://www.goldmansachs.com/worldwide/russia/rossiya/section-five-folder/>

² <http://www.finmarket.ru/main/article/5208387>

Базовый сценарий 2020 г. предполагает сокращение физического объема экспорта углеводородов на 15% (а не на 10%) и меньшую цену, равную 27 долларам за баррель (сокращение стоимости экспорта углеводородов на 58%). Предполагается сокращение на 10% и цены, и физического объема остальных экспортных товаров и услуг. Этот сценарий дает следующее отношение экспортных выручек:

$$\begin{aligned} \mathcal{E}_{(2020)}/\mathcal{E}_{(2019)} &= [(1 - 0,58) \times (1 - 0,15)/2] + \\ &+ [(1 - 0,1) \times (1 - 0,1)/2] = 0,58 \end{aligned} \quad (17)$$

и объем экспортной выручки в 2020 г. относительно 2019 г. снизится на 42%. Снизится и ВВП:

$$\Delta \bar{\mathcal{E}} = \Delta \mathcal{E}/G = 0,275 \times 42\% = 12\%, \text{ или } \Delta \mathcal{E} = 13 \text{ трлн рублей.} \quad (18)$$

Тяжелый сценарий с сокращением объема экспорта углеводородов на 20%, с ценой 20 долларов за баррель (сокращение на 68%), со снижением цены и экспортного объема на 15% для остальных товаров дает следующее отношение экспортных выручек:

$$\begin{aligned} \mathcal{E}_{(2020)}/\mathcal{E}_{(2019)} &= [(1 - 0,68) \times (1 - 0,2)/2] + \\ &+ [(1 - 0,2) \times (1 - 0,2)/2] = 0,45 \end{aligned} \quad (19)$$

В этом сценарии объем экспортной выручки в 2020 г. относительно 2019 г. в рублях 2019 г. снизится на 55%, а снижение ВВП составит

$$\begin{aligned} \Delta \bar{\mathcal{E}} &= \Delta \mathcal{E}/G = 0,275 \times 55\% = 15\%, \\ \text{или } \Delta \mathcal{E} &= 16 \text{ трлн рублей в ценах 2019 г.} \quad (20) \end{aligned}$$

Приложение 2

Какие же ресурсы выделяют западные страны в связи мировым кризисом из-за коронавирусной пандемии? Социально-экономические последствия даже двух-, трехмесячной инфекции коронавируса весьма значительны. Экономические убытки в США и странах Евросоюза оцениваются в размере более 10% годового ВВП. Поэтому

страны уже выделяют на их преодоление крупные средства. Конгресс США (331 млн человек) недавно выделил на эти цели 3 трлн долларов (около 9 тыс. долларов на душу, что равно трем среднемесячным зарплатам на работника), Великобритания (66 млн человек) – 330 млрд фунтов стерлингов (около 6,2 тыс. долларов на душу, или две среднемесячных зарплаты), а Германия (83 млн человек) – 500 млрд евро (около 6,6 тыс. долларов на душу, или две среднемесячных зарплаты), не считая в разы большие средства, предоставляемые в виде низкопроцентного гарантированного государством кредита центральными банками этих стран. Ещё 1 трлн евро направил странам Евросоюза Центральный банк ЕС¹.

Экономике Германии нанесен ущерб *только* из-за пандемии, так как падение мировых цен на нефть и газ работает в пользу Германии. Тем не менее на мероприятия по поддержке экономики, для защиты рабочих мест и предпринимателей в Германии, кроме 500 млрд евро, выделено 25% ВВП (свыше 900 млрд евро). Основная часть поступит в распоряжение Фонда стабилизации экономики, который должен обеспечить финансирование предприятий, пострадавших от пандемии, и гарантий банкам под кредиты, взятые владельцами предприятий.

Другими мерами антикризисного финансирования являются пособия по неполной занятости работникам предприятий, вынужденных сократить производство; поддержка мелких предпринимателей и дополнительные вложения в сферу здравоохранения.

В Германии предприниматель снижает оплату работника на столько, насколько уменьшается его рабочее время – вплоть до нуля. Финансовые же потери работника компенсирует государство из фондов обязательного страхования на безработицу. Компенсация составляет 60% от прежнего чистого заработка, а при наличии ребенка – 67%. Некоторые крупные фирмы доплачивают отправленным на сокращенный рабочий день сотрудникам к государственному пособию до 80% и даже до 100% потери оклада. Это выгоднее, чем уволить опытных работников, а потом, когда дела пойдут на лад, искать подходящие кадры на рынке труда. А самое главное, эти меры позволяют сохранить на приемлемом уровне спрос и тем самым спасти экономику.

¹ <https://www.forbes.ru/biznes/396629-pandemiya-so-skidkoy-rossiya-vydela-na-pomoshch-naseleniyu-i-biznesu-v-70-raz-menshe>

Для России, где среднемесячный подушный доход равен 33 тыс. рублей, а средняя медианная месячная зарплата – 34 тыс. рублей¹ (по паритету покупательной способности – 1300 \$ППС), при ориентации на двухмесячную среднюю медианную зарплату для преодоления социально-экономических последствий коронавирусной пандемии необходимо, как минимум, $34 \text{ тыс. р.} \times 2 \times 147 \text{ млн чел.} = 10 \text{ трлн рублей}$.

Приложение 3

Каковы же ориентиры для затрат на здравоохранение только в ответ на коронавирусную пандемию? С учетом того, что ситуация в РФ, вероятно, развивается более благоприятно, чем в США, Италии и Испании, система здравоохранения должна быть готова к худшему сценарию.

По оценкам ректора Высшей школы организации и управления здравоохранением Г.З. Улумбековой, основным на данных по Италии и США, потоки пациентов и нагрузка на систему государственного здравоохранения возрастут на 10%, что потребует увеличения затрат на дорогостоящий коечный фонд на 300 млрд рублей в 2020 г.

По оценкам специалистов, 300 тыс. врачей и 600 тыс. медицинских сестер будут работать в тяжелых условиях. Для них необходимо предусмотреть увеличение оплаты труда на 50%, как предусмотрено Постановлением Правительства РФ, а для 50 тыс. врачей и 100 тыс. медсестер, которые работают в опасных для здоровья и жизни² условиях, – минимум на 100%³ (как предусмотрено для сотрудников Росгвардии).

Для этого на три месяца в государственном бюджете (федеральном и региональных) потребуется 130 млрд рублей⁴.

¹ Средняя зарплата в России в 2020 по отраслям, городам и регионам – Росстат» <https://adne.info/srednyaya-zarplata-v-vashem-regione/>

² В США предусмотрена надбавка 100%, а в Канаде 400%.

³ Для справки: от коронавируса на 20.03.2020 в Китае заболело 3000 врачей, из них погибло 22, в Италии погибло 120 врачей.

⁴ В Постановлении Правительства РФ предусмотрено 11,8 млрд рублей из резервного фонда.

Для каждой медицинской организации следует рассчитать, сколько требуется средств на поддержание текущей деятельности по основным статьям расходов (зарплата, расходные материалы, лекарства и др.), и перевести их на сметное финансирование. На время пандемии надо отменить проверки страховых медицинских организаций и рассмотрение дел против медицинских работников правоохранительными органами.

Приложение 4

Таблица 1. Сводная таблица потери ВВП, ее составляющих (производства, экспортной выручки, денежных доходов населения, консолидированного бюджета, в долях ВВП 2019 г.) и рекомендуемой компенсации

Показатель	Оптимистический сценарий, %	Базовый сценарий, %	Тяжелый сценарий, %
Потеря ВВП из-за «каникул» производства $\Delta W = \Delta G' + \Delta G'' + \Delta G'''$; $\Delta G' = 2,5\%$ – потеря промышленных предприятий; $\Delta G'' = 2,5\%$ – предприятий МСБ; $\Delta G''' = 2\%$ – из-за последствий «каникул»	7	7	7
Потеря денежных доходов работников из-за «каникул» $0,56 \Delta W$	4	4	4
Потеря экспортной выручки $\Delta \mathcal{E}$	8	12	15
Полная потеря ВВП (без компенсации) $\Delta G = \Delta W + \Delta \mathcal{E}$	15	19	22
Потеря денежных доходов населения (без компенсации) $\Delta \mathcal{D} = 0,56 \Delta G$	8,4	10,5	12
Потеря госбюджета населения (без компенсации) $\Delta \Gamma = 0,34 \Delta G$	5	6,5	7,5
Рекомендуемая компенсация $K \approx \Delta \Gamma + 0,56 \Delta W$	9	10	11,5
Потеря ВВП после компенсации $\Delta G_{\text{(комп)}} = \Delta G - K$	6	9	11

Миркин Я.М.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий отделом международных рынков капитала
Института мировой экономики
и международных отношений РАН

Mirkin Y.M.,

Doctor of Econ. Sc., Professor, Head of Department
of International Capital Markets of the Institute
of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences

Изменения в экономических и финансовых структурах: воздействие шоков-2020¹

Changes in Economic and Financial Structures: Impact of 2020 Shock

Аннотация. Дан прогноз крупномасштабных структурных изменений в мировой экономике и глобальных финансах, вызванных пандемией коронавируса. Рассмотрены ключевые области изменений: идеология, массовое сознание, многополярная архитектура (центры рыночной власти, «мастерские мира», США – ЕС – азиатские экономики, технологические и финансовые центры), протекционизм против открытости, реструктурирование рынков труда, глобальных товарных и финансовых потоков. Представлен прогноз изменений в технологической и продуктовой структурах мирового производства, на рынке труда. Выдвинуты предположения о росте

¹ Материал статьи опубликован в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 2 (64), 2020, с. 86–92)

ценности доступа к первичным ресурсам, товарам ежедневного потребления, любым активам и бизнесам в офлайне, необходимым для выживания (при значимом росте онлайн-одеятельности). Будет расти спрос на активы в личной собственности при уменьшении роли шеринговой экономики. Возникнут стимулы к большему сбережению (финансовые резервы против крупных рисков) при сокращении спроса на кредиты и другие долги. Дан базовый сценарий экономического будущего.

Abstract. The article predicts large-scale structural changes in the world economy and global finance caused by the “black swan” – the coronavirus pandemic. The key areas of change are considered: ideology, public consciousness, multipolar architecture (centers of market power, “workshops of the world”, USA – EU – Asian economies, centers of technology and finance), protectionism against openness in economies, restructuring of labor markets, global commodity and financial flows. The forecast of changes in the technological and product structures of world production, in the labor market is presented. Assumptions have been put forward about the growing value of access to primary resources, food, goods for daily consumption, any offline assets and businesses needed for human survival (with a significant increase in online activities). The demand for assets in personal ownership will increase, while the role of the sharing economy will decrease. There will be incentives for greater savings (financial reserves against large risks) while reducing the demand for loans and other debts. The basic scenario of the economic future is given.

Ключевые слова: глобальная финансовая архитектура, мировое производство, пандемия, реструктуризация, центры силы, экономическое будущее.

Keywords: centers of power, economic future, global financial architecture, pandemic, restructuring, world production.

После шоков-2020 мир не может быть прежним. Невозможно представить, чтобы экономики «отряхнулись и побежали дальше». Сегодня можно только прогнозировать изменения, которые могут быть еще более глубокими, чем после кризиса 2008–2009 гг. Эти изменения охватят идеи, соотношение сил на мировой экономической арене, структуру спроса и предложения.

Идеологии, массовое сознание

Когда пандемия исчезнет, нам на память останутся страх, понимание шаткости любой экономики и того, что «черный лебедь» что-то зачастил. А в общественном сознании:

1) утвердится понимание и ощущение того, что происходит нечто «из ряда вон» – в климате, в волнах пандемий, в нарастании техногенных катастроф;

2) останется глубокая рана – от беспомощности и страха непреодолимой внешней силы, того, от чего нельзя избавиться субъективно, личными действиями;

3) возникнет комплекс от выбора людей во время пандемии «жить или не жить» по разной ценности – возрастной, сословной, имущественной, когда лично тобой или твоей группой можно пренебречь обречь на уничтожение в интересах других в условиях дефицита ресурсов;

4) останется смятение от бытия в толпе «самих себя» – в потоке массовой разногласицы, разноречия, разногласия, пропагандистской обработки, полуоткрытости информации («коллективная иррациональность»);

5) закрепится травма принудительного, с жесткими ограничениями, поднадзорного коллективного бытия в мобилизационном обществе и экономике;

6) укоренится тренд к ограничению свобод личности, к уничтожению ее тайн собственности, медицинской, налоговой, банковской и т.п.

Могут измениться понятия «развитого» и «развивающегося» государства, с учетом того, что развитые государства с их собственными комплексами «свободы – несвободы», с их оптимизированными системами здравоохранения, мало рассчитанными на шоки, оказались более уязвимыми в условиях пандемии. Возникнет широкое обсуждение коллективных моделей поведения в различных обществах и их адаптивности к экстремальным ситуациям, способности отвечать на шоки (англо-саксонская, азиатская, европейская континентальная, европейская средиземноморская, скандинавская, постсоветская модели и т.п.).

Может усиливаться идеология широкого вмешательства государства, меняющая баланс между свободой и необходимостью, принуждением по всему ряду обществ и их экономик (от либерализо-

ванных до тоталитарных). Это отразится в практике развития всё более вертикальных и закрытых обществ (до известного предела, пока маятник не качнется в другую сторону).

В качестве противовеса тренд в массовом сознании: больше личного, больше собственности, вон – из «каменных мешков», крупнейших городов, больше личной свободы, мобильности. В свою очередь, это будет способствовать широкому распространению идей расширения свобод, индивидуализма в устройстве общества и экономики.

Будущее – борьба этих трендов.

Усиление многополярности

Снижение концентрации в «центрах рыночной силы», в «мастерских мира». Все уклоны в центр силы, в монополию хорошо показывают, насколько уязвимы при любом шоке сверхцентрализованные экономические и общественные системы. Это хорошо было видно в январе – апреле 2020 г.: остановки производств в крупнейших западных компаниях из-за сокращения поставок комплектующих из Китая; чувство бессилия, когда купить негде, дома – или не производится, или в очень ограниченном количестве. Хотя до кризиса была масса аргументов в пользу того, что «всегда купим», «нужно делать только то, что получается лучше», «сырье – наше место в международном разделении труда». Конфликты государств по поводу – «какой стране достанутся» поставки медицинских масок из Китая, где они преимущественно производились (США, Германия, Франция – апрель 2020 г.). «Достать маски» – как предмет личных переговоров высших должностных лиц на межгосударственном уровне (Чехия).

Рост протекционизма

Пандемия показала, как государства закрываются – «каждый за себя», «у нас своя собственная судьба». Возникнет огромный интерес к сделанному собственными производителями, к «национальной безопасности», и, как следствие, усиление протекционизма во всех его формах: идеологической, политической, вербальной, экономи-

ческой. Последняя – рост таможенных и нетаможенных барьеров; дальнейшее снижение роли многосторонних торговых, инвестиционных, налоговых и прочих соглашений; усиление двусторонних форм урегулирования в трансграничном обороте.

*Реструктуризация человеческих,
товарных и финансовых потоков*

Временно сократится «обмен людьми», более закрытыми, национально обособленными станут рынки труда. Будет сделана попытка ребалансирования в мировом производстве – возврат «мастерских» в группу развитых стран, прежде всего в США из Китая, из Азии (возможно открытие мощностей в Африке).

И, наоборот, в финансах, валюте, связи, технологиях – движение из США, из глобальных финансов с англосаксонским и европейским континентальным ядрами – прежде всего в Азию.

Неплохо бы России ухватить что-нибудь в этом движении, но пока не хватает легкости, динамичности, энергии. Отсюда прогноз для России (если не изменимся) – зависимость в технологиях или исходных компонентах. Если не европеизация, то китаизация нашей экономики. Уже сейчас Китай – поставщик №1 оборудования и технологий в Россию, Германия – №2. Страна находится в жесточайшей технологической и продуктовой зависимости от ЕС (больше 40% оборота внешней торговли) и Китая (17% оборот внешней торговли). Туда – сырье, к нам – техника, продукция высокого передела.

Ответ на эти вызовы только один – умеренный, разумный протекционизм, максимум стимулов для переноса производства внутрь России. Мы заслуживаем большой универсальной экономики (не только сырьевой!), в которой найдется место всем 146 миллионам человек, живущим у себя дома.

Упрощение технологий и продукции

Мы еще не знаем, каким будет мир после пандемии. Но, если она продлится до года и дольше и на нее будет наложен мировой эконо-

мический кризис, то степень разрушения цепочек поставок, технологий, создания сложной продукции может быть очень велика. Остановленные конвейеры, авиакомпании на приколе – насколько быстро убывает их возможность быстро и безопасно запуститься? А обрушение подростка – мелкого бизнеса? Перерывы в кредите?

Утрата умений, знаний людей, отставленных от рабочих мест... Насколько глубокими будут эти процессы? Временные упрощения – это надолго? Кратко- или среднесрочные? Мы этого еще не знаем, но они будут. Экономикам, как и любому после травмы, придется учиться ходить заново, чтобы восстановить ту сложность и сцепку, которой они обладали еще полгода назад.

Рост ценности «простых вещей», первичных ресурсов, офлайна

Ценность вещей «для нас», в первую очередь продовольствия, предметов первой необходимости, лекарств и т.п., может существенно вырасти, как и ресурсов для них. Каждый, кто оказался в карантине, испытал страх перебоев в их доставке. Каждый пережил продовольственную панику. Что может быть ценнее в мире после пандемии, чем производство энергии, воды и тепла, доставка их? В час «X» вдруг возникает массовое понимание, что мир привычный, мир, где ты накормлен и обут почти автоматически (во всяком случае, в том кластере стран, в котором находится Россия), очень хрупок, живет «с колес» и в любой момент может уйти в ничто. Население долго будет создавать запасы – как после войны. В этом смысле ценность бизнеса «для нас», вещей для ежедневного потребления может быть гораздо выше, чем, скажем, производство самолетов или металлургического оборудования».

Когда спрашивают, какой бизнес «потом» будет лучше и ценнее – офлайн или онлайн? – это не совсем правильно заданный вопрос. Ответ на него – не в части «виртуальности» или «реальности» бизнеса, а в том, что сразу после пандемии и кризиса больше всего будет цениться бизнес, находящийся ближе всего к личным, ежедневным потребностям. И чем проще, чем ближе к нашему рту, нашим ушам и глазам, тем лучше. Но «Facebook» – тоже «для нас», для наших мозгов – как часть нашего базового потребления. Так что у поставщика

онлайн-услуг рейтинг динамики роста акций может быть не хуже, чем у производителей кондитерских изделий и одежды. Другое дело, что может улетучиться миф «онлайн», может испариться ореол, ведущий к переоцененности – это «тот, кто впереди всех технологий» и именно его акции нужно покупать.

*Собственность, экономика совместного потребления
(шеринговая экономика), долги и накопления*

Пандемия объективно резко снижает интерес людей к совместному потреблению (аренде, прокату, найму, каршерингу) и, наоборот, усиливает ценность собственности, особенно недвижимости и земли (как укрытий в «минуты роковые»). Может снизиться ценность многоэтажного жилья с мелкой нарезкой квартир, самого способа жизни – в крупнейших городских агломерациях. Возможна деконцентрация – уход населения в средние и мелкие поселения, с более-менее однородными условиями жизни, при росте дистанционных рабочих мест. В крупнейших городах могут появиться массивы брошенного жилья.

Пандемия подтвердила ценность собственных накоплений, показала, что жизнь в долг, с ожиданием нарастающего потока доходов, с опережающим потреблением в долг – высокий риск. Сбережения, финансовая подушка при массовом ощущении, что впереди – высокие риски, могут стать мейнстримом в отличие от долгов. Обычный способ жизни среднего класса – «зарплатное рабство», «долговое рабство» на десятилетия – может начать меняться. Грубо говоря, мы все можем больше «рассыпаться» на множество частников, поставляющих услуги и продукцию, пользуясь торговыми платформами.

Все эти тренды полностью отличны от преобладавших до пандемии.

Люди, рабочая сила. Регулирование

В будущем – борьба двух трендов. Один – «снизу»: быть свободнее, иметь больше собственности, а не активов в аренде, вещи и сервисы – индивидуальнее, пусть массовые, но с большей настройкой на личные требования. Другой тренд – сверху, продолжающий основ-

ное движение последних 20 лет. В экономиках (более высоких или адекватных по уровню развития России) будет меньше рабочих мест. Население (даже на уровне среднего класса) будет легче прокормить, чем найти ему работу. Это будет играющее, развлекающее само себя человечество. Под очень жестким надзором «Большого Брата», с многими общественными механизмами, понуждающими к выполнению жестких стандартов поведения. В значительной мере может быть утрачена тайна, приватность личности. Часть ограничений, введенных во время пандемии как временные, останутся постоянными. Массовое сознание будет все время обрабатываться. Экономика будет настроена на обработку массовых, стандартных, более-менее однородных запросов населения на жилье, продовольствие, охрану здоровья, движение и развлечения. Гораздо большая часть экономики будет связана с услугами и виртуальной реальностью. Это будет неприятный сословный, кастовый мир. В нем будет гораздо больше государства, чем сейчас. Всё ручное, индивидуальное – только для состоятельных, интеллектуалов и технократов.

Лучше всего будет тем, у кого – реальные умения, кто может сделать для домохозяйств самые простые вещи, нужные каждый день. Пекарни, парикмахерские, косметические салоны, когда снимут карантин, озолотятся, если доживут, конечно.

А кому будет сложнее? Прежде всего креативному классу. Тем, кто обрабатывает организационную и экономическую информацию, посредникам. Маркетологи, аналитики, пиарщики, юристы, бухгалтеры, веб-дизайнеры, клиентщики, редакторы, армия аппаратчиков, экономисты – все они под угрозой. Под угрозой резки «костов», расходов. Будут очень цениться специализированные умения и связи, но только в тех областях, где есть спрос. И, конечно, будет огромный спрос на то, чтобы «прислониться» к государству – в госкомпаниях и банках, в любых его учреждениях. Там, где консервативнее, где надежней кусок хлеба и где меньше риски сокращения рабочей силы.

Экономическое будущее

Так каким же будет мир после пандемии? Это мир успеха экономики «простых вещей». Это мир протекционизма, потому что еще

долго никто не забудет, как у Китая буквально вырывали медицинские маски, когда оказалось, что их производство – прежде всего там и нигде больше. Это будет мир, где мы вспомним: то, до чего можно дотронуться, лучше того, что мы только видим, но осязать не можем. В экономиках возрастет вес материального, личного. Мы очень устанем от того, что видим на экране. Да, конечно, коммуникации, интернет-доставка, виртуальное образование, ИТ-надзор за всеми нами – все это будет. И в растущем объеме. Но радость бытия от того, что можешь лично дотронуться, увидеть, ощупать, сделать сам – это будет в ближайшие годы основой экономики успеха.

Это будет экономика конфликта между свободой и вертикалями, между трендом ко всё большему объему правил, всё более жесткому надзору за личностями и всеобщим ростом потребности в субъектной независимости ради лучшего управления своими рисками. Между трендом к всё большей концентрации (в том числе в производстве массовых стандартизированных продуктов и услуг, в «обработке наших тел и нашего сознания») и трендом к свободе, рассредоточенности, индивидуальности в своем поведении, без чего невозможно выживание в условиях «высокой сейсмики».

Выиграют в экономике те, кто сможет делать чуть более «личные», более индивидуальные вещи. Мы устали от массовой обработки тел и их желаний, когда в самолетах, в супермаркетах, в театральных залах, на променадах, в госпиталях – как в автобусах, набитых до потолка! И при этом – дорого! Мы не хотим стандартности. Нет «человейникам»! В этих кубках до неба мы все пропадем. Именно они дают экспоненты заражений. Мегалополисы – это нечеловеческая жизнь, особенно во времена пандемий и техногенных катастроф.

В будущей экономике будет больше любви к тому, что называется «сделай сам». Будет больше собственности и меньше криков о том, что проще купить и арендовать, чем сделать самим. Будут больше цениться собственные, даже простейшие, умения. Способность выживать, выпечь хлеб, обогреть себя и семью, пусть даже как хобби, в этом будет огромная ценность. И дешевле – умения, основанные, прежде всего, на обработке информации. Продвигать, посредничать, выставлять, презентовать – эти профессии могут быть не так уверены в будущем. Пространство знаний? Экономика будет требовать прежде всего того, что конкретно, очень специально, приближено к физической реальности.

А что из этого? Крупнейшие изменения в структуре спроса и предложения; в том, чего мы будем требовать от экономики; кто и что в ней будет иметь успех. Экономика будет больше помнить о своем предназначении – кормить, поить, одевать и лечить. Станет больше розничной, чем раньше, чуть обыденнее, более земной, чуть дальше от миллионов тонн, от мегаватт, от поражающих воображение проектов, далеких от повседневной жизни, в которых люди – всего лишь счетные единицы. А точнее – бессчетные. После удара-2020, прошедшего по нашим душам, экономика должна стать человечнее.

Глобальное регулирование

Подсознательно ощущается тренд (он не совсем доказан, идут множественные дискуссии) к росту рисков планетарного масштаба (изменения климата, пандемии, техногенные катастрофы). «Черные лебеди», такие, как пандемия-2020, возможно, расценивались бы как ожидаемые события, если бы этот тренд был полностью доказан, осознан как всеобщий вызов и стал бы точкой отсчета для глобального регулирования национальных экономик.

Такое регулирование внесло бы крупнейшие изменения в экономические и финансовые структуры, прежде всего на национальном уровне.

Список литературы

1. Wins A. How Our Responses to Climate Change and the Coronavirus are Linked / A. Wins // World Economic Forum. – 2020. – April 2.
2. Kissinger H.A. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order / H. A. Kissinger // The Wall Street Journal. – 2020. – April 3.
3. Marr B. 9 Future Predictions For A Post-Coronavirus World / B. Marr // Forbes. – 2020. April 3.
4. The World Remade By COVID-19. Scenarios For Resilient Leaders. 3–5 Years. Deloitte. 2020. – April 6.

Рязанов В.Т.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ

Ryazanov V.T.,

Doctor of Econ. Sc., Professor, Head of the Department
of Economic Theory, St. Petersburg State University

**Новые технологии в экономике
и коронавирусная пандемия:
предварительные выводы¹**

**New Technologies in the Economy
and the Coronavirus Pandemic:
Preliminary Conclusions**

Аннотация. Анализируется влияние коронавирусной пандемии на экономику. Раскрываются последствия и особенности современного «вирусно-экономического» кризиса. Рассматриваются антикризисные меры, которые разрабатываются для противодействия вирусной эпидемии. Отмечается, что преодоление ее последствий предполагает активизацию экономической политики государства с ориентацией на развертывание новой технологической революции. Особое внимание уделяется роли экономических отношений, которые должны способствовать реализации потенциала технологической революции в сфере экономики. Это требует проведения политики глубокого реформирования экономики и формирования новой модели экономики.

¹ Материал статьи опубликован в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 2 (64), 2020, с. 93–103).

Abstract. The article analyzes the impact of the coronavirus pandemic on the economy. The consequences and features of the current crisis as a viral and economic crisis are revealed. Anti-crisis measures are being developed to combat the viral epidemic. It is noted that overcoming its consequences involves intensifying the economic policy of the state with a focus on the deployment of a new technological revolution. In this regard, the role of established economic relations, which should contribute to the realization of the potential of the technological revolution in the economy, is emphasized. This sets the goal of a policy of deep economic reform and the formation of a new model of the economy.

Ключевые слова: коронавирусная пандемия и ее последствия, экономический кризис, антикризисные меры, новая технологическая революция, новая экономическая модель, переход к посткапитализму.

Keywords: coronavirus pandemic and its consequences, economic crisis, anti-crisis measures, new technological revolution, new economic model and transition to post-capitalism.

Совсем недавняя апология четвертой технологической революции, уверенность в способности радикально и позитивно изменить мир в прогнозируемые сроки столкнулась с жесткой реальностью, порожденной внезапно возникшей коронавирусной пандемией. Оказалось, что высокая технологичность общества и экономики не являются надежной защитой от вирусной атаки, нарушившей устойчивость миропорядка и налаженный быт людей. Возникшие панические настроения охватили не только обывателей, но также властные структуры и экспертные сообщества, что высветило незащищенность самого человека. Особо отметим уязвимость современной организации мирового хозяйства с либерально-рыночными доминантами и ее ограниченные возможности в мобилизационном перестроении экономики, когда такая потребность возникает.

В экстремальных условиях на первый план выходит задача мобилизации необходимых ресурсов для борьбы с вирусной эпидемией, которая потребовала принятия чрезвычайных мер. Все это отразилось на экономической политике. Надо надеяться, что эта борьба закончится успешным результатом, хотя и ценой жертв, серьезных

затрат и пересмотра многих теоретических и практических постулатов.

После прохождения острой фазы пандемии закономерно встанет вопрос о мерах по преодолению нанесенного урона и запуску экономики. Ведь эта борьба предполагает не только сдерживание широкого распространения вируса с сопутствующей разработкой эффективных медицинских антивирусных препаратов, методов лечения и реабилитации больных. Не менее важно устранение экономических последствий, восстановление экономики и обеспечение ее устойчивого и сбалансированного развития.

Напомним, что вспышка коронавирусной пандемии совпала с наступлением практически повсеместного экономического кризиса. Поэтому важно разобраться с тем, что может представлять собой антикризисная политика и какое место займет в ней созданный комплекс новых технологий. С учетом исторически отработанного способа вывода экономики из системного кризиса за счет масштабного развертывания базисных нововведений, формирующих ядро нового технологического уклада, такая постановка вполне оправдана. В этом случае вхождение в последующую фазу экономического роста поддерживается растущей эффективностью и преобразующей способностью сформировавшегося уклада, который последовательно распространяет свое действие на все народное хозяйство [1]. О роли технологических революций в преодолении кризисов и обеспечении экономического прогресса существует обширная литература, сошлемся на хорошо известные работы К. Перес [2] и С.Ю. Глазьева [3].

Насколько реалистичен такой сценарий в условиях соединения экономического кризиса с вирусной атакой по всему глобальному экономическому пространству?

Предварительно проанализируем, что собой представляет экономика и какова ее реакция на распространение коронавирусной пандемии. Подчеркнуть, что начавшийся экономический кризис не является результатом только внезапно возникшего нового типа вирусной эпидемии. На наличие множества серьезных причин, определяющих неизбежность кризиса, указывала ситуация, сложившаяся в мировом хозяйстве.

Циклическая природа наступления кризиса обусловлена объективной закономерностью волнообразной динамики капиталистиче-

ского рыночного хозяйства, в котором периодически возникает разрыв между совокупным спросом и совокупным предложением, что приводит к кризису перепроизводства. Системная природа кризиса указывает на истощенность сложившейся системы хозяйства, порождая кризис воспроизводственного механизма как целого, свидетельствующий об острой потребности в переходе к новой экономической модели. В более содержательном плане системная характеристика кризиса объясняется наступлением очередной фазы самотриггера капитала, тогда как выход из него предопределен разрешением порожденных им противоречий – экономических и социальных[4].

Последствия мирового кризиса 2008–2009 гг. как системного не были устранены в посткризисный период, в результате продолжают действовать сложившиеся в прошлом экономическом цикле системные ограничения. Как констатировал Дж. Стиглиц: «Мы создали эрзац-капитализм с неясными правилами, но с предсказуемыми последствиями: будущими кризисами ...» [5, с. 350]. В посткризисный период не устраненные системные противоречия и ограничения удавалось частично нейтрализовать огромными денежными инъекциями. Таким образом сдерживали кризисное обострение в экономике, одновременно расширяя временные рамки восстановительной фазы. Однако сами эти противоречия и ограничения не исчезли, в них накапливался потенциал для еще более масштабного кризиса. Неизбежность его наступления определялась их действием, хотя взрывным импульсом для его острой фазы послужила коронавирусная эпидемия (Covid-19), которая, возникнув в конце 2019 г. в Китае, стремительно распространилась по всему миру, и в марте 2020 г. ВОЗ объявила пандемию.

Отметим, что сформировавшаяся открытость глобального пространства (одна из главных черт системы организации современного мирового хозяйства) способствовала быстрому распространению коронавируса, разрушая глобальные экономические, технологические и логистические сети; нанося удар по глобальным цепочками создания добавленной стоимости; обваливая финансовые рынки и сферу производства. Распахнутость мирохозяйственного пространства, отсутствие надежного контроля и регулирования перемещения потоков людей создали благоприятную среду для повсеместного и

быстрого проникновения вируса. Особенность наступившего кризиса заключается в том, что среди его причин наряду с системными и циклическими присутствуют природные факторы, связанные с коронавирусной пандемией. Этот кризис можно назвать вирусно-экономическим.

Не до конца понятное происхождение коронавирусной инфекции, как и сложность оценки ее последствий, существенно затрудняют прогнозирование развития событий. При этом очевидна серьезная опасность, которую она представляет для здоровья человека и привычного образа жизни.

Подчеркнем, что пандемия убедительно подтвердила наличие серьезных рисков и угроз для самого существования человеческого сообщества, которые содержатся в самом либерально-рыночном проекте, его апологии и в попытке внедрить во все сферы жизнедеятельности человека. Значительная часть нанесенного урона связана с неподготовленностью властных институтов большинства государств к быстрому переходу на мобилизационный режим. Сюда надо добавить рыночные реформы в сфере здравоохранения, проведенные «эффективными менеджерами» под девизом «оптимизации», что привело к фактическому развалу ее санитарно-эпидемиологического звена как избыточного. Не случайно на данном этапе наименее подготовленными к своевременному реагированию на чрезвычайную ситуацию оказались страны с либерально-ориентированными политическими режимами.

Что касается последствий для экономики, то уже более чем вероятен сценарий полномасштабного кризиса мировой экономики. Если рассматривать наиболее оптимистичный сценарий, который удалось реализовать Китаю, то экономические потери от карантина и другие сопутствующие расходы могут быть не столь катастрофичными. Так, согласно данным государственного статистического бюро КНР, по итогам первого квартала 2020 г., в самый разгар эпидемии, падение ВВП составило – 6,8%. Для Китая оно довольно значимо, поскольку впервые случилось за последние 28 лет.

Примерно такой относительно благоприятный сценарий заложен в прогнозе МВФ, согласно которому в 2020 г. ожидается спад мировой экономики в размере 3,0% с последующим быстрым восстановлением в 2021 г. (табл. 1). Причем еще в конце 2019 г. МВФ прогно-

зирова́л продолжение экономического роста (хотя и с низкими темпами) для развитых капиталистических стран с признанием опасности экономического кризиса. Приведенные прогнозы, скорее всего, недооценивают более тяжелые последствия от возникшей ситуации, обусловленные не только внутренними трудностями восстановления, но и в большей степени опасностью разрушения сложного комплекса внешнеэкономических отношений.

Подчеркнем, что сейчас основная часть экономического урона рассчитывается исходя из затрат по массовому введению карантинных мер и самоизоляции, которые привели к остановке производства (особенно в сфере услуг). И это далеко не все действительные потери, хотя и они впечатляют.

Таблица 1. Динамика реального ВВП в 2011–2019 гг. (среднегодовые темпы 2001–2018 гг. и 2019 г., прогноз на 2020–2021 гг., %)

Страны и регионы	2001– 2010	2011– 2018	2019	Прогноз		
				2020 конца 2019 г.	2020 середины апреля 2020 г.	2021
Мир	3,9	4,0	2,9	3,4	3,0	5,9
Развитые страны:	1,7	1,9	1,7	1,7	6,1	4,5
США	1,7	1,8	2,3	2,1	5,9	4,7
ЕС (еврозоны):	1,2	0,7	1,2	1,4	–7,5	4,7
Германия	0,9	1,8	0,6	1,2	7,0	5,2
Франция	1,3	1,3	1,3	1,3	7,2	4,5
Англия	1,6	2,0	1,4	1,4	6,5	4,0
Япония	0,6	0,9	0,7	0,5	5,2	3,0
Развивающиеся страны:	6,2	5,0	3,7	6,0	–1,0	6,6
Китай	10,5	7,4	6,1	5,8	1,2	9,7
Индия	7,5	7,0	4,2	7,0	1,9	7,4
Бразилия	3,7	0,6	1,1	2,0	5,3	2,9
Россия	4,8	1,6	1,3	1,9	5,5	3,5

Источник: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC

Так, в федеральный бюджет США в связи с пандемией уже заложен рекордный дефицит – 4 трлн долларов (более 15% ВВП страны). При этом во втором квартале этого года, по прогнозу МВФ, ожидается обвал экономики с падением ВВП на 40% и безработицей в 17...20%, хотя итоговый результат по текущему году предполагается приемлемым (– 5,9%). Такой сценарий, видимо, возможен, если к концу первого полугодия удастся добиться коренного перелома в борьбе с вирусом.

Текущее состояние экономики России сложнее, чем во многих развитых странах. Помимо коронавирусной пандемии необходимо учитывать обвал цен на углеводородное сырье (прежде всего на нефть), а это сильный удар по бюджету и устойчивости экономики в целом. (Так, при поддержании среднегодовой цены на нефть в 20 долларов за баррель для компенсации выпадающих доходов бюджету потребуются выделить два трлн рублей из ФНБ страны). Негативное влияние оказывает и пролонгация ранее введенных санкций с вероятностью их дополнения новыми. С учетом накопленного кризисного потенциала в российской экономике, отражающего общие проблемы и недостатки сложившейся системы хозяйства, потребуются большие усилия и затраты для их нейтрализации. Отметим, что по итогам первого квартала текущего года (до начала распространения коронавируса) в сравнении с аналогичным периодом прошлого года промышленное производство в целом в нашей стране выросло на 1,5%, обрабатывающие производства – на 3,8%. Во втором квартале, по разным оценкам, прогнозируемое падение определяется с большим разбросом – от 6 до 20%. При достаточно эффективном антивирусном сопротивлении и полноценном восстановлении хозяйственной деятельности годовой спад может ограничиться падением в 5,5...6%.

В целом, при оценке возможных затрат следует учитывать не только их объем в связи с карантином и самоизоляцией (а потому с вынужденной остановкой производства), но и все затраты по перезапуску экономики и преодолению кризиса. В этом случае стоит напомнить о затратах в период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. С учетом существенных трудностей при решении аналогичных задач в нынешнем экономическом цикле такой ориентир полезен.

Кризис 2008–2009 гг. запомнился огромными финансовыми потерями и затратами государств на его блокирование. Не все средства,

которые предполагалось направить из разных источников на проведение активной антикризисной политики (табл. 2), были использованы. Кроме того, ситуация в разных странах была неодинаковой. Тем не менее, по оценке МВФ, совокупные затраты на борьбу с кризисом в мировом хозяйстве достигли 9,2 трлн долларов (около 14% мирового ВВП).

Таблица 2. Финансовые затраты на борьбу с кризисом в 2008–2009 гг. [6, с. 267]

Страна	Сумма, трлн долл. В % от ВВП	
Великобритания	1,0	37
США	3,5	25
Германия	0,89	23
Россия	0,22	13,9
Китай	0,57	13
Япония	0,58	12

В России фактические финансовые затраты на проведение антикризисной политики в 2008–2009 гг. составили более 3 трлн рублей, или 125 млрд долларов (почти 8% ВВП страны). Они включали бюджетные средства, затраты из ФНБ и предоставление гарантий по кредитам от ЦБР. Но даже при таких значительных затратах ВВП страны в 2009 г. сократился на 7,8%, а промышленность – на 9,2%.

Анализ финансовых средств, выделенных на борьбу с коронавирусной пандемией к середине апреля текущего года, показывает их существенные различия в отдельных странах. Такая дифференциация отражает неодинаковый уровень коронавирусного поражения и различия в экономической политике (см. рисунок 1).

На данный момент самые значительные затраты на борьбу с Covid-19 в номинальном и относительном значении предусмотрены в США. В конце марта 2020 г. утвержден антикризисный пакет в размере 2,2 трлн долларов для прямой компенсации потерь бизнеса и населения, в том числе 500 млрд долларов получают американские корпорации, 367 млрд – малый бизнес. Для населения предусмотрены единовременная помощь в мае 2020 г. в размере 1200 долларов каждому американцу с годовой зарплатой до 75 тыс. долларов, единора-

зовая выплата 500 долларов на каждого ребенка для семей с детьми; выплата безработным, уволенным из-за пандемии, 600 долларов в неделю дополнительно к пособию по безработице в течение 13 недель с момента подачи заявки о потере работы.

Кроме того, предусмотрено дополнительное финансирование системы здравоохранения в размере 100 млрд долларов. К этому надо добавить использованное ранее ФРС снижение ключевой ставки (о...о,25%) и возвращение к политике выкупа казначейских облигаций и ценных бумаг в рамках очередной программы количественного смягчения. Все это в совокупности позволит затратить 1,5 трлн долларов на поддержку финансовых рынков.

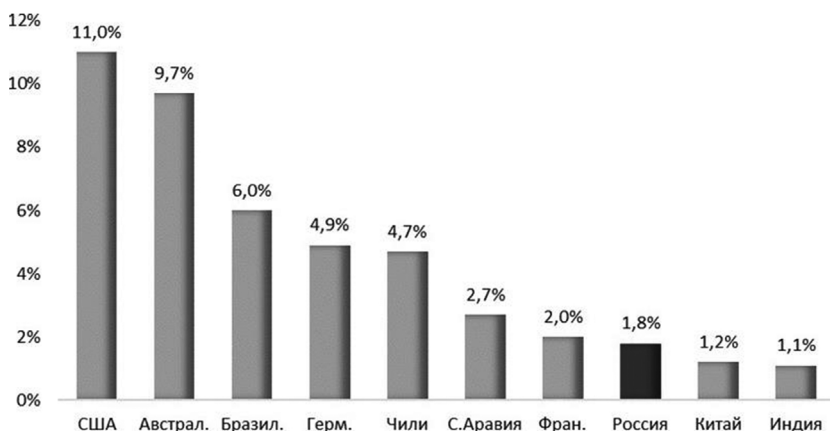

Рисунок 1. Выделенные средства на борьбу с коронавирусной пандемией в 2020 г., % от ВВП

(источник: Альфа-Банк(<https://www.finam.ru/analysis/forecasts/karantin-v-rossii-itogi-pervyx-trex-nedel>))

Главный замысел предложенного варианта антикризисной политики с ориентацией на прямые затраты по поддержке бизнеса и населения заключается в создании сильных стимулов в период после подавления пандемии для стимулирования как предложения, так и спроса в американской экономике. Масштабная финансовая помощь сфере производства должна обеспечить возмещение убытков компаний от вынужденного простоя и их быстрое восстановление с одно-

временной поддержкой за счет расширения потребительского спроса. Не случайно денежные выплаты населению должны быть осуществлены в мае, когда предполагается вывод экономики из карантинного режима. Взаимоувязанное соединение стимулирования предложения и спроса должно придать импульс быстрому возрождению экономики. Самое уязвимое звено в этой программе – проблема безработицы, решение которой может столкнуться с дополнительными трудностями и, по-видимому, с неизбежным высоким ее уровнем.

В России реализуется свой вариант антикризисной политики. В силу объективных причин он заметно скромнее по выделяемым средствам и набору мер. По разным оценкам, объем средств, заложенных в такую программу, на данном этапе определен в объеме 2...3 трлн рублей (1,8...3% ВВП). В основном, программа ориентирована не на прямую поддержку хозяйствующих субъектов и населения, а на предоставление отсрочки на 6 месяцев по налогам (за исключением НДС) и кредитам (включая ипотечные), а также на обеспечение госгарантий по кредитам. Предусмотрена мера по поддержке программ кредитования оборотных средств для 647 крупных системообразующих предприятий. В отличие от экономической политики в 2008–2009 гг., когда один из главных акцентов был сделан на сохранение уровня реальных доходов населения (что удалось), в этот раз основное внимание уделяется сохранению занятости и соответственно доходов, поскольку вынужденный простой в сферах производства товаров и услуг из-за карантина опасен риском массовой безработицы.

К числу дополнительных антикризисных мер относится заимствование правительством на финансовом рынке страны в 1,5...2 трлн рублей для помощи экономике и населению. Отметим серьезные отличия в антикризисной политике ЦБР. Если в 2008–09 гг. при наступлении кризиса ставка рефинансирования была повышена с 11 до 13%, то на данном этапе ключевая ставка первоначально оставалась неизменной (6%), а 24 апреля была снижена до 5,5%. К мерам по смягчению монетарной политики относится и создание увеличенного лимита (до 5 трлн рублей) для коммерческих банков по предоставлению безотзывных кредитных линий со сниженной платой с 0,5 до 0,15%.

Насколько успешной окажется предложенная программа, во многом будет зависеть от сроков преодоления пандемии, от ситуации на рынке энергоресурсов (от цен на нефть и газ) и от действия других

факторов. Одно из наиболее уязвимых звеньев в этой программе – недостаточность ресурсов, выделенных на поддержку реальных доходов населения, которые уже в первом квартале текущего года сократились на 0,2%. Это может стать заметным ограничителем в формировании спроса, что затруднит восстановительный процесс в сфере производства. К тому же в такой ситуации не исключено обострение социальной ситуации в стране. Чтобы избежать этого, целесообразно дополнить «каникулы» по обязательным платежам мерами прямой поддержки производства и населения. Особенно важно оказание помощи малоимущим и семьям с детьми, используя разные ее формы.

Не менее важно, что переключение средств на преодоление пандемии отодвинет полноценную реализацию национальных проектов, благодаря которым планировалось повысить инвестиционную активность и динамизм в развитии страны.

Пандемия сильно влияет на характер экономического развития мирового хозяйства, создавая дополнительные ограничения и барьеры. После завершения основной фазы борьбы с Covid-19 потребуются обстоятельный анализ использованных мер, в частности жесткости карантинных ограничений. Нужна оценка эффективности реализуемых программ и целесообразности их выбора. Значительные расходы и потери, которые уже понесла и еще понесет экономика, не говоря уж об издержках населения, должны быть оценены и сопоставлены, чтобы использовать приобретенный опыт в борьбе с возможными новыми штаммами коронавируса или другими неожиданными природными аномалиями.

Следует обратить внимание на пока что неочевидный позитивный результат. Масштабная остановка производства из-за введенного карантина с разной степенью охвата затронула многие страны, что позволяет частично снять остроту дисбаланса предложения со спросом. Так, перерыв в производстве на месяц означает примерное сокращение предложения товаров и услуг на 8...10%, что поможет убрать с рынка часть избыточного производства. Добавим неизбежную масштабную волну банкротств, которая повлечет высвобождение части ресурсов. Последние можно направить на расширение более эффективного и успешного бизнеса. При одновременной разумной поддержке спроса домашних хозяйств и инвестиционной активности появится возможность активизировать восстановительный процесс.

При всей актуальности противодействия Covid-19 и последующего восстановительного периода важно не забывать о новой технологической революции с переходом к Индустрии 4.0, ушедшей в тень из-за пандемии. Если не ограничиваться решением текущей задачи по преодолению пандемии и компенсации потерь, то определяющее значение в обеспечении динамичного и устойчивого роста экономики остается за технологическим обновлением производства. Иначе говоря, потребность в перезапуске экономики на новой технологической основе сохраняет ключевое значение.

Безусловно, коронавирусная пандемия потребует переоценки как общих постулатов о месте и роли технического прогресса в экономике и обществе, так и существенных коррективов в его современном продвижении и применяемых методов. Не следует переоценивать роль технического детерминизма, который преобладает в сознании экономистов и практиков. При всей полезности новых технологий они не должны абсолютизироваться. Это ведет к превращению технотетерминизма в технологический фетишизм, когда развитие технологий становится самоцелью, а общество – машиноцентричным.

Другое обстоятельство – при реализации новых технологий обязательно надо учитывать не только ожидаемые выигрыши и достоинства от их применения, но и неизбежные издержки и потери, особенно в сфере экологии и социальном развитии. Не следует исключать возможность превращения каких-то конкретных направлений НТП в вариант регресса, когда негативные последствия для человека, общества и природы от их внедрения превысят потенциальные выгоды. Такие риски и угрозы со временем нарастают. Поэтому важно уже сегодня задуматься о введении разумных социальных, этических и экологических границ в экспансии технологий.

Преобладающий интерес к цифровым технологиям, должен быть, как минимум, дополнен ускоренным развитием биоинженерии и разработкой новых медицинских препаратов. В частности, речь идет об острой потребности в создании эффективных и безопасных лекарств против Covid-19. Повышенного внимания заслуживает прогнозирование и предупреждение появления возможных инфекций и других нежелательных явлений. В связи с этим требуется развитие всего комплекса исследований в области охраны здоровья. Центральным звеном здесь выступает дальнейшее изучение технологии ре-

дактирования генома человека, которое при успехе позволит освободить человека от немалого числа болезней, продлить здоровую жизнь и повысить творческий потенциал.

Что касается проблемы запуска в экономике новой технологической революции, то в этом случае принципиальное значение приобретает неспособность сложившейся хозяйственной модели решить эту масштабную задачу. Немалую роль в этом играет обострение глобальной конкуренции в становлении нового мирохозяйственного центра накопления капитала [7]. Она мешает распространению нововведений на всем мирохозяйственном пространстве из-за их монополизации и одновременно способствует нацеленности НТП на использование преимущественно в военной сфере. При этом становление такого центра с возможной опорой на формирующийся азиатский центр накопления капитала способно обеспечить радикальное переформатирование центрпериферийного строения мирохозяйственного пространства на новых основаниях и принципах взаимодействия.

Особое значение приобретает проблема роли экономических отношений, которые могут как стимулировать, так и препятствовать общему прогрессу производительных сил, одновременно способствуя или мешая продвижению конкретных направлений технико-технологических нововведений. Ведь общий закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил имеет и обратное действие. Сейчас сложилась именно такая ситуация в системе капитализма с характерным для нее доминированием спекулятивно-финансовой модели. В борьбе с коронавирусной пандемией и ее последствиями усиливается понимание системных ограничений в действующей экономической модели и необходимости продвижения альтернативных проектов. Это важно не только для более сбалансированного решения экономических и социальных задач, но и для создания благоприятной и защищенной среды для жизни человека, его здорового и благополучного развития.

Неслучайно с распространением Covid-19 стала активно обсуждаться необходимость реформирования самой системы капиталистического хозяйства. Растущее социальное неравенство, появление новой бедности и проблема выживания актуализировались в период вирусно-экономического кризиса. Назрело значимое возвращение государства в организацию хозяйственной и социальной жизни обще-

ства. Во всяком случае, роль государственного вмешательства в экономику для противодействия вирусной атаке уже заметно возросла. И она станет еще более масштабной в ходе решения задач по преодолению последствий пандемии и кризиса экономики. В этот период необходимы непосредственный государственный контроль и управление наиболее пострадавшими частными компаниями в общественно-значимых сферах жизнедеятельности, к примеру, речь может идти об авиакомпаниях. Не исключено, что потребуются вернуться к обсуждению вопроса о контроле над сырьевыми компаниями с учетом целесообразности введения госмонополии на экспорт сырья, что принципиально улучшит использование рентных по своей природе доходов в интересах всего общества.

Некоторые меры, предусмотренные в нынешней версии антикризисной программы, могут рассматриваться как правильные шаги по усилению роли государства в организации хозяйственной и социальной деятельности. Даже представители либеральной школы не отрицают полезность таких мер в период кризиса, хотя и со своей версией [8]. В частности, среди таких мер можно выделить увеличение с 2 до 15 % налоговой ставки на доход, который выводится на зарубежные счета. Она давно назрела и ее целесообразно дополнить разумными и действенными ограничениями для контроля за трансграничными операциями с капиталом и защиты внутреннего рынка от «набегов» спекулятивного капитала.

Заслуживает поддержки предложение С. Ю. Глазьева о введении налога на неторговые валютные обменные операции (по ставке 0,01% от объема биржевой торговли валютой), который ограничит вывоз капитала за рубеж [9]. Напомним, что такой налог в 1930-е гг. в период Великой депрессии предлагал ввести Дж. Кейнс, а в 1978 г. эту идею продвигал американский экономист Дж. Тобин.

Заключение

Если не будут введены эффективные ограничительные меры, сдерживающие возможность получения сверхприбылей за счет финансовых спекуляций при одновременном введении действенных стимулирующих мер по внедрению инноваций в сфере производства,

то трудно ожидать успеха в борьбе с последствиями коронавирусной пандемии. А без этого невозможно полноценное развертывание новой технологической революции с соответствующими результатами и выгодами для всего общества. Более конкретно это означает, что в одном случае требуется реализация программы социализации финансов, в другом – проведение активной промышленной политики [10].

Чрезвычайная ситуация, возникшая в связи с коронавирусной пандемией, должна стимулировать поиск альтернативных хозяйственных моделей. Речь идет о выборе новой траектории развития экономики, альтернативной курсу на создание финансовоцифрового капитализма, который ведет в тупик. Дальновидная стратегия предполагает смену сложившейся экономической модели капиталистического хозяйства – ее глубокое и всестороннее реформирование, ориентированное на «продвижение человечества в направлении формирования нового общественного устройства, которое будет базироваться на новом, неэкономическом способе удовлетворения потребностей человека <...> “ноономикой”» [11]. Речь идет о назревшем переходе к посткапиталистическому проекту с переформатированием мотивации и организации хозяйственной деятельности. Вместо рыночной рациональности, воплощающей принцип выгоды на основе господства частных интересов, должен последовательно внедряться принцип социальноэкологической рациональности, оптимизирующий достижение экономических результатов НТП с проведением активной социально-экологической политики. Только так можно обеспечить перспективное, надежное и защищенное развитие современной цивилизации.

Список литературы

1. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза / В.Т. Рязанов. – СПб.: Алетейя, 2019.
2. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. – М.: Дело, 2011.
3. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010.

4. *Рязанов В.Т.* Системные ограничения и возможности неоиндустриального развития экономики России / В.Т. Рязанов // Труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 221. – С. 114–135.
5. *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Дж. Стиглиц. – М.: Эксмо, 2011.
6. *Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России / В.Т. Рязанов.* – М.: Экономика, 2016.
7. *Глазьев С.Ю.* Мировозрастственные уклады в глобальном экономическом развитии /
8. *С.Ю. Глазьев* // Экономика и математические методы. – 2016. – № 2. – С. 3–29.
9. *Коронакризис-2020: что будет и что делать: Серия «Либеральная миссия – экспертиза»/ под ред. К. Рогова.* – М., 2020 (<http://www.liberal.ru/lm-ekspertiza/koronakrizis-2020-chto-budet-i-chto-delat>).
10. *Глазьев С.Ю.* О прогнозах динамики мировой экономики в условиях пандемии COVID-19 и возможных стабилизационных мерах в рамках ЕАЭС / С. Ю. Глазьев // Евразийская экономическая комиссия. – 2020. (<http://www.eurasiancommission.org/ru/covid-19/Documents/III.pdf>).
11. *Рязанов В.Т.* Социализация финансов и беспроцентная экономика: варианты и альтернативы нового финансового порядка / В.Т. Рязанов // Экономист. – 2016. – № 8. – С. 3–23.
12. *Бодрунов С.Д.* Ноономика / С.Д. Бодрунов – М.: Культурная революция, 2018.

глава 2

Рождение

нового качества

производства:

технико-экономические

и социальные корни

Белокрылова О.С.,

доктор экономических наук,
Заслуженный деятель науки РФ,
профессор Южного федерального университета

Belokrylova O.S.,

Doctor of Econ. Sc.,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Professor of the Southern Federal University

Васильева Д.А.,

студентка бакалавриата
Южного федерального университета

Vasilyeva D.A.,

Bachelor's student at Southern Federal University

Цифровая экономика и занятость: перспективы молодежного рынка

Digital Economy and Employment: Prospects for Youth Market

Аннотация. В условиях формирования цифровой экономики обостряется ноономическая проблема адаптации человеческих ресурсов к противоречивым императивам 4-й промышленной революции, которая обладает высоким потенциалом генерирования новых направлений научных исследований, новационных прорывов, формирует принципиально новые ноономические рабочие места, оптимизирует экономический рост и инвайроментальные, а также эргономические характеристики рабочих мест. Это требует проведения прогнозного аудита современных профессий, обладающих наибольшим

и наименьшим риском к роботизации, обоснования перспективных социально-экономических сдвигов, разработки стратегий цифровой трансформации профессиональной деятельности людей в целях формирования новых компетенций молодежи, впервые выходящей на рынок труда. Конечно, в ближайшем будущем на рынок труда выйдут представители поколения Z, отличающегося развитыми информационными компетенциями, обеспечивающими неограниченный доступ к информации. Однако стремительно ускоряющаяся в условиях пандемии коронавируса COVID-2019 цифровизация экономики ставит перед системой высшего и среднего общего и профессионального образования задачу адекватной реакции на прогнозные изменения спроса на рынке труда, вложений в новое качество формируемого человеческого капитала, адаптации выпускников к новым условиям труда, новым профессиям и цифровой трансформации существующих.

Abstract. In the conditions of the formation of the digital economy, the noonomic problem of adapting human resources to the contradictory imperatives of the 4th industrial revolution is aggravated, which has a high potential for generating new areas of scientific research, innovative breakthroughs, creates fundamentally new noonomic jobs, optimizes economic growth and environmental as well as ergonomic characteristics. workplaces. This requires a predictive audit of modern professions that have the greatest and least risk of robotization, promising socio-economic shifts, the development of strategies for digital transformation of people's professional activities in order to form new competencies of young people entering the labor market for the first time. Of course, soon, representatives of Generation Z will enter the labor market, which is distinguished by developed information competencies that provide unlimited access to information. However, the rapidly accelerating digitalization of the economy in the context of the COVID-2019 coronavirus pandemic poses a challenge for the system of higher and secondary general and vocational education to adequately respond to forecast changes in demand in the labor market, invest in a new quality of formed human capital, adapt graduates to new working conditions, new professions. and digital transformation of existing ones.

Ключевые слова: цифровая экономика, занятость, индустрия 4.0, рынок труда, молодежный сегмент, трансформация рынка труда, цифровые технологии.

Keywords: digital economy, employment, industry 4.0, labor market, youth segment, labor market transformation, digital technologies.

Категорию «цифровая экономика» предложил американский экономист Н. Негропonte (1995 г.) (22). Однако концепция «цифровой экономики» получила международное признание в 2016 г. после публикации отчета Всемирного банка о цифровых дивидендах (26). Цифровизация экономики – это мировой мегатренд трансформации экономики, субъекты которой взаимодействуют на основе цифровых платформ. Этим определением агрегируются транзакции, осуществляемые в интернет-среде с помощью цифровых технологий. И. Димитров подчеркивает, что цифровизация экономики есть тонко развитый механизм в отличие от интернет-экономики (14), затрагивающий все слои общества. «Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.» дефинирует цифровизацию экономики как деятельность предпринимателей по оцифровке данных, что приводит к существенному повышению эффективности производства и качества продукции (13). Конечно, как и в целом рыночная, цифровая экономика целеориентирована на максимизацию прибыли для каждой из сотрудничающих сторон за счет инвестирования в развитие информационно-коммуникационных проектов (23).

Специалисты Мирового банка определяют цифровую экономику как «экономический порядок, территориальные взаимодействия с применением компьютерных возможностей» (26). В качестве материально-вещественной основы цифровизации экономики выделяют: механизмы (управленческие аппараты, компьютерные технологии, средства трансляции); коммерческие сделки (бизнес-процессы); электронную коммерцию (поставки товаров и услуг с помощью Интернета) (13).

Структурными составляющими цифровой экономики выступают: экономические взаимодействия на базе непрерывно расширяющейся цифровизации экономики; индивидуальные сервисные модели; приоритет экономики совместного пользования (8). Дигитализация обуславливает кардинальные изменения государства, бизнеса и общества, стимулирует роботизацию производства, автоматизацию рутинных физических и интеллектуальных операций, исчезновение ряда профессий, что рассматривается как дисконтента (негативный эффект) цифровизации (4), и появление новых. Важнейшей особен-

ностью рынка труда ближайшего пятилетия выступает увеличение доли новых работников, свободно владеющих доступными цифровыми технологиями до 25% общей мировой численности занятых к 2025 г. (24), поскольку участники этого сегмента молодежного рынка труда адаптированы к императивам знаниеемкого высокотехнологичного производства.

Проведенное нами исследование содержательных характеристик цифровой экономики позволило получить следующие выводы:

- оцифровка трансформирует структуру национальных экономик и рынков труда: исчезают некоторые специальности, появляются новые отрасли и профессии;

- растет платежеспособный спрос населения, повышается доступность услуг и товаров;

- усиливается внутриотраслевая конкуренция;

- растет прибыльность новых цифровизированных производств.

В условиях практически полной остановки экономики во 2 квартале 2020 г. вследствие массового самоограничения миллионов россиян, как способа борьбы с распространением коронавируса, индекс промышленного производства опустился до 96,5% в I полугодии 2020 г., уровень безработицы в июне 2020 г. достиг 6,2%: при 74,7 млн чел. рабочей силы, реальная безработица составила 4,6 млн чел. (максимум с 2012 г.), официальная – 2,8 млн чел. (рост в 3,7 раза в начала года) (2), а реальные располагаемые доходы населения в I квартале 2020 г. снизились на 7,7% (20). Следует учитывать, что и до пандемического кризиса заработные платы были достаточно низкими: большинство (76,1%) россиян получают до 30000 руб. в месяц, и лишь около 10% наемных работников имеют заработок 50–70 тыс. руб. (рис. 1).

Высокая зарплата остается в сырьевых отраслях, у программистов (9), работников финансовой и страховой сферы (15), а также в сфере интеллектуальных услуг: консультирование, информационное посредничество, аналитика, маркетинг (18). В перспективе наиболее популярными профессиями станут создатель веб-сайтов и информационных систем, цифровой юрист и лингвист, консультант и координатор по информационной безопасности, в т.ч. профиля, разработчик аудио- и нейроинтерфейсов (25). В соответствии с прогнозом Всемирного экономического форума 2016 г. «The Future of Jobs» (24) уже в 2020 г. происходит радикальное переосмысление качеств ра-

ботников и на передний план выходят критическое мышление, креативность и управленческие навыки (10), т.е. те качества личности, которые отвечают императивам знаниеинтенсивного ноопроизводства как системообразующего базиса ноономики (5), а драйверами цифровой экономики становятся аналитические, интеллектуальные способности, работа с большими данными, цифровая грамотность (Digitalskills), комбинированные компетенции, адаптивность и быстрая обучаемость, что требует соответствующей институционально-цифровой трансформации системы образования (3).

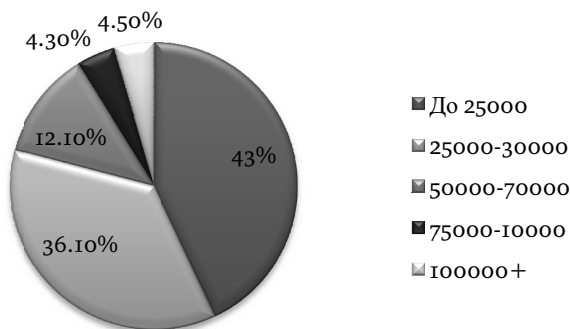

рис. 1. Структура заработных плат в РФ (17)

Таким образом, для рынка труда в условиях становления цифровой экономики характерно:

- сокращение количества традиционных профессий;
- повышение динамики (больше увольняется, но и больше трудоустраивается работников);
- снижение занятости в производственных отраслях, но рост численности работников в сфере услуг;
- усиление дефицита специфических кадров, обладающих новыми компетенциями;
- формирование новых качеств трудовой жизни, которые также высветила массовая дистанционная занятость в условиях борьбы с распространением коронавируса COVID-2019: автономность, гибкость, обучаемость.

На устойчивость позиционирования выпускников вузов, средних профессиональных образовательных учреждений, впервые выходя-

щих на рынок труда, прежде всего, влияет качество профессиональной подготовки, а также развитие профнавыков, наличие вакансий. Согласно критериям Организации Объединенных Наций, возраст молодежи в странах Европы составляет 15–24 года. Анализ динамики численности молодого поколения России, показывает, что его доля по критериям ООН за 2001–2018 гг. сократилась на 6,37% (7), хотя очевидно, что именно демография является решающим фактором наполняемости рынка труда (16). Но отечественные и зарубежные исследования показывают, что российский трудовой рынок является достаточно гибким вследствие активного использования нетрадиционных видов труда, цифровизации экономики (6), появления новых профессий, позволяющих работать удаленно. По оценкам Международной организации труда численность работающих удаленно уже составляет в мире 17%, в Японии и США – почти 40% (25). На российском рынке дистанционно работают 51% специалистов по программированию, 38% персонала, занятого в службах поддержки клиентов, 27% дизайнеров, 15% аналитиков и сотрудников финансовых департаментов (рис. 2).

рис. 2. Профессиональная структура
дистанционной занятости в России (10)

Создание цифровых платформ поиска вакансий и сотрудников обеспечивает ускорение процесса достижения баланса спроса и предложения на рынке труда. Например, в США на платформе LinkedIn представлено 131 млн анкет безработных, на российской платформе

HeadHunter – 25 млн (1). Однако в России вследствие особенностей менталитета и традиций достаточно распространенным каналом поиска работы остается поиск через знакомых (35–44 лет – 62%), на втором месте специализированные сайты (49% среди 18–24-летних), наиболее популярными из которых являются цифровые экосистемы Avito.ru, HeadHunter.ru и Rabota.ru (11).

Проведенный нами анализ состояния молодежного сегмента рынка труда в России позволяет сделать следующие выводы:

- молодые соискатели вакансий, особенно впервые выходящие на рынок труда, менее конкурентоспособны;
- слабая заинтересованность работодателей в новых сотрудниках вследствие, в частности, ограниченности стажировок в компаниях с привлечением в последующем к трудоустройству;
- цифровой потенциал выпускника является доминантным фактором трудоустройства современной молодежи;
- нетрадиционные методы трудоустройства важны, но далеко не для всех соискателей вакансий;
- сложной проблемой качественного поиска работы в России является высокая конкуренция среди выпускников вузов, особенно в 2020 г. при катастрофическом сокращении рабочих мест вследствие пандемии.

Формирование навыков эффективного управления новыми процессами и новыми проектами выступает базовой предпосылкой повышения конкурентоспособности выпускников вузов на рынке труда. Вследствие этого быстро меняющийся рынок труда требует формирования более гибкой системы образования, обеспечивающей включение в систему подготовки молодых специалистов: развитие навыков и потребностей в непрерывном самообразовании, отвечающем требованиям знание интенсивного индустриального производства, приобретении новых компетенций, новых знаний и готовности менять профессию в течение профессиональной жизни (16).

Достаточно серьезной проблемой трудоустройства выпускников выступает отсутствие у многих из них опыта работы, между тем на рынке труда востребованы специалисты со стажем. Поэтому высшая школа должна концентрироваться на подготовке не профессионалов, а трансфессионалов, т. е. специалистов, которые твердо стоят на ногах в своей первоначальной работе, но постоянно выходят за ее

рамки, чтобы обогатиться знаниями и технологиями из других профессиональных областей (8), что также отличает работников формирующейся ноономики.

Работодатели также активно участвуют в трудоустройстве студентов через приглашения на стажировку, практику и в конечном счете трудоустройство. Поэтому отраслевые образовательные программы должны обеспечивать знакомство с новыми информационными технологиями, анализом больших данных, развить профессиональные навыки работы с электронными устройствами и современными программными продуктами (например, Microsoft Office, 1С и т.д.). Кроме того, современная цифровая среда позволяет университетам и работодателям тесно сотрудничать, создавая совместные источники информации, быстро реагируя на сигналы с рынка труда (21).

Наиболее эффективным институтом рынка труда является служба занятости. В 2018 г. в Ростовской области был достигнут один из наилучших по стране уровней трудоустройства обращающихся в службу занятости относительно поиска вакансий граждан – 81,7% (12), но в 2020 г. количество официально зарегистрированных безработных вследствие пандемии увеличилось в 4,3 раза и составило 78,6 тыс. человек (2). Вследствие этого усложняется задача вузов по подготовке конкурентоспособных специалистов. Поэтому на наш взгляд, целесообразно:

- привлечение специалистов-практиков профильных организаций к учебному процессу;
- экспертиза учебных дисциплин и практик с профессиональной направленностью;
- более широкое использование кейсов с анализом проблемных ситуаций.

Преимущество будущих работников в значительной мере определяется качеством полученных знаний, навыками коммуникаций, которые обеспечивают профессиональный успех. Кроме того, важным конкурентным преимуществом на рынке труда является участие студентов в процессе учебы в разработке инновационных проектов и грантов, активное взаимодействие с преподавателями. Наконец, конкурентные качества выпускника зависят не только от качества его образования, но и от личностных характеристик, являющихся важнейшей составляющей социального и профессионального успеха.

Список литературы

1. Аптекман А., Калабин В., Клинцов В., Кузнецова Е., Кулагин В., Ясеновец И. Цифровая Россия: новая реальность. McKinseyRussia, 2017.
2. Безработица на конец июня 2020 года. <https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/TLmw6636/Безработица.pdf>.
3. Белокрылов К.А. Ресурсный потенциал ЮФУ в обеспечении качественного образования в регионе // Качество образования в современном вузе: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 16–18 мая 2019 г.). Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд. ЮФУ, 2019. С. 23–27.
4. Белокрылова О.С. Дисконтенты цифровизации в контексте занятости // Экономика как объект междисциплинарных исследований / Сборник материалов IV международного политэкономического конгресса (МПЭК-IV) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова и А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2020. С. 539–547.
5. Бодрунов С.Д. Ноономика /Монография/. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
6. Василенко Н.В. Цифровая экономика: концепции и реальность: Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика: труды научно-практической конференции с международным участием 17–22 мая 2017 года.
7. Доля молодежи. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/obsled/trud2013.htm
8. Драйверы и барьеры развития человеческого капитала в эпоху цифровизации экономики // Социология. Статистика. Отраслевой обзор. 2018. № 2(14).
9. Исследование доходов фрилансеров (2018). https://www.dropbox.com/s/s85xwc7sbbqz3xz/112_Freelancers%20income%20report%202018.pdf.
10. Кузнецов Н.В. Изменение структуры занятости и профессионально-квалификационных требований в эпоху цифровизации экономики // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 5.
11. Лapidус Л.В. Центр компетенций цифровой экономики. 2018 // МАКО. <http://www.makonews.ru/centr-kompetencij-cifrovoj-ekonomiki/>.

12. Мониторинг и оценка качества и доступности государственных услуг в области содействия занятости населения, 2019. <https://rosmintrud.ru/employment/employment/728>.

13. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. <https://base.garant.ru/71670570/>.

14. Орешкина А. Цифровая экономика лишит смысла текущие экономические модели. <https://aetp.ru/news/item/411145a>.

15. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М.: Росстат, 2020. <https://www.gks.ru/folder/210/document/12993>.

16. Россия 2025: от кадров к талантам. http://d-russia.ru/wpcontent/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf.

17. Сведения о заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам работников за октябрь 2019 г. (статистический бюллетень). М., 2020. <https://www.gks.ru/compendium>.

18. Сенокосова О.В. Воздействие цифровизации на рынок труда России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 10–2.

19. Социально-экономическое положение России январь-июнь 2020. М.: ФСГС, 2020.

20. Уровень жизни населения. УИ. https://gks.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm.

21. Федосова И.В., Деревцова Е.Н. Социальное партнерство вуза как фактор повышения качества профессиональной подготовки будущих специалистов // Modern Research of Social Problems. 2015. № 8 (52). С. 306–321

22. Negroponte N. (1995). Being Digital. Knopf. (Paperback edition, 1996, Vintage Books,

23. New business models for the new global landscape. November 2017 <https://www.bcg.com/publications/2017/globalization-new-business-models-global-landscape.aspx>.

24. The Future of Jobs. <https://reports.weforum.org/future-of-jobs-2016/basic-infrastructure/>.

25. Vectors of digital transformation. OECD Documents on the Digital Economy No.273. Paris: OECD Publishing House, 2019

26. World Development Report 2016: Digital Dividends. <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016>.

Дроздов Б.В.,

*доктор технических наук, генеральный директор
НИИ информационно-аналитических технологий*

Drozдов B.V.,

*Doctor of Tech. Sc., general director,
institute of information-analytical technology*

Пределы и ограничения разработки и внедрения систем искусственного интеллекта

Limitation and Restrictions for Preparation and Application System Artificial Intellect

Аннотация. Рассматриваются ограничения и пределы разработки, внедрения и возможные последствия использования систем искусственного интеллекта (ИИ). Пределы и ограничения выявляются на основных этапах разработки этих систем – концептуализация, технологизация формализация, алгоритмизация и программирование. Оцениваются социально-экономические последствия внедрения ИИ на примере городских систем таксомоторного обслуживания.

Abstract. Limitations and bounds for preparing and application systems artificial intellect are considered. Limitations and bounds are consider on conceptionalization, technologization, algoritmization, programmization stages. Social-economics consequences of application artificial intellect are consider on example taxi city.

Ключевые слова: системы, искусственный интеллект, концептуализация, технологии, математика, алгоритмизация, программирование, социум, ограничения, экономика, эффективность.

Keywords: systems, artificial intellect, concepts, technology, algorithms, programs, society, limitation, economics, efficient.

Направление развития современной цивилизации, определенное в работах (3, с. 432, 4, с.502)] как ноономика, т.е. экономика, основанная на знании, придает особую актуальность проблемам искусственного интеллекта, проблемам его разработки, внедрения и оценки возможных последствий в социально-экономической сфере. Прогрессивным изменениям подвергаются все области человеческой деятельности, в том числе и те, в которой добываются новые знания, составляющие основу знаниеемкой экономики (ноономики). Знания добываются человеческим интеллектом в процессе практической деятельности, прежде всего, в сферах промышленного производства, жизнеобеспечения, исследований, разработок и управления. Интеллектуальная деятельность, т.е. деятельность в сфере мысли, сама в процессе современного научно-технологического развития привела к формированию самостоятельного научного направления, называемого искусственным интеллектом (ИИ). Распространение этого понятия на различные сферы современной действительности порождает много фантазий, мифов, иллюзий и необоснованных надежд, связанных с широким применением цифровых технологий и систем ИИ. Возникновение и распространение таких иллюзий и мифов какой-то степени является результатом известного из лингвистики явления гипостазирования, когда какому-либо отвлеченному понятию придают смысл самостоятельного бытия. Как писал С.Г. Кара-Мурза, «склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания построенным в уме конструкциям, – худший враг логического мышления» (9, с. 736).

Давая оценку современному состоянию решения проблемы ИИ, следует в первую очередь внести ясность в представление о том, что такое естественный, данный от природы человеку, интеллект, что такое его природный ум, мышление, понимание и сообразительность. На основе этого возможно оценить реально достижимые пределы и ограничения при создании искусственных аналогов-заменителей естественного интеллекта искусственно созданным – ИИ.

Большинство ученых и инженеров, занимающихся проблемами ИИ, исходят из того, что интеллект, т.е. способность мыслить, рассуж-

дать, думать, – есть уникальная способность человека, воспитанного в культуре социума и погруженного в этот социум. Эта способность воспитывается и развивается социумом в окружении интеллектуальных достижений этого социума. Такая способность, т.е. способность мыслить, не передается автоматически по наследству, а формируется окружающей человека культурой. Эту способность нельзя вычленировать из человека и потом это специально созданное образование заставить думать и действовать подобно человеку. Вот что об этом писал известный наш отечественный ученый философ Э.В. Ильенков (7, с. 258–279):

«...“ум”, умение думать, способность умело мыслить, – это способность, которая вовсе не достается человеку даром, а есть умение, которое каждый человек может и должен сам в себе воспитать, развить, постоянно тренируя орган мышления – мозг – с помощью соответствующих упражнений». И далее Э.В. Ильенков продолжает: «...мозг сам по себе, в том виде, в каком он был подарен нам матушкой природой, способен “мыслить” так же мало, как кусок мрамора – превращаться в статую».

В другом источнике (1, с.254) дается инженерное определение интеллекта, под которым подразумевается способность понимать и обучаться на своем и чужом опыте, приобретать знания и обучаться на этом опыте, способность вырабатывать цели и осуществлять планирование своей деятельности, способность принятия решений и прогнозирования возможных последствий, способность организовывать свои действия и сам процесс мышления.

Такие представления о сущности естественного интеллекта позволяют осознать объем работ и масштабы сложностей, с которыми должен столкнуться человек, перед которым поставлена задача вначале глубоко уяснить природу и особенности интеллектуальной деятельности человека, а потом создать интеллект искусственный. Это трудности, препятствия и ограничения имеют методологический, теоретический и организационно-экономический характер.

В современной философской науке сам процесс мышления рассматривается с позиций диалектики как внутренняя полемика человека самого с собой, в процессе которой выявляются и разрешаются выявленные противоречия (7, с. 258–279). Такой взгляд поднимает проблему осознания сущности интеллекта на еще более высокий уровень сложности.

Инженер и работающий по его заданию математик-программист, создавая то, что сейчас называется ИИ, пытается заменить выполнение некоторых функций человека компьютером (машиной) или специально созданной электронной сетью (нейронной сетью). Строго говоря, это не создание ИИ, – это создание и внедрение автомата, который должен делать то, что запрограммировано инженером в меру своего понимания выделенной им для автоматизации человеческой функции (8, с.213). Здесь человек вычленяет из осознанных, изученных действий рутинные, а потом доверяет их специально созданному автомату. В итоге весь этот процесс, который сейчас принято называть созданием систем ИИ, правильное было бы называть **автоматизацией** (как это ранее и называлось). Эта деятельность в стране и в мире началась еще в первой половине 20 века и связывалась с созданием автоматизированных систем управления (АСУ). Фактически мышлением здесь можно считать не то, что делает этот автомат (компьютер), а то, что предшествовало его созданию. Для этого необходимо структурировать те действия, которые совершает человек, создающий в итоге автомат, называемый ИИ, выявить препятствия, ограничения, пределы и возможные последствия при создании, внедрении и дальнейшем использовании этого ИИ. Деятельность по созданию ИИ в первую очередь упирается в естественные, объективные ограничения, так называемые пороги (преграды) автоматизации. Первая группа порогов имеет методологический характер. Они возникают при прохождении создателем систем ИИ следующих обязательных технологических этапов при выполнении работ по автоматизации (6, с. 135): – концептуализация, технологизация, формализация, алгоритмизация, программирование.

На первом этапе (концептуализация) преодолевается порог в виде ограниченности понимания создателем ИИ сущности самого естественного интеллекта. Здесь формируется начальный (предпонятийный) образ интеллектуального действия. Этот начальный образ далее должен получить строгое понятийное наполнение, должен быть выбран, отработан понятийный аппарат и определена структура (т.е. состав и взаимосвязи понятий). Должен быть проведен семантический анализ всей совокупности понятий, сформированы в итоге смысловые метафорические схемы (концептуальные схемы) на языке когнитивной графики. Но этого начального понимания

(концептуального) еще не достаточно для перехода к практическому созданию ИИ.

На следующих этапах возникают новые ограничения. На этапе технологизации необходимо определить технологию мыслительной деятельности, т.е. последовательность и взаимосвязи действий, обозначенная в объективной, т.е. в зафиксированной, доступной для понимания, воспроизведения и обучения форме.

Выявленная технология (состав и взаимосвязи действий) далее должна подвергнуться формализации, т.е. с помощью формального аппарата описана вся выявленная технология. Это описание представляет собой формальную или формализованную модель мыслительного процесса. В качестве наиболее распространенного аппарата здесь используется математика, но могущество математики определяется адекватностью модели реальному моделируемому объекту. Не все концептуальные схемы могут быть подвергнуты формализации для последующего применения математических методов. Средства когнитивной графики, такие, как процессные схемы системного анализа, сетевые схемы, язык Форпост (2, с. 396), облегчают понимание технологии действий и открывают доступную для применения математики дорогу.

Формально описанная схема технологии позволяет перейти к этапу составления алгоритма, на основании которого будет создаваться программа для ЭВМ. С учетом допущенных упрощений на всех предыдущих этапах (от концептуализации до алгоритмизации) на долю созданного ИИ будет приходиться выполнение рутинных функций. Таким образом, работы по созданию ИИ, по своей сути, являются созданием рутинного подкрепления мыслительных функций, которые остаются за человеком. Выделенные рутинные функции передаются машине и относятся к функциям ИИ. В этом вычленении рутины из творческого процесса (человеческого мышления) и состоит главная проблема создания ИИ.

Перед переходом к завершающему этапу программирования может возникнуть сложности, которые часто преодолеваются за счет упрощения (намеренного или непреднамеренного, но допустимого искажения исследуемого процесса). Поэтому даже созданный в итоге автомат свои функции выполняет с определенной степенью приближения к изначально заданным. Таким образом, система ИИ, – это

не автомат, который полностью заменяет человека и выполняет всю его работу, включая и сугубо интеллектуальную, а машинная часть созданной автоматизированной системы, в которой определяющая роль остается за человеком.

Теоретические ограничения при создании систем ИИ возникают от того, что реальные процессы человеческого мышления и деятельности к настоящему времени полностью понять, изучить и описать в виде адекватных концепций и формальных схем не удастся, ввиду чего остается пространство для применения реального опыта и человеческой интуиции.

Определенные ограничения на пути создания качественных и эффективных систем ИИ находятся в социально-экономической сфере. Они создаются такими субъектами работ по автоматизации, как заказчик, спонсор, финансист, собственник, разработчик, изготовитель и оператор искусственного интеллекта. Собственник, заказчик и спонсор (финансист) определяют для разработчика цель и задачи создания ИИ, предметную сферу человеческой деятельности, которая должна быть областью разработки и применения ИИ. Они же определяют ограничения и запреты на сферу исследований и разработок, глубину и характер погружения в предметную область управления, т.е. подготовки и принятия решений. Характер этой области определяется господствующими хозяйственно-экономическими механизмами, формами собственности, особенностями сложившихся рыночных отношений. Интересы закрытых сообществ и коммерческая тайна задают границы деятельности разработчиков ИИ.

Актуальной при создании и внедрении систем ИИ является объективная оценка того, что качественно нового и полезного получается в большой хозяйственно-экономической системе после широкой автоматизации, т.е. массового внедрения систем ИИ, которые берут на себя выполнение рутинных функций. В некоторых видах деятельности (операторская, диспетчерская) рутинная составляющая теснейшим образом переплетена с интуитивной, чувственно-эмоциональной, индивидуально-ситуативной видами деятельности. Вычленение рутинной составляющей деятельности человека и полная передача ее созданной системе ИИ может привести к трудно прогнозируемым последствиям, если не будет рационально определена роль и влияние человека на процесс функционирования системы в целом.

Пределы, ограничения и возможные последствия внедрения ИИ на работу хозяйственно-экономической системы можно рассмотреть на примере системы таксомоторного обслуживания населения крупного города. Основными управленческими функциями этой системы являются сбор, обработка и распределения заказов на перевозку, формирование маршрутов и ведение транспорта по маршруту. Рассмотрим выполнение функции маршрутизации как одного из объекта разработки и внедрения ИИ, Целью внедрения ИИ здесь является создание автомобильных навигаторов, позволяющих освободить водителей такси от тяжелой работы по определению маршрута движения и выполнению действий по ведению такси по выбранному маршруту. Такая программа на основе базы данных улично-дорожной сети (УДС) и схемы организации дорожного движения (ОДД), а также текущих данных о местоположении автомобиля формирует рекомендации по действиям водителя. Возникают даже перспективные идеи возможной замены водителя такси автоматическим роботом (автодроном).

Центральный рабочий процесс данной системы – оперативная разработка маршрута движения. Прокладка маршрута движения здесь проводится на основе базы данных, содержащей карту-схему УДС с учетом схемы ОДД. Качество решения данной задачи по формальному алгоритму определяется объемом и содержанием информации, содержащейся в базе данных УДС и схемы ОДД. Реальная дорожно-транспортная обстановка оказывается содержательно значительно сложнее той, которая отражается в указанных базах данных. В процессе движения возникает необходимость решения оперативных задач, вызванных особенностями текущей дорожной обстановки. При реальном управлении автомобилем с пассажирами водитель транспортного средства (таксист) вынужден принимать во внимание много слабо формализуемых обстоятельств. В случае водителя такси, работающего с автонавигатором (специфический ИИ), возникает соблазн довериться командам навигатора, потеряв при этом бдительность и ответственность. С другой стороны, массовое внедрение навигаторов понижает допустимый уровень профессиональной квалификации водителей, что повышает риск неверных или даже опасных действий при нештатных ситуациях. Массовое применение систем ИИ в виде автонавигаторов объективно приводит к

серьезной трансформации такого явления в сфере таксомоторного обслуживания, как профессиональный опыт. Этот опыт включает в себя знания УДС города и особенности ОДД при различных природно-климатических условиях, времени суток и циклах городской жизни. Опыт формируется, накапливается и совершенствуется в процессе реального самостоятельного вождения автомобилем в разных районах города и различных погодных условиях. Применение автомобильного навигатора не всегда и не для каждого человека может обеспечить накопление такого опыта. Особые требования к опыту предъявляются для профессионального таксиста. Он должен уметь учитывать психологию клиентов разных возрастных категорий и состояния здоровья. Необходимо учитывать специфику организации парковки и текущей ситуации на ней в условиях крупных транспортных узлов, особенности оперативной парковки автомобиля при посадке и высадке пассажира с учетом багажа и особенностей физического состояния пассажира.

Реальным ограничением для программ автомобильных навигаторов является информация базы данных УДС и ОДД города. Не все оперативные особенности состояния этой сети и дорожно-транспортной ситуации вводятся в эту базу данных. Автоматические навигаторы не учитывают не формализуемые обстоятельства, например, связанные с особенностями отдельных видов транспорта. Нужно учитывать также особенности предметных знаний о городе и способах проезда по его УДС.

Решение о широком применении систем ИИ в сфере таксомоторного обслуживания (автонавигаторов и «агрегаторов») связано с экономическим интересом массового привлечения к работе в качестве таксистов иногородних водителей (так называемых гастербайтеров), представляющих для работодателей и арендаторов таксомоторного транспорта «дешевую рабочую силу». Существует также постоянный интерес расширения рынка продажи массово выпускаемых легковых автомобилей для больших городов. Негативным результатом удовлетворения этих экономических интересов может быть рост загрузки улично-дорожной сети легковыми транспортными средствами, снижение профессионального уровня водителей легковых автомобилей, повышение аварийности на дорогах города и снижение качества и надежности обслуживания населения транспортными услугами.

Идея массового внедрения систем ИИ на городском транспорте может привести к идеальному представлению о полном вытеснении человека-водителя из улично-дорожной сети, и о заполнении УДС города автодронами, которые, используя средства ИИ (автонавигаторы), превратят всю транспортную систему города в «умную», т.е. полностью автоматическую систему. Присутствие в транспортном потоке вместе с автодронами и обычных автомобилей, управляемых живыми людьми, ввиду полной несовместимости их «картины» мира могут привести к самым серьезным авариям и даже крупным городским транспортным катастрофам.

Вычленение рутинных функций в мышлении и деятельности и передача их созданным автоматам открывает перед человеком глубокие горизонты человеческого сознания, в которые теперь должен погружаться человеческий интеллект. В итоге начальная автоматизация (создание ИИ) не облегчает человеку интеллектуальную работу, а наоборот, – нагружает его более интеллектуально сложной работой. На человека в конечном итоге возлагается выполнение множества не менее интеллектуальных по своей сути функций. К ним относятся: контроль деятельности, тестирование, наладка и техническое обслуживание, ремонт, реконструкция и развитие созданных автоматов.

При создании и массовом внедрении систем ИИ в реальные области промышленно-производственной и социально-культурной деятельности необходимо проанализировать и реально оценить как позитивные, так и возможные негативные последствия такого внедрения ИИ. Очевидно, что системы ИИ, их качество и эффективность оказываются зависимыми, а иногда и прямо определяемыми сложившейся общей культурной ситуацией социума. Человек, который проектирует ИИ, исходит из условия штатного действия оператора данной системы. Он не всегда может предусмотреть ситуации, когда оператор автомата будет действовать неадекватно. Тогда ситуация реально может выйти из под контроля и даже привести к катастрофе (3, с. 282). Существует множество примеров того, когда из-за ошибок или неадекватных действий операторов автоматизированных систем происходят тяжелейшие техногенные катастрофы (6). Существуют и противоположные примеры того, когда подобные катастрофы возникают по причине неадекватности (ошибочности) действий самих систем ИИ (например, автопилотов, авторулевых), тогда как

действия живого оператора не могли бы привести к подобным катастрофам.

Рассмотрение пределов и ограничений разработки и внедрения систем ИИ ставит самостоятельную и актуальную проблему взаимодействия человека и созданного им автомата. Ведь обсуждаемые в данной работе системы ИИ являются с инженерной точки зрения именно автоматами (роботами), созданными людьми для того, чтобы они взяли на себя выполнение части функций, называемых интеллектуальными, на себя, освободив при этом человека от выполнения этих функций.

Необходимо определить наиболее эффективное место ИИ в сложнейшей совокупности деятельности человеческого коллектива (социума). Это место можно признать наиболее эффективным, если ИИ органично встраивается в комплекс человеческой деятельности, делает всю эту деятельность более производительной, безопасной для человека, надежной и долговечной.

В заключении можно отметить, что только построив и внедрив системы искусственного интеллекта, человечество начинает понимать, как мало мы знаем о нашем интеллекте и мышлении, о природе человека и общества. И после осознания этого начинается реальное развитие человеческого интеллекта и всего социума, владеющего, порождающего и развивающего этот интеллект.

Список литературы

1. Александров Е.А. Основы теории эвристических решений. – М.: «Советское радио», 1975.
2. Беляев И.П., Капустян В.М. Процессы и концепты. – М.: ТОО «СИМС». 1997.
3. Беззубцев-Кондаков А.Е. Почему это случилось? Техногенные катастрофы в России. – СПб.: Питер. 2010.
4. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция. 2018.
5. Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики. – М.: Культурная революция. 2019.
6. Дроздов Б.В. Введение в проектирование организационных технологий. – М.: «Спутник+». 2005.

7. Ильенков Э.В. Думать, мыслить // «Общество и молодежь», Москва.

8. Бугровский В.В. Интеллектуальные системы автономных аппаратов для космоса и океана и метод технико-биологических аналогий. – М.: 1997.

9. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. – М.: ЭКСМО «Алгоритм». 2005.

Елецкий Н.Д.,

*доктор экономических наук,
профессор, академия философии хозяйства*

Eletsky N.D.,

*Doctor of Econ. Sc.,
Professor, Academy of Philosophy of Economy*

**Бесконтактная экономика
и дистанционный образ жизни
как атрибуты новой реальности**

**Contactless Economy and Remote Lifestyle
as Attributes of the New Reality**

Аннотация. Кардинальная трансформация современного социума, материальную основу которой составляет переход к ноономике, характеризуется возникновением феноменов бесконтактной экономики и дистанционного образа жизни. Причины и перспективы их развития обусловлены содержанием и параметрами технологических укладов в системе нового индустриального общества второго поколения и связаны с генезисом новых форм социальных взаимодействий, осуществляющихся посредством виртуально-информационных структур. Качественная модификация форм экономических взаимодействий и изменения в образе жизни становятся атрибутами новой реальности, порождающей новые экономические и социальные противоречия и необходимость их регулирования.

Abstract. The radical transformation of modern society, the material basis of which is the transition to the noonomy, is characterized by the emergence of the phenomena of contactless economy and remote lifestyle. The reasons and prospects for their development are determined by the

content and parameters of technological modes in the system of a new industrial society of the second generation and are associated with the genesis of new forms of social interactions carried out through virtual information structures. Qualitative modification of forms of economic interactions and changes in lifestyle become attributes of a new reality that generates new economic and social contradictions and the need to regulate them.

Ключевые слова: ноономика, информатизация, виртуализация, цифровизация, новая реальность, бесконтактная экономика, дистанционный образ жизни, глобализация, социальные противоречия

Keywords: noonomy, informatization, virtualization, digitalization, new reality, contactless economy, remote lifestyle, globalization, social contradictions

Глубина перемен, происходящих в современном социуме, привела к появлению концепта «новая реальность», в структуре которого ключевое значение имеет понятие «новая экономическая реальность», содержательно во многом соотносящееся с понятиями «неоэкономика» и «ноономика» (3, с. 6–18). Стремительность происходящих изменений, катализатором которых выступила пандемия, привела к тому, что проблематика новой реальности, лишь начинающая формироваться в качестве объекта научных исследований и категориально не разработанная (7, с. 13–32; 9, с. 4–15), стала, тем не менее, предметом рассуждений политиков, публицистов и упоминаний на обыденном уровне в противоречивом сочетании с понятиями «новой нормальности», «иного мира» и т.д.

Параметры новой реальности распространяются на все стороны и элементы общественной жизнедеятельности, причём степень новизны этой реальности такова, что позволяет в некоторых отношениях трактовать её как «антропологическую революцию», обусловленную технологической революцией и переходом к новым технологическим укладам (2, с. 88–97). К настоящему времени стало очевидно, что одним из сущностных атрибутов этой революции становится «дистанционный образ жизни», основанный на виртуальных коммуникациях социальных, в том числе экономических, субъектов, и интернете вещей.

Ключевым элементом дистанционного образа жизни является бесконтактная экономика. Что касается терминологии, то очевиден её условный и конвенциональный характер – понятно, что сам термин, унаследованный от практики бесконтактных платежей и расчётов, ныне далеко не отражает содержания сложного и многогранного понятия, воплощающего не только дистанционное взаимодействие экономических субъектов через посредство электронных сетей, но и новый тип экономических контактов, характеризующийся их количественным ростом и качественным многообразием. Разумеется, в системе новой реальности экономические контакты не исчезают – они, напротив, расширяются и приобретают всё новые формы, но эти формы могут разительно отличаться от исторически традиционных по технологическим и ментальным параметрам. Что же касается традиционных форм экономических контактов, то, если экстраполировать сегодняшние тенденции, то роль и доля этих форм будет и далее снижаться, и с точки зрения понимания «контактности» в традиционном смысле действительно происходит переход к «бесконтактности», и не только в экономических, но и в широком спектре иных социальных взаимодействий.

Можно отметить интересный парадокс, обусловленный высоким динамизмом социально-экономических процессов в системе новой реальности: необходимость теоретического осмысления бесконтактной экономики возникла буквально через несколько лет после того, как был поставлен вопрос об актуальности разработки теории «контактной» экономики как нового научного направления. (6, с. 135). В методолого-теоретических координатах данной концепции становление контактной экономики увязывается с ростом количества экономических агентов и увеличением числа контактов между ними, а также иными внешними субъектами на основе информационно-коммуникационных технологий. Нетрудно заметить, что в такой трактовке концептуальные подходы теорий «контактной» и «бесконтактной» экономики содержательно близки или совпадают, а терминологическая антитеза имеет условный и формальный характер.

Существенное относительное, а в перспективе – и абсолютное сокращение контактов традиционных типов и «бесконтактность», понимаемая как переход к виртуальному типу взаимодействий, проявляется в настоящее время в трёх основных формах этих взаимо-

действий: между социальными субъектами; между социальными субъектами и виртуальными объектами; между виртуальными объектами самими по себе (интернет вещей), причём во всех случаях виртуальные объекты выполняют роль посредников во взаимодействиях социальных субъектов, но во втором и, особенно, в третьем случае посреднические функции расширяются. Каждая из указанных основных форм имеет много разновидностей, количество которых растёт и будет далее увеличиваться по мере развития виртуальной сферы. Существует также множество переходных и пограничных форм, особенно на ранних этапах цифровизации.

Начавшись с бесконтактных платежей, новый тип экономических взаимодействий стал стремительно распространяться на все формы этих взаимодействий и охватил ныне все фазы воспроизводственного процесса. Решающее значение имеет бесконтактная трансформация первичной фазы этого процесса – фазы непосредственного производства. В информационном обществе процесс производства и его основное содержание – процесс труда, охватывающий обработку информации и производство новой информации, – осуществляется посредством виртуальных взаимодействий непосредственных субъектов труда и других социально-экономических и организационно-технических субъектов – собственников, работодателей разных уровней, менеджеров, других работников. Бесконтактными становятся взаимосвязи как по вертикали производственной иерархии, так и по горизонтали механизмов кооперации труда, что порождает новую историческую форму производственной кооперации. Резко усилилась, приняв новые качественные формы, значимость феномена пространственного разрыва между рабочим местом в физическом смысле и местом работы в административно-юридическом; всё более обыденной практикой становятся географически предельные формы этого разрыва, когда работодателя и работника, находящихся на разных континентах, разделяют десятки тысяч километров.

Основной конкретной формой бесконтактного функционирования процесса труда является в настоящее время дистанционная занятость. Как известно, переход к этому виду занятости значительно интенсифицировался в условиях пандемии; тем не менее, очевидно, что она выступила лишь в роли катализатора процессов, сущностные причины которых обусловлены природой новых технологических

укладов (4, с. 162–174). В развитых странах доля работников, осуществляющих труд на условиях удалённой занятости, приближается к 29–30% (в США – более 30%); при этом, по оценкам экспертов, предельная величина этой доли на современной технологической базе не может превысить 37–40%. Существенно важно, что 67–70% дистанционно занятых работников демонстрируют более высокую производительность, чем работники, стационарно находящиеся в офисах. В России доля дистанционных работников значительно уступала соответствующим показателям развитых стран, но существенно выросла в ходе эпидемии, когда удалённая занятость полностью или частично распространилась на целые отрасли – образование, науку, торговлю, онлайн-сервисы и др. (11). Современная интенсификация дистанционной занятости более рельефно выявила и уже известные проблемы и противоречия «удалёнки», связанные с организацией труда, контролем за его ходом и результатами, режимом работы, оплатой труда, характером и механизмами управленческих и кооперационных взаимосвязей, профессиональным и административным статусом работников. Ряд важных аспектов этих проблем нашёл отражение в ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы», определяющем основы правового регулирования дистанционной (удалённой) работы, её временных и комбинированных разновидностей.

Фундаментальной особенностью перехода к бесконтактной экономике является распространение принципов и механизмов дистанционности на ключевой элемент производственного процесса – производство рабочей силы. Дистанционное обучение приобретает всё более широкое распространение, а в условиях пандемии, как известно, этот тип обучения во многих странах стал почти полностью преобладающим. Вместе с тем, именно этот переход вызвал наибольшее количество критических оценок. Однако нетрудно заметить, что данная критика, в основном, относится к несовершенству методических инструментов, неразработанности организационных процедур и издержкам техники дистанционного общения (особенно учителей и учеников в системе среднего образования), неизбежных в условиях почти мгновенного перехода из одного учебно-методического режима в принципиально иной. Что же касается общих перспектив эволюции системы образования, то неизбежность её даль-

нейшей дистанционной трансформации обусловлена сущностными технологическими параметрами цифрового общества и, в силу этого, не вызывает сомнений. В то же время, и в условиях отмеченных объективных тенденций сохраняются дидактические и воспитательные преимущества, неустранимая значимость живого общения обучающихся и обучаемых, что порождает новую проблему форм сочетания этого общения с дистанционным преподаванием, с технической передачей и усвоением информации.

Удалённая занятость и дистанционное обучение создают объективные предпосылки для совершенствования пространственной организации современного производства и географической локализации трудовых ресурсов и, в частности, для замедления дальнейшей сверхконцентрации населения в мегаполисах. Данная проблема, помимо экономических, имеет очевидные социальные аспекты, связанные со смягчением демографических диспропорций, преодолением негативных следствий неоднородности экономического пространства и разрывов в уровне социального развития регионов; в этом контексте нельзя забывать и о проблемах военно-стратегического характера.

Для макроотраслей традиционно понимаемого материального производства бесконтактная трансформация экономики, помимо систем связи, непосредственно обеспечивающих функционирование новых средств коммуникаций, оказывает всё более растущее воздействие на транспортную систему. Активно разрабатываются беспилотные транспортные средства, особенно в авиационно-космической и автомобильной отраслях, а в последнее время – и в железнодорожном транспорте и применительно к комбинированным производственно-транспортным механизмам (1). Беспилотная транспортировка применяется для перемещения как людей, так и грузов; беспилотные летательные аппараты, а также наземные и водные боевые роботы всё шире используются в военных целях. Значительное усиление роли роботов и беспилотников меняет характер боевых действий и ведёт к изменению соотносительной значимости военных специальностей и специалистов, самого понятия военного искусства в разрезе его стратегии и тактики.

Что касается сервисного сектора производственной сферы, а также сервисных параметров вторичных фаз воспроизводственного про-

цесса – распределения, обмена и потребления – то очевидны тенденции их дальнейшей трансформации в направлении усиления роли бесконтактных форм взаимодействий экономических субъектов в аспектах информационного обеспечения и осуществления платёжных операций. Продолжается стремительное развитие электронного бизнеса и интернет-торговли. За период с 2015 по 2021 г. прогнозировалось более чем трехкратное увеличение годового объёма мировой электронной торговли – с 1,3 до 4,5 трлн долл.; в связи с пандемией этот рост, по-видимому, окажется ещё более значительным (несмотря на снижение общих объёмов мировой торговли). В России только за месяцы «самоизоляции» продажи интернет-магазина Ozon выросли в три раза (5). Высокую динамику демонстрируют системы онлайн-заказов, бесконтактной доставки товаров и бесконтактного шеринга. Безналичный денежный оборот, доля которого в некоторых развитых странах приближается к предельным 100%, и безналичные расчёты в целом по технической природе осуществляемых операций объективно ориентированы на бесконтактные формы взаимодействий.

Переход к дистанционному образу жизни ощутим и в нерыночных секторах сервисной сферы, например, при оказании бесплатных госуслуг. Вместе с тем, в торговле и рекреационной сфере, очевидно, сохраняются, а в некоторых отношениях – и получают дальнейшее развитие элементы традиционных форм личностных контактов – там, где они составляют необходимую, а иногда и сущностно-причинную сторону взаимодействий – в частности, при общении покупателей определённого психологического склада с продавцами и консультантами, при оказании некоторых видов бытовых услуг, при участии в развлекательных мероприятиях, содержание которых предполагает межличностное взаимодействие и т.д. Понятно, например, что сама концепция создания торгово-развлекательных центров ориентирована не просто на приобретение посетителем товара или услуги, но и на общение людей.

По мере перехода к дистанционному образу жизни более явными становятся обусловленные этим переходом социально-экономические и ментально-психологические проблемы и противоречия. Нет определённости в отношении того, как формирование бесконтактных экономических взаимодействий скажется на динамике занятости. Мнение о том, что данная трансформация однозначно приведёт

к снижению занятости, является спорным и основанным, как правило, на отождествлении занятости вообще с её традиционными формами. Одновременно нарастают психологические и иные личностные проблемы, обусловленные ограничением и исчезновением социальных контактов прежних типов, физической изолированностью людей, способных осуществлять в одиночестве не только экономическую, но и все остальные виды жизнедеятельности, не выходя за пределы ограниченных помещений и осуществляя лишь виртуальные формы внешнего общения. В предельных случаях это может вести к развитию патологических форм социофобии (проблема «хиккомори» и т.п. (8).

Многие аспекты проблем и противоречий развития бесконтактной экономики и дистанционного образа жизни обусловлены тем фактом, что эти проблемы являются сторонами более широкой проблематики противоречий глобализации в условиях перехода к новым технологическим укладам и формирования нового способа производства – глобально-информационного. Именно глобальные параметры бесконтактной экономики способствуют преодолению кризиса традиционного глобализма и определяют векторы неоглобальной трансформации современного социума. Показательно, что в России за последние десять лет удельный вес трансграничных операций в интернет-торговле увеличился с 8% в 2010 г. до 63% в 2020 г., притом, что её общий объём вырос почти в 10 раз. Устойчивый и динамичный рост потоков глобальной экономической и иной информации демонстрирует усиление внутренней консолидированности мировой экономики и опровергает тезис о деглобализации современного мира. Его глобальное единство – это, прежде всего, единство информационное, которое усиливается, несмотря на временные тенденции торговой фрагментации, регионализации и сокращения объёмов традиционных коммерческих операций. Происходит не деглобализация, а переход к новому этапу и новым формам глобализации, интенсификации генезиса которых способствовала, в частности, пандемия. «Ясно, что пандемия даст сильный толчок новой “бесконтактной экономике”, а она-то как раз идеально технически приспособлена именно к глобальному миру, составляет его “нервную систему”» (10).

Дистанционный образ жизни оказывает также ощутимое влияние на конкретизацию форм проявления актуального для современного

мира противоречия между глобальной унификацией, с одной стороны, и национально-государственными интересами и стремлением к сохранению локальной самоидентификации, с другой. Трансграничная виртуальная занятость и идеологическая ориентация дистанционного обучения в «глобальных университетах» могут стать инструментами реализации интересов геоолигархии. Кроме того, бесконтактность в сочетании с анонимностью общения способствует активизации киберпреступности, создавая возможности для новых форм противоправных действий и снижая психологические барьеры для совершения преступлений в условиях обезличенности и абстрактной виртуальности жертв. Бесконтактная анонимность, в частности, облегчает создание многозвенных цепочек посредничества при осуществлении финансовых махинаций, в том числе, через офшорные механизмы. Возникновение новых форм социального контроля в контексте регулирования противоречий бесконтактных виртуальных взаимодействий социальных субъектов составляет необходимое условие эффективного управления глобализацией в структурах ноономики и в системе новой реальности в целом.

Список литературы

1. Аграрии Ростовской области начали использовать беспилотные комбайны для уборки зерновых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/8982901>. 16.07.2020.
2. Белоусов Д.Р. Цифровизация российской экономики – от тактических задач к стратегической повестке / Д.Р. Белоусов // Форсайт “Россия”: будущее технологий, экономики и человека / под ред. С.Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2019. – С. 88–97.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – №4 (62). – С. 6–18.
4. Латыпова Г.С. Дистанционная занятость как форма организации труда в современном обществе / Г.С. Латыпова // Социальная политика и социология. – 2014. – № 1 (102). С. 162–174.
5. Лобынцева Л. Продажи Ozon во время самоизоляции показали трехкратный рост / Л. Лобынцева [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://hussle.ru/husslenews/prodazhi-ozon-vo-vremya-samozolyaczii-pokazali-troekratnyj-rost/>

6. Миллер А.Е., Федянин Б.А. Функционирование промышленных организаций в условиях становления «контактной» экономики / А.Е. Миллер, Б.А. Федянин // Вестник СибАДИ. Экономика и управление. – 2013. – Вып. 5 (33). – С. 135–139.

7. Осипов Ю.М. Разверзшаяся реальность / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. – 2020. – № 3. – С. 13–32.

8. Ота Х. «Хикикомори»: когда 10% трудоспособного населения не выходит из дому / Х. Ота [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20130919/213096465.html>

9. Смотрицкая И.И. Российская экономика на фоне мировой пандемии: основные контуры «новой реальности» / И.И. Смотрицкая // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2020. – № 2. – С. 4–15.

10. Цена победы // Российская газета. – 2020. – № 8128. – 7.04.2020. – С. 3.

11. Эволюция трудящихся: как коронавирус научил нас работать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2020/05/20/13089865.shtml>

Ирхин Ю.В.,

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теоретической
и прикладной политологии Российского
государственного гуманитарного университета,
ORCID: 0000-0002-3350-2563*

Irkhin Y.V.,

*Doctor of Philos. Sc., Full Professor of Russian State
Humanitarian University, ORCID: 0000-0002-3350-2563*

**Актуализация цифровых технологий
и переход к новому качеству управления
в свете вызовов НИО.2**

**Actualization of Digital Technologies
and Transition to a New Quality of Management
in the Light of the Challenges of NIS.2**

Аннотация. В статье проанализированы роль и место цифровых технологий в процессе перехода к новому качеству государственного управления в свете вызовов современной технологической революции, нового индустриального общества.2, теорий ноономики и посткейнсианства. Автор раскрыл 7 основных направлений развития цифрового управления и цифровых платформ, показал проблемы их генезиса. Он вводит понятие постнеокейнсианства, характеризующее повышение роли государства в условиях пандемии, широким использованием цифровых технологий, усилением социальной направленности государственной политики в этот период.

Abstract. The article analyzes the role and place of digital technologies in the process of transition to a new quality of public administration in

the light of the challenges of the modern technological revolution, new industrial society.², theories of neonomics and post-Keynesianism. The author revealed 7 main directions of development of digital management and digital platforms, showed the problems of their Genesis. The author introduces the concept of post-neoKeynesianism characterized by the increasing role of the state in a pandemic, the wide use of digital technologies, strengthening of social orientation of the state policy in this period.

Ключевые слова: цифровые технологии, платформа, государственное управление, ноономика, НИО.2, посткейнсианство

Key words: digital technologies, platform, public administration, management, neonomics, new industrial economics.2, post-Keynesianism

В современных условиях возрастает значение цифровой ориентированности экономики, планирования и управления в целом, его социальной направленности и ответственности. Президент Вольного Экономического общества России, профессор С.Д. Бодрунов, выступая в 2019 г. на Международном Академическом экономическом форуме в Москве, справедливо обратил внимание всей широкой интернациональной аудитории на то, что «Новое тысячелетие ознаменовалось возникновением глубоких и ускоряющихся изменений в технологиях, требующих обновления экономической и социальной систем, всех основных институтов общества. Становится все более очевидным: экономические лидеры будущего – лидеры технологические»¹.

Цифровые технологии призваны сыграть существенную роль в становлении современного нового индустриального общества (НИО.2), его управлении, современной индустриально-технологической революции, снятия критических пределов социального неравенства в общественном генезисе². В целом актуально изучение различных эф-

¹ Бодрунов С.Д. Ответить на вызовы технологической революции: задачи, стоящие перед экономикой России XXI века // Труды Вольного экономического общества России. Т. 218. М.: Вольное экономическое общество России, 2019. С. 64.

² См. Бодрунов С.Д., Гэлбрейт Дж. К. Новая индустриальная революция и проблемы неравенства. М.: ИНИР, 2017. 142 с.

фффектов использования цифровых технологий в управлении обществом и государством в свете вызовов НИО.²¹.

Важно учитывать, что сами по себе цифровые технологии в целом и цифровые платформы, в частности, могут по разному, с различной социальной эффективностью использоваться в тех или иных управленческих моделях, государственных политиках. Будущий цифровой мир на уровне национальных государств, безусловно, ставит проблемы формирования как его лидеров, но так и – аутсайдеров, технологий для человека и/или над человеком. На наш взгляд следует изучать и учитывать амбивалентные эффекты основных (доцифровых) управленческих моделей, позитивные и негативные качества которых, будут в той или иной степени имманентно воспроизводиться (и/или сниматься) в современных цифровых подходах к управлению.

Рассмотрим сжато модели государственного управления и их перспективы.

1. Одним из распространенных подходов к государственному управлению, выступает административная школа, с четким определением функции каждой должностной категории, в алгоритме: предвидение, организация, распорядительство, координация и завершающий контроль. В неoadминистративной модели акцент делается как на профессиональные и лидерские качества управленческих кадров, так и на использование новейших информационных технологий, умение работы в национальной и международно-конкурентной рыночной среде, передачу части полномочий на нижние этажи власти, умное взаимодействие с бизнесом. Опыт эффективного использования этой модели демонстрируют государства Дальнего Востока и др).

2. «Новый государственный менеджмент» (НГМ). В нем актуализируется внимание к вопросам результативности органов государственной власти, их приемлемости для граждан. Этот подход потребовал разработки ряда программ преобразования политико-административных отношений, государственной службы, формирования «электронного правительства», подбора и подготовки кадров стратегического менеджмента и др. Переход к НГМ способствовал стабилизации управления, понизил государственные расходы. Его про-

¹ См. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Монография. СПб.: ИНИР, 328 с.

блемной стороной являются: спорный учет услуг и достижений через систему индексов и монетизацию общественных благ, недооценка вопросов социальной справедливости, увеличение имущественного разрыва в доходах различных слоев общества, упрочение позиций части бюрократии, в ряде случаев – негативный эффект частной монополии. Опыт борьбы с пандемией в США и некоторых странах ЕС показал, что распространенные там частные поликлиники просто не справлялись с объемами поступавших больных. В тех странах, где государство шире использовало административные методы, цифровые подходы и развитую общественную систему здравоохранения, результаты были лучше.

3. «Good Governance» («Хорошее, достойное правление»). В нем делалась ставка на расширение государственного присутствия в экономике и обществе в целом, решение социальных проблем, повышение степени участия представителей общественности в управлении. Подход был разработан в структурах ООН, в основном для развивающихся стран, но его потенциал противоречил валютной политике МВФ и был слабо использован.

4. «Публичное управление» с использованием сетевых структур, технологий «электронного правительства». В нем управление рассматривается как совокупность управленческих процессов с элементами обратной связи по линии: государство – бизнес – гражданское общество¹. Данная модель оказалась уязвимой в линии эффективности взаимодействия указанных институтов.

В зависимости от характера политического руководства страны, этапа ее развития, стратегических целей, избранных принципов (неолиберальных, неоконсервативных и др.), особенностей управленческой элиты, международной ситуации и т.д., в государственном управлении используются различные аспекты и разработки из тех или иных рассмотренных выше моделей. В качестве базисных управленческих подходов обычно выступают «НГМ» и неoadминистративные подходы (нередко, их сложное взаимодействие), при использовании элементов других управленческих моделей, большей или меньшей

¹ Сморгунев Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2012. С. 232.

роли государственного (административного) регулирования, разных стратегий взаимодействия с бизнесом, сетевых подходов и др.¹

5. Современное «цифровое управление» выступает как более высокая технологическая и когнитивная управленческая модель по сравнению с традиционной «электронной», которая имеет ряд известных ограничений. «Цифровой подход» содержит в себе также определенный потенциал, как преодоления ряда классических управленческих болезней, так и усугубления технократическо-бюрократических управленческих пороков, подчинения граждан воле цифровых стандартов.

Целесообразно систематизировать и проанализировать ряд инновационных цифровых технологий, актуальность которых возрастает для системы управления. Среди них:

1. Необходимость дальнейшего развития и совершенствования современной, широко распространенной, повсеместно доступной и стабильно действующей сети интернета, как единой информационно-технологической основы управленческих процессов.

2. Становление и генезис единой развитой цифровой платформы (платформ) взаимодействия государственных служащих, бизнеса и граждан.

3. Совершенствование технологий «Больших данных», выступающих необходимой предпосылкой и основой для развития управления, основанного на цифровой информации, увеличение скорости передачи цифровых данных по интернету, а также объема информации на инновационных носителях: технологии 5G-сетей (Известный американский предприниматель И. Маск планирует в 2021 г. вывести одной ракетой в космос 72 миниспутника для массовой поддержки технологий 5G, а Google получил разрешение правительства США запустить в космос 3 тыс. спутников до 2026 г.).

4. Дальнейшее развитие нейросетей (искусственного интеллекта), выступающих инструментом работы с большими данными, а также квантовых коммуникаций (квантовых сетей).

5. Повсеместное распространение интернета вещей, как способа накопления данных, расширения и углубления информационно-

¹ Предметное поле экономической политологии: монография / Под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 133.

управленческого пространства, взаимодействия человека и искусственной среды.

6. Становление системы распределенного реестра (блокчейна, как одной из перспективных технологий для государственного и бизнес-сектора).

7. В парадигме цифрового управления следует выделить необходимость массовой подготовки кадров, умеющих работать в дистанционном, платформенном режиме. У интернет-пользователей и управленцев должен развиваться «цифровой менталитет»: принятие и умение работать с цифровой реальностью (AR-дополненной, VR-виртуальной и MR-смешанной реальностях). Важно увеличение числа управленцев, владеющих продвинутыми цифровыми навыками, предиктивным анализом и др.

Сегодня в государственно-управленческих и бизнес-структурах цифровые платформы стали привычными коммуникативными структурами для проведения видеоконференций. С декабря 2019 г. по 2020 г. число пользователей Zoom выросло в 20 раз (с 10 до 200 млн в день!). Управление и обучение дополняются технологиями виртуальной реальности (VR-технологии – для обучения персонала и тренингов). В мире бизнеса существует 35 типов цифровых платформ, которые позволяют работать с командой в виртуальной реальности и каждая решает свой тип задач: переговоры, воркшопы, конференции, нетворкинг, тимбилдинги, взаимодействие с 3D объектами. Большие данные и искусственный интеллект трансформируют систему образования, здравоохранения, занятости, характер финансового посредничества, услуг, общественную жизнь в целом. Быстро реализовать подход «государство и бизнес как цифровая платформа» сложно в силу ряда технологических, управленческих, финансовых, ментальных и др. причин.

Новым направлением развития информационной экономики и управления выступают глобальные платформенные компании. Их характерная черта – огромные объемы инвестиций и информации, контроль над базами данных сотен миллионов граждан по всему миру. Одним из основных источников дохода для большинства глобальных компаний платформенного типа является повсеместная монетизация данных. Данные используются для привлечения рекламы непосредственно на платформы (Google, Facebook) или продаются

другим компаниям. На рынок поступают все новые и новые продукты, способные извлекать данные из повседневной жизни индивидов («умные часы», медицинские гаджеты, «умные колонки», системы «умный автомобиль», «умный дом», современный робот и т.д.

Широкое использование цифровых платформ становится важнейшим фактором коммерческого успеха. Сегодня крупнейшие по капитализации корпорации составляют преимущественно цифровые компании США (Amazon, Apple, Alphabet (структура Google), Facebook, Microsoft, Netflix, eBay, PayPal) и КНР (Alibaba, Tencent, Baidu, Xiaomi, Didi Chuxing). Объем их капитализации (по нисходящей – от Amazon) составляет от 1 трлн до 50 млрд долл. Это результат способности концентрировать доступ к информации о глобальных интер-аудиториях и сетях пользователей, умения ее эффективно использовать¹.

Цифровые гиганты стали монополистами по предоставлению доступа к информации, что искажает функционирование рынка, ведет к известным монополистическим злоупотреблениям. В этой сфере ведется ожесточенная, в том числе, и межгосударственная борьба, особенно между глобальными цифровыми кампаниями США и КНР. В переосмыслении нуждается антимонопольная политика в информационной сфере.

Алгоритмизация процесса принятия решений в различных сферах создает ситуацию непрозрачности и неподконтрольности действий государственных или рыночных акторов для гражданина, поскольку «алгоритмические системы – это пресловутые «черные ящики», которые не всегда раскрывают то, как они произвели результат. Постоянные утечки персональных данных миллионов пользователей в открытый Интернет и их передачи спецслужбам, стали острой проблемой информационной и общественной безопасности.

Лауреат Нобелевской премии Жан Тироле, выступая на Московском международном экономическом форуме, проведенном под эгидой руководства Академии наук РФ и Вольного экономического общества России в 2019 г., отметил, что «Очень скоро большие данные и искусственный интеллект в корне преобразят нашу систему образования, здравоохранения, занятости, характер финансового посредничества, потребительские товары и услуги, политическую жизнь и многое

¹ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. С. 38.

другое. Все эти изменения могут оказаться к лучшему, а могут – и к худшему. В последнее время мы все чаще видим проявления разочарования и недовольства. В английском языке придумали даже специальный термин для обозначения этого феномена – techlash, от слов technology («технологии») и backlash («недовольство»). Все больше людей сегодня перестают доверять ведущим IT-компаниям и выражают озабоченность по поводу того, как те злоупотребляют своим положением на рынке и доступом к пользовательским данным. Не могут не беспокоить нас и угрозы для демократии и неприкосновенности личной жизни, возникающие в этой связи со стороны государственных игроков и технологических гигантов. Есть также риски, связанные с угрозой безработицы, и множество других вопросов. Если мы хотим, чтобы технологическая революция оправдала наши ожидания, всем этим волнующим общество вопросам необходимо уделить должное внимание»¹.

В условиях современного, пандемического и всемирного структурного кризиса, существующие практики государственного управления, в силу объективной необходимости и учета исторического опыта преодоления мировых экономических кризисов, начинают опосредоваться неокейнсианскими подходами. На некоторое время, многие управленцы в той или иной мере «становятся кейнсианцами»².

Принципы кейнсианства включают ведущую роль государственного, умного регулирования экономики и соответствующих сфер общества, учет инфляции, безработицы, процентной ставки, спроса-предложения (целенаправленное формирование эффективного спроса), учет темпов развития/падения экономики (доходов и сбережений), ожиданий рынка, значения качества институтов³. Мы полага-

¹ Тироль Ж. Наше цифровое будущее // Труды Вольного экономического общества России. Т. 218. – М.: Вольное экономическое общество России, 2019. С. 114–115.

² Ольсевич Ю.Я. Загадки кейнсианства. Джон Мейнард Кейнс // Мировая экономическая мысль: Сквозь призму веков. Т. IV. Век глобальных трансформаций / Сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Отв. ред. Ю.Я. Ольсевич. М.: «Мысль», 2004. 942 с.

³ Carter Z.D. The Price of Peace Money/ Democracy, and the life of John Maynard Keynes. N.Y.: Random House Publishing Group, 2020. 656 p.

ем, что учитывая характер беспрецедентных по масштабу мер поддержки экономики и общества, предпринятых государствами в период пандемии, а также широкого использования цифровых технологий, можно говорить о новом этапе кейнсианства, как учения, обозначив его как постнеокейнсианство.

В подобной ситуации на первый план среди антикризисных мер выдвигаются программы поддержки доходов населения, и одной из главных становится концепция безусловного базового дохода, нисходящего к идеям Т. Мора, Т. Пейна и общей логике Дж. Кейнса об эффективном спросе¹. В условиях пандемического кризиса многие страны пошли по пути выплаты определенных фиксированных сумм большинству граждан. В некоторых государствах прямая финансовая поддержка имела социально направленный характер. Важно, что большая часть выплат производилась в парадигме цифрового правительствa. Например, в России почти 99% родителей (10,5 млн заявлений на 15 млн детей) обратились за финансовой помощью в поддержку детей до 18 лет включительно, именно через портал Госуслуг и получили ее в течение трех дней; двум млн. пенсионеров г. Москвы Пенсионный фонд автоматически перечислил на их счета в течение одного дня дополнительное финансирование в условиях самоизоляции; большинство врачей, работающих непосредственно с больными коронавирусом, оперативно получили надбавки, но полностью вопрос был решен через 10 дней, после доработки нормативных (не цифровых!) документов и т.д.

Были сформированы общенациональные финансовые фонды для преодоления кризиса. В России принят Общенациональный трехэтапный план восстановления экономики в 2020–2021 гг., предполагающий прирост ВВП в 2021 г. в 2,5%, а безработицу ниже 5%. Примерная стоимость финансирования дополнительных мероприятий по преодолению кризиса в России по этому плану и примыкающим мероприятиям – это дополнительные 5 триллионов рублей (или большая часть ФНБ).

В условиях пандемического кризиса в меньшей степени, по сравнению с 2008 г., используется политика национализации ключевых

¹ См. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо. 2007. 960 с.

корпораций и банков. Однако и она имеет место. Например, государство ФРГ приобрело контрольный пакет акций «Люфтганзы».

Особую роль во время пандемического кризиса стали играть информационные корпорации, технологии «цифрового правительства», дистанционная работа и т.п. Достаточно сказать, что кризис практически не затронул информационные производства, ТНК, предприятия и учебные заведения, эффективно использующие цифровые платформы. С 2005 г. численность людей работающих удаленно, в мире выросла на 140%, а в 2020 г. – двукратно и продолжает увеличиваться быстрыми темпами. Численность российских граждан, использующих дистанционную форму работы, выросла в несколько раз и составила в середине 2020 г. более 6 млн человек. Повсеместно на дистанционное обучение перешли все вузы и большинство школ России.

Пандемический кризис, создав огромное количество проблем (падение производства, увеличение безработицы и др.) и унеся сотни тысяч жизней, явился, в то же время, катализатором структурных реформ. Сейчас, очевидно, зарождаются элементы новой постреальности, связанные с принципиально новыми технологиями и их противоречивым воздействием на общество. Роль государственного управления в этих условиях состоит в том, чтобы учитывая наметившиеся тенденции структурных технологических и иных преобразований, умно направлять и контролировать их совместно со всеми акторами общественного развития, в целях как ускорения экономического роста, так и повышения благосостояния всех граждан.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Ответить на вызовы технологической революции: задачи, стоящие перед экономикой России XXI века / С.Д. Бодрунов // Труды Вольного экономического общества России. Т. 218. – Москва: Вольное экономическое общество России, 2019. – 620 с.

2. Бодрунов С.Д., Гэлбрейт Дж.К. Новая индустриальная революция и проблемы неравенства / Бодрунов С.Д., Гэлбрейт Дж.К. – М.: ИНИР, 2017. – 142 с.

3. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Монография / Бодрунов С.Д. – СПб.: ИНИР. – 328 с.

4. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег / Дж. Кейнс. – М.: Эксмо. 2007. – 960 с.
5. *Ольсевич Ю.Я.* Загадки кейнсианства. Джон Мейнард Кейнс / Ю.Я. Ольсевич // Мировая экономическая мысль: Сквозь призму веков. Т. IV. / Сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Отв. ред. Ю.Я. Ольсевич. – М.: Мысль, 2004. – 942 с.
6. Предметное поле экономической политологии: монография / Под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского / В.С. Комаровский и др. – Москва: Аспект Пресс, 2018. – 280 с.
7. *Сморгунов Л.В.* В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке / Л.Е. Сморгун. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та. – 2012. – 363 с.
8. *Срничек Н.* Капитализм платформ / Н. Срничек. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. – 128 с.
9. *Тириоль Ж.* Наше цифровое будущее / Ж. Тириоль // Труды Вольного экономического общества России. Т. 218. – Москва: Вольное экономическое общество России, 2019. – 620 с.
10. *Carter Z.D.* The Price of Peace Money. Democracy, and the life of John Maynard Keynes. // Z.D. Carter. – N.Y.: Random House Publishing Group, 2020. – 656 p.

Каленов О.Е.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики промышленности
РЭУ им. Г.В. Плеханова

Kalenov O.E.,

Cand. Of Econ, Sc., Associate Professor,
Department of Industrial Economics,
Plekhanov Russian University of Economics

Экосистемы как новые структуры экономических отношений¹

Ecosystems as New Structures of Economic Relations

Аннотация. Непростая социально-экономическая ситуация, наблюдаемая в последнее время, лишь усиливает трансформационные процессы в экономике. Все активнее применяется экосистемный подход на макро-, мезо- и микроэкономических уровнях. Он позволяет в полной мере реализовать сильные стороны всех элементов экосистемы и достичь синергетического эффекта от их взаимодействия. Применение для этого цифровых платформ в значительной мере упрощает коммуникационные процессы и повышает эффективность деятельности организаций. Для успешного функционирования экосистем необходима реализация целого ряда свойств, к которым относятся: гетерогенность, модульность, редундантность, адаптивность, проактивность, конфидентность. Пока в построении

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-010-00325.

экосистем преуспели прежде всего американские и китайские бизнес-организации, однако и российские компании активно работают в этом направлении.

Abstract. The difficult socio-economic situation observed recently only strengthens the transformation processes in the economy. The ecosystem approach is increasingly being applied at macro, meso and microeconomic levels. It allows you to fully realize the strengths of all elements of the ecosystem and achieve a synergistic effect from their interaction. The use of digital platforms for this purpose greatly simplifies communication processes and increases the efficiency of organizations. The successful functioning of ecosystems requires the implementation of a number of properties, which include: heterogeneity, modularity, redundancy, adaptability, proactivity, and confidentiality. So far, American and Chinese business organizations have succeeded in building ecosystems, but Russian companies are also actively working in this direction.

Ключевые слова: экосистема, трансформационные процессы, бизнес-модель, организация, инновации, производители, потребители.

Keywords: ecosystem, transformation processes, business model, organization, innovation, manufacturers, consumers

В настоящее время весь мир, и Россия тут не является исключением, активно борется с эпидемией коронавирусной инфекции и теми последствиями, которые она за собой несет. Нынешняя экономика в последние годы находится на этапе активных трансформационных процессов, обусловленных глобальной цифровизацией, усилением роли информации и знаний, внедрением инноваций во все сферы деятельности человека (1, 2, 3). Коронавирус же только усилил эти процессы. Так, с точки зрения бизнес-модели на рынке существует тренд по переходу от концепции «классической организации» к «экосистеме». Экосистемы становятся новыми структурными элементами экономических отношений.

Впервые понятие экосистемы было предложено в 1935 г. английским ботаником и экологом Артуром Тенсли, который подразумевал под ней биологическую систему, включающую в себя совокупность живых организмов, среды их обитания и связей, посредством которых протекает их жизнедеятельность (обмен веществом или энер-

гией). Став одним из основных понятий в экологии, позднее термин распространился и в другие области науки, в том числе и экономику. В 1990-х гг. эксперт в области менеджмента Джеймс Ф. Мур предложил концепцию стратегического планирования бизнес-экосистемы, в которой он использовал ряд экологических метафор при обосновании конкурентоспособности и развития компаний (15).

Экономическая наука выделяет несколько подходов к определению экосистемы.

Во-первых, она может рассматриваться в качестве совокупности элементов (участников), взаимодействующих в процессе разработки, производства и сбыта продукции. Это могут быть поставщики, производители, инвесторы, сбытовые организации и, конечно, сами покупатели. Во-вторых, это цифровая платформа взаимодействия перечисленных выше участников, позволяющая использовать синергетический эффект. И, наконец, в качестве экосистемы может выступать сама организация, использующая инновационные подходы к управлению и рассматривающая предприятие как саморазвивающийся живой организм (7).

Предпосылками данных трансформаций в экономических отношениях являются:

- ускорение процессов развития новых технологий (4);
- изменение потребительских предпочтений в сторону получения разнообразных продуктов и услуг с минимальными усилиями за счет применения цифровизации (10, 12);
- появление на рынке клиентоориентированных компаний, использующих инновационные подходы в своей деятельности (13).

С точки зрения масштабов функционирования можно классифицировать экосистемы по следующим уровням:

- макроэкосистемы – это среда взаимодействия экономических игроков на глобальном мировом уровне и уровне отдельных государств;
- мезоэкосистемы, т.е. экосистемы регионов и отраслей (5, 6);
- микроэкосистемы, рассматриваемые в рамках бизнес-среды конкретных предприятий и организаций.

При этом экосистемы нижестоящих уровней входят в состав более крупных. В свою очередь, организации как сложные адаптивные системы, являются основой экосистем всех перечисленных выше

уровней. Пересекающиеся экосистемы вместе с государственными учреждениями, общественными и иными организациями формируют социально-экономическую среду (8, 11).

Для успешного функционирования и развития экосистем в условиях турбулентности социально-экономической среды необходима реализация целого ряда свойств. В реальности не все эти свойства могут проявляться разом у каждой экосистемы, но их наличие гарантирует системе устойчивость и жизнеспособность.

Гетерогенность (разнородность). Чем многообразнее состав сложной адаптивной системы, тем больше вероятности ее приспособления к изменениям. Исходя из этого, менеджмент организации должен разнообразить работу по следующим направлениям: вид деятельности, персонал, идеи, инновации. Если не диверсифицировать бизнес, велик риск коллапса, т.е. при изменениях на рынке или в отрасли бизнес-модель компании устаревает и становится неконкурентоспособной (9).

Модульность. Потрясения, происходящие в одной части экосистемы, быстро распространяются на другие. Чем ниже уровень жесткости в системе, тем легче ей пережить и погасить удары. Модульное построение позволяет экосистеме выстраивать полезные барьеры или ослаблять связи между элементами, что затрудняет распространение кризисных явлений. Модульный принцип может нести в себе некоторые убытки или потери, т.к. зачастую приходится отказываться от тесных связей с другими организациями, что могло бы способствовать обмену информацией, знаниями, новыми технологиями и, в конечном итоге, повышать эффективность. Однако модульность обеспечивает бизнесу жизнеспособность, несмотря порой на отказ от получения сиюминутной прибыли и неблагоприятно складывающиеся обстоятельства.

Редундантность. В редундантных (избыточных) системах наблюдается дублирование функций, что позволяет в случае сбоев в работе одних элементов заменять их другими. Однако, с точки зрения организаций, здесь могут возникать некоторые противоречия: как соотносить между собой редундантность и величину издержек, необходимых для ее обеспечения. Для этого менеджменту необходимо определить, от каких поставщиков и партнеров организация зависит в большей степени. Далее необходимо оценить, насколько реально

создать избыточность, чтобы минимизировать риски. Это в свою очередь подразумевает поиск новых партнеров и анализ преимуществ и недостатков от взаимодействия с ними.

Адаптивность. Как уже отмечалось раньше, современные предприятия функционируют в условиях турбулентности внешней среды и непредсказуемых изменений, поэтому должны характеризоваться высоким уровнем адаптации к меняющимся условиям. Способность экосистемы адаптироваться к изменениям во внешней и внутренней среде, к переориентации деятельности и новой стратегии развития, определяет ее жизнеспособность. Основным же условием адаптивности системы является наличие гибкой структуры, т.е. устойчивой к воздействию негативных факторов и способной получить максимум результатов от имеющихся и вновь открывающихся возможностей. А при помощи механизма обратной связи экосистемы должны выявлять изменения во внешней среде, чтобы затем, учитывая их, развивать предпочтительные качества.

Проактивность. Безусловно, в современных реалиях очень сложно предсказать будущее, но можно внимательно относиться к поступающим из внешней среды сигналам, анализировать их и предпринимать действия по предотвращению нежелательного исхода. Под проактивностью понимается способность организации действовать, опережая события и формируя нужный для себя результат. Сейчас большую угрозу, не только для конкурентоспособности компании, но и для ее существования в целом, таят в себе новые технологии и последствия их применения. Для того, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох, серьезным организациям необходимо пристально следить за деятельностью конкурентов. Рано или поздно существующая бизнес-модель компании устареет, поэтому надо заранее предусматривать возможные сценарии. Как правило, все новое исходит от стартапов и новых организаций на рынке, которым просто необходимо внедрять инновации для того, чтобы конкурировать с «флагманами» и «старожилами». Анализируя потенциальные угрозы, исходящие от них, а также направления вложения денежных средств осведомленными инвесторами, компании должны предпринимать превентивные меры, направленные на покупку технологий, заимствование новых знаний, привлечение креативных высококвалифицированных сотрудников и т.д. (14).

Конфиденциальность (от лат. «confidencia» – доверие). Залог эффективности функционирования и развития экосистемы – это сотрудничество и плодотворное взаимодействие ее элементов. Зачастую отдельные элементы экосистемы преследуют различные цели и могут тем самым ослаблять ее. Инструментом, позволяющим консолидировать действия для достижения общего блага всех участников экосистемы, выступает формирование механизма доверия. Именно доверие позволяет сплачиваться элементам экосистемы, заставляя их самоорганизовываться и выполнять имеющиеся договоренности. Механизм доверия таит в себе огромный потенциал, для раскрытия которого требуется осознание менеджментом организаций условий полезности для других участников экосистемы. В стремлении получения собственной выгоды необходимо способствовать благу всей экосистемы. При этом, особое внимание должно уделяться работе с потребителями.

В каждой экосистеме есть свои лидеры, определяющие ее развитие и основные «правила игры» в ней – «центры экосистемы» или ее «драйверы». Они формируют высокую степень лояльности клиентов, за счет чего повышают уровень своих доходов. Однако преимущества получают и другие элементы экосистемы: производители и поставщики – за счет использования новых каналов сбыта, клиенты – расширение спектра товаров и услуг.

В настоящее время экосистемная структура только формируется. Наиболее успешны здесь американские и китайские предприятия, такие как Apple, Google, Alibaba Group, Baidu и др. Однако и российский компании уже активно работают над этим. К их числу относятся Сбербанк, МТС, Ростелеком и др. Пока экосистемы преимущественно применимы к банковской и ИТ-сфере, однако, перспективы огромны, и в будущем они могут распространиться практически во все сферы деятельности, в разы повысив их эффективность.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации // Экономическое возрождение России, №2 (52), 2017. С. 17–21.

2. Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты. // Экономическое возрождение России, №2 (48), 2016. С. 5–15.

3. Бодрунов С.Д. Ноономика/ Монография/ – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

4. Гарнов А.П., Казакова Р.П., Кукушкин С.Н. Модернизация промышленной политики на современном этапе // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2010. №5 (35). С. 19–27.

5. Доценко Е.Ю., Жиронкин С.А., Жиронкина О.В. Условия неоиндустриализации российской экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 2. – С. 23–27.

6. Жиронкин С.А., Жиронкина О.В. Институциональные меры структурных преобразований экономики кемеровской области // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 4. – С. 5–10.

7. Каленов О.Е. Трансформация бизнес-модели: от классической организации к экосистеме // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2020. №3. С.1 24–131.

8. Кукушкин С.Н. Особенности состояния и возможные сценарии развития экономики России//Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2012. № 6 (48). С. 29–35.

9. Кукушкин С.Н. Стратегия управления по А.В. Суворову. – М.: Палеотип, 2012. – 116 с.

10. Кукушкин С.Н. Бизнес-модель организации в экономике знаний//Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2018. № 6. С. 24–31

11. Кукушкин С.Н. Организационно-технологическое развитие: Монография. – Курск: Ред. журн. науч. публ. аспирантов и докторантов, 2010. – 188 с.

12. Кукушкин С.Н. Становление экономики постиндустриального общества//Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2018. Т. 7. № 2. С. 51–60.

13. Кукушкин С.Н. Эволюция модели организации в общественно-экономических формациях//Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. № 4 (100). С. 3–18.

14. Справочник экономиста предприятия: справочник/под ред. доц. Н. Б. Акуленко, доц. С.Н. Кукушкина, доц. А.И. Кучеренко. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 424 с.

15. *James F. Moore*. The Death of Competition: Leadership & Strategy in the Age of Business Ecosystems – New York: HarperBusiness, 1996.

Маслов Г.А.,

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института
нового индустриального развития имени С.Ю. Витте,
научный сотрудник Института экономики РАН

Maslov G.A.,

Candidate of Econ. Sc., Leading Researcher at the S.Y. Witte
Institute for New Industrial Development, Researcher at the
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Теория НИО.2 и ноономики в русле развития современной экономической теории

The Theory of NIS.2 and Noonomy in Line with the Development of Modern Economic Theory

Аннотация. В статье описывается становление теории НИО.2 и ноономики, разработанной С.Д. Бодруновым, в контексте развития современной экономической науки. Отмечается, что классическая политическая экономия, традиционный институционализм и теории технико-экономического развития в наибольшей степени оказали влияние на формирование положений данной теории. Современные технико-экономические трансформации являются предпосылками большего исследовательского внимания к разработкам в рамках этих направлений.

Abstract. The article describes the formation of the S. D. Bodrunov's theory of NIS.2 and noonomy in the context of modern economic science development. It is noted that classical political economy, traditional institutionalism and theories of techno-economic development have influenced this theory's notions the most. Modern economic transformations

(a bigger role of the governments, the growth of network effects, the development of sharing economy, the socialization of property, etc.) are becoming the prerequisites for raised research attention to developments in these spheres. The theory of noonomy includes vision of the future that let modern society start preparing for the future challenges.

Ключевые слова: НИО.2, ноономика, технологическая революция, экономические трансформации, классическая политическая экономия, традиционный институционализм, теории технико-экономического развития

Keywords: NIS.2, noonomy, technological revolution, economic transformations, classical political economy, traditional institutionalism, theories of techno-economic development

В нынешнее время остро стоит проблема доверия к теориям экономического мейнстрима. Выдвигаются критические замечания, что им свойственна внеисторичность, методологическая закрытость, препятствующие качественному исследованию вопросов современных технико-экономических трансформаций и в целом эволюции капитализма. Господствующие подходы затруднились с реакцией на ставшую крайне актуальной проблему последствий пандемии. Для решения подобного рода задач востребована теория, обладающая более широкой методологией.

Концепция НИО.2 и ноономики, разработанная С.Д. Бодруновым (2; 3), как представляется, относится к их числу. В этой связи важно осветить не только ее потенциал в раскрытии противоречий современных экономических трансформаций, но и выделить предпосылки ее формирования в среде других направлений. Тем самым можно будет выявить логику преемственности экономических теорий и в целом сказать о теоретической подготовленности современной науки к вызовам настоящего и ближайшего будущего.

Говоря в целом о предпосылках развития экономической теории, нужно подчеркнуть внешний фактор ее динамики. Этот фактор связан с развитием технико-экономической реальности, которая опосредованно влияет на умы исследователей и заставляет их обратиться к новым вопросам. В периоды ее трансформаций многие прежние положения зачастую внезапно становятся устаревшими (9).

Выделяются три основных теоретических направления, которые послужили одними из источников формирования и развития теории НИО.2 и ноономики:

- классическая политическая экономия;
- традиционный институционализм;
- теории технико-экономического развития.

Нужно подчеркнуть, что последние в значительной степени соотносятся с первыми двумя, однако их предметная уникальность все же позволяет осуществить выделение в отдельную категорию.

Далее приведены ключевые элементы указанных трех направлений с точки зрения их нынешней актуальности, а также их использования и развития С.Д. Бодруновым.

Современная классическая политическая экономия главным образом базируется на историческом подходе. Он позволяет зафиксировать качественные различия экономических систем, которые меняются в зависимости от новых условий реальности. Также нужно отметить системный подход, раскрывающий сложную систему взаимосвязей и рассматривающий проблемы в комплексе. Наконец политическая экономия характеризуется методологической открытостью, которая выражается, в том числе, в использовании междисциплинарного подхода. На современном этапе развития в производстве растет роль человека, общественных институтов, что регулярно обуславливает обращение экономики к достижениям других социальных наук.

Тезис Маркса о том, что наука впоследствии станет непосредственной производительной силой общества (8) (что и произошло в действительности) активно развивается С.Д. Бодруновым. При этом принципиальное различие подходов состоит в том, что продвижение к ноономике предполагает плавный и естественный уход экономических отношений как таковых в сфере материального производства. В марксистской же версии возникновение общественной формации будущего, наоборот, связывается с острой классовой борьбой.

Необходимо отметить также мир-системный аспект. Мир-системный анализ неправомерно рассматривать исключительно через призму марксизма. Однако эти направления при изучении межстрановых противоречий могут быть довольно тесно приближены друг к другу.

С.Д. Бодрунов в этой связи подчеркивает, что ввиду сложившейся в мире системы разделения труда российская экономика едва ли

может уповать на навязываемые неолиберальные рецепты. Следует также упомянуть книгу С. Амина, «Россия: долгий путь от капитализма к социализму», переведенную Институтом нового индустриального развития им. С.Ю. Витте на русский язык (1).

Распространение *традиционного институционализма* восходит к работам Т. Веблена. В современной экономической науке по-прежнему широко распространен термин «товары Веблена», которыми называются продукты, приобретаемые для обозначения статуса потребителя (4). Как отмечает С.Д. Бодрунов, подобные установки на симулятивное потребление характерны для современного мира, но по мере приближения к ноономике она будет уступать место более разумному выбору конечной цели производства.

Ключевой составляющей становления теории НИО.2 и ноономики является концепция нового индустриального общества Дж.К. Гэлбрейта (6). В 2017- году Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте подготовил издание коллективной монографии «Гэлбрейт: возвращение», приуроченное к 50-летию с момента выхода «Нового индустриального общества» (7). В этой книге, а также в ряде других работ было развито наследие Гэлбрейта. При этом были указаны ограничения, требующие развития в наше время.

Кроме того, несмотря на критику положений сторонников теорий постиндустриального общества, С.Д. Бодрунов также отражает их влияние на формирование своей концепции: «Новое индустриальное общество и экономика XXI в. должны стать «отрицанием отрицания», диалектическим снятием и позднеиндустриальной системы, описанной Дж. Гэлбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, рассмотренных Д. Беллом и Ко. (2, с. 134)»

Рассматривая *теории технико-экономического развития*, можно сказать, что их основные направления пошли от работ Й. Шумпетера. Привнесенная им в экономическую мысль новизна лежала в непосредственном обращении к технологическим факторам развития экономической системы (10). В частности, был обоснован циклический характер развития экономики в связи с технологическими волнами.

Развитие данного направления во второй половине XX века выглядит абсолютно естественным, учитывая стремительно растущую роль науки и техники в системе производства. В качестве основных

теоретиков стоит отметить Г. Менша, К. Фримена – К. Перес, А. Грублера – Д. Накиценовича.

Однако применительно к концепции НИО.2 и ноономики следует выделить концепцию технологических укладов С.Ю. Глазьева – Д.С. Львова (5), к которой С.Д. Бодрунов обращается наиболее часто. Ее преимуществом является оптимальный уровень детализации при выделении основных вех в развитии технологий, обуславливающих собой новое системное качество производства. В терминах технологических укладов можно точно отразить происходящие в наше время технико-экономические трансформации с выходом на прогнозирование будущего развития.

Безусловно, С.Д. Бодрунов в своей концепции использует теоретические разработки, относимые не только к достижениям в рамках трех указанных направлений. Можно, к примеру, сказать об отсылках к кейнсианству, некейнсианству, посткейнсианству при рассмотрении потенциальных мер макроэкономической политики. При выделении национальной специфики отечественной экономики фактически происходит обращение к положениям немецкой исторической школы, которые, в свою очередь, продолжил С.Ю. Витте. Идеи приверженцев нового институционализма используются при изучении институциональных рамок, «правил игры» современной экономической системы.

Однако именно три вышеуказанных теоретических направления являются основными истоками теории НИО.2 и ноономики. В этой связи стоит особо отметить, что экономическая реальность и в настоящее время, и в будущем будет ставить те исследовательские задачи, которые актуализируют разработки в рамках этих направлений. Таким образом, концепция С.Д. Бодрунова также попадает в новое русло развития экономической науки.

Новые явления внутри производственных отношений, такие, как роль государства, рост сетевых отношений, развитие шеринговой экономики, социализация собственности создают теоретическую неизбежность обращения к этим феноменам на новом методологическом базисе, который используется, в частности, в рамках теории нового индустриального общества второго поколения.

Технологии развиваются с очень большой скоростью и то, что казалось невозможным завтра, становится реальными иногда уже сегодня. Следовательно, ученым нужно заглядывать в будущее. Этого

не делают теории мейнстрима, которые, учитывая консерватизм своих подходов, можно сказать, ориентированы на исследования вчерашнего дня.

В мире будущего неизбежно обращение к надэкономическим вопросам развития человечества, к тем моральным вызовам, которые будут поставлены в связи с внедрением новых технологий. Вполне вероятно, что придется переосмыслить многие цели развития общества и проблему влияния технологий на образ жизни людей.

К примеру, возможно ли такое явление, как интеллектуальный взрыв, то есть когда технологическое развитие станет настолько быстрым, что человек будет просто не успевать за его развитием¹? Такое развитие событий все же считается очень маловероятным, однако то, что человек будет в значительной степени зависеть от технологий, может быть, даже оказаться в подчинении от них вовсе не выглядит фантастичным.

В этой связи вопросы, которые ставятся в теории ноономики, очень важны, так как в отличие от многих других теоретических направлений, автор данной концепции пытается предугадать фундаментальные направления развития экономики и общества. Следовательно, общество сможет начать подготовку к будущим фундаментальным трансформациям уже в ближайшее время.

Список литературы

1. Амин С. Россия: долгий путь от капитализма к социализму. СПб.: ИНИР; М.: Культурная революция, 2017. – 148 с.
2. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / Монография / – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 328 с.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика / Монография / – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

¹ Термин «интеллектуальный взрыв» предложен И. Гудом (11). Он означает гипотетическую ситуацию, когда искусственный интеллект сможет развивать себя самостоятельно и со временем превзойдет интеллект всего человечества.

4. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. Вступит. статья С.Т. Сорокиной. Общая ред. В.В. Мотылева. – М.: Прогресс, 1984.
5. Глазьев С.Ю., Львов Д.С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5. – с. 793–804.
6. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. – М.: Прогресс, 1969.
7. Гэлбрейт: возвращение / Монография / Под ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. – 424 с.
8. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 46. Ч. II., 1969.
9. Маслов Г.А. К вопросу о взаимосвязи эволюции технологических укладов и истории политической экономии // Вопросы политической экономии. 2015. № 4. С. 95–104.
10. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с. (Антология экономической мысли).
11. Good I.J. (1965). Speculations Concerning the First Ultrainelligent Machine. Advances in Computers. vol. 6. Pp. 31–88.

Рудык Э.Н.,

*доктор экономических наук, профессор,
Государственный университет «Дубна», Московский
финансово-юридический университет (МФЮА)*

Rudyk E.N.,

*Doctor of Econ. Sc., Professor, State University «Dubna»,
Moscow University of financial and law (MFUA)*

**К новому индустриальному обществу
второго поколения на путях развития
современных информационно-
коммуникационных технологий¹**

**Towards the New Industrial Society
of the Second Generation
on the Way of Development of Modern Information
and Communication Technologies**

Аннотация. В статье даны характеристики современного состояния информационно-коммуникационных технологий в России в качестве одного из локомотивов продвижения страны к новому индустриальному обществу второго поколения. Выделены ключевые проблемы на этом пути и предложен ряд путей по их решению. Особое внимание уделено вопросу формирования «креативных кадров» для НИО.2.

Abstract. The article describes the current state of information and communication technologies in Russia as one of the locomotives of the country's promotion to a new industrial society of the second generation.

¹ При подготовке статьи использованы результаты совместных работ по данной проблеме с д.э.н. В.В. Букреевым.

The key problems along this path are highlighted and a number of ways to solve them are suggested. Special attention is paid to the issue of forming “creative personnel” for research institutes.2.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, работники нового типа, дуальная система подготовки кадров.

Keywords: digital economy, digitalization, new type of employees, dual training system, education.

Современный этап России характеризуется переходом в начальной форме к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2) (1, с. 129–171). Особую роль в этом процессе призвана сыграть т.н. цифровая экономика. Можно спорить относительно правомерности использования этого термина в различных его трактовках применительно к России. Важнее дать ответ, по крайней мере, на пять вопросов.

Первый вопрос: возможно эффективно, в полном объёме и повсеместно использовать современные цифровые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) для выхода страны на траекторию движения к НИО.2 в условиях, когда российская промышленность в её нынешнем виде не может считаться современной, отвечающей геополитическим вызовам времени? Сегодня в России неэффективно работают более половины предприятий различных организационно-правовых форм и видов собственности. Наблюдается деградация промышленности. Она выражается в физическом и моральном устаревании основных производственных фондов, ничтожной доле высокотехнологичной продукции в экспорте (около 0,3%). По многим важнейшим отраслям, в частности, электроника, станкостроение, нефтегазовое оборудование, строительная техника зависимость от импорта близка или превышает 90% (10, с. 159). Результат: уменьшение доли четвертого и пятого технологических укладов (более 50% технологий относятся к четвёртому укладу, когда появились компьютеры и их программное обеспечение, около 10% – к пятому укладу, когда широкое распространение получили ИКТ). Имеет место преобладание устаревших промышленных технологий (почти их треть относятся к третьему укладу). Шестой технологический уклад, стартовавший в мире, для которого характерно интегрирующая роль

ИКТ в генерировании научных знаний и их применении на практике, находится в России в зачаточном состоянии (1, с. 63–64, 90, 111–112). Перечень негативных явлений в отечественной индустрии, настоятельно требующих оперативного проведения в России реиндустриализации на новой технологической, социальной и управленческой базе, используя достижения в сфере ИКТ, а также возможности мобилизационной экономики, можно продолжить.

Второй вопрос: как создать оригинальные отечественные ИКТ, востребованные на внутреннем и внешних рынках? Дело в том, что цифровизация российской экономики происходит на базе использования или копирования разработок систем управления базами данных преимущественно США – мирового лидера в этой области и главного скрытого бенефициария цифровой ренты. Приходится констатировать факт того, что на протяжении более четверти века разработки в этой области на мировом уровне в стране, если и велись, то не получали должного практического воплощения (надеюсь, что в ОПК ситуация иная), что чревато утратой Россией суверенитета в экономической сфере и не только в ней.

Третий вопрос: как создать достоверную информационную базу зарождающейся цифровой отечественной экономики в королевстве кривых зеркал официальной статистики, не отличающаяся, как и её предшественница – советская, достоверностью? (6, с. 71–78) Например, согласно официальным данным Росстата, постоянно меняющего методики расчётов, в 2015 году индекс ВВП составил 113,4. По оценке основоположника «альтернативной статистики», как советской, так и постсоветской Г.И. Ханина и его соавтора Д.А. Фомина – 89,8. Согласно того же Росстата, индекс производительности труда составил 109,2. По оценке Г.И. Ханина и Д.А. Фомина – 69,9. Согласно Росстату, показатель фондовооружённости составил 115,0. По оценке Г.И. Ханина и Д.И. Фомина – лишь 38,7 (3). К близким выводам пришёл бывший директор НИИ статистики Росстата В.М. Симчера, ушедший с должности со словами: «Надоело врать!» (5; 8, с. 71–78). Представители «альтернативной статистики» пришли к неутешительному выводу: ВВП России за все годы «постперестроечных» реформ остался на дореформенном уровне (3).

Четвёртый вопрос: способна российская система профобразования в её нынешнем виде, выпускающая, главным образом, не востре-

бованных производством высококвалифицированных работников, а в избыточном количестве узкопрофильных бакалавров и магистров, преимущественно гуманитарного профиля, обеспечить цифровую экономику нужными ей кадрами?

Выделим наиболее значимые *болевы* точки деградировавшей отечественной системы профессионального образования.

(1) Целеполагание профобразования. Одно дело – выращивание потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других как полагал бывший министр образования и науки РФ А.А. Фурсенко, либо специалиста, способного адаптировать к российским условиям заимствованную зарубежную технологию, как заявлял его сменщик Д. Ливанов. Другое дело создавать работника-созидателя, способного не только эффективно использовать зарубежную технологию, но и её развивать, создавать собственную, востребованную цифровой экономикой.

(2) Доступность образования. Превращение посредством «ползучей» коммерциализации образовательной области в «сферу услуг» приводит к недоступности получения *качественного* образования для социально уязвимых групп населения, в особенности людей с нищенскими доходами, вынужденных довольствоваться более дешёвым, но менее качественным дистанционным образованием. Данное обстоятельство можно приравнять к запрету на профессии, обучение по которым не предполагает бюджетных мест. Для сравнения: во Франции число студентов вузов, обучающихся на бесплатной основе, не зависимо от числа полученных ими высших образований, составляет более 80%, в Германии, страны с 335 государственными вузами и лишь тремя частными («заштатными»), – более 90%, а в СССР – 100% (9, с. 62).

(3) В условиях преобладания старого промышленного производства падает, как его спрос на высококвалифицированную рабочую силу, так и её предложение на рынке труда, а также наблюдается её отток за рубеж и приток мигрантов – в основной массе малоквалифицированных работников.

(4) Оценка качества профобразования. По *количественным* показателям – числу образовательных организаций, количеству лиц в них обучающихся, обладателей дипломов об образовании, многие из которых «купленные», ученых степеней и научных званий, зача-

стую, «липовых»? Здесь страна находится среди мировых лидеров. По *качественным показателям* – картина иная, чему содействует подушевой принцип финансирования государственных и муниципальных образовательных учреждений, что препятствует отчислению неуспевающих, поскольку бюджет учреждений и численность их профессорско-преподавательского состава напрямую зависят от количества обучаемых.

(5) Оглупление обучающихся, подавление творческой составляющей учебного процесса посредством повсеместного насильственного внедрения, не получившего поддержку преподавательского состава ЕГЭ в системе школьного и среднего специального профобразования, а в ближайшей перспективе – и вузовского.

(6) Нехватка преподавательских кадров высокой квалификации и преподавателей-исследователей, обладающих компетентностью в сфере ИКТ, знанием производства, для которого они готовят кадры, инновационным мышлением, владением иностранных языков.

(7) Низкая мотивация обучающихся, многие из них имеют гипертрофированные потребительские ожидания и слабые мотивации к качественному освоению образовательных программ.

(8) Традиционное недофинансирование системы отечественного профобразования.

Создание эффективных оригинальных отечественных ИКТ предполагает наличие главного интеллектуального ресурса НИО.2 – *работников нового типа*, деловые и человеческие качества которых должны рассматриваться в качестве главного нематериального актива производства. Такие работники должны обладать триадой качеств.

Первое качество – высокий профессионализм. Оцифровка экономики предъявляет повышенный спрос на высокую квалификацию работников всех категорий, как непосредственно занятых в сфере ИКТ, так и находящихся с ними в кооперативной связи рабочих кадров и специалистов в секторах народного хозяйства, готовых к применению ИКТ. Такие работники должны, иметь, как правило, высшее профобразование, преимущественно широкого профиля. Примером может служить всемирно известная южнокорейская компания Samsung, 80% рабочих которой имеют университетский диплом (4, с. 291, 286, 442, 435). Что касается России, бывший вице-премьер правительства О.Ю. Голодец полагала, что доля кадров без вузовского диплома в

экономике страны в ближайшие годы будет постоянно возрастать, поскольку, по её мнению, по многим профессиям, по меньшей мере, 65% россиян не требуется высшего образования (2). Вопрос: можно создать отечественную цифровую экономику без высококвалифицированного персонала? Тем более, что ряд обстоятельств, прежде всего, расширение практики работы вне офиса, что во многих случаях требует расширения сферы компетенций, обладания знаниями и умениями ведения предпринимательской деятельности, к которой, как правило, не готовят в рамках узкой специализации. Это побуждает во многих случаях работника в сфере ИКТ к получению второго высшего профобразования с целью повышения квалификации или получения новых компетенций и, соответственно, роста своей конкурентоспособности на современном рынке труда. Работники, занятые в сфере ИКТ, должны также обладать способностью непрерывно приобретать новые знания, повышать свою квалификацию, компетенции в течение всей трудовой жизни, а, когда надо, осваивать новые профессии. В частности, используя модульные, игровые формы обучения, мобильные платформы – дистанционно либо на рабочем месте. Речь, прежде всего, идёт об умении решать проблемы, выстраивать архитектуры ИТ-систем, обладать компетенциями в сфере информационной безопасности, исполнять предпринимательские функции, владеть основами правовых знаний, менеджмента и маркетинга. Неудивительно, что в Японии работники крупных компаний, в особенности национальных и мировых лидеров, совершенствуют своё профессиональное мастерство, включая проблематику ИКТ, еженедельно в течение четырёх часов – в рабочее время и четырех часов – во внерабочее. Высокий профессионализм в немалой степени достигается посредством подготовки будущих кадров на основе единства процесса обучения и труда на современном производстве, как это, например, имеет место в Германии и Нидерландах, где используется *дуальная система профобразования*. Она основана на единстве процесса обучения и труда на современном конкретном производстве. Значимость использования этой системы в России определяется слабой востребованностью промышленностью выпускников некорпоративных учреждений профобразования – государственных и частных. Главным образом, в силу слабого соответствия госстандартов, реализуемых в образовательных программах, требованиям

потенциальных работодателей. Они практически не вовлечены в их формирование, а также в управление образовательной деятельностью, что не способствует достижению качественно нового уровня знаний, умений и навыков обучающихся Бизнес, столкнувшись с острым дефицитом высококвалифицированных кадров и недовольный качеством большинства выпускников системы профобразования, не хочет выступать только в роли спонсора, тратя немалые деньги на «доводку» выпускников вузов, нередко практически с нуля. По этой причине, он в целом позитивно относится к участию в формировании учебных курсов, программ, их преподавания в вузах, практикующих дуальную систему обучения, либо создаёт свои университеты, основанные на указанной системе подготовки кадров для себя.

Второе качество работников нового типа – обладание творческим мышлением, инициативностью, ответственностью. Это предполагает способность и готовность таких работников участвовать в принятии управленческих решений самостоятельно либо опосредованно – через своих представителей в органах управления предприятием, а не выступать в роли пассивных исполнителей распоряжений профессиональных управленцев. Естественно, такое участие требует знаний в области правовых и экономических основ предпринимательства, цифровой грамотности, без чего демократия на производстве лишена позитивного содержания. Творческий потенциал работников нового типа может быть востребован и раскрыт в полном объеме при условии максимально возможного сближения его интересов с интересами предприятия. Речь идёт о необходимости принципиальной смены парадигмы взаимоотношений работника и предприятия: не на основе *трудового контракта*, когда работники в лучшем случае только выполняют его условия, а жизнь начинается «за проходной» предприятия – так называемая «*философия контракта*», а на базе того, что получило название «*философия судьбы*». Её суть: работники понимают, что их благополучие всецело зависит от успехов предприятия, которое, в свою очередь, осознаёт, что его судьба зависит от работников, их добросовестности, ответственности, трудовой активности и творческого отношения к исполнению трудовых функций. К сожалению, в России вовлечение работников в процесс принятия решений блокируется господствующей авторитарной системы хозяйственной власти на микроэкономическом уровне.

Третье качество работников нового типа – обладание высокой культурой, как в трудовой, так и в повседневной жизни. Реальной опасностью повышения профессионального уровня работников без воспитания становится так называемая их «отрицательная креативность». Её степень резко повышается в условиях перехода к цифровой экономике, когда цена человеческих поступков для предприятия, как позитивных, так и негативных, становится несоизмеримо выше, чем в экономике традиционного типа (7, 447–456).

Пятый вопрос: характер противоречия между повсеместным использованием современных ИКТ, делающих жизнь людей прозрачной, нередко под наблюдением порой носящего тотальный характер со стороны Большого брата, и правами человека на неприкосновенность личной жизни? А, главное, в каком направлении будут развиваться ИКТ, кто будет управлять этими процессами и для достижения каких целей? Вопрос о формировании нового вида власти – **цифровой власти** – не праздный, как в мире¹, так и в стране. Так, Закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» (ЕФИР), который принят в ускоренном порядке в условиях пандемии без проведения общественных слушаний, предусматривает включение в ЕФИР обширного перечня информации о каждом человеке², получающего персональный пожизненный идентификационный номер, заменяющий его фамилию и имя, данные при рождении. Этот перечень включает также данные о его родственниках и иные сведения. В оцифрованном виде они подлежат передаче Федеральной налоговой службе (ФНС), которая предлагает внести в них сведения о доходах семей.

Совокупность данных обстоятельств чревата не только усилением опасности хищения персональных данных внутри страны (сделать

¹ Например, в КНР с использованием цифровых технологий практикуется разделение граждан в зависимости от их поведения на включённых в «чёрный» или «красный список». Включённые в «красный список» получают различные бонусы. Включённые в «чёрный» список – разного рода ограничения.

² Исключение составляют лица, сведения о которых подлежат госзащите. Они формируются обособленно (Ст. 8).

это легче и дешевле через коррумпированных работников одного органа, чем многих), так и за её пределами. Дело в том, что используемые в стране программное обеспечение и цифровые платформы, на которые оно ставится, в основном это западные разработки, главным образом, США. В случае блокировки их работы или отзыва лицензий отечественные пользователи не смогут хранить и обрабатывать данные.

Риски электронного контроля над населением усиливаются эпидемией коронавируса, носящей природный или рукотворный характер. Под флагом борьбы с этой реальной угрозой без объявления чрезвычайной ситуации или карантина в качестве временной меры на период пандемии (она может вернуться очередными волнами) установлен жесткий контроль над перемещением основной массы людей, введён режим спецпропусков, дополненный режимом принудительной «самоизоляции» граждан, которые, по сути, оказались под домашним арестом. Подобный режим не был предусмотрен законодательством страны на момент его введения. Кроме того, возрастают риски централизованного сбора, хранения, обработки и использования порой без разрешения граждан их биометрических данных и не только их, не говоря уже об операции, касающейся цифрового «кошелька», в который предлагается сконцентрировать все деньги его владельца. В такой «кошелёк» будет осуществляться как поступление денег, так и их «утечка» без согласия его владельца (например, оплата различного рода задолженности).

Зарождающееся в стране гражданское общество призвано сделать всё, что в его силах, чтобы, по меньшей мере, минимизировать негативные явления в процессе использования современных ИКТ, поставив их на этапе перехода к НИО.2 на службу социума и отдельных его индивидов.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики. – С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция. – 2019.
2. Голодец О. 65 процентам людей не требуется... // business-gazeta.ru/news/316959 (дата обращения: 01.07. 2020 г.).

3. Катасонов В. Нашему «королю» свита говорит только приятные вещи. // <https://www.politforums.net › internal> (дата обращения 01.07.2020 г.).

4. Корея: через тернии к звёздам. 1950–2010. 60 удивительных историй корейского чуда. Пер. с англ. – Сеул. Корейский институт государственного управления. – 2012.

5. Обнародована шокирующая правда об истинном положении дел в России. <http://www.86hm.ru/forum/politic> (дата обращения: 01.07.2020).

6. Рудык Э.Н. Формирование цифровой экономики в королевстве кривых зеркал государственной статистики (постановка проблемы) // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 3.

7. Рудык Э.Н., Букреев В.В. Формирование креативных кадров – условие становления цифровой экономики. // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – Специальный выпуск. – 2017. – Декабрь.

8. Симчера В. Изобличая лживые цифры. Этюды о пирровых победах и потерях России. – В. Симчера. – М.: Издательские решения. – 2019.

9. Смолин О.Н. Образование и глобальный контекст российской модернизации. // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 2 (48).

10. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Инвестиционные, финансовые и институциональные предпосылки возрождения российской промышленности. // Журнал институциональных исследований. – 2019. – Т. 11. – № 1.

Яковлева Н.Г.,

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Центра
институтов социально-экономического развития
Институт экономики РАН;
ведущий научный сотрудник Института
нового индустриального развития им. С.Ю. Вите

Yakovleva N.G.,

Candidate of Econ. Sc., associate Professor,
Leading Researcher at the Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher
at the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development

**Технологические и социально-экономические
трансформации начала XXI века:
роль и место образования¹**

**Technological
and socio-economic transformations
of the beginning of the XXI century:
role and place of education**

Аннотация. В статье показывается, что разработанная профессором С.Д. Бодруновым теория генезиса Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и рождение нового качества общественного развития – ноономики, может служить основанием для разработки основных аспектов проблемы трансфор-

¹ Материал статьи опубликован в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 2 (64), 2020, с. 133–142)/

мации сферы образования как основного пространства формирования главной производительной силы общества эпохи НИО.2 – знаний человека. В основании этого вывода лежит концептуальное положение С.Д. Бодрунова о знаниеемком типе производства как базисной характеристике новых технологий. Последний тезис служит основанием для развития в статье уже известного в литературе вывода о новой роли образования как 1-го подразделения общественного производства. Этот тезис обосновывается в статье отсылкой к выводам С.Д. Бодрунова о человеческих качествах и знаниях как главных драйверов развития эпохи генезиса НИО.2 и ноономики.

Трансформация содержания образования в направлении приоритетного развития креативной компоненты в статье так же обосновывается исходя из развиваемого в рамках теории ноономики положения о новом качестве человека и его новом месте в системе общественного производства, где он выполняет роль «контролера и регулировщика».

На этом основании автор статьи делает вывод, что развивающиеся в настоящее время отношения коммерциализации и финансирования образования являются регрессивными трендами, а будущее принадлежит образованию для всех и через всю жизнь.

Abstract. Bodrunov's theory of the genesis of a New industrial society of the second generation (NIS.2) and the birth of a new quality of social development (Noonomics) it can serve as a basis for developing the main aspects of the problem of educational transformation. The sphere of education is becoming the main space for the formation of the main productive force of society in the era of NIS.2, which is the knowledge of a person. This conclusion is based on the conceptual position of the theory of NIS.2 about the knowledge-intensive type of production as the basis of new technologies. This thesis serves as the basis for the development of the article already known in the literature conclusion about the new role of education as the 1st division of social production. This is based on the Bodrunov's conclusions about human qualities and knowledge as the main drivers of the development of the era of the genesis of the NIS.2 and Noonomics. The theory of Noonomics develops the position of a new quality of man and his new place in the system of social production, where he performs the role of "controller and regulator". Therefore, it is necessary to transform the content of education in the direction of priority development

of the creative component. On this basis, it is concluded that the currently developing relations of commercialization and financialization of education are regressive trends, and the future belongs to education for all and through life.

Ключевые слова: НИО.2, ноономика, знаниеемкое производство, человек, образование, креативный потенциал.

Keywords: new industrial society of the second generation (NIS.2), noonomics, knowledge-intensive production, people, education, creative potential.

Технологические и социально-экономические трансформации последних десятилетий имеют различную теоретическую квалификацию. Прежде, чем обратиться к рассматриваемой в данной статье концепции рождения Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и генезиса на этой основе нового качества общественного развития – ноономики (1–4), кратко отметим, что с 1970-х годов господствующим направлением стала характеристика нового качества технологического и социально-экономического развития общества при помощи таких категорий как «экономика знаний» (37), «постиндустриальное (информационное) общество» (29, 30, 43), и т.д. Последние два десятилетия привели к нарастающей популярности несколько иной квалификации, использующей категории «креативная экономика» (31) и «цифровая экономика» (40).

Образование в условиях знаниеемкого производства

Однако время показало, что постиндустриальные тренды в странах «ядра» обернулись деиндустриализацией, тогда как в странах «периферии» и особенно в экономиках «полупериферии» (мы пользуемся здесь и далее категориями мир-системного анализа, основоположниками которого явились С. Амин и И. Валлерстайн (27–28, 44–45)) разворачивались процессы активной индустриализации, способствовавшие успешной реализации предпринятой ими стратегии модернизации на основе догоняющего (catching up) развития. Тем самым, как отмечают не только зарубежные, но и российские ученые-

экономисты (С.Д. Бодрунов, С.Ю. Глазьев, Р.С. Гринберг, В.Т. Рязанов), постиндустриализм оказался миражом, ведущим к нарастанию в экономике и обществе таких трендов как «рыночный фундаментализм» и финансиализация (4, 8, 10, 16). Реальные изменения развернулись прежде всего в материальном производстве, технологии которого претерпевают качественное обновление на основе обретения знаниями роли главного средства и ресурса развития.

Эти технологические трансформации обуславливают, в свою очередь, глубокие изменения в системе социально-экономических отношений и институтов, которые частью уже стали реальностью, частью должны ею стать в ближайшем будущем. Эти изменения в рамках концепции С.Д. Бодрунова получили имя «*новое индустриальное общество второго поколения – НИО.2*» (1). Однако, автор данной концепции показывает, что эти изменения знаменуют собой лишь промежуточный пункт трансформаций, которые идут дальше, по направлению к *новому типу общественного устройства – нооэкономике* (2–3).

Последний аспект мы рассмотрим позднее, а сейчас подчеркнем, что для той темы, которая раскрывается в данной статье, важным является вопрос о том, в какой сфере прежде всего формируются знания, являющиеся главным ресурсом развития нового производства, новой экономики и нового общества. Ответ на этот вопрос достаточно очевиден – это *образование как единство обучения, воспитания и просвещения*, что особенно подчеркивается в работах О.Н. Смолина (20). Отсюда постановка главной проблемы данного текста: каким может и должна быть место и роль образования в экономике и обществе XXI века? Наш предварительный ответ на этот вопрос по сути дела был уже сформулирован: *образование – это основная сфера производства главного ресурса технологического и социально-экономического развития общества*.

Прежде чем раскрыть и обосновать этот тезис, подчеркнем, что у этой медали есть и другая сторона – бытие образования как атрибута социо-гуманитарного прогресса, как цели и ценности, а не только средства и ресурса. Эта – обратная сторона – постановка образования в контекст проблем социального прогресса – присутствует как правило не в экономическом, а социофилософском контексте в работах ученых философов, работающих на стыке с педагогикой и образова-

нием (5, 15, 19). При этом, однако, в последние десятилетия эти вопросы как правило ставятся в рамках иных, практически-ориентированных проблем.

Причина такой ситуации кроется в изменении господствующих трендов в методологии социально-экономических исследований, где период господства постмодернизма привел к отказу от постановки проблем в рамках так называемых «больших нарративов». Кроме того, тенденция математизации всех общественных наук привела к некоторому сокращению внимания к проблемам, лежащим на стыке экономической теории, социальной философии и социологии. Эти тенденции стали следствием относительной стабилизации системы социально-экономических отношений и отсутствия качественных изменений в общественном развитии в конце XX – начале XXI века, что находилось в глубоком противоречии с все более активно разворачивавшимися в этот период технологическими трансформациями. Технологи начинали изменяться и развиваться быстрыми темпами, а социально-экономические отношения господствовавшей неолиберальной модели позднего капитализма (7) оставались в основе своей прежними.

Этот период проходил под знаком «конца истории», что было зафиксировано в одноименных статье и книге Ф. Фукуямы (34), вышедших в условиях ухода с исторической арены мировой системы социализма. Однако, как и следовало ожидать, историческое развитие не остановилось и в настоящее время генезис качественно новых явлений как области технологий, так и в сфере социального развития становится все более очевидным, о чем мы сказали в начале статьи.

Прежде чем охарактеризовать новую роль образования в этих условиях выделим важнейшие из трансформаций, отметив, что в данном случае мы используем результаты исследований наших коллег, предложив только их оригинальную систематизацию, но не проводя специального исследования этих сдвигов, так как собственный предмет данного исследования – *социально-экономические проблемы образования*.

В основу систематизации начавшихся в настоящее время трансформаций мы положим методологию, соединяющую элементы современного формационного подхода (12, 18, 25), классического институционализма (35, 11) и мир-системного анализа (28, 45).

Первый позволяет выстроить обоснованную иерархию основных уровней социальной структуры: технологические основы общества, система характерных для определенного общества социально-экономических отношений, обусловленная этими отношениями социальная структура общества, институциональное оформление всех этих сфер и – далее – к политическим и духовным процессам.

Второй позволяет использовать современные представления о влиянии технологических трансформаций на изменения социальной сферы и ее институтов, равно как и обратное влияние социальных процессов на развитие технологий.

Третий создает предпосылки для выделения социо-пространственного измерения происходящих трансформаций.

Перейдем к выделению основных технологических и социально-экономических трансформаций с тем, чтобы ниже показать, как эти процессы изменяют роль образования и в чем специфика этой роли в современных условиях.

Разворачивающийся в настоящее время переход к знаниеемкому производству (в определении С.Д. Бодрунова) (1), в основе которого лежат технологии, характерные для 5 и 6-го укладов (8), приводит к глубоким изменениям в содержании труда. К настоящему времени до трети занятых в наиболее развитых странах становятся субъектами творческой по своему содержанию деятельности, о чем свидетельствует статистика креативного класса (22).

Каковы же следствия этих изменений, касающиеся системы образования?

Во-первых, возрастание роли творческого по своему содержанию труда и прогресс знаниеемкости производства привели к тому, что образование постепенно трансформируется в сферу, которую можно обозначить как I-е подразделение общественного производства (6). Поясним: в данном случае мы используем категориальный аппарат, позаимствованный из «Капитала» К. Маркса, который выделил в процессе общественного производства два подразделения: I – производство средств производства и II – производство предметов потребления (13).

Но если в условиях индустриального типа производства, которое описывал К. Маркс, роль главного, первого подразделения выполняло производство средств производства, ибо от уровня развития имен-

но этой сферы зависел прогресс экономики, то в условиях нового типа общественного производства, а именно, знаниеемкого производства, которое описывает С.Д. Бодрунов, *роль 1-го, т.е. главного подразделения общественного производства выполняет образование, так как именно в этой сфере формируется главная производительная сила современной экономики – человек, обладающий креативным потенциалом.*

Во-вторых, то, что названные выше технологические трансформации происходят в условиях господствовавшей до настоящего времени и пока еще продолжающей доминировать неолиберальной модели позднего капитализм привело к разворачиванию глубоких изменений в социально-экономических отношениях, в частности, в образовании. Как отмечает И. Месарош [38] для того, чтобы не потерять контроль над ситуацией, современный неолиберальный капитализм вынужден усиливать не столько «внешнюю» агрессивную экспансию, сколько «внутреннюю», вторгаясь в сферы, которые раньше непосредственно не являлись рыночными (образование, здравоохранение, наука, культура, коммунальное хозяйство) с тем, чтобы коммерциализировать их и включить в систему получения прибавочной стоимости.

Коммерциализация образования проявляется в подчинении всех составляемых образовательного процесса, интересов, мотивов и ценностей его участников, деятельности как государственных, так и частных образовательных организаций целям получения коммерческого результата, а не прогресса личностных качеств субъектов этого процесса, т.е. прогресса образования как такового. Усиление коммерциализации образования – это международная тенденция, которая проявляется не только в странах «ядра» (США, Великобритания, Япония, Франция и др.), но и в странах «полупериферии» (Китай, Бразилия, Россия, Индия и др.) и имеет негативные последствия как для экономики, так и для общества в целом. Отметим, что в странах «ядра» также стала проявляться тенденция *финансиализации образования*, характеризующаяся все более усиливающимся влиянием финансовых мотивов и рынков, а также финансовых корпораций, учреждений, конкретных влиятельных лиц из финансовой сферы на управление образовательными организациями, и непосредственно на образовательный процесс (26).

В-третьих, использование методологии мир-системного анализа позволяет нам зафиксировать сделанный ее сторонниками вывод: социо-пространственная трансформация репродуктивного индустриального труда в креативную деятельность происходит на протяжении последних десятилетий неравномерно, что вызывает и неравномерность трансформаций в системе образования. Это касается его содержания, социально-экономических форм, места и роли в общественном воспроизводстве.

Рассмотрим этот аспект подробнее.

*Неравномерность трансформационных процессов:
вызовы системе образования*

В современном обществе и экономике наблюдается несколько одновременных процессов, порождаемых развитием технологий и отношений, характеризующихся С.Д. Бодруновым как Новое индустриальное общество второго поколения (1).

Первый – развитие собственно креативной деятельности по мере перехода к технологиям 5 и 6 укладов, что характерно в настоящее время не только для стран «ядра», но и – особенно в последние годы – для стран полупериферии (в частности, Китая, Вьетнама, Индии). Развитие в этом направлении рассматривается как важнейшая задача и в России.

Для нашей работы этот аспект интересен прежде всего тем, что это указывает на взаимосвязь развития современных технологий и сферы образования. И если в странах «ядра» эта связь деформирована наличием специфических социально-экономических процессов, в частности, таких как финансиализация и др., приводивших к деиндустриализации, то в странах «полупериферии» прогресс технологий и начавшийся, в частности, в Китае, переход от преимущественно сборочных индустриальных производств к высокотехнологичным, оказался более прямо связан с активным ростом сферы образования, т.к. финансовая сфера в этой стране находится под гораздо большим контролем государства, нежели в США и странах западной Европы.

Второй процесс, который мы выделяем в рамках поставленной выше задачи – разворачивание индустриализации в странах «полу-

периферии» и «периферии». Непосредственно он сопряжен с массовым распространением преимущественно репродуктивного индустриального труда. Однако, учитывая, что переход к индустриальной стадии в этих странах осуществляется от эпохи доминирования ручного репродуктивного труда (преимущественно в сфере патриархального сельского хозяйства) к «классическому» (основанному на 3 и 4 технологических укладах) индустриальному труду, он так же ведет к прогрессу – формированию все более массового слоя профессионалов и появлению элементов творческой деятельности, что дает и импульсы к прогрессу образования, хотя и в существенно меньших масштабах, чем при переходе к знаниеемкому производству.

Третий процесс начался относительно недавно – это процесс реиндустриализации в странах «ядра». Здесь наблюдается важная закономерность: для процесса реиндустриализации в развитых странах (а отчасти и в российской экономике) характерны две разнонаправленные тенденции.

Одна – *развитие нового типа материального производства* (выше мы отметили, что С.Д. Бодрунов называет его «Новым индустриальным обществом второго поколения»), основанного на знаниеемких технологиях, характерных для «умного производства» (производства, предполагающего высокий уровень автоматизации и развития робототехники, прогресс Интернета вещей и НБИКС-технологий) (1).

Этот тренд сопровождается востребованностью в качестве основного типа таких работников, которые обладают высоким креативным потенциалом и не могут быть заменены машинами (23, 33). Эти работники должны обладать высоким уровнем образования, причем ориентированного не только на высокий уровень узко-профессиональных качеств и компетенций, но и на формирование творческого потенциала разносторонне развитой личности. Более того, они должны обладать способностью постоянно развивать свои креативные качества, а это значит, что образование должно быть непрерывным. Наконец, эти качества по мере прогресса умного производства должна обрести основная масса занятых в материальном производстве, подобно тому, как когда-то, при переходе к развитому индустриальному производству, основная масса занятых должна была получить как минимум неполное среднее образование.

В результате мы приходим к выводу, особенно актуальному в контексте стоящих перед Россией задач перехода к опережающему развитию (2): для экономик, в основании которых лежит знаниеемкое производство и креативный труд адекватной является такая система социально-экономических отношений, которая построена по принципу «образование для всех и через всю жизнь».

Дополнительным обоснованием последнего вывода служит развиваемое С.Д. Бодруновым положение, согласно которому прогресс в направлении НИО.2 ведет к «ускорению ускорения» в сфере инноваций (1), что требует постоянного участия всех в образовательном процессе.

Одновременно с переходом к знаниемким технологиям, требующим высокообразованного и постоянно обучающегося работника, идет процесс сокращения занятости в собственно материальном производстве. Это может вызывать как прогресс тех сфер, в которых человек может заниматься собственно творческой деятельностью (образование, здравоохранение, культура, конструкторская, научная и т.п. деятельность, рекреация общества и природы и др.), так и рост таких сфер как финансы, торговля, бизнес-посредничество и др.

Одновременно с этим в странах ядра можно зафиксировать и иную тенденцию, сопровождающую этот процесс. Это консервация в материальном производстве технологий, позволяющих использовать относительно дешевый труд неквалифицированных работников (в частности, эмигрантов) и не проводить активное технологическое обновление. Эта тенденция проявляется тем активнее, чем более устойчивыми являются тренды финансиализации и связанные с этим кризисные явления. Но обращение к этой теме не является непосредственным предметом нашей работы.

Сказанное выше позволяет сделать промежуточный вывод: по мере развертывания технологических трансформаций и перехода к определяющей роли в развитии материального производства знаний и творческого по своему содержанию труда, меняется содержание и роль образования в системе социально-экономических взаимодействий. Образование становится не только одной из сфер духовной жизни общества, но и сферой производства главной производительной силы социума, базирующегося на технологиях 5 и 6 укладов, – креативного работника.

Образование в условиях генезиса ноономики

Этот вывод мы в данной работе сопрягаем с выделяемым в серии работ С.Д. Бодрунова трендом развития по направлению к новому качеству общественного бытия – ноономике (2–3). Ноономика в работах этого ученого характеризуется как система отношений, в которой происходят качественные изменения, ведущие к общественному развитию, лежащему по определению Маркса К. «по ту сторону собственно материального производства» (13), более того, «по ту сторону» собственно экономических отношений. В основе этого процесса лежит прогресс технологий, приводящий к тому, что человек занимает новое место в общественной производственной системе и выступает в качестве «контролёра и регулировщика» автоматизированного технологического процесса.

Эти положения Маркса, сформулированные им более 150 лет назад, С.Д. Бодрунов в своих работах сопрягает с современными трендами в области развития и материально-технической базы производства, и производственных отношений, с одной стороны, и процессами в сфере культуры – с другой. В результате общество продвигается к системе отношений, в которой собственность, деньги, капитал и другие отношения рыночной экономики постепенно снимаются новым типом общественных отношений, в которых формируется новый человек (ноочеловек), для которого характерна новая система ценностей и стимулов – тех, что связаны с саморазвитием и самореализацией. Все это приводит к постепенному замещению прежних, утилитарно-симулятивных потребностей, новыми – потребностями в прогрессе человеческих качеств.

Выделенное выше сопряжение, рождающееся в процессе генезиса нового качества общества и человека (ноономики) позволяет сформулировать одно из ключевых положений, характеризующих те изменения в системе отношений в сфере образования, которые происходят по мере развертывания этого процесса. Оно состоит в том, что выделенные выше трансформации создают предпосылки для развития образования как сферы, обеспечивающей формирование креативных способностей большинства, а в перспективе всех членов общества.

Это положение – не некоторый абстрактно-гуманистический нравственный императив (хотя мы не отрицаем значимости этической

составляющей социально-экономического развития), а отражение объективного тренда развития технологий и социально-экономического прогресса по пути от существующего сегодня состояния к НИО.2 и далее – ноономике. Продвижение же по этому пути ведет к превращению человеческих качеств (а точнее – творческого потенциала человека) в решающий фактор технологического и социально-экономического развития, что обуславливает объективную необходимость развития образования для всех и через всю жизнь. Но эта объективная необходимость сталкивается с тем, что господствующая система общественных отношений столь же объективно подчиняет образование коммерческим и бюрократическим целям и критериям развития. Подчеркнем: это противоречие характерно для большинства современных экономик, включая российскую, где активно развиваются процессы коммерциализации и бюрократизации образования (26).

Так складывается система социальных противоречий, по отношению к которым регрессивные тренды в образовании становятся частным случаем более общей закономерности: система господствующих в современном мире отношений отчуждения подчиняет человека общественному разделению труда, рынку и капиталу, трансформирует человека – творца истории и прогресса – в одностороннюю функцию отчужденных социально-экономических сил.

Результатом такого подчинения становится односторонне развитый, ориентированный на максимизацию денежного дохода и минимизацию труда, подчиненный стандартам общества потребления частный индивид. Более того, господствующая в настоящее время система отношений привела к тотальному господству над обществом рынка и финансового капитала (36, 32, 21, 17) что вызвало стагнацию мировой капиталистической системы, сопровождающуюся углублением социального неравенства. Последние положения мы в данном случае просто фиксируем, т.к. их обоснование дано в работах таких мировых ученых как Д. Стиглиц (42) и Т. Пикетти (41).

Но противоречия этой системы привели и к тому, что поколение миллениалов, как констатирует авторитетный журнал «The Economist», все более ориентируется на иные – социальные – ценности и идеалы (39). Эта ориентация может стать исходным пунктом соответствующей реформаторской деятельности гражданского общества, которая,

в свою очередь, будет направлена на реализацию на практике теоретического вывода Э. Фромма, подчеркнувшего, что действительным субъектом истории выступает реальный целостный человек (24).

Реализация качества человека как социально-творческого субъекта может стать важным локомотивом, активизирующим потребность в образовании как не только узкопрофессиональном обучении, но пространстве формирования всесторонне гармонично развивающейся, культурной личности. Выстроенная таким образом система образования, в свою очередь, будет способствовать прогрессу общества к новому своему качеству – к системе отношений, где культура и социально-гуманитарные ценности будут доминировать, постепенно снимая узко-экономические, рыночно-капиталистическое потребности и интересы. Иными словами, мы можем сделать вывод, что образование, ориентированное на гармоничное развитие человека, общедоступное и идущее через всю жизнь, есть необходимая предпосылка и драйвер продвижения к тому состоянию общества, которое С.Д. Бодрунов определил как «ноономика».

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте, 2016.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России, 2018, №2 (56). С. 5–13.
4. Бодрунов С.Д. Гиперразвитие финансового капитала как глобальная цивилизационная угроза // Мир перемен, 2018, № 4. С. 172–181.
5. Брызгалина Е.В. Наука и образование: современные тренды в глобальном мире // Философия образования, 2012, № 6. С.11–20.
6. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования, 2014, № 1. С. 80–94.

7. Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений // Вопросы политической экономии, 2018, № 2. С. 10–38.

8. Глазьев С.Ю. Догматизм и научная революция в экономике // Экономические стратегии, 2016, №5 (139). С. 6–13.

9. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы, 2016, №2. С. 3–29.

10. Гринберг Р.С. Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое. // «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. – М.: Культурная революция, 2014. С. 15–17.

11. Гэлбрейт: возвращение / Монография / Под ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. 424 с.

12. Зяблюк Р.Т. Востребованность политической экономии для решения современных проблем экономики // Журнал экономической теории, 2013. №2. С. 170–183.

13. Маркс К. Капитал. Т. 2. М.: Политическая литература, 1984.

14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 25. Ч.2. М.: Политическая литература, 1962.

15. Миронов В.В. «Мой оптимизм – сдержанный»: о философии, образовании и человеке в современной российской культуре // Концепт: философия, религия, культура, 2019, том 10, № 2. С. 9–26.

16. Рязанов В.Т. Капитализм и кризисы: становление и развитие политико-экономического подхода // Вопросы политической экономии, 2015, №1. С. 48–64.

17. Рязанов В.Т. (Не)реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016.

18. Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический Проект; Трикста, 2013. 615 с.

19. Смолин О.Н. Образование – фундамент культуры // Свободная мысль, 2012, №1/2 (1631). С. 7 – 23.

20. Смолин О.Н. Образование – для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство / О.Н. Смолин / 2-е изд. перераб., и доп. – М.: ИКП «Академ-книга», 2014. 1120 с.

21. *Файн Б.* Финансиализация: марксистский взгляд // Вопросы политической экономии, 2019, №1. С. 34–50.
22. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI. 2005.
23. *Фриман А.* Сумерки машинокрайического подхода: незаменимый труд и будущее производства // Вопросы политической экономии, 2016, № 4. С. 37–60.
24. *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика. 1992. 430 с.
25. *Черковец В.Н.* «Капитал» К. Маркса как методологическая и теоретическая основа современной политической экономии // Вопросы политической экономии, №3. 2017. С. 92–102.
26. *Яковлева Н.Г.* Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104–114.
27. *Amin S.* Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism, New York: Monthly Review Press. 1976.
28. *Amin S.* Maldevelopment: Anatomy of a Global Failure. Pambazuka Press. 1990.
29. *Bell D.* The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973.
30. *Castells M.* The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. II. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell. 1997.
31. *Coy P.* Creative economy. Business Week (Special double issue: The 21st century corporation), 2000: 1–5.
32. *Fine B.* Locating Financialization. Historical Materialism, 2018, No. 2: 97–116.
33. *Freeman A.* (2015) Twilight of the Machinocrats: Creative Industries, Design, and the Future of Human Labour. Handbook of the International Political Economy of Production (ed. K. van der Pijl), Cheltenham: Edward Elgar: 352–375.
34. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. Free Press, 1992.
35. *Galbraith John K.* The New Industrial State. Princeton University Press. 2007 (1967).
36. *Krippner G.R.* The Financialization of the American Economy // Socio-Economic Review. 2005. No. 3: 173–208.
37. *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton University Press. 1962.

38. *Meszaros I.* The Structural Crisis of Capital. New York: Monthly Review Press. 2010.
39. Millennial socialists want to shake up the economy and save the climate // *The Economist*. February 16th 2019: 11–12.
40. *Negroponte N.* Being Digital. Knopf. Paperback edition, 1995.
41. *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century, Harvard University Press, 2014.
42. *Joseph E. Stiglitz.* The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. W.W. Norton & Company, 2012.
43. *Toffler Alvin.* The third wave. NY: Morrow, 1980.
44. *Wallerstein I.* The Capitalist World-Economy, Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
45. *Wallerstein I.* World-Systems Analysis: An Introduction, London: Duke University Press, 2004.

глава 3

Императивы
экономической
политики в условиях
«новой нормальности»

Белокрылов К.А.,

*кандидат экономических наук, доцент,
руководитель Пилотного центра госзакупок
Южного федерального университета*

Belokrylov K.A.,

*Candidate of Econ. Sc., Associate Professor,
Head of the Pilot Center for Public Procurement
at the Southern Federal University*

Ноономические тенденции в госзакупках

Noonomic Trends in Public Procurement

Аннотация. В статье раскрываются проблемные зоны и возможности института госзакупок в условиях ноономической трансформации производства и общественного сектора на базе новейших достижений 4-й промышленной революции. Выявлены ее положительные эффекты на систему госзакупок: рост конкуренции на торгах за счет расширения круга участников, локализация оппортунистического, в т.ч. коррупционного поведения ее участников. Полная цифровизация всех способов закупок обеспечивает опосредованные посредником – цифровой экосистемой – межличностные взаимодействия заказчика с участниками закупки. Разработаны предложения по стимулированию ноономической трансформации системы госзакупок.

Abstract. The article reveals the problem areas and possibilities of the institution of public procurement in the context of the noonomic transformation of production and the public sector on the basis of the latest achievements of the 4th industrial revolution. Its positive effects on the public procurement system were revealed: increased competition in tenders

due to the expansion of the circle of participants, localization of opportunistic, incl. corrupt behavior of its participants. Full digitalization of all procurement methods provides mediated by an intermediary – a digital ecosystem – interpersonal interactions between the customer and the procurement participants. Proposals have been developed to stimulate the noonomic transformation of the public procurement system.

Ключевые слова: ноономика, госзакупки, цифровизация, цифровая платформа, коррупция, общественный контроль, транспарентность.

Keywords: noonomy, public procurement, digitalization, digital platform, corruption, public control, transparency.

Внедрение знаниеинтенсивных технологий в материальное производство, критически синтезирующих достижения индустриальной и информационной экономики¹ преобразует производство на основе массового использования достижений 4-й промышленной революции². В производстве это роботизация, 3D-печать, интернет вещей, в общественном секторе – цифровизация, например, платформенная архитектура образовательных систем, особенно популярных в условиях введения дистанционного режима в целях борьбы с распространением инфекции ковида Zoom, Teams, Moodl, а также системы госзакупок, формирующие четко тестируемые ноономические тенденции.

Цель работы: на базе раскрытия и обоснования основных характеристик ноономической трансформации национальной системы бюджетных закупок в условиях цифровизации выявить формирующиеся ноономические тенденции и разработать предложения по их усилению.

Масштабность общественного сектора России требует непрерывного совершенствования механизмов его государственного регулирования с использованием новых политических, законодательно-нормативных, контрольных, управленческих, профессионально-прак-

¹ Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. С. 37, 66, 70.

² Man G.-M., Man M. Challenges in the fourth industrial Revolution // Land Forces Academy Review. 2019. Vol. XXIV. No 4(96). P. 303–307.

тических инструментов¹. Для этого с 1990-х гг. в систему государственного регулирования общественного сектора ЕС внедряются новые инструменты, заимствованные из частного сектора и сформировавшие систему нового публичного менеджмента (NPM), в частности, конкурентный рыночный механизм удовлетворения производственных потребностей субъектов общественного сектора. С 2000-х гг. новым направлением его институциональной трансформации стала цифровизации, которая оправдала не все ожидания, но опыт ряда стран показал, что необходимой предпосылкой цифровой модернизации экономики выступают масштабные инвестиции в человеческий капитал. С развитием цифровой экономики новым инструментом государственного регулирования общественного сектора выступает цифровизация, прежде всего системы госзакупок. Эта масштабная система способна регулировать социально-экономические процессы, поддерживать устойчивость экономики, обеспечивать материальную основу выполнения большинства государственных функций, производства общественных благ и услуг.

Наиболее масштабным ИТ-проектом последних десятилетий во всех странах мира стала электронизация государства, значимой составляющей которого является сформировавшаяся в России цифровая экосистема публичных закупок для удовлетворения производственных потребностей субъектов общественного сектора. Именно цифровизация выступает, на наш взгляд, доминантным фактором появления ноономических тенденций, четко тестируемых, в том числе и в системе госзакупок.

Ряд экономистов, в частности, С.Д. Бодрунов характеризуют радикальную трансформацию производства, экономики и общества в современных условиях стремительного развития 4-й промышленной революции как становление ноономики. В рамках теории ноономики, наиболее «фундированное исследование» которой предпринято С.Д. Бодруновым, рассматриваемой ее сторонниками в качестве современной пролонгированной концепции ноосферы В.И. Вернадского,

¹ *Bejerot E., Hasselbladh H. Forms of Intervention in Public Sector Organizations: Generic Traits in Public Sector Reforms Organization Studies. 2013. Vol. 34. Is. 9. P. 1357–1380. <https://doi.org/10.1177/02Fo170840613477639>.*

определяемой как «управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта и образовательного общества»¹, ноономика представляет собой качественно новую систему отношений. При этом С.Д. Бодрунов подчеркивает, что это не футурология, а принципиальные изменения не только производства, но и потребностей, ценностей и мотивов, самого человека².

Исходя из такого базисного похода и используя субъектно-объектную политико-экономическую (производственно-отношенческую) методологию, в качестве основных характеристик ноономики нами выделены:

– материально-вещественная основа – знаниеинтенсивное ноопроизводство, определяющее нооэкономическую специфику фактора «капитал»;

– фактор «труд» – креативный работник-трансфессионал, высоко компетентный в своей постобразовательной первоначальной трудовой сфере, но постоянно выходящий за ее рамки для обогащения знаниями и технологиями из других профессиональных областей³, что является специфическим отличием работников формирующейся ноономики;

– содержание труда – многообразие интеллектуальных функций контроля и управления комплексом машин и механизмов, поскольку цифровизация рутинных не только физических, но и интеллектуальных трудовых операций ставит работника над производством⁴, высвобождая время для творческого осмысления производственных операций в направлении повышения производительности труда за счет непрерывного самообразования;

– продукт – кастомизированное благо массового производства, отвечающее индивидуализированным потребностям или принципиально новационный товар;

¹ Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб.: Астерион, 2010. С. 23.

² Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. С. 2, 8, 13.

³ Россия 2025: от кадров к талантам. http://d-russia.ru/wpcontent/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf.

⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213.

– отношения человека и машины, а также между участниками производственного процесса опосредованы цифровой экоплатформой, корпоративной сетью.

На основе конкретизации этих абстрактно-экономических характеристик ноономики применительно к национальной системы госзакупок нами выявлены следующие ноономические тенденции ее трансформации:

1. Формирование технологических, материально-вещественных предпосылок в результате создания в 2016 г., эффективного функционирования и непрерывного апгрейда цифровой платформы «Единая информационная система в сфере закупок», базирующейся на знаниеемких, непрерывно обновляемых на основе внедрения достижений 4-й промышленной революции цифровых технологиях и обеспечивающей беспрецедентных рост транспарентности полной информации о закупках государства, в результате чего:

– повысилась конкуренция на рынке госзакупок на основе расширения круга субъектов бизнеса, получивших доступ к информации о закупках (рис. 1);

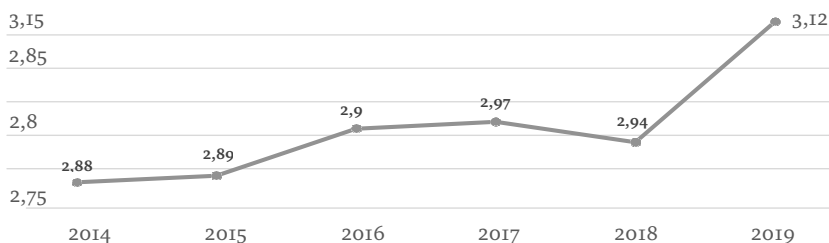

рис. 1. Динамика среднего числа участников торгов на 1 лот¹

– выросла экономия бюджетных средств;

¹ Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2019 г. https://www.minfin.ru/common/upload/library/2020/06/main/Svodnyy_analiticheskiy_otchet_2019.pdf.

– обеспечена доступность полной информации о госзакупках, прежде всего для малого бизнеса, государственного контроля и гражданского общества.

2. Повышение качества человеческого капитала вследствие необходимости его соответствия императивам цифровизации и междисциплинарности (трансфессиональности), способствовавших росту компетенций в сфере информационных технологий, законодательства, планирования, экспертизы при приемке и выполнения др. функций персонала контрактной службы, имеющего высшее образование в сфере закупок, соответствующее профессиональному стандарту «Специалист в сфере закупок», систематическому повышению квалификации не только в соответствии с нормативными требованиями, но и вследствие непрерывных изменений законодательных, нормативных и ведомственных актов по закупкам, в частности корректировок Федерального закона от 5.04.2013 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (44-ФЗ).

3. Расширение трудового функционала работников контрактной службы, включающего многообразие интеллектуальных функций по:

- планированию потребностей субъекта общественного сектора;
- маркетинговому анализу рынков для определения начальной (максимальной) цены контракта и в целом годового объема финансирования учреждения;
- разработке плана закупок учреждения, определению способа закупки;
- подготовке документации и ее вывешиванию в Единой информационной системе (zakupki.gov.ru) согласно жестко установленным срокам;
- подведению итогов закупки и определению победителя;
- составлению, подписанию и инфорсменту госконтракта;
- непрерывному мониторингу изменений законодательных и др. актов, т.е. постоянному самообразованию;
- организации экспертизы при приемке товаров, работ, услуг;
- взаимодействию с представителями общественного контроля закупок и др. субъектами.

4. Усиление значимости новационных характеристик результата закупки – продукта (товара, работы, услуги), необходимого для обе-

спечения непрерывности производства и воспроизводства общественных благ как целевой функции субъектов общественного сектора в условиях стремительного развития 4-й промышленной революции на основе инновационных, а также «зеленых» закупок.

5. Опосредование отношений между участниками закупки Единой информационной системой как цифровой платформой обеспечило их дистанцирование, ставшее важным фактором предотвращения коррупции¹, в т.ч. посредством включения в структуру субъектов национальной системы госзакупок институтов гражданского общества, на которое законодательно возложена функция общественного контроля.

За 6 лет функционирования проекта Общественного народного фронта «За честные закупки» по инициативе общественных контролеров было отменено более 1 тыс. закупочных процедур на 304 млрд руб., хотя общественными контролерами было подано не более нескольких десятков жалоб². Это обусловлено тем, что главным принципом публичного контроля является обращение к рациональности, здравому смыслу заказчика. Поэтому первым этапом в деятельности общественных контролеров при выявлении сомнительной закупки является обращение к заказчику с просьбой проанализировать свои действия и отменить закупку или внести изменения в информацию о ней. В противном случае общественные контролеры обращаются в Федеральную антимонопольную службу (ФАС) с ходатайством о проведении внеплановой проверки закупки (таблица 1).

Однако эта процедура все еще формально не регламентирована. Поэтому руководитель проекта «За честные закупки» А. Гетта считает необходимой разработку регламента, институционализирующего сроки проверки, результаты и варианты действий ФАС по ним³. Введенный запрет обжаловать госзакупки является вынужденной мерой борьбы с «профессиональными» жалобщиками, разбор заявлений

¹ Belokrylov K.A., Belokrylova O.S. Transparency of the governmental procurement for civil society and the factors of their efficiency // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Vol. VIII. Is. 2(24).

² Запрет обжаловать госзакупки ОНФ не помешает 11.04.2018 // <http://zachestnyezakupki.onf.ru/Public/MediaContent/Detail/1455>.

³ Там же.

которых удлинняет сроки проведения закупки, снижает качество общественных услуг. Так, жалобы в ФАС не позволили своевременно заключить контракт на ремонт теплообеспечения детского сада, поставки питания детям, ремонт дороги и др. Однако для институционализированных общественных контролеров процедура обжалований действий заказчиков остается прежней.

*Таблица 1. Динамика активности государственного
и общественного контроля публичных закупок¹*

Показатель	2015, 2016, 2017, 2018, 2019, Темп роста, %								
	тыс.	тыс.	тыс.	тыс.	тыс.	к предыдущему году			
						2016	2017	2018	2019
Поступило жалоб, из них:	63,2	74,3	81,7	74	79,8	117,5	110	90,5	107,8
– необоснованных	29	31,2	34,2	33,7	36,9	111,7	109,5	98,7	109,1
– обоснованных	13,7	16,5	19,5	16,2	17,4	121,1	118,2	82,8	107,5
– обоснованных частично	7	98,4	11	9,3	9,5	140,9	111,8	84,4	101,9
– другое	14,6	16,7	17	14,8	16,6	114,2	102,1	87,2	108,0

В качестве регионального примера эффективности общественного контроля в Ростовской области выступает возбуждение дела ФАС на основании жалобы контролеров ростовского регионального отделения ОНФ о нарушениях 44-ФЗ при закупке услуг по содержанию муниципальных дорог в г. Ростов-на-Дону на сумму в 1 млрд руб., когда 8 казенных учреждений-заказчиков провели совместные торги и заключили контракты с единственным участником аукциона. Именно объединение их нужд в один лот позволило этим рентоориентированным заказчикам устранить с рынка закупок в нарушение антимонопольного законодательства всех участников, кроме одного, причем, не обладающего персоналом и оборудованием, поскольку уставный капитал фирмы-победителя аукциона составляет 10 тыс. руб., а среднесписочная численность работников 1 чел.²

¹ Составлено по: Официальный сайт единой информационной системы в сфере закупок. 2020. <http://www.zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.htm>.

² ФАС подтвердила выявленные экспертами ОНФ в Ростове-на-Дону нарушения при проведении закупок на сумму см. на след. странице

Высокая эффективность деятельности общественного контроля отмечена ФАС¹, конструктивное взаимодействие с которой позволило разоблачить значительное количество картелей бизнес-структур, участвующих в торгах, поскольку жалобы контролеров в ФАС представляют собой не традиционные «сигналы» общественности, а результаты проведенного расследования. Поэтому ФАС, завершая работу общественных контролеров, штрафует участников картелей и возбуждает уголовные дела против них.

Пандемия коронавируса внесла свои коррективы в контрактную систему, COVID-19 был признан обстоятельством непреодолимой силы. Федеральный закон от 01.04.2020 №98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» в ст. 11 внес изменения в Закон о гос44-ФЗ. Так, Минфин РФ разрешил проводить закупки для приобретения товаров и услуг, необходимых для борьбы с коронавирусом у единственного поставщика. Заказчикам предоставлено право изменения срока исполнения контракта и его цены при условии, что прежние условия не позволяют исполнить государственный контракт по обстоятельствам, независящим от контрагентов, а также до конца 2020 г. не устанавливать требование об обеспечении исполнения контракта и гарантийных обязательств для осуществления закупок.

Проведенное исследование позволило нам предложить следующие направления усиления ноономических тенденций трансформации системы госзакупок:

- в технологической сфере – углубление цифровизации, расширение использования Big Data, к примеру, разрабатываемой ФАС цифровой системы «Большой цифровой кот», позволяющей на основе обработки больших данных из разных источников выявлять признаки картельного сговора участников торгов;
- с позиций человеческого фактора – расширение системы повышения квалификации персонала контрактных служб по исполь-

см. на предыдущей странице

1 млрд руб. 15.04.2019 // <http://zachestnyezakupki.onf.ru/Public/MediaContent/Detail/1457>.

¹ Качество расследований активистов ОНФ по госзакупкам отмечено ФАС России. 04.04.2019 // <http://zachestnyezakupki.onf.ru/Public/MediaContent/Detail/1453>.

зованию современных инструментов работы с данными цифровых сервисов, централизация однородных закупок на уровне района, совершенствование механизмов, повышение эффективности и более активное подключение общественного контроля к мониторингу реализации национальных проектов через контроль закупок инновационной продукции, отличающихся особой сложностью¹;

– в контексте продукта, т.е. результата закупки – повышение качества закупаемой продукции² на основе систематического обновления ассортимента товаров в электронных магазинах, на региональных порталах закупок малого объема;

– повышение транспарентности взаимодействий заказчика и участников торгов через подключение искусственного интеллекта, дальнейшая электронизация рутинных операций заказчиков с привлечением аукционных роботов.

Список литературы

1. Белокрылов К.А. Закупки инновационной продукции в системе инновационно-инвестиционной политики государства // ЭКО. 2018. № 12. С.110–125.

2. Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.

3. Запрет обжаловать госзакупки ОНФ не помешает 11.04.2018 // <http://zachestnyezakupki.onf.ru/Public/MediaContent/Detail/1455>.

4. Качество государственных закупок в условиях цифровизации экономики: концептуальные основания, оценка, механизмы повышения. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век», 2018. 163 с.

5. Качество исследований активистов ОНФ по госзакупкам отмечено ФАС России. 04.04.2019 // <http://zachestnyezakupki.onf.ru/Public/MediaContent/Detail/1453>.

¹ Белокрылов К.А. Закупки инновационной продукции в системе инновационно-инвестиционной политики государства // ЭКО. 2018. № 12. С. 110–125.

² Качество государственных закупок в условиях цифровизации экономики: концептуальные основания, оценка, механизмы повышения. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век», 2018. 163 с.

6. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II.

7. Официальный сайт единой информационной системы в сфере закупок. 2020. <http://www.zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.htm>.

8. Россия 2025: от кадров к талантам. http://d-russia.ru/wpcontent/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf.

9. Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2019г. https://www.minfin.ru/common/upload/library/2020/06/main/Svodnyy_analiticheskiy_otchet_2019.

10. Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб.: Астерион, 2010.

11. ФАС подтвердила выявленные экспертами ОНФ в Ростове-на-Дону нарушения при проведении закупок на сумму 1 млрд руб. 15.04.2019 // <http://zachestnyezakupki.onf.ru/Public/MediaContent/Detail/1457>.

12. Bejerot E., Hasselbladh H. Forms of Intervention in Public Sector Organizations: Generic Traits in Public Sector Reforms Organization Studies. 2013. Vol. 34. Is. 9. P. 1357–1380. doi.org/10.1177%2F0170840613477639.

13. Belokrylov K.A., Belokylova O.S. Transparency of the governmental procurement for civil society and the factors of their efficiency Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Vol. VIII. Is. 2(24).

14. Man G.-M., Man M. Challenges in the fourth industrial Revolution // Land Forces Academy Review. 2019. Vol. XXIV. No 4(96). P. 303–307.

Бижоев Б.М.,

*директор проектов, руководитель
Электронного университета АО «Сбербанк-АСТ»*

Bizhoyev B.M.,

*Sberbank-AST JSC Project Director,
Head of the Electronic University*

**Цифровые механизмы обеспечительных мер
в системе государственных закупок товаров,
работ, услуг**

**Digital Mechanisms of Contract Enforcement
in the Public Procurement System of Goods
and Services**

Аннотация. В статье раскрываются особенности имплементации достижений Индустрии 4.0, способствующей цифровизации закупок. В качестве сферы применения цифровой трансформации рассматривается блок «исполнения контрактов» контрактной системы. Отмечается, что смена парадигмы этих взаимодействий заключается в упрощении участия поставщиков, подрядчиков, исполнителей в осуществлении закупок, что предопределяет снижение транзакционных издержек. Описан механизм технической реализации внедрения цифровых обеспечительных мер в системе государственных закупок товаров, работ, услуг. Направленное на повышение доверия к системе государственных и корпоративных закупок, а также снижение оппортунистического поведения заказчиков, внедрение новых информационных технологий компенсирует негативные явления, позволяет ликвидировать возможность применения административных рычагов, способствуя снижению коррупции.

Abstract. The article reveals the features of the implementation of the achievements of Industry 4.0, contributing to the digitalization of procurement. The block of contracts is used as the scope of digital transformation. It is noted that the change in the paradigm of these interactions is to simplify the participation of suppliers, contractors, performers in procurement, which predetermines the reduction of transaction costs. The mechanism of technical implementation of the implementation of digital interim measures in the system of public procurement of goods and services is described. Aimed at increasing confidence in the system of public and corporate procurement, as well as reducing the opportunistic behavior of customers, the introduction of new information technologies compensates for negative phenomena, eliminates the possibility of using administrative levers, contributing to the reduction of corruption.

Ключевые слова: цифровизация, закупки, контрактная система, транзакционные издержки, обеспечительные меры.

Keywords: digitalization, procurement, contract system, transaction costs, enforcement.

Цифровая трансформация общественного сектора, обусловленная четвертой технологической революцией, детерминирует появление качественно новых общественных отношений (4, с.6). И важнейшим двигателем в этих отношениях становится новый вид предоставления цифровых услуг, который носит характер упрощенного, беспроблемного взаимодействия граждан, частного сектора и правительства на основе цифровых платформ.

В Российской Федерации так же, как и по всему миру уделяют приоритетное внимание предоставлению цифровых услуг. Взаимодействие различных органов власти выходит на новый уровень, отмечается смена парадигмы этих взаимодействий. При этом, одним из самых динамичных проектов цифровой трансформации выступает система бюджетных закупок.

Так, в сфере государственных и муниципальных закупок все большее применение находят цифровые технологии, меняющие структуру и функции классических инструментов контрактной системы. Исходя из анализа складывающейся цифровой экосистемы, наблюдаются характерные для цифрового правительства (Digital Government)

процессы упрощения участия поставщиков, подрядчиков, исполнителей в осуществлении закупок. Такая неомодерация отношений с заказчиками (государственными и муниципальными учреждениями) оказывает положительные эффекты, продуцируя получение общественных благ, а также предопределяет снижение транзакционных издержек. Исходя из анализа того, как правительства могут наилучшим образом использовать цифровые технологии для внедрения принципов «хорошего» правительства и достижения политических целей, можно оценить эффективность их применения, и то как это отражается на процедурной части контрактной системы в сфере закупок.

Организация экономического сотрудничества и развития дает рекомендации по стратегиям создания цифрового правительства. Этот инструментарий предназначен для того, чтобы помочь лицам, принимающим решения, в использовании цифровых технологий для поощрения инноваций, прозрачности и эффективности в государственном секторе.

Среди 12 принципов, которые направлены на поддержку разработки и реализации стратегий цифрового правительства с целью приближения правительства к гражданам и бизнесу, отдельно выделен принцип интеллектуальных государственных закупок¹. По мнению ОЭСР, применение соответствующего принципа позволит (i) увеличить эффективность, (ii) поддерживать инновации и обмен, и (iii) помочь в достижении национальной стратегии цифрового правительства.

В качестве анализа возьмем сферу взаимодействий заказчиков и участников закупок контрактной системы (покупателей и продавцов), проблематика которой находит отражение в многочисленных материалах СМИ и экспертного сообщества. По данным Счетной палаты РФ, по итогам 2019 года выявлено 839 нарушений при проведении закупок и исполнении госконтрактов на общую сумму 236,6 млрд рублей. Этот показатель на 7,7% выше, чем в 2018 году. В то же время, количество поставщиков, принявших участие в корпоративных закупках, в 2019 году снизилось на 43,4%, до 131,8 тыс., что свидетельствует о снижении доверия к системе корпоративных за-

¹ <http://www.oecd.org/governance/digital-government/toolkit/principle11/>

купок¹. В основном, снижение доверия связано с административным давлением на участников закупок, а также оппортунистическим поведением заказчиков, проявлением коррупции. В то же время, при помощи технических мер, т.е. с учетом применения новых информационных технологий, можно компенсировать данные негативные явления, ликвидировать возможность применения административных рычагов, способствуя снижению коррупции (2, с.118).

Необходимость внедрения и применения современных цифровых технологий с целью более эффективных совокупных трат государства на обеспечение публичных нужд, отражается так же и в научной литературе. Как это указывает Малыхина Е.А., «для того чтобы обеспечение публичных нужд проходило эффективнее, финансовые ресурсы страны использовались экономнее, а участие в закупках было более доступно и удобно, необходимо внедрение современных цифровых технологий» (7, с.218).

В качестве исследуемой базы, мы выбрали сферу взаимодействий заказчиков и участников закупок, которая относится не процедурной части государственного заказа, связанной с проведением и осуществлением закупок для государственных и муниципальных нужд, а к сфере исполнения контрактов. Как отмечают Вольчик В.В. и Нечаев А.Д., целесообразно в институте контрактных отношений разграничивать сами отношения на *ex-ante* и *ex-post*, где «к *ex-ante* относят планирование закупок, определение поставщиков и заключение контракта, а к *ex-post* отношениям – исполнение контракта» (5, с.53).

К блоку «Исполнение контрактов» в соответствии со статьями 94 и 95 Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» относят различные составляющие, в первую очередь из которых можно выделить:

– поставку самой продукции (поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг), в том числе проведение ее экспертизы;

¹ Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год» // Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea8692ofc7f4c8b39262ce74beb32d8.pdf>

- оплату поставленной продукции;
- и взаимодействие заказчика с поставщиком по поводу изменения и расторжения контракта, судебно-претензионной работы, возникающей на этапе исполнения обязательств по контракту.

Как раз на этом этапе в т.ч. возникают риски, связанные с неисполнением или частичным неисполнением государственных контрактов (3, с. 13). Как отмечается, бизнес не готов инвестировать в реализацию национальных проектов, они считаются высокорискованными¹.

В 2015 году вопрос своевременной оплаты средств по государственным контрактам поднимался на уровне Президента РФ, который в свою очередь отдал поручение о контроле обязательств по государственным и муниципальным контрактам. За это время прокуратура обеспечила погашение задолженности государственных и муниципальных заказчиков перед бизнесом в размере порядка 133 миллиардов рублей, вынесено 26 500 представлений, привлечено к ответственности свыше 17 тысяч должностных лиц, в суды предъявлено 585 исков, возбуждено 112 уголовных дел². При этом, уровень сохраняющейся задолженности на 2019 г., составляет около 20 миллиардов рублей.

По опросам, более 80% руководителей компаний сталкивались с проблемой просрочек по платежам, хотя и появились институционально-правовые меры контроля и санкций, позволяющие минимизировать эти риски и дисциплинировать заказчиков (был принят Федеральный закон № 189-ФЗ, устанавливающий административную ответственность должностных лиц заказчика за нарушение срока и порядка оплаты продукции при осуществлении госзакупок, в том числе за невыплату аванса, предусмотренного контрактом)³.

¹ Почему российский бизнес не хочет инвестировать в нацпроекты? // Проект Executive.ru. 5 сентября 2019 // Режим доступа: URL: <https://www.e-xecutive.ru/finance/investment/1991144-pochemu-rossiiskii-biznes-ne-hochet-investirovat-v-natsproekty>

² Генпрокуратура вернула бизнесменам 13 млрд руб. просроченной задолженности по госконтрактам // Режим доступа: URL: http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20190822/303064533.html

³ Оплату – в срок // Режим доступа: URL: <https://www.eg-online.ru/article/354088/>

Главной причиной отказа и проблем работы с государством, в том числе и в сфере государственных и муниципальных закупок, считается глубокое недоверие между государством и бизнесом. Оно прежде всего заключается в срыве сроков реализации, наличии дополнительных неучтенных ранее вложений в соответствующие проекты и прочие расходы. Кроме того, со стороны самого государства постоянно ощущаются высокие административные барьеры для осуществления предпринимательской деятельности, несовершенство действующего законодательства, наличие постоянных финансовых проверок и их непредсказуемость (6, с.585). Один из таких механизмов заложен в самом Федеральном законе от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Так, налицо «неравносность» штрафных санкций или дифференцированный подход за неисполнение обязательств по государственным и муниципальным контрактам по отношению к поставщику и к заказчику.

В отношении рисков, связанных с исполнением контракта, направления совершенствования ex-post контрактных отношений должны базироваться на:

- упрощении участия поставщиков, подрядчиков, исполнителей;
- повышению транспарентности сферы исполнения контрактов по государственным и муниципальным закупкам;
- снижения административных барьеров.

Такие меры могут быть реализованы при помощи цифровизации контрактной системы, инкорпорирования лучших практик дигитализации государственной системы контрактации. Существующие издержки реализации государственных и муниципальных контрактов пока не способствуют их исполнению, влекут нарушения в механизме финансово-бюджетной сферы, что приводит к экономическим потерям.

По информации ЭТП Сбербанк-АСТ, около 18% платежей в рамках госконтрактов, заключенных соответствии с требованиями 44-ФЗ (бюджетные средства), задерживаются более чем на 30 дней по сравнению со сроком, предусмотренным контрактом. А по закупкам в соответствии с требованиями 223-ФЗ (госкомпании) почти каждый пятый платеж (23%).

Уполномоченный по защите прав предпринимателей, сопредседатель общероссийской общественной организации «Деловая Россия» Борис Титов предлагает в качестве решения этой проблемы введение механизма аккредитивов в госзаказе¹, т.е. привлечение финансовых институтов в структуру ex-post контрактных отношений. Однако, на наш взгляд, это лишь удорожит стоимость исполнения контрактов, поскольку гарантию и страховку неисполнения и срыва по контракту будет фактически оплачивать банк, попутно требуя с этого свой процент. В то же время, как отмечается, «именно применение цифровых технологий может стать определенным драйвером в достижении приоритетов, обусловленных рядом проблем, продуцируемых излишней его бюрократизацией и сложным институциональным функционированием» (8, с.143). Таким образом, наиболее предпочтительным, по нашему мнению, является имплементация цифровых эскроу-счетов в систему государственного заказа.

В частности, введение эскроу счетов в системе государственных и муниципальных закупок возможно в следующих случаях:

- 1) при оплате исполненного контракта;
- 2) при внесении обеспечения исполнения контракта.

В первом случае, реализация может быть затруднена, потому что это предполагает хранение государственных финансов (денежных средств) на счетах банка².

С функциями государственного банка хранения средств успешно справляется казначейство, и неплохо на этом зарабатывает, размещая их на депозиты, в РЕПО, свопы и т.д.³ Остается открытым вопрос

¹ Титов предложил прописать механизм аккредитивов в законе о госзакупках / Тамила Аскерова // Парламентская газета. 13.07.2020 17:10. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/mekhanizm-akkreditivov-predlozhili-propisat-v-zakone-o-goszakup-kakh.html>

² Бизнес ищет пути упростить расчеты по госзаказу. Введение эскроу-счетов для госзакупок поддержал Сбербанк / 21 октября 2019 / Экономика // Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/10/20/814170-biznes-ischet>

³ В бюджетной системе России накоплены гигантские свободные средства / 14:10, 25 августа 2019 г. // TAdviser. Режим доступа: URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/215232857>

экономической безопасности хранения государственных и муниципальных средств, выделенных в соответствии с законом о бюджете в частных банках и в виде механизма аккредитива.

Однако, можно предложить использовать цифровых эскроу-счетов во втором случае – при обеспечении исполнения контракта, обеспечении гарантийных обязательств). Формально, это когда денежные средства частного сектора передаются на хранение на расчетные счета заказчиков, и возвращаются по итогам успешного исполнения контракта. Применение цифровых технологий на этом этапе позволит осуществлять автоматический возврат средств после наступления события – публикации в системе документов о приемке (9, с.146).

По данным Минфина, в 2019 году в целях обеспечительных мер в рамках госзакупок было выдано 868 тыс. банковских гарантий на общую сумму более 1,3 трлн рублей. При этом 96% таких гарантий (на 1,2 трлн рублей) в качестве обеспечения исполнения госконтрактов¹. Технологически, это нововведение можно связать с применением электронных актов приемки, которые реализуются частично с 1 июля 2020 г. (по лекарствам и строительству), и полностью с 1 января 2021 г. (по всем группам товаров, работ, услуг).

Архитектура взаимодействий будет выглядеть следующим образом:

- участник вносит обеспечение в банк, на спецэскроусчет;
- в момент окончания исполнения контракта (либо его частичного исполнения), заказчик принимает акт приемки от поставщика, а банк, получая эту информацию из ЕИСа об исполнении, автоматически возвращает сумму обеспечения (частичного обеспечения в размере пропорционально исполненного контракта).

Преимущества введения данного механизма:

- позволяет снять «административный барьер» – часто заказчики специально задерживают возврат обеспечения (при неудобном поставщике);
- позволяет «разгрузить» заказчиков (бухгалтерию и закупки), вводя автоматизированный сервис;

¹ Минфин предлагает сделать исполнение банковских гарантий по госзакупкам автоматическим // Режим доступа: URL: <https://prozakupki.interfax.ru/articles/1828>

- повышает прозрачность и транспарентность (поставщики готовы с учетом безопасности вносить обеспечение;
- снимает риски недобросовестного поведения (когда заказчик может заключить контракт без внесенного обеспечения, либо поставщик прикладывает «нарисованную» платежку о том, что перечислил);
- гарантирует невозврат средств, в случае наличия претензий у заказчика к поставщику по поводу исполнения контракта.

Безусловно, имплементация данного механизма в деятельность контрактной системы потребует внесения изменений в основополагающие нормативно-правовые акты (Бюджетный кодекс, 44-ФЗ), в ряд подзаконных нормативно-правовых актов (Постановления Правительства РФ об обеспечении исполнения контракта с учетом введения спецэскаусчетов) и проч.

Имплементация достижений Индустрии 4.0 способствует цифровизации закупок, которое в конечном счете направлено на обеспечение повышения эффективности деятельности контрактной системы (1, с. 2). Таким образом, цифровая трансформация общественного сектора, предопределяет предоставление цифровых услуг. Смена парадигмы этих взаимодействий заключается в упрощении участия поставщиков, подрядчиков, исполнителей в осуществлении закупок, что предопределяет снижение транзакционных издержек. Направленное на повышение доверия к системе государственных и корпоративных закупок, а также снижение оппортунистического поведения заказчиков, внедрение новых информационных технологий компенсирует негативные явления, позволяет ликвидировать возможность применения административных рычагов, способствуя снижению коррупции.

Список литературы

1. Белокрылова О.С., Белокрылов К.А. Стратегия развития кадрового потенциала системы публичного управления (на примере государственных и муниципальных закупок) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 2. с. 2
2. Бижоев Б.М. Основы интеллектуальной контрактной системы в сфере государственных закупок // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9. № 1. С. 110–122.

3. Бижоев Б.М., Обалеева Ю.И. Управление государственными и муниципальными закупками в контексте реализации национальных проектов: экономико-правовой анализ // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 4. С. 13.

4. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России, №2 (56), 2018. С. 5–13

5. Вольчик В.В., Нечаев А.Д. Трансакционный анализ сферы государственных закупок: Монография. – Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век», 2015. С. 53

6. Дорошенко Т.Г., Суханова И.А. К вопросу совершенствования механизма осуществления контроля закупок // Известия Байкальского государственного университета. Том 26. № 4. 2016. С. 583–590.

7. Малыхина Е.А. Применение цифровых технологий при закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: финансово-правовой аспект // Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития. Сборник научных трудов. Саратов, 2019. С. 216–219.

8. Паулов П.А., Тихонова К.А. Цифровые технологии, применяемые в контрактной системе при осуществлении государственных закупок // Modern Science. 2020. № 4–4. С. 141–144.

9. Родионова О.М. Правовое регулирование цифровых публичных закупок: опыт и проблемы // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Под редакцией Н.Н. Ковалевой. 2019. С. 145–148.

Воронов В.С.,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры финансов, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет*

Voronov V.S.,

*Doctor of Econ. Sc., professor, Department of finance,
St.-Petersburg State University of Economics*

Давыдов В.Д.,

*аспирант, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет*

Davydov V.D.,

postgraduate, St.-Petersburg State University of Economics

Цифровые интеллектуальные активы и цифровые инвестиции

Digital Copyright Assets and Digital Investments

Аннотация. Работа посвящена анализу инвестиционных возможностей с использованием цифровых интеллектуальных активов (ЦИА) авторского права. Впервые активы такого класса рассматриваются с точки зрения теста Хауи, применяемого для анализа инвестиционных контрактов и финансовых инструментов в американской и мировой практике. Раскрыты особенности взаимодействия инвесторов с рыночными посредниками, обеспечивающими инвестиционный процесс. Анализируются особенности и инвестиционные характеристики ЦИА, выявленные авторами в ходе исследования. В результате анализа доказано, что ЦИА удовлетворяют критериям принадлежности к инвестиционной деятельности, и мо-

гут рассматриваться в качестве перспективного инвестиционного ресурса ноономики.

Abstract. The work is devoted to the analysis of investment opportunities using digital copyright assets (DCA). For the first time, assets of this class are considered from the point of view of the Howey test, widely used to analyze investment contracts and financial instruments in American and world practice. The work reveals the features of the interaction of investors with market intermediaries that provide the investment process. The features and investment characteristics of the DCA, identified by the authors during the study, are analyzed. As a result of the analysis, it is proved that DCAs satisfy the criteria for belonging to investment activities, and can be considered as a promising investment resource of noonomy.

Ключевые слова: инвестиции; инвестиционный процесс; ноономика, тест Хауи; цифровой интеллектуальный актив.

Keywords: digital copyright asset, Howey test, investment, investment process, noonomy.

В концепции ноономики ключевая роль принадлежит активам знаний, которые включают интеллектуальную собственность во всех ее проявлениях (3, с. 66–74). Сегодня мы наблюдаем, как активы данного класса стремительно трансформируются в цифровую форму. Данная работа посвящена цифровым интеллектуальным активам (ЦИА) авторского права. Литература по анализу инвестиционных возможностей использования таких активов пока практически отсутствует. В то же время, в работах по цифровым финансовым активам (ЦФА) были успешно использованы некоторые методики, которые можно применить и к анализу ЦИА. В частности, был апробирован так называемый тест Хауи. Так для краткости называют правовой критерий, применяемый Верховным судом США и Комиссией по ценным бумагам и биржам (SEC) для анализа конкретных сделок, ценных бумаг и активов. Критерий применяется с конца 40-х гг. прошлого столетия, и его исходные положения достаточно просты: для того чтобы сделка или инструмент был отнесен к инвестиционным, должны выполняться четыре условия:

- имеет место инвестирование денежных средств;
- эти средства инвестируются в совместное предприятие;

- в результате ожидается получение прибыли;
- получение прибыли обусловлено деятельностью промоутера или третьей стороны.

Далее рассмотрим каждое из этих условий с точки зрения их применимости для анализа ЦИА.

Инвестирование денежных средств. Данное условие уже давно не рассматривается в таком ограниченном виде. В различных документах Верховного суда США и SEC, а также в научных работах дано более широкое толкование возможности инвестирования как денежных средств в наличной и безналичной форме, так и различных классов активов материальной и нематериальной природы (11).

В нашей работе рассматривается интеллектуальная собственность – авторские права в цифровой форме, которые, как и любая собственность, имеющая денежную оценку, безусловно, относятся к активам. Такие активы представляют собой подготовленные особым образом цифровые файлы изображений, видео, звуков, текста, а также составных объектов, включающих перечисленные элементы. Ценность таких активов зависит от качества подготовки, которую автор/инвестор способен осуществить для того, чтобы актив мог быть выведен на рынок. Этот аспект связан с формированием интеллектуального актива как собственности, имеющей денежную оценку. Дело в том, что до середины 2010-х гг. в научной литературе обсуждались вопросы о том, можно ли считать активом «частный» файл с записью текста или изображения, или с какого момента такой файл можно считать активом (1).

В настоящее время, с накоплением большего опыта, мы можем более уверенно указать этап в последовательности действий инвестора, в результате которых «сырой» файл такого типа трансформируется в более полноценный актив. А именно, для того, чтобы атрибуты собственности стали неотъемлемой частью последнего, они должны быть внесены в его информационную (документарную) структуру. Файл должен быть структурирован, например, в соответствии со стандартом электронного документа (5). По стандарту такой файл должен иметь в своей структуре как содержательные разделы, так и разделы метаданных. Т.е., помимо собственно изобразительного или литературного содержания он должен включать разделы метаданных, конкретизирующих атрибуты собственности.

Современные технологии формируют указанные разделы файла таким образом, что часть из них создается автоматически, а часть необходимо заполнить данными вручную. Например, при формировании файла изображения цифровая камера независимо от сюжета съемки автоматически вносит в первую группу метаданных собственные параметры (Camera Data 1), параметры изображения (Camera Data 2), и множество других технических параметров (см. Таблицу 1). В этот момент появившийся «сырой» файл уже может представлять собой некоторую ценность. В частности, мы можем косвенно судить о том, что файл, созданный с помощью любительской камеры может иметь меньшую ценность за счет меньшего объема и более низкого качества изображения.

Таблица 1. Структура метаданных
стандартного цифрового изображения

Camera Data 1	Camera Data 2	Description
<i>Make:</i> Nikon Corporation	<i>Pixel Dimension</i>	<i>Document Title:</i> Белка
<i>Model:</i> Nikon D3200	X: 6016 Y: 4000	<i>Author:</i> Давыдов В.Д.
<i>Date:</i> 2019-01-27T14:37:04+03:00	<i>Orientation:</i> Normal	<i>Description:</i> Канадская
<i>Exposure Program:</i>	<i>Resolution X:</i> 300 <i>Y:</i> 300	черная белка в Елагинском парке летом
<i>Not defined</i>	<i>Resolution Unit:</i> Inch	<i>Description Writer:</i>
<i>F-Stop:</i> f/8.0	<i>Compressed Bits per Pixel:</i> 4.0	Давыдов В.Д.
<i>Max Aperture Value:</i> f/4.8	<i>Color Space:</i> sRGB	<i>Keywords:</i> белка; sciurus;
<i>ISO Speed Ratings:</i> 100	<i>Light Source:</i> Unknown	sciurus niger; животное;
<i>Focal length:</i> 122.0 mm	<i>File Source:</i> DSC	лес; лето; мех; парк;
...		природа... (и др.)
		<i>Copyright status:</i> unknown
		<i>Copyright notice:</i>
		<i>Copyright info URL:</i>

Источник: составлено авторами

Однако реализовать полную стоимость полученного файла и ввести его в коммерческий оборот можно только путем внесения дополнительных атрибутов и фиксации автора/владельца, поэтому в описательный раздел должны быть обязательно внесены следующие метаданные (вся колонка 3 – Description в Таблице 1):

– сведения об авторе/владельце;

- название;
- описание сюжета;
- ключевые слова;
- сведения об авторских правах.

Только после этого актив может быть юридически признан, и становится возможной его продажа (передача прав). Кроме того, становится возможным его поиск в огромном массиве подобных активов, хранящихся в портфелях авторов, владельцев, а главное – в портфелях рыночных посредников, которые организуют последующий инвестиционный процесс.

Инвестирование в совместное предприятие. В классическом варианте условие совместного предприятия подразумевает, что инвесторы объединяют свои средства или активы в общий пул и делят полученную прибыль пропорционально своему участию. Для того чтобы соотнести это условие с инвестированием в ЦИА следует внести ясность, какие инвесторы работают с такими активами, и как осуществляются инвестиции, т.е., что представляет собой инвестиционный процесс?

Начнем с того, что применительно к ЦИА исследуемого класса инвесторами могут быть:

- авторы, непосредственные создатели активов;
- любые участники рынка, которые на законных основаниях получили или приобрели права владения (распоряжения) данными активами;
- компании, которые создают такие активы в промышленных масштабах, имеют собственное фото, видео, звуковое производство (Production), или приобретают права у непосредственных авторов.

Инвестиционный процесс состоит из нескольких этапов, первый из которых заключается собственно в получении ЦИА и его подготовке, без которой, как отмечено выше, он не может приобрести полноценные инвестиционные характеристики. Таким образом, изготовление или приобретение исходного («сырого») цифрового файла и подготовка соответствующих разделов его метаданных является неотъемлемой частью инвестиционного процесса.

Следующий этап – заключение контракта с сетевым посредником, который организует рыночный оборот ЦИА. Отметим, что цифровыми активами авторского права сегодня оперируют новые ин-

ституциональные группы посредников, появившиеся в различных сегментах электронной коммерции в середине 2000-х гг. Их появление, по сути, ознаменовало своего рода инвестиционный прорыв на рынке интеллектуальной собственности. Новые посредники оперируют сверхбольшими портфелями ЦИА. Для сравнения покажем, что если инвестиционные портфели крупных технологических компаний и патентных посредников (агрегаторов) включают десятки тысяч патентов на изобретения и других активов промышленной собственности, то портфель лишь одной компании (микрофотостока) Shutterstock Ink., к началу 2020 г. уверенно превысил отметку 300 млн. ЦИА авторского права (см. Таблицу 2).

*Таблица 2. Крупнейшие микрофотостоки
по состоянию на июль 2020 г.*

№	Компания	Объем портфеля ЦИА, млн ед.	Биржевой тикер
1	Shutterstock	330	SSTK
2	Adobe Stock	200	—
3	Dreamstime	140	ADBE

Источник: составлено авторами

Заключение контракта с посредником подразумевает, что автор/инвестор согласен выполнить необходимые требования последнего. В основном эти требования относятся к содержанию и качеству подготовки ЦИА, в том числе качеству метаданных. Некоторые требования могут касаться взаимодействий с платежными сервисами и налоговыми службами.

После заключения контракта автор/инвестор получает право передать свои ЦИА посреднику. Формально после этого автор/инвестор вправе рассчитывать на получение инвестиционного дохода, что и происходит на практике. Таким образом, выполняется и третье условие теста Хауи. Однако в силу многих индивидуальных особенностей ЦИА инвестиционный процесс с их использованием имеет свои индивидуальные черты.

Прежде всего, отметим, что в отличие от обычных ценных бумаг, иностранных валют, а тем более стандартизованных производных

финансовых инструментов, каждый ЦИА представляет собой, по сути, авторское произведение, отражающее индивидуальные (в том числе жанровые) предпочтения и творческую креативность создателя. Более того, соблюдение этого качества является одним из требований посредника, т.е. двух одинаковых ЦИА в портфеле одного и того же посредника не может быть по определению. С этой точки зрения пул активов, которым оперирует посредник, не обезличивается, как это происходит в традиционных инвестиционных фондах.

Следующая особенность касается возможностей управления собственным портфелем со стороны автора/инвестора. Руководствуясь собственными стратегическими мотивами, автор/инвестор передает посреднику свой портфель, и далее может не предпринимать никаких действий. Посредник, выполняя свою часть работы, осуществляет рыночную экспозицию, маркетинг всех ЦИА, имеющихся в его распоряжении с использованием доступных ему сетевых технологий. В результате формируется рыночный спрос на ЦИА, и могут произойти продажи лицензий на их использование. Речь идет именно о продаже лицензий, поскольку права собственности на ЦИА при этом, в общем случае (существуют и исключения) остаются у авторов/инвесторов. Посредник имеет право продавать лицензии на использование каждого актива многократно, и обязуется выплачивать авторам/инвесторам часть дохода (за вычетом комиссий и других расходов), но только в том случае, если доход имеет место.

Последнее обстоятельство является самым существенным, поскольку риски и неопределенности, связанные с цифровыми, а также с любыми другими интеллектуальными активами, как известно, являются самыми высокими в экономике. Повторим еще раз, что по нашему мнению, этот фактор является одним из самых существенных для подтверждения принадлежности к инвестиционной деятельности с точки зрения рисковости получения ожидаемого инвестиционного дохода от совместного предприятия. Возвращаясь к тесту Хауи, также отметим, что *высокие риски, присущие деятельности посредника (промоутера) или третьей стороны*, по мнению многих исследователей, подтверждают выполнение последнего, четвертого условия теста (11).

К обоснованию этого же условия следует, на наш взгляд, отнести принцип участия долей (портфелей) индивидуальных авторов/ин-

весторов в совокупном портфеле посредника. Здесь портфель посредника в целом следует рассматривать как совокупный интеллектуальный капитал в цифровой форме, генерирующий прибыль. Для поддержания и повышения рентабельности инвестиций посредник обязуется прикладывать разумные управленческие усилия, влияющие на успех предприятия, а авторы/инвесторы обоснованно ожидают получения прибыли в результате этих усилий.

Однако помимо общей цели в отношении роста прибыли между авторами/инвесторами и посредником имеется и противоречие. В частности, посредник заинтересован в увеличении совокупного портфеля компании, и стремится решить эту задачу любым способом, в том числе, привлекая новых участников. Например, контингент авторов/инвесторов, официально зарегистрированных вышеупомянутой компанией Shutterstock Ink., к началу 2020 г. превысил 1 млн человек. Непрерывное увеличение портфеля посредника, как и в случае обычной акционерной компании, приводит к размыванию долей индивидуальных участников. Для ослабления этого эффекта им приходится увеличивать свои портфели. Это самый простой и очевидный способ сохранения доходности инвестиций, но в силу рисков и неопределенностей, присущих интеллектуальным активам, даже пропорциональное увеличение индивидуальных портфелей отнюдь не гарантирует сохранения уровня дохода. В этой сфере, как уже отмечено выше, действуют иные рыночные законы.

Другими важнейшими аспектами деятельности посредника является, во-первых, разработка, создание и совершенствование самой сети (сетевой платформы). Авторы/инвесторы ожидают от посредника дальнейшего развития сети с целью обеспечения роста ее стоимости и доходности. Во-вторых, задачей посредника является развитие рынка соответствующих ЦИА, и формирование рыночных цен. В частности, посредник публикует свои прейскуранты с целью формирования рыночных представлений о текущих ценах ЦИА в различных тематических и ценовых категориях. Посредник также играет ключевую роль в установлении правил сетевого торгового оборота, ценовых и других категорий ЦИА, критериев их качества. Наконец, он же проводит все транзакции, связанные с торговым оборотом ЦИА. Таким образом, именно посредник своими действиями обеспечивает ликвидность ЦИА.

Авторы/инвесторы ожидают, что, получая свою часть прибыли, посредник направит ее, в том числе, на расширение сети, что приведет в конечном итоге к росту общей капитализации компании. Посредник также берет на себя ответственность за обеспечение безопасности функционирования всей сети. Он обязуется контролировать охрану авторских прав (т.е. прав интеллектуальной собственности владельцев ЦИА), и своим авторитетом и конкретными действиями стремится обеспечить контроль за их соблюдением.

Как было отмечено выше, самая простая стратегия автора/инвестора заключается в том, что он передает свой портфель посреднику, и далее не предпринимает никаких действий, т.е. пассивно движется «по инерции». В рамках такой стратегии автор/инвестор не пытается уменьшить неопределенность в отношении ожидаемого дохода, и целиком полагается на возможности посредника и рыночный спрос. Существуют и более активные стратегии управления портфелем. Например, вероятность получения дохода можно увеличить, если непрерывно (например – ежедневно) пополнять свой портфель новыми активами. В процессе исследования стратегических возможностей управления такими портфелями нам удалось выявить свойство инерционности, как у отдельных активов, так и у портфелей ЦИА в целом (4; 6). В самом упрощенном виде это свойство заключается в том, что портфель, выведенный на некоторый уровень дохода, продолжает генерировать его даже при отсутствии управляющих воздействий со стороны автора/инвестора.

Для исследуемой нами предметной области наиболее близким является понятие инерционности инвестиций, характеризующее некоторые классы финансовых инструментов (2, с. 112). Например, имеются работы, посвященные исследованию этого свойства у обыкновенных акций и у финансовых инструментов, построенных на базе акций (7; 10). Аналогичные свойства выявлены у государственных долговых обязательств, иностранных валют, сырьевых фьючерсов (8). Тем не менее, о наличии свойств инерционности у интеллектуальных активов сообщений в научной литературе пока нет. Этому, на наш взгляд, имеются следующие объяснения:

Во-первых, основное внимание в литературе по интеллектуальной собственности обычно уделяется патентным активам. В то же время, механизм торговли такими активами не предполагает боль-

шого количества торговых событий. В результате, не имеется длительных временных рядов движения цен, аналогичных котировкам акций, или иных исторических данных, и сделать вывод об их инерционности невозможно.

Во-вторых, цифровые активы авторского права обращаются на электронных торговых площадках около 20 лет. Это относится, в частности, к таким ЦИА, как цифровые изображения (9), видео, звуковые и литературные произведения. Однако экономисты пока не оценили в полной мере этот инвестиционный прорыв, и не сделали соответствующих выводов.

В наших работах, посвященных исследованию концептуальных подходов к инвестиционному анализу ЦИА, уже кратко сообщалось о выявленном свойстве инерционности у портфелей цифровых изображений (4, с. 88–89). Наличие этого свойства у цифровых активов авторского права доказано на основе более чем 10-и летних наблюдений по портфелю цифровых изображений в целом, и по индивидуальным активам-рекордсменам, демонстрирующим четкие исторические ряды доходности. Полученные экспериментальные данные были использованы нами для разработки обобщенной структурной модели портфеля цифровых активов авторского права, а также для исследования финансовых рисков с помощью байесовских сетевых моделей (4, с. 90; 6).

Выводы. Рассмотрение условий применимости теста Хауи к цифровым интеллектуальным активам (ЦИА) авторского права показало следующее:

1. Исследуемые ЦИА являются разновидностью интеллектуальной собственности – авторскими правами в цифровой форме, которые, как и любая собственность, имеющая стоимостную оценку, относятся к активам. Особенностью формирования ЦИА является необходимость специальной подготовки цифровых файлов с целью внесения атрибутов собственности в их информационную структуру.

2. Инвестирование осуществляется с использованием организационной структуры специализированных рыночных сетевых посредников, которые объединяют ЦИА индивидуальных авторов/инвесторов в общий пул, и обеспечивают последующий инвестиционный процесс. Однако в отличие от обычных финансовых активов, ЦИА не обезличиваются в процессе рыночного оборота. Риск инвестиций

в ЦИА значительно превышает риск инвестиций в обычные финансовые активы.

3. Посредник дает возможность инвестору самостоятельно варьировать стратегиями управления портфелем ЦИА. В то же время, выявлено свойство инерционности портфелей ЦИА, которое заключается в том, что портфель, выведенный на некоторый уровень дохода, продолжает генерировать его, в том числе, при отсутствии управляющих воздействий со стороны инвестора. Свойство инерционности ЦИА подтверждено многолетними наблюдениями по портфелям цифровых изображений.

Список литературы

1. Аверьянов М., Евтушенко С., Кочетова Е. Цифровая экономика: новые активы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.itweek.ru/gover/article/detail.php?ID=190477>
2. Аюпов А.А. Конструирование и реализация инновационных финансовых инструментов. М.: Nota Bene, 2007.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
4. Воронов В.С., Давыдов В.Д. Гибридная байесовская модель инерционного портфеля интеллектуальных активов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5–2. СС. 86–91.
5. ГОСТ 2.051-2013 Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения.
6. Давыдов В.Д. Концептуальные подходы к инвестиционному анализу портфелей цифровых интеллектуальных активов // Финансовая экономика. 2020. № 2. СС. 25–29.
7. Asness C.S. The interaction of value and momentum strategies // Financial Analysts Journal. 1997. March/April. PP. 29–36.
8. Asness C.S., Moskowitz T.J., Pedersen L.H. Value and Momentum Everywhere // The Journal of Finance. 2013. Volume LXVIII. № 3. PP. 929–985.
9. Glückler J., Panitz R. Survey of the Global Stock Image Market 2012. Part I: Players, Products, Business. Heidelberg: GSIM Research Group. 2013.

10. *Grundy B.D., Martin J.S.* Understanding the nature of the risks and the source of the rewards to momentum investing // *Review of Financial Studies*. 2001. Volume 14. № 1. PP. 29–78.

11. *Telpner J.S., Ahmadinar T.M.* ICOs, the DAO, and the Investment Company Act of 1940 // *The Investment Lawyer*. 2017. Volume 24. № 11. PP. 16–33.

Доржиева В.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Центра инновационной
экономики и промышленной политики
Института экономики РАН

Dorzhieva V.V.,

Candidate of Econ. Sc.,
Associate Professor, leading researcher
of the Center for innovative economy and industrial policy
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

**Цифровизация как новый приоритет стратегии
развития промышленности в контексте
задач перехода к НИО.2 и ноономике**

**Digitalization as a New Priority of the Industrial
Development Strategy in the Context
of the Transition to NIS.2 and Noonomy**

Аннотация. Рассматривается цифровизация в качестве нового приоритетного направления стратегии развития промышленности, обеспечивающего переход к НИО.2 и ноономике, одним из основных драйверов которого является проникновение цифровых технологий в реальный сектор экономики. Россия значительно отстает от индустриальных стран по уровню цифровизации промышленности. Сравнительный анализ моделей стратегий цифровизации промышленности США, Германии, Китая и России показал, что, несмотря на различие, для всех рассматриваемых стран цифровизация промышленности являются стратегическими приоритетами экономического развития.

Abstract. Digitalization is considered as a new priority direction of the industrial development strategy, ensuring the transition to NIS.2 and noonomy, one of the main drivers of which is the penetration of digital technologies into the real sector of the economy. Russia lags far behind industrial countries in terms of digitalization of industry. A comparative analysis of models of industrial digitalization strategies in the United States, Germany, China, and Russia has shown that, despite the difference, for all the countries under consideration, industrial digitalization is a strategic priority for economic development.

Ключевые слова: ноономика, НИО.2, цифровые технологии, цифровизация промышленности, модель стратегии цифровизации промышленности

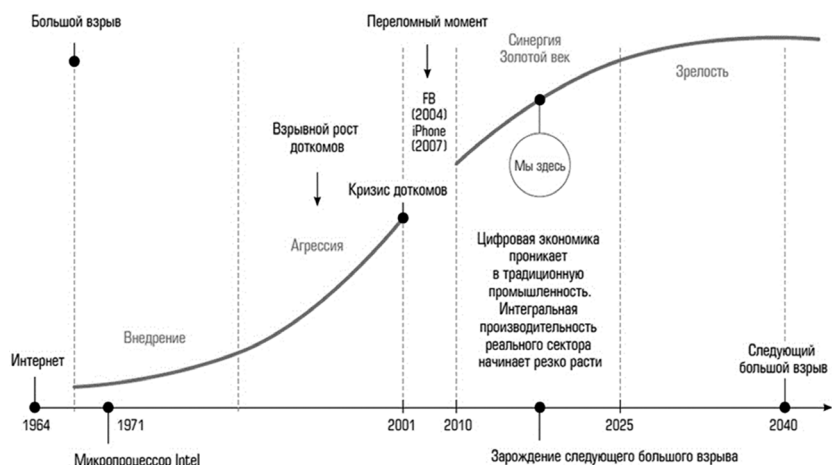
Keywords: noonomy, NIS.2, digital technology, the digitalization of the industry, model of industrial digitalization strategy

Проникновение цифровых технологий в реальный сектор экономики является одним из основных драйверов перехода общества на новый этап цивилизационного развития – ноономике¹ (4) и НИО.2 (3). В НИО.2 в отличие от НИО.1 (9) индустриальный комплекс обладает знаниеемкими функциями и интегрирует производство, науку и образование в едином производственном процессе (6, С.9) на базе цифровых и когнитивных технологий, служащих каналом «встраивания» знания в технологические процессы путем обработки больших массивов данных или с помощью технологической имитации человеческого интеллекта (5, С.7).

Процесс проникновения цифровых технологий в традиционную промышленность свидетельствует о наступлении «золотого века»

¹ Ноономика – состояние социума, в котором доминируют неэкономические, постэкономические потребности и качества человека (4, с. 171). Основа этих изменений – прогресс технологий, приводящий к генезису знаниеемкого, «умного» производства нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). В НИО.2 человек выполняет только те функции, которые не может выполнить машина (3); доминирующими становятся те сферы, где человек осуществляет преимущественно творческие функции.

цифровой революции, ассоциируемого видным британским экономистом К. Перес с периодом «синергии» (рис. 1) – когда все условия (особенно инфраструктурные) благоприятствуют промышленному производству и развитию новой технологической (цифровой) революции; когда новые технологии интенсивно внедряются в промышленный сектор и, как результат, резко растет производительность капитала и снижается стоимость основных ресурсов; когда промышленный капитал начинает видеть прямой экономический эффект от внедрения новых технологий.

Источник: составлено по (8, с. 10), (12, с. 84).

рис. 1. Как разворачивается технологическая волна
цифровой революции

В период 1970–1980 гг. мы стали свидетелями революционной технологической волны повышения производительности в производстве. Новые цифровые технологии, включая персональные компьютеры (ПК), станки с числовым программным управлением (ЧПУ), программируемые логические контроллеры (ПЛК) и автоматизированное производство (CAM), открыли новые уровни производительности и эффективности во многих отраслях промышленности. Сейчас, в «золотом веке» (с 2010 г.), мы наблюдаем интеграцию самых передовых

технологий, создающих новые возможности для цифрового производства с потенциалом радикального улучшения способа, которым производители продвигают процессы и системы во всей цепочке создания стоимости продукта, чтобы предоставлять клиентам больше вариантов и новых моделей обслуживания. В сочетании с промышленной автоматизацией, промышленным интернетом (IIoT), информационными технологиями (ИТ), облачными сервисами, 3D-моделями, мобильными вычислениями, искусственным интеллектом и роботизированными технологиями, новые передовые производственные технологии изменяют индустриальный ландшафт, создают новые рынки, новый конкурентный продукт.

Сравнительный анализ моделей стратегий цифровизации промышленности стран-лидеров США, Германии, Китая и России¹ (рис. 2) дает следующие результаты:

– все эти программы близки, но не одинаковы, и разница между ними представляет большой интерес. В США самое главное в программе – создание чего-то такого, чего раньше не было вообще. В Германии – оптимизация существующей экономики, прежде всего автоматизация. В Китае – конвергенция интернета и промышленного производства (Ю, С.73). В России – помимо активизации процессов цифровизации обрабатывающих отраслей промышленности планируется создание регуляторной среды и платформ;

¹ Ведомственный проект Министерства промышленности и торговли Российской Федерации «Цифровая промышленность» реализуется в рамках совместной инициативы ряда высокотехнологичных компаний (НПП «Итэлма», «Лаборатория Касперского», «Сименс», «Стан» и др.) и национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». По мнению Минпромторга России успешная реализация проекта будет способствовать решению целого спектра актуальных стратегических задач, таких как освоение высокотехнологичных компетенций, повышение конкурентоспособности продукции, импортозамещение, развитие отечественных цифровых технологий и продуктов, «приземление» добавленной стоимости в России, технологический прорыв, развитие человеческого капитала и повышение производительности труда в различных отраслях.

рис. 2. Сравнительный анализ моделей стратегий цифровизации промышленности Китая, Германии, США и России

Китай: Сделано в Китае 2025	Цель - стать мировым и самодостаточным лидером в производстве высокотехнологичной и высокотехнологичной продукции	Отраслевая направленность: 10 приоритетных отраслей, на которые приходится почти 40% промышленного производства Китая	Институциональная структура: Возглавляется Государственным советом Китая, имеет определенные цели до 2025 года	Финансирование: государственная модель. Правительство выделило 300 млрд долл. США. В рамках программы используется льготный доступ к капиталу для китайских компаний в целях увеличения числа исследований, повышения конкурентоспособности и приобретения технологий за рубежом
Германия: Индустрия 4.0	Цель - повысить качество, снизить затраты и повысить эффективность за счет использования новых технологий для цифровизации процессов	Отраслевая направленность: Межотраслевой аспект на трансформацию бизнес-моделей путем усиления интерконнективности и внедрения цифровых инноваций в цепочки поставок	Институциональная структура: открытая инициатива, осуществляется посредством диалога заинтересованных сторон. Государство координирует деятельность соответствующих игроков, помогает изыскать финансирование и приводит показатели в соответствии со стандартами	Финансирование: государственно-частная модель. Проекты финансируются государственным и частным сектором. Правительством выделено 400 млн евро. Индустриальные партнеры финансируют осуществляют в виде натуральных вкладов и инвестиций
США: Консорциум промышленного интереса	Цель - создать открытую «песочницу» для внедрения интереса вещей, разработки эталонной архитектуры, установления глобальных стандартов разработки, обмена передовым опытом и укрепления доверия к новым подходам к обеспечению безопасности	Отраслевая направленность: Телекоммуникации, обработка данных, производство и другие отрасли, охватываемые цифровыми технологиями	Институциональная структура: Консорциум с открытым участием, включающий в себя транснациональные корпорации, сотрудничающие с научными организациями и правительством	Финансирование: государственно-частная модель. Проекты финансируются государственным и частным сектором, а также правительствами других стран и ГЧП
Россия: Цифровая промышленность	Цель - простимулировать разработку и внедрение программных продуктов и цифровых платформ в экономику, создать межотраслевые цифровые платформы в сфере промышленности, обеспечивающие межотраслевую и межсекторную интеграцию предприятий	Отраслевая направленность: 24 отрасли обрабатывающей промышленности и более 263 тыс. (18,4 тыс. средних и крупных) предприятий	Институциональная структура: Минпромторг РФ совместно с ФПР и АНО "Цифровая экономика"	Финансирование: государственно-частная модель. Проекты финансируются государственным и частным сектором. Правительством планируется выделить из федерального бюджета 6 млрд рублей в течение трех лет, в том числе в форме субсидий через Фонд развития промышленности

Источники: составлено по (7), (10, с.73).

– в Китае цифровизация промышленности осуществляется по принципу «сверху вниз», поскольку Государственный совет определяет стратегию на основе десятилетнего плана. Такая ясность цели позволяет китайскому правительству мобилизовывать ресурсы в масштабах, превосходящих другие страны, что открывает возможности для приобретения целого ряда инструментов и технологий, а также иностранных конкурентов или компаний. В США подход чрезвычайно широкий, платформенный и органичный. В Германии и России используется комбинированный подход, сочетающий инициативы частного и государственного секторов (10, С.73);

– для всех рассматриваемых стран цифровизация производства и связанных с цифровой промышленностью традиционных отраслей промышленности являются стратегическими приоритетами экономического развития.

США как признанный лидер рейтингов цифровой конкурентоспособности (17) на государственном уровне принимает немало решений в поддержку развития как непосредственно сектора ИКТ, так и разработки и повсеместного внедрения цифровых технологий, прежде всего, в промышленности.

Вместе с тем по многим направлениям цифровизации США уступают Китаю, который в рейтинге занимает 22-ю позицию. Так, например, Китай значительно превосходит американские по удельному весу использующих искусственный интеллект компаний в различных отраслях: в промышленности 81% в Китае против 48% в США, в финансовой сфере 84% против 60%, в здравоохранении 81% против 49% соответственно (15), несмотря на действующие ограничения в Китае в использовании Интернета и фильтрации информации, из-за чего компании не могут получать нужную информацию из-за рубежа и несут финансовые потери, сдерживающие приток иностранных инвестиций в развитие высокотехнологичных секторов китайской экономики (16). Во многом высокие темпы цифровизации китайской экономики обеспечиваются за счет системных инструментов государственной поддержки развития цифровых технологий.

Германия (17-я позиция) в рассматриваемом рейтинге значительно отстает по многим параметрам, характеризующим процессы цифровизации: адаптивности бизнеса, интеграции цифровых технологий, качеству электронного правительства и цифрового обра-

зования (17, с. 78). Несмотря на определенные успехи в цифровизации экономики Германии (цифровизированы 28% коммерческих предприятий, 39% используют «большие данные») и значительные инвестиции частного сектора (4,6 млрд евро в 2017 г.), только шесть из десяти компаний в Германии готовы к цифровым трансформациям Industry 4.0. Более поздние исследования показали, что эффект от внедрения цифровых технологий в традиционных отраслях экономики отмечен только в 7–11% компаний (14).

Для России (38-я позиция) сдерживающим фактором является, прежде всего, отставание в уровне квалификации человеческих ресурсов (несовершенство системы подготовки исследовательских, инженерно-технических кадров и IT-специалистов), недостаточный уровень инвестирования как в сферу НИОКР, так и в развитие информационно-телекоммуникационного сектора.

Если говорить о российской промышленности в целом, то к неконкурентоспособным относится примерно 15% имеющихся мощностей, а в производстве инвестиционных товаров (машиностроение, производство стройматериалов) их доля доходит до 20–25% (имеется в виду оборудование, которое старше 10 лет и не используется пять и более лет) (1).

По оценкам Минпромторга России и компании «Цифра» (группа компаний «Ренова») только 14% заводов соответствуют базовым условиям цифровизации по оснащенности оборудованием с числовым программным управлением (ЧПУ) и готовности к внедрению в производство цифровых технологий (2). Например, несмотря на то, что самой оцифрованной из промышленных отраслей России является автомобильная промышленность с учетом иностранного производства, автомобили завода ВАЗ не отличаются повышенной конкурентоспособностью в сравнении с автомобилями подобного класса компаний «Рено», «Ниссан», «Киа» хотя бы потому, что отечественные автомобили не имеют ни одного узла, обладающего патентной чистотой. Аналогичная ситуация и в гражданском самолетостроении, морском и речном судостроении.

В сегменте «Производство машин и оборудования» сохраняется серьезное отставание России на мировом рынке, где ее доля составляет менее 1%. Согласно данным J'son & Partners Consulting, Россия по объемам экспорта в этом сегменте уступает Китаю более чем в 90 раз,

США – в 35 раз, Германии – 32 раза, а полученные доходы ниже показателей Китая в 70 раз, США – в 16 раз, Индии – в 2 раза (18).

Общий уровень незрелости цифровизации промышленности подтверждает также низкая капитализация российских компаний, из-за недостаточной которой российским ИТ-компаниям, работающим в сфере промышленной цифровизации, не хватает средств для развития прорывных технологий и развертывания перспективных направлений бизнеса. Такое развитие требует длительных и недорогих инвестиций, а получить их обычным путем сегодня очень трудно. В развитых странах в роли подобных инвесторов (вендоров) выступают крупнейшие ИТ-компании (например, такие как Google, Facebook и Amazon), которые из своей выручки выделяют 12–20% на проведение внутренних НИОКР либо могут в обмен на свои акции приобрести перспективные стартапы (11). У российских же ИТ-компаний подобных объемов средств нет и поэтому они не в состоянии удовлетворить потребности промышленных компаний, выпускают продукцию (цифровые технологии), значительно уступающую по качеству зарубежным аналогам.

Все эти системные проблемы и устойчивый спрос на то, что производится сегодня в рамках отечественной промышленности, за исключением продукции военного назначения, не мотивируют ни разработчиков продукции, ни её производителей к созданию новой продукции или её совершенствованию, и как, следствие, не побуждают частный промышленный бизнес к стремлению вывести на рынок что-то новое, оригинальное, не имеющее аналогов как на внутреннем, так и мировом рынках.

Более того, укрепившаяся за последний десяток лет тенденция «заимствования» зарубежных техники и технологий, так же «стёрла» все навыки к созданию нового или модернизации старого оборудования, усилила иждивенческие настроения и, соответственно, привела к потере профессиональных навыков в копировании заимствованных техники и технологий, их преобразование в патентно-чистый продукт, как это делал и делает Китай, на долю которого сегодня приходится 302136 патентов, выданных в 2017 году в национальном патентном ведомстве (в России – 21037, в Республике Корея – 82400, в Японии – 160643, в США – 143723) (13).

Таким образом, для России цифровизация промышленности есть ни что иное, как процесс, объединяющий и технологическую модер-

низацию промышленности, и переход её на так называемые «инновационные рельсы». Важно понимать, что для широкомасштабного освоения цифровых технологий должна быть готова и сама технологическая база производств.

Исходя из вышеизложенного, формулирование правильных целей в стратегиях еще не означает их автоматического (безусловного) достижения. В частности, необходимо изыскание финансовых средств на их реализацию, обеспечение согласованного взаимодействия государства и бизнеса в решении поставленных задач, подготовки соответствующего кадрового обеспечения.

Список литературы

1. Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России – М.: Центр стратегических разработок, 2017.

2. Баленко Е. Минпромторг оценил готовность российских предприятий к цифровизации / РБК, 2018. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/07/2018/5b3a26a89a794785abc9f304

3. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / Монография / – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 328 с.

4. Бодрунов С.Д. Ноономика /Монография/ – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

5. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни / Экономическое возрождение России. 2018. № 2(56)/ С. 5–13.

6. Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы / Экономическое возрождение России. 2019. № 4(62). С. 6–18/

7. Ведомственный проект «Цифровая промышленность». Минпромторг России. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/vedomstvennyij-proekt-tsifrovaya-promyshlennost.pdf>

8. Грамматчиков А., Гурова Т. Золотой век «цифры». Наступает. / Эксперт. 2017. № 30–33. (24 июля – 20 августа). С. 10–15. Режим доступа: https://expert.ru/expert/2017/30/zolotoj-vek-tsifryi_-nastupaet/

9. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Эксмо, 2008.
10. Доклад о развитии цифровой экономики в России. Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для России. Всемирный банк. Сентябрь 2018 г. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/competing-in-digital-age>
11. Жидких И., Серебрянный В. Безлюдные производства: как роботизировать российскую экономику / РБК, 06.03.2018 – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/06/03/2018/5a9e49c39a79473e0ef8c42b>
12. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания /Карлота Перес ; пер. с англ. Ф.М. Маевского. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 232 с.
13. Россия и страны мира. 2018: Стат.сб. / Росстат. – М., 2018. – 375 с.
14. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Зарубежные программы умной реиндустриализации: уроки для России. //ЭКО, 2019, №8 с. 118–140.
15. Castro D., Michael McLaughlin M., Chivot E. August 19, 2019 Who Is Winning the AI Race: China, the EU or the United States? – Режим доступа: <https://www.datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/>
16. China's Digital Economy Goes Global. Study of China Business Council. – Режим доступа: <http://www.asiabusinesscouncil.org/docs/ChinaDigital.pdf>
17. IMD World Digital Competitiveness Ranking 2019 – Режим доступа: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019/>
18. J'son & Partners Consulting. Аналитический отчет «Экономические эффекты от цифровизации и внедрения IoT в машиностроении в России». Август, 2018.

Захаров В.К.,

*доктор физико-математических наук,
профессор, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова*

Zakharov V.K.,

*Doctor of Phys.-Math. Sc., Professor,
Professor at Lomonosov Moscow State University*

Перспективы интеграционного перехода России к ноономике

Perspectives of Integrational Transition of Russia to Noonomy

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы и сложности новой аграризации и индустриализации в России на основе развития науки и образования и перехода к ноономике

Abstract. Perspectives and difficulties of the new agrarization and new industrialization in Russia on the base of development of science and education and transition to noonomics are considered in the paper.

Ключевые слова: ном, амальгамация, интеграция, хозяйственный код нома, параном, новая аграризация, новая индустриализация, ноономика.

Keywords: nom, amalgamation, integration, economical code of nom, paranom, new agrarization, new industrialization, noonomics.

Способы хозяйственной деятельности

В истории хозяйства описаны следующие важнейшие способы **хозяйственной** деятельности: охотничье-собираТЕЛЬский способ, пастушеский способ, земледельческо-животноводческий способ.

Все указанные способы основаны на непосредственном изъятии из природной среды. Они являются конкретными разновидностями более общего **добывающего** или **присваивающего** способа хозяйственной деятельности. Поэтому можно обобщенно сказать, что добывающий способ хозяйственной деятельности, связанный с добычей достояния из природной среды, возник в глубокой древности и в настоящее время стал археспособом. Этот способ можно назвать также **метааграрным**. Ясно, что в него включается **сельскохозяйственный (аграрный)** способ.

Однако добывающий способ даже на самых ранних этапах своего возникновения не мог существовать в одиночку без **производящего (перерабатывающего, промышленного)** способа хозяйственной деятельности, связанного с обработкой и переработкой добытых природных достояний. Производящий способ хозяйственной деятельности также возник в глубокой древности и стал, несомненно, археспособом. Этот способ называется также **индустриальным**.

Более того, добывающий и производящий способы даже на самых ранних этапах своего возникновения не могли существовать без **обслуживающего** способа хозяйственной деятельности, связанного с обслуживанием, как добычи, так и производства. Для того, чтобы устойчиво добывать и производить, нужно обучение, связанное с получением, сохранением и передачей знаний, нужен обмен, нужно управление, нужен отдых и развлечения, нужно здравоохранение и т.д. Стало быть, и обслуживающий способ хозяйственной деятельности возник в древности и в настоящее время стал уже археспособом. Этот способ называется также **сервисным**. Более подробно эти способы описаны в работах (5–8), (10, с. 153–155), (12, с. 201–203).

Ном как субъект мирового исторического процесса

В работах (9, 11), (10, с. 46–49), (12, с. 62–66) было показано, что субъектом мирового исторического процесса является бытийное системное общество, названное автором **номом**.

Ном является трёхуровневым обществом, устроенным в виде совокупности **основных (под)систем**, связанных друг с другом в единую систему и зависящих друг от друга так, что без каждой из этих систем

ном существовать не может. **Основными системами нома** являются: **содержательная, обеспечительная, учётная, совокупная распорядительная и верховная системы.**

Содержательная система осуществляет *метааграрный (изымающий из природной среды), индустриальный (перерабатывающий) и сервисный (обслуживающий) способы жизнедеятельности.* Обеспечительная система обеспечивает порядок, охрану, законность, нравственность и пр. Учётная система осуществляет производство, сбор, хранение и раздачу денег, статистических сведений и т.п. *Распорядительные системы* ведают (управляют) деятельностью *содержательной, обеспечительной и учётной систем, соответственно.* Поэтому их можно именовать *содержательно-распорядительной системой, обеспечительно-распорядительной системой и учётно-распорядительной системой соответственно.* Они образуют *совокупную распорядительную систему.* *Верховная (властная, управляющая) система* управляет деятельностью *совокупной распорядительной системы.*

Этапы мирового объединительного процесса

В работах (9), (10, с. 61–72), (12, с. 78–92) было показано, что **номы** как субъекты мирового исторического процесса проходят ряд **вынужденных эволюционных устроительных этапов** своего развития. Эти устроительные этапы мы условно обозначим так: *этап малой семьи, этап большой семьи, этап рода, этап племени, этап простого государства, этап державы, этап сверхдержавы (империи) и этап макроса.* Номы данного устроительного этапа **могут осваивать** только ту ограниченную часть объединённого мира, которая **доступна и пригодна** для их бытия. Её можно назвать **ойкуменой данного устроительного этапа.**

Эти эволюционные устроительные этапы перемежаются революционными **надустроительными этапами**, когда при **исчерпании** ойкумены предыдущего устроительного этапа номы следующего устроительного этапа получают **номовой амальгамацией** (т.е. **объединением с воспроизведением строения и деятельности**) некоторых номов предыдущих устроительных этапов.

Номы последних трех устроительных этапов: простого государства, державы и сверхдержавы (империи) – обычно называются **государствами**. Подавляющее большинство существующих сейчас номов являются государствами, а среди них подавляющее большинство является державами.

Начало надустроительного этапа амальгамации номов, когда образуются первичные **квазиномы**, называется **номовой интеграцией**. Из приведённого выше перечисления этапов следует, что номовая интеграция и амальгамация воспроизводились в истории шесть раз. Сейчас она воспроизводится в седьмой раз. Происходящая в настоящее время **макрорегионализация** в свете данной теории оценивается как новый современный этап номовой амальгамации (14).

*Неразрывная одновременность способов хозяйственной
деятельности. Хозяйственный код нома*

В работах (5–8), (10, с. 155–162), (12, с. 203–211), было показано, что все упомянутые выше способы хозяйственной деятельности не составляли отдельных последовательных стадий в развитии человеческого общества. Они сосуществовали и сосуществуют одновременно в неразрывном единстве в каждом номе. Иначе говоря, они образуют **хозяйственный код нома**.

Эти археспособы являются не глобальными, а локально-ареальными в том смысле, что в разных номах в разные времена имеется разное их сочетание в этом комплексе. Сегодня существуют государства со всеми возможными сочетаниями указанных археспособов. В развитых государствах начинает преобладать обслуживающий способ хозяйственной деятельности. Именно на этом наблюдении указанные выше исследователи обосновывают идею перехода к сервисному обществу.

*Ном и его периферия. Неизменность общей трудовой
пропорции паранома. Блеф постиндустриализма*

Здесь и далее под *периферией (окружением)* нома понимается часть зарубежной природной и надприродной сред нома, неразрыв-

но связанная с номом потоками различных достояний, без которых бытие нома невозможно. Большую организационно-производственную систему, состоящую из нома как центра, его периферии и всех связей и потоков между ними, естественно назвать **центро-периферийной системой** или **параномом**. В применении к современному государству можно говорить об **окруженном** (ударение на втором слоге) **государстве**.

Параном может быть с *активным центром* и с *пассивным центром*. В параноме с активным центром сам ном контролирует и определяет центро-периферийные связи и потоки. В параноме с пассивным центром внешние номы контролируют и определяют центро-периферийные связи и потоки нома.

Любая преобразовательная деятельность, приводящая к изменению вовлечённости населения государства (и шире любого нома) в метааграрный, индустриальный и сервисный способы хозяйственной деятельности, обязательно сопровождается определённой восполняющей деятельностью, в большинстве случаев связанной с окруженным государством (параномом). Данный тип **преобразовательно-восполняющей деятельности по отношению к способам хозяйственной деятельности** сформировался уже в глубочайшей древности на этапе малой семьи и с тех пор стал архетипом.

Архетип трудового сохранения состоит в том, что по отношению к способам хозяйственной деятельности в параноме осуществляется преобразовательно-восполняющая деятельность так, что общая трудовая пропорция паранома остаётся неизменной во времени. Из этого архетипа следует, что изменение во времени внутренней трудовой пропорции нома возможно только в рамках сохранения во времени общей трудовой пропорции паранома. Более подробное описание этого архетипа дано в указанных выше работах.

Из сказанного выше следует, что **переход** в конечном итоге всех государств мира к индустриальному, а затем и к сервисному способу хозяйственной деятельности **невозможен**. Указанный переход возможен лишь для тех государств, которые создали свою соответствующую контролируемую периферию, для которой они являются активными центрами. Таким образом, будущий неизбежный переход мира к постиндустриализму является не более чем вменяемым блефом.

*Невозможность перехода России к сервисному способу
хозяйственной деятельности*

Оценим перспективы России для перехода к сервисному способу хозяйственной деятельности.

Предположим сначала, что этот переход осуществляется в описанных условиях неустойчивой и неконтролируемой периферии. Многие экономисты считают, что сельскохозяйственную и промышленную продукцию не обязательно получать по собственным контролируемым каналам, а можно легко и просто купить на мировом рынке. Однако для того, чтобы купить, нужно, во-первых, иметь средства для этого, а при исчерпании сырьевых ресурсов или при резком падении цен на них (как это уже было в 1986, 2008 и 2020 годах) приток необходимых средств может сильно сократиться. Во-вторых, на мировом рынке нет лишних стратегически важных сельскохозяйственных и промышленных товаров, и несанкционированный доступ к ним даже за твёрдую валюту пресекается довольно жёстко и не только экономическими методами. Продовольственный «кризис» 2008 года подтверждает данное наблюдение.

Предположим теперь, что импортная периферия России является предсказуемой и устойчивой. Предположим, что в таких идеальных условиях добытое сырьё продали, валюту получили, необходимые сельскохозяйственные и промышленные товары закупили, новые сервисные технологии и учреждения, основанные на современном знании, создали.

Поскольку сервисные технологии и товары только лишь обслуживают метааграрный и индустриальный способы производства, их теперь надо кому-то продать или за рубежом, или внутри страны.

В первом случае на мировом рынке сервисных технологий и товаров появляется новый непрощенный конкурент. Ясно, что США, которые являются монополистами в этой области, не допустят его на мировой рынок, а с помощью различных политических и экономических средств, например, с помощью изменения цен на мировом рынке на сельскохозяйственные и промышленные товары или с помощью санкций не позволят России создать конкурентоспособные центры по разработке и продаже новых сервисных технологий и товаров.

Во втором случае, чтобы продать внутри страны, требуется иметь развитые метааграрный и индустриальный способы хозяйственной деятельности непосредственно в самой России, причём развитые на основе ноономики (3), способной вместить в себя новые сервисные технологии и товары. Однако, как было сказано выше, развить эти способы деятельности при сложившемся экспортно-ориентированном **метааграрном перекосе**, выгодном транснациональной управляющей системе, включившей Россию в мировое разделение труда на подчинённой и проигрышной основе, ни теоретически, ни практически невозможно.

Таким образом, в существующем в настоящее время параноме, в котором Россия является **пассивным центром**, возможностей для её перехода к сервисному способу хозяйственной деятельности практически **нет никаких**.

*Необходимость исправления метааграрного перекоса
на основе ноономики*

Из сказанного выше следует, что значительное изменение соотношения между метааграрным, индустриальным и сервисным секторами экономики оказывается возможным только при создании собственного параномы, в котором она является активным центром. В настоящее время Россия пытается создать такой собственный параном посредством активной (надроссийской) интеграции и кооперации (4). А пока такого устойчивого параномы нет, необходимо исправлять все перекосы относительно исконного хозяйственного кода России, допущенные на социалистическом и либералистическом этапах.

Поэтому единственной приемлемой целью для хозяйственного развития будущей России может быть только **воссоздание полноценной трёхсекторной экономики**, в которой сочетание секторов удовлетворяет внутренней трудовой пропорции, исторически свойственной царской и имперской России. Эта пропорция вырабатывалась тысячелетиями при постепенном хозяйственном освоении российской популяцией наличествующей евразийской ойкумены.

Обобщённо говоря, необходимо провести **новую аграризацию и индустриализацию** (1,2). Но не за счёт эксплуатации села и селян,

а за счёт развития в городах науки и образования и перехода к ноономике (3). В работах (10, с. 10–13, с. 184–187), (12, с. 13–17, с. 234–238) и (13) было изложено синтетичное представление о вещественно-мысленной устроенности мира и о сложном вещественно-мысленном составе капитала и труда. С этой точки зрения переход к ноономике означает, что при производстве достояний вклад **мысленной части труда** должен стать гораздо большим, чем при прежнем преобладании **вещественной части труда**.

*Возможности и препятствия
для исправления метааграрного перекоса*

Рассмотрим имеющиеся возможности и препятствия для изменения навязанного вышеупомянутого метааграрного перекоса.

Выдвигаемый державно-патриотической консорцией сложенный изменяющий проект «Россия – аграрно-индустриально-энергетическая сверхдержава», предполагающий новую аграризацию и индустриализацию страны на основе «энергетической сверхдержавности» с использованием современных информационных технологий и ноономики, наталкивается на **объективное препятствие** в виде **отсутствия широких рынков сбыта** для возможной дополнительно производимой промышленной продукции.

Жизнь показала, что огромные рынки Китая, ЕС, США, Японии и пр. для России закрыты по разным причинам, а рынки Евразийского экономического союза (ЕАЭС) (4) уже давно **заполнены** китайскими и европейскими промышленными товарами и поэтому слишком малы для того, чтобы окупить необходимые затраты на проведение новой индустриализации. Кроме того, в силу **развитости** китайского промышленного производства, произошедшей за счёт американских технологий и инвестиций, и дешевизны китайской рабочей силы китайские товары всё равно будут дешевле возможных российских. Поскольку Россия в результате деиндустриализации давно выпала из современного промышленного производства, возможные вновь произведенные в России высокотехнологичные товары ещё долго будут менее качественными, чем подобные западноевропейские товары. И поэтому будут менее востребованными. Никакие упования на «ин-

новации и инновационное инвестирование» ничего не смогут сделать для изменения этого тяжёлого созданного положения. Никаких широких ниш в ЕАЭС для российского «инновационного» производства, свободных от китайского и европейского производства, без осознанного защищающего воздействия государства **не будет**.

Поэтому при возможном развитии России посредством проведения новой аграризации и индустриализации все равно придется выходить на **промышленное соперничество с Китаем и с Европой**. Для этого имеются, по крайней мере, три возможности.

Первая возможность состоит в том, чтобы посредством ослабления рубля делать китайские, европейские и другие импортные товары более дорогими. Однако такая возможность вызывает раздражение выездного населения, особенно столичного. Вторая возможность состоит в том, чтобы вытеснять китайские, европейские и другие промышленные товары с рынков России и ЕАЭС путём промышленного протекционизма, в частности путём увеличения ввозных пошлин. Однако такая возможность также вызывает раздражение не патриотичной части населения, особенно столичного. Более того, обе эти возможности ущемляют не только интересы могущественных китайских и европейских экспортёров, но и интересы тесно сотрудничающих с ними (могущественных внутри России) российских импортеров. И такое посягательство на уменьшение их прибылей чревато различными внутривнутриполитическими и внутриэкономическими осложнениями вплоть до организации внутренних беспорядков.

Поэтому более предпочтительным является промышленное соперничество с Китаем и Европой вне ЕАЭС, вне Китая и вне Европы, т.е. на рынках развивающихся стран Азии, Африки и Южной Америки в рамках широкой надроссийской экономической кооперации. Ясно, что Европа ещё с колониальных времён сотрудничает с этими странами. Известно, что Китай тоже начал продвижение своих промышленных товаров на эти рынки и на рынки Европы в рамках собственного мирового кооперационного проекта «Пояс и путь». При этом китайские золотовалютные ресурсы, необходимые для воплощения этого проекта, многократно превосходят российские. Поэтому путь продвижения возможных российских промышленных товаров на указанные рынки очень труден. Но он не так социально опасен, как первые два.

Таким образом, широкая надроссийская кооперация может создать благоприятные условия для проведения необходимой новой аграризации и индустриализации России на основе ноономики. Однако эта возможная кооперация может опираться только на текущую надроссийскую интеграцию.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России. – СПб.: Институт нового индустриального развития, 2013. 680 с.
2. Бодрунов С.Д., Лопатин В.Н. Стратегия и политика реиндустриализации для иновационного развития России. – СПб.: Институт нового индустриального развития, 2014. – 486 с.
3. Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики. – М.: Культурная революция, 2019. – 504 с.
4. Евразийский экономический союз: опыт, проблемы, приоритеты развития и безопасности (к 5-летию образования). – М.: РУДН, 2019. – 176 с.
5. Захаров В.К. Перспективы глобального перехода к постиндустриальному обществу // Международный научный конгресс «Глобалистика-2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства» (20–23 мая 2009г.). Материалы. Том 2. – М.: МАКС Пресс, 2009. С. 402–405.
6. Захаров В.К. Перспективы перехода России к инновационной экономике знаний с точки зрения центрo-периферийного разделения труда // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН. 2010. Вып. 5. Часть 1. С. 119–125.
7. Захаров В.К. Перспективы перехода России к экономике знаний // Третья международная конференция «Инновационное развитие экономики России: роль университетов» (21–24 апреля 2010 г.). Сборник статей. Том 2. – М.: ЭФ МГУ; ТЕИС, 2010. С. 13–20.
8. Захаров В.К. Процесс глобального природно-народного равновесия и центрo-периферийные проблемы перехода стран к новым способам жизнедеятельности // Вестник АГУ. Серия «Экономика». 2010. № 1. С. 21–30.

9. *Захаров В.К.* Государственность и государственное управление как архетипы // Государственное управление. Электронный вестник. – 2010. – № 24. – С. 1–18.

10. *Захаров В.К.* Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. – М.: «Оnebook.ru», 2016. – 396 с.

11. *Захаров В.К.* Три представления об экономической безопасности государства в широком смысле // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – Т. 6. № 11. – С. 45–56.

12. *Захаров В.К.* Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. М.: Издательский дом «Кислород», 2017. – 448 с.

13. *Захаров В.К.* Основной вопрос политической экономии в распределительной форме. Вещественно-мысленный состав сложного капитала. Классовая подмена владения продуктом // Политэкономические императивы развития. Монография (под ред. М.Л. Альпидовской и А.Г. Грязновой). М.: Издательство «Проспект», 2019. С. 269–277.

14. *Захаров В.К.* Новый уровень мировой межгосударственной эксплуатации и защищённость России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2020(а). Вып. 15. Часть 1. С. 97–103.

Лукина Е.М.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента наукоемких производств
института технологий предпринимательства
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения

Lukina E.M.,

Candidate of Econ. Sc.,
Associate Professor of Knowledge-Intensive Production
Management Chair, Entrepreneurship Technologies Institute,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Баймакова К.В.,

старший преподаватель
кафедры международного предпринимательства,
заместитель директора
института технологий предпринимательства
по международному сотрудничеству
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения

Baimakova K.V.,

Senior Lecturer of the International Entrepreneurship Chair,
Deputy Director of Entrepreneurship Technologies Institute
for International Affairs, St. Petersburg State University
of Aerospace Instrumentation

**Проблемы и перспективы
экономического роста в России
в условиях технологических и социально-
экономических трансформаций эпохи НИО.2**

**Problems and Perspectives
of Economic Growth in Russia
in the Context of Technological
and Socio-economic Transformations
in the Era of the NIS.2**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы функционирования экономики России в условиях технологических и социально-экономических трансформаций. Определены проблемы и сформулированы необходимые условия устойчивого экономического роста.

Abstract. The article deals with the functioning of the Russian economy in the context of technological and socio-economic transformations. The problems are identified and the necessary conditions for sustainable economic growth are formulated.

Ключевые слова: социально-экономическое и технологическое развитие России, пандемия, НИО.2, ноономика, проблемы, тенденции.

Keywords: socio-economic and technological development of Russia, pandemic, new industrial society of the second generation, noonomics, problems, trends.

Как отмечает С.Д. Бодрунов, «сегодняшняя ситуация лежит в русле противоречий, с которыми сталкивается человечество на пути к новому качеству общественного развития. Мы назвали его ноономикой – состоянием социума, в котором доминируют неэкономические, постэкономические потребности и качества человека. Основа этих изменений – прогресс технологий, приводящий к генезису знание-емкого, «умного» производства нового индустриального общества второй генерации (НИО.2)» (1, с.5).

Таким образом, социально-экономические трансформации начались не сегодня, и не пандемия заложила основу глубокому социально-экономическому кризису, который охватил весь мир в 2020 году. Процесс системных изменений мировой и отечественных экономик идет не первый год. А сегодняшняя ситуация, связанная с распространением коронавирусной инфекции, только обострила и обнажила все социально-экономические тренды и проблемы.

Пандемия охватила практически все континенты и все сферы общественной жизни. Противоэпидемические меры, реализованные государствами, оказались беспрецедентными. Медицинские системы большинства стран мира оказались не готовы к таким испытаниям и не выдерживали нагрузки, причиной чему могла быть оптимизация системы здравоохранения, реализуемая во многих странах. Нехватка средств индивидуальной защиты, отсутствие лекарственных средств и протоколов лечения коронавируса COVID-19 только усиливали панические настроения в обществе.

Перед государствами встал непростой выбор: экономика или здоровье граждан. Например, в США не вводили строгие ограничительные меры, пока не вспыхнул Нью-Йорк, и число погибших от коронавируса не стало измеряться тысячами в день. Фото и видео многих городов мира напоминали сцены апокалипсиса, известные нам из фильмов. Встало производство и сфера услуг, улицы городов опустели, люди оказались запертыми в своих домах, а страны полностью закрыли границы.

Некоторые аналитики признали пандемию главным двигателем мирового финансового кризиса и глобальных изменений, происходящих в мировой экономике.

Безусловно, пандемия и ограничительные меры, связанные с ней, повлияли, масштаб и последствия экономического кризиса резко возросли, но происходящие изменения имеют под собой другую почву и отражают воздействие уже обозначенных трендов, и, по сути, продолжают трансформационные процессы, уже происходящие в мировой экономике.

Переход России к нооэкономике будет сложным. Российская экономика оказалась в непростом положении, она пережила немало потрясений в последние десятилетия: распад СССР, дефолт 1998 года, кризис 2011 г., и так и не смогла выйти из кризиса 2014–2015 гг. Бизнес практически не имеет подушки для компенсации потерь, а население не имеет сбережений (63% граждан России).

Неокрепшая экономика находится под воздействием многих факторов:

1. Санкционный режим, который был введен в 2014 году, продолжает оказывать негативное воздействие на экономику России. Действует программа импортозамещения.

2. Противоречия и противоборство России на мировой политической арене, которые неминуемо отражаются на жизни российского общества. Мировое сообщество пытается сделать Россию изгоем, дискредитируется позиция России в международном спорте с помощью раздувания допинговых скандалов, не принимаются доводы наших политических деятелей. Резолюции России в Совбезе ООН практически никогда не поддерживаются. Это создает определенную напряжённость и внутри страны.

3. Нефтегазовый кризис 2020 года, который возник после отказа России заключить соглашение на условиях Саудовской Аравии, а в результате произошел обвал мировых цен на нефть. По факту цены на нефть марки Urals ушли в минус.

4. Падение спроса на энергоресурсы в связи с пандемией коронавирусной инфекции составило примерно 30% и только подогрело имеющуюся ситуацию. Экспортные цены на природный газ при сокращении объема его экспорта снизились в 1,8 раза. Объем экспорта газа в первом квартале в стоимостном выражении уменьшился более чем в два раза. В результате нефтегазовая выручка снизилась на 1 трлн рублей (2, с. 34).

5. Сокращение промышленного производства. Наибольший спад в июне 2020 г. по сравнению с июнем 2019г. ожидаемо показывают добыча полезных ископаемых и машиностроение. Отрасли, которые растут по сравнению с прошлым годом: пищевая промышленность +4,8%, легкая промышленность +1,3%. При этом заместитель министра экономического развития РФ Полина Крючкова отмечает, что «падение промышленного производства в России на пике карантинных ограничений оказалось существенно меньше, чем в других крупных развитых и развивающихся странах» (3).

6. Падение доходов населения. Реальные денежные доходы во II квартале 2020 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года снизились на 7,7%, реальные располагаемые денежные доходы во II квартале 2020 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года снизились на 8,0%.

7. Рост безработицы. Безработица в мае 2020 года составила 6,1%, в июне 2020 г., по предварительным итогам выборочного обследования рабочей силы, 6,2%.

По мнению С.Д. Бодрунова, «цивилизация вступила в эпоху технологической революции, а это значит, что впереди – социальная

революция. Мы наблюдаем ожесточающуюся борьбу уходящей мирохозяйственной экономической системы с новым трендом цивилизационного развития, повышение градуса противостояния и сопротивления существующей системе, усиление конфликтности по всем значимым направлениям...» (4, с.7).

Нельзя отрицать наличие в России глубокого социального кризиса: падение доверия населения к власти началось с пенсионной реформы, и процент поддержки Президента РФ резко упал. В 2020 году это усугубилось противозидемическими действиями, ограничениями, которые были восприняты населением скорее негативно. Многие потеряли работу, сократились доходы, появилась неуверенность в завтрашнем дне.

Стоит отметить, что заметная часть населения не считает и не считала коронавирусную инфекцию реальной угрозой, а всю ситуацию видит искусственно созданной, другая часть населения паникует по этому поводу и считает меры недостаточными, возникают противоречия в обществе, и от этого недоверие к власти еще больше растет. Несколько снять напряжённость помогли меры социальной поддержки населения и бизнеса. Но бизнес заявил о сложности и недоступности этих мер поддержки. Региональные власти были нацелены на снижение выплат, в качестве примера можно привести ситуацию с доплатами врачам.

Дистанционное образование – еще один камень преткновения – было принято обществом очень остро. По сути, образование превратилось в домашнее обучение детей их родителями. Система образования не была готова к эффективной реализации дистанционного обучения. Не хватало технических средств, зоны покрытия Интернета. Не последнюю роль сыграла информационная и цифровая безграмотность населения. Образовательные онлайн-ресурсы не справлялись с перегрузками.

Потери в уровне знаний еще предстоит выявить и оценить. В преддверии начала нового учебного года население очень волнует это вопрос, много страхов и негативных ожиданий, а причина – недоверие к Правительству РФ. Это связано с недостаточным объемом информации и отсутствием четких и детальных разъяснений по наиболее важным социальным вопросам.

Обнажились и демографические проблемы. По оценке Росстата, с начала 2020 года численность населения сократилась на 182,9 тыс.

человек, или на 0,1% (за аналогичный период предыдущего года уменьшилась на 65,3 тыс. человек, или на 0,04%). Продолжает свое падение и рождаемость, она вышла на минимальный уровень после 2006 года. В период январь – май 2020 года рождаемость составила 9,2 промилле, что на 7,1% меньше, чем за аналогичный период 2019 года. Хотя смертность и осталась в 2020 г. на том же уровне и составила 12,9 промилле, нельзя не отметить серьезное превышение показателя смертности над рождаемостью.

В итоге возник рост социальной напряженности и протестные настроения. Мы можем наблюдать, как распространяются протесты в странах Европы и в США, как трудно их погасить. Главное на данный момент – не допустить такую ситуацию в России, что неминуемо приведет к ухудшению экономической и эпидемиологической ситуации.

При всей сложности переходного процесса, сопровождающегося глубоким кризисом, существуют и важные положительные моменты изменений:

1. Обновление общества, перерождение общества потребления в другое, где потреблять не будет главным императивом. С рынка уже ушли и продолжают уходить компании, услуги и продукция которых не являются остро необходимыми в жизнедеятельности граждан и организаций. Кризис позволит все расставить по своим местам и понять, какие сферы жизни общества важно и нужно поддерживать, какой должна быть новая экономика.

2. Интенсификация цифровизации экономики, которая неизбежна на пути технологических трансформаций и технологического развития. Хотя сейчас в данной сфере и присутствует много проблем, нельзя не отметить, что они решаются. Государством в данной области разработан и реализуется ряд программ.

3. Вынужденный уход экономики России от нефтегазовой иглы. Правительству России нужно понимать, что время ресурсной экономики заканчивается. Возвращение спроса на энергоресурсы и восстановление цен на них – процесс длительный и подверженный различным рискам.

4. Глобализация экономики приостановлена, и дальше будут идти процессы деглобализации. Национальные экономики будут стремиться к самообеспечению, что напрямую связано с вопросами национальной безопасности.

5. Переоценка и пересмотр международных отношений. Пандемия показала цену и качество межгосударственных отношений, когда государства отказывались объединиться в борьбе с коронавирусом, вели торговую войну за медицинское оборудование и средства индивидуальной защиты. Занимались шпионажем и переманиванием специалистов, разрабатывающих вакцину от коронавирусной инфекции. Стали очевидными слабые стороны мирового разделения труда и зависимость национальных экономик от импорта товаров и услуг.

Несмотря на то, что социальная революция в концепции перехода к ноономике неизбежна, и «закономерностью современной эпохи (начала перехода к НИО.2) является рост конфликтогенности во всех областях нашей жизни – экономической, социальной, геополитической» (5), государству нужно работать в направлении снижения социальной напряженности, обеспечения экономического роста, возвращать доверие и поддержку населения, без этого переход к новой экономической концепции будет иметь слишком тяжелые последствия.

Решениями, которые помогут снизить социальную напряжённость и поддержать экономику, могут быть:

1. Своевременное информирование населения. Необходимо транслировать информацию как можно шире через все возможные каналы. Особое внимание стоит уделить интернету, как главному источнику информации для основной части населения. Отсутствие информации и ее сокрытие порождает слухи и формирует неверное общественное мнение, изменить которое не так легко.

2. Продолжение реализации мер социальной поддержки населения с низкими доходами и семей с детьми и разработка мер поддержки пенсионеров. Необходимо увеличить доходы населения. Это позволит повысить платежеспособный спрос и поддержать отечественные предприятия. Без этого экономический рост невозможен.

3. Контроль демографических показателей, разработка и продолжение реализации программ, направленных на поддержку рождаемости.

4. Контроль уровня безработицы и реализация программ по ее снижению. Сейчас уровень безработицы в России нельзя назвать высоким, но негативная тенденция существует.

Академик А.Г. Аганбегян считает, что основными драйверами для выхода из сложной экономической ситуации должны стать инвестиции в основной капитал и человеческий капитал. Необходимо развивать экономику знаний. «При выделении достаточных финансовых ресурсов на преодоление кризиса мы смогли бы в 2021 г. или в первой половине 2022 г. превзойти уровень 2019 г., а с 2023 г. устойчиво перейти сначала к 3...4%-ному социально-экономическому росту, а через несколько лет – к 4...5%-ному ежегодному росту» (2, с. 35).

Становление нового уклада исторически всегда сопровождалось глубокими противоречиями во всех сферах общественной жизни, и сейчас наступил именно такой момент, когда трансформация экономики стала наиболее очевидна, когда весь мир понимает, что былого не вернешь, и нужно научиться жить в новых условиях. И только сами государства должны определить для себя, готовы ли они к изменениям, готовы ли они перестраивать социально-экономическую систему, или до последнего будут цепляться за привычные устои.

У России есть все шансы преодолеть этот сложный трансформационный период, не допустив острого конфликта между социальными и экономическими интересами, сохранив ключевые важные показатели развития государства на необходимом уровне, и прийти в итоге к экономике нового поколения.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики. Экономическое возрождение России, №2 (64), 2020. С. 4–14.

2. Аганбегян А.Г. Предложения по социально-экономическому развитию в современной кризисной обстановке. Экономическое возрождение России, №2 (64), 2020. С. 33–44.

3. Министерство экономического развития РФ. <https://www.esopomtu.gov.ru/> (дата обращения 17.07.2020).

4. Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России, №3 (57), 2018. С. 5–12

5. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018.
<https://noonomy.ru> (дата обращения 20.07.2020)

6. Федеральная служба государственной статистики. <https://www.gks.ru/> (дата обращения 20.07.2020)

Николаева Е.Е.,

доктор экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой экономической теории
и региональной экономики,
Ивановский государственный университет

Nikolaeva E.E.,

Doctor of Econ. Sc., Associate Professor,
Head of the Department of Economic Theory
and Regional Economics, Ivanovo State University

**Системное единство природных, экономических,
институциональных и социальных процессов
и его скоординированное использование
для решения острых социально-экономических
проблем в общественном воспроизводстве
России¹**

**Systemic Unity of Natural, Economic,
Institutional and Social Processes and its
Coordinated Use to Solve Acute Socio-economic
Problems in the Social Reproduction of Russia**

Аннотация. Рассматривается взаимодействие природных, экономических, институциональных и социальных процессов как методологического основания для хозяйственной политики при

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-010-00329 «Теоретико-методологические основы расширенного понимания хозяйственного механизма в современной экономике»

решении социально-экономических проблем в системе общественного воспроизводства

Abstract. The interaction of natural, economic, institutional and social processes is considered as a methodological basis for economic policy in solving socio-economic problems in the system of social reproduction

Ключевые слова: природные процессы, экономические процессы, институциональные процессы, социальные процессы, общественное воспроизводство, ноономика

Keywords: natural processes, economic processes, institutional processes, social processes, social reproduction, noonomics

В условиях глобализации мировой экономики, обострения глобальных проблем человечества (экологических и социальных) требуется теоретическое осмысление изменений в живой природе, в обществе, в самом человеке как части природы и общества. При этом важно исследовать всю совокупность изменений. Сложившиеся взаимоотношения человека и природы уже в 80-е годы XX века характеризовались как природоразрушительный тип общественного развития¹. Как отмечает С.Д. Бодрунов, «человечество стоит на распутье: либо движение к рационализации развития, к ноономике, либо реализация негативного сценария, вплоть до глобальной катастрофы. В развитии техносферы накопилось множество негативных тенденций. Под угрозу поставлена среда обитания человека; накапливаются проблемы взаимодействия человека с техносферой, возрастает зависимость от технической и информационной среды, что приводит к своего рода «киборгизации» человека (пока без формального вторжения в его физическое тело). Человек сталкивается с растущей негарантированностью своего существования как биологического и как социального существа»².

¹ Олдак П.Г. Формирование современного экономического мышления. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. С. 50.

² Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России. 2018. № 2(56). С. 11.

В настоящее время хозяйство России столкнулось с неисчислимыми экологическими бедствиями (загрязнение водного и воздушного бассейнов, наводнения, лесные пожары, эрозия почв, и др.); техногенными проблемами (повышенный износ основного капитала, ошибки в системах управления и проч.); развитыми элементами деиндустриализации, выведения из оборота сельхозугодий, обезлюдиванием территорий сельской местности, малых городов, северных районов страны.

Эти комплексные проблемы можно представить в теоретико-методологическом плане как четырехзвенную воспроизводственную цепь на базе природных, экономических, институциональных и социальных процессов и явлений¹. Такой подход развивает существующие научные направления в области природопользования, теории устойчивого развития, качества экономического роста, социальных и духовных свойств экономики. Например, если в сельском хозяйстве пытаться решать исключительно хозяйственные (экономические) вопросы (например, строительство производственных зданий, мелиорация земель и пр.), но при этом не заботиться о социальных проблемах поселений, развитии инфраструктуры (помощь людям в строительстве и ремонте домов, в работе на приусадебных участках, создание детских учреждений, благоустройство территории и пр.), игнорировать возможные экологические проблемы (строительство животноводческих ферм часто имеет негативы – отходы, запахи), то положительные результаты в системе общественного воспроизводства в лучшем случае будут относительными или их не будет вообще. «Главным ориентиром развития должен стать не рост ВВП, а набор критериев оценки уровня удовлетворения разумных потребностей человека, необходимых для обеспечения его развития. Возможность поднять уровень удовлетворения потребностей, не нагромождая гору не нужных (при разумном подходе) вещей, пожирающих нашу планету и убивающих природу, как раз и открывают современные техно-

¹ См. подробнее: *Бабаяев Б.Д., Николаева Е.Е.* Общественное воспроизводство как системное единство природных, экономических, институциональных и социальных процессов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2017. № 2. С. 22–27.

логии»¹. С 70-х гг XX в. в научном обороте используется термин «эко-развитие» как «экологически-ориентированное социально-экономическое развитие, при котором рост благосостояния людей не сопровождается ухудшением состояния среды обитания и деградацией природных систем»², получила развитие концепция устойчивого развития с учетом экологических ограничений. Устойчивое развитие понимается как процесс экономических и социальных изменений, при котором использование природных ресурсов, научно-технические разработки, потоки инвестиций, развитие человека и институциональные изменения согласованы друг с другом и способствуют укреплению социально-экономического потенциала общества для удовлетворения потребностей людей. С точки зрения политической экономии можно говорить о необходимости развития природосберегающего типа общественного воспроизводства. При этом нужно рассматривать природные процессы как материальную основу экономической и социальной деятельности людей, которая реализуется в определенной институциональной среде.

Научно-технический прогресс воздействует на все стороны жизни людей. При взаимодействии природных и экономических процессов появляются новые виды хозяйственной деятельности человека. Развитие техники и технологий влияет на социальную структуру общества, изменяет требования к знаниям, навыкам, жизненным стандартам. Эти изменения можно понять с помощью междисциплинарных исследований, чтобы эффективно, комплексно решать острые социально-экономические проблемы. На это обращает внимание О.Н. Яницкий, предлагая концепцию производства экосоциального знания на основе взаимодействия социологических, естественных и технических наук³. В современной научной литературе

¹ Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России. 2018. № 2(56). С. 12.

² Акимов Т.А., Хаскин В.В. Основы экоразвития: учеб. пособие. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1994. С. 151.

³ Яницкий О.Н. К вопросу о концепции экосоциального знания // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 3–13.

вопросы взаимодействия экономики, социологии и экологии поднимаются М.Я. Лемешевым (модель эколого-социально-экономической объединенной системы, элементами которой выступают человек, природа и экономика; проект создания системы полифункциональных сельских поселений)¹, А.Б. Берендовой (концепция социальных свойств экономики на основе взаимодействия экономических и социальных процессов как элементов воспроизводственной цепи и институциональной среды)², Б.Д. Бабаевым, Д.Б. Бабаевым, Е.А. Белкиным (единство естественных и экономических процессов в рамках логической цепочки «природные процессы – экономические процессы – институциональные условия»)³, М.Л. Макаровым, А.Р. Бахтизиным, Е.Д. Сушко (социо-эколого-экономическая агент-ориентированная модель региона)⁴ и др.

Функционирование экономики, эффективное использование многообразных ресурсов предполагают развитый хозяйственный механизм, который следует представить в виде воспроизводственной цепи – природные, экономические, институциональные и социальные процессы и явления. Для оптимизации действий людей в системе «человек-природа» необходимо использовать комплексную государственную политику для достижения двусторонней цели: удовлетворение растущих запросов людей и решение круга хозяйственных проблем с учетом национальной безопасности и отраслевого и пространственного развития страны. Понимание предлагаемой воспро-

¹ Лемешев М.Я. Природа и мы. М.: Советская Россия, 1989. 272 с.; Лемешев М.Я. Экологические деревни – альтернатива урбанизации // Наш современник. 2016. № 2. С. 166–176.

² Берендеева А.Б. Социальные свойства экономики: теоретико-методологические аспекты. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 300 с.

³ Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б., Белкин Е.А. О взаимосвязи природного (естественного) и экономического процессов в рамках политэкономического подхода // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2016. № 3 (47). С. 10–16.

⁴ Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Агент-ориентированная модель как инструмент регулирования экологии региона // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 1 (45). С. 151–171.

изводственной цепи как интегрированного и скоординированного пространства позволяет перевести исследование в русло изучения организационно-хозяйственного механизма. При этом актуализируется тема взаимодействия и взаимодополнения стихийного (рыночного) механизма и планового механизма (регулирования со стороны государства и крупных производственных и общественных структур). Институты могут через субъективную деятельность людей оказывать воздействие на объективные процессы (например, экологические стандарты через цены, штрафы понуждают предприятия совершенствовать производство с учетом законов производства и природы).

В качестве примера воспроизводственной цепи на базе природных, экономических, институциональных и социальных процессов и явлений можно указать на недавнюю проблему гибели пчел после обработки химикатами посевов рапса в различных регионах нашей страны в 2019–2020 гг. Экономические процессы, связанные с достижением повышения урожайности рапса, приводят к негативным природным (гибель пчел) и социальным последствиям (потеря доходов и даже бизнеса для пчеловодов). При этом наличие законодательных актов, стандартов, регламентов использования ядохимикатов без отлаженного хозяйственного механизма не гарантирует обеспечение интересов всех заинтересованных сторон. А ведь осуществление экономической деятельности не только формирует рабочие места и доходы занятых, но и способствует хозяйственному освоению территории, социально-экономическому развитию регионов. Для нашей страны в связи с обеспечением экономической безопасности, решением задачи импортозамещения необходимо развитие всего комплекса видов экономической деятельности, включая материальное производство, понимаемое не только как совокупность отраслей, производящих материальный продукт, но и оказывающих материальные услуги по продвижению товаров-вещей до потребителей (транспортировка, хранение, упаковка, оптовая и розничная торговля), а также по обеспечению условий жизнедеятельности человека (общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовые услуги населению). Материальное производство обеспечивает удовлетворением базовых потребностей людей. В связи с воспроизводством самого человека требуется развитие сферы нематериального

производства (здравоохранение, образование, культура, искусство, физическая культура и спорт и др.), совершенствования институционального обеспечения сферы труда и трудовых отношений, заработной платы наёмных работников, формирующей условия для нормального воспроизводства рабочей силы.

Хозяйственный механизм можно трактовать как познание и использование всей совокупности экономических законов, в единстве их «технологической и общественно-трудовой сторон. Обе эти стороны должны соответствовать друг другу. В свою очередь экономическим законам должны соответствовать действующие в общественной системе институты. Проблема адекватности институциональной среды требованиям экономических законов – важная проблема современной экономики»¹. Согласно теории систем, важнейшим свойством управляемой системы является закон необходимого разнообразия (сформулирован Уильямом Россом Эшби). В соответствии с этим законом оптимальное управление достигается при условии соответствия разнообразия управляющего воздействия разнообразию управляемого объекта и строгой однозначности управляющего воздействия.

В условиях пандемии взаимосвязь рассматриваемых процессов проявилась достаточно ярко. Приостановка на время работы предприятий и организаций, нахождение на карантине, на самоизоляции многих людей привели к уменьшению влияния деятельности человека на природу, что незамедлительно сказалось на восстановлении популяций некоторых видов птиц и млекопитающих, улучшению экологической ситуации в городах, самоочищение воздуха и водоемов и проч. Переход части видов труда на удаленный режим, нахождение людей дома на самоизоляции сказались на структуре спроса на потребительских рынках, а это повлекло за собой изменение структуры спроса на инвестиционные товары. Изменились и потреб-

¹ Расширенная концепция хозяйственного механизма современной социально-экономической системы России: теоретико-методологический подход : науч. изд. / Б.Д. Бабаев, Е.Е. Николаева, Д.Б. Бабаев, А.Б. Берендеева, Н.В. Боровкова, И.В. Пузырев; под общ. ред. Б.Д. Бабаева и Е.Е. Николаевой. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 27.

ности, и экономическое поведение людей. Сокращение занятости, спад в экономике не могли не сказаться на настроении общества. Кризисные явления потребовали изменения хозяйственного механизма. В соответствии с теорией Дж.М. Кейнса оказалось необходимым усиление вмешательства государства в функционирование экономики и общества, воздействие на совокупный спрос, поддержание приемлемого уровня доходов населения. Резко возросли социальные расходы государственного бюджета на здравоохранение, активизировалась строительная отрасль по возведению больниц. Потребовалось и изменение институтов – создание регламентов работы предприятий, организаций, объектов социальной сферы, правил поведения людей в условиях пандемии. При этом государству в целом и отдельным регионам (поскольку ситуация в каждом из субъектов федерации разная) необходимо было находить оптимальное соотношение между введенными запретами и ограничениями, связанными с безопасностью здоровья людей, и сохранением экономики в функциональном режиме, обеспечением людей работой и доходами.

Следует отметить, что в условиях чрезвычайной ситуации активизировались научные исследования, связанные с медицинскими техникой и технологиями, лекарственными препаратами, средствами индивидуальной защиты, произошло изменение номенклатуры выпускаемой продукции, режимов труда (удаленная работа, дистанционное обучение, консультирование, в том числе в медицине), расширились сферы применения информационных технологий, в том числе в сфере оказания госуслуг. Изменяется содержание процессов создания продуктов («реиндустриализация на качественно новой технологической основе»¹), место и роль человека в системе материального производства (ноономика²). Все это создает поле дея-

¹ Бодрунов С.Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Том 20. № 1. С. 7.

² В концепции С.Д. Бодрунова, ноономика понимается как «хозяйственная система, развивающаяся от экономики к системе, где люди вступают в отношения в сфере, лежащей «по ту сторону» собственно материального производства, в сфере ноопроизводства» (там же, с. 9–10).

тельности для реализации взаимодействия государственных и частных инвестиций (государственно-частное партнерство, использующее в качестве основного инструмента индикативное планирование). Как отмечает К. Шваб, «если мы хотим, чтобы Четвертая промышленная революция привела нас в экологически рациональное и открытое для всех будущее, крайне важно придерживаться подхода, нацеленного на множество заинтересованных сторон. Принцип множества заинтересованных сторон предполагает, что жизнеспособные решения сложных мировых проблем могут быть достигнуты при совместном участии руководителей бизнеса, государства, гражданского общества и научных кругов, а также с привлечением молодого поколения... Чтобы Четвертая промышленная революция обеспечила процветание, открытость и равенство для общества и граждан, требуется осознанный выбор технологических систем, которые неизбежно будут влиять на экономику, окружающую среду и социальные системы»¹.

Но это требует дальнейшей разработки вопроса о хозяйственном механизме такого взаимодействия, сочетания стихийного самоорганизующегося начала и внешнего управляющего воздействия, чтобы направить инвестиции на обеспечение экономического развития страны и ее регионов. Необходимо определение приоритетов развития в технико-технологическом и социально-экономическом смыслах (аспектах), осуществление комплексного планирования, охватывающего все стороны жизнедеятельности.

Список литературы

1. Акимова Т.А., Хаскин В.В. Основы экоразвития: учеб. пособие. – М.: Изд-во Рос. экон. акад., 1994 – 312 с.
2. Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б., Белкин Е.А. О взаимосвязи природного (естественного) и экономического процессов в рамках политэкономического подхода // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2016. № 3 (47). С. 10–16.

¹ Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции: пер. с англ. / Клаус Шваб, Николас Дэвис. М.: Эксмо, 2018. С. 85, 86.

3. Бабаев Б.Д., Николаева Е.Е. Общественное воспроизводство как системное единство природных, экономических, институциональных и социальных процессов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Экономика и управление» 2017. № 2. С. 22–27.
4. Берендеева А.Б. Социальные свойства экономики: теоретико-методологические аспекты. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 300 с.
5. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России. 2018. № 2(56). С. 5–13.
6. Бодрунов С.Д. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Том 20. № 1. С. 5–12.
7. Лемешев М.Я. Природа и мы. М.: Советская Россия, 1989. 272 с.
8. Лемешев М.Я. Экологические деревни – альтернатива урбанизации // Наш современник. 2016. № 2. С. 166–176.
9. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Агент-ориентированная модель как инструмент регулирования экологии региона // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 1 (45). С. 151–171.
10. Олдак П.Г. Формирование современного экономического мышления. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 160 с.
11. Расширенная концепция хозяйственного механизма современной социально-экономической системы России: теоретико-методологический подход: науч. изд. / Б. Д. Бабаев, Е.Е. Николаева, Д.Б. Бабаев, А.Б. Берендеева, Н.В. Боровкова, И.В. Пузырев; под общ. ред. Б.Д. Бабаева и Е.Е. Николаевой. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. – 308 с.
12. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции: перевод с англ. / Клаус Шваб, Николас Дэвис. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
13. Яницкий О.Н. К вопросу о концепции экосоциального знания // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 3–13.

Рассадина А.К.,

*кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Rassadina A.K.,

*Candidate of Econ. Sc.,
Senior Researcher
in Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Economics*

**Международный трансфер технологий.
Роль государственного регулирования**

**International Transfer of Technologies.
Role of State Regulation**

Аннотация. В статье анализируется роль государственных стратегий в осуществлении международного трансфера технологий как важного источника диффузии современных знаний. Исследуются цели и инструменты, которыми руководствуются государства в процессе осуществления МТТ в зависимости от уровня их развития. Рассматриваются основные каналы МТТ, а также значение способности к абсорбции как необходимого условия его эффективности.

Abstract. The article examines the role of public policies in international technology transfer as an important source of modern knowledge, the objectives and tools, used by different states in the implementation of ITT, depending on their level of development. The main channels of ITT are considered, as well as the value of absorption capacity as a necessary condition of its' efficiency.

Ключевые слова: международный трансфер технологий, способность к абсорбции, прямые иностранные инвестиции, международная торговля.

Keywords: international technology transfer, absorption capacity, foreign direct investments, international trade.

Распространение современных знаний и технологий, способность к их производству и восприятию – важнейшие факторы экономического функционирования государств, независимо от уровня их технологического развития. Данный фактор приобретает особое значение в настоящий период, когда мы говорим о «непрерывном росте **знаниеемкости** продукта материального производства и переходе на этой основе к качественно новому типу материального производства» (1, с.9). В этих условиях все большее значение приобретает международный трансфер технологий (МТТ).

К сожалению, наша страна сохраняет статус «догоняющей» в экономическом и технологическом развитии. «Как показывают объективные статистические данные, – пишет С.Д. Бодрунов, – несмотря на некоторые очевидные достижения (ОПК, авиация, космическая программа, атомная энергетика, ледокольный флот и др.), Россия в технологической сфере в целом значительно уступает как развитым, так и многим развивающимся странам, в частности – Китаю» (3, с. 5). В связи с этим важное значение приобретает осуществление государственных стратегий, связанных с международным трансфером технологий.

Международный технологический трансфер (МТТ) представляет собой канал, посредством которого национальные экономические агенты получают доступ к зарубежным знаниям и технологиям и успешно применяют их в производственных процессах (14, р.17). При рассмотрении МТТ чаще всего исходят из различий в уровне экономического и технологического развития развитых стран, являющихся производителями и владельцами наиболее продвинутых технологий, и развивающихся государств, заинтересованных в получении доступа к ним. В данном контексте МТТ рассматривается в качестве ключевого фактора роста эффективности производства, его модернизации и важным дополнением к внутренним источникам роста производительности труда, прежде всего, в развивающихся странах.

Однако в диффузии современных технологий и знаний и обмене ими заинтересованы и экономически развитые государства, о чем свидетельствуют разрабатываемые ими стратегии, связанные с МТТ.

В связи с различием в уровнях развития и, соответственно, целями, которыми руководствуются государства и конкретные компании в процессе МТТ, различаются и применяемые ими стратегии. Технологически развитые страны, обычно выступающие в роли прямых иностранных инвесторов, акцентируются на открытости в торговой и инвестиционной деятельности и защите прав интеллектуальной собственности (ПИС). Они также заинтересованы в обеспечении регламентированного распространения/трансфера технологий и защите своих инвестиций в R&D.

Что касается развивающихся и «догоняющих» стран, то они исходят из необходимости минимизации затрат и максимизации выгод для национальной экономики сверх тех, которые возникают по определению. Методы, которые используют импортеры, включают, в частности, выдвижение требований, связанных с обязательным инвестированием в национальные R&D, обучением работников или местные компании в обмен на вхождение прямых иностранных инвестиций и др. Таким образом, цели и интересы при выработке стратегий государственного регулирования МТТ у производителей и импортеров технологий различны.

С процессом торговли технологиями связаны высокие издержки, возникающие в связи с реальными условиями передачи их определенных видов (например, неосязаемых активов), с одной стороны, и с провалами рынка, которые часто наблюдаются в данной сфере, с другой (14, р.13). Недостатки рынка, относящиеся к сфере технологического трансфера, с одной стороны, и необходимость в поддержке диффузии знаний, с другой – рассматриваются в качестве важного аргумента при обосновании государственного вмешательства в данный процесс.

В последние годы стратегии, связанные с МТТ, быстро развивались. Это связано, прежде всего:

- с быстрым экономическим ростом и накоплением капитала и знаний в ряде быстро развивающихся стран;
- с меняющимися национальными и международными регламентационными условиями. Примером таких изменений является

тот факт, что ряд развитых стран (прежде всего, США) в последнее время усовершенствовали свои системы защиты ПИС;

- с развитием самих технологий (прежде всего, в результате вступления в новый виток технологической революции, связанной с цифровизацией);
- с развитием новых моделей международной конкуренции и производства и, прежде всего, возрастанием роли основанного на знаниях капитала и интернационализацией производства в глобальных цепочках стоимости.

Экономико-технологическое взаимодействие между государствами осуществляется, прежде всего, через торговлю, финансовые потоки, включая прямые иностранные инвестиции (ПИИ), миграцию работников, менеджеров и ученых. Такое взаимодействие влияет на глобальное распределение ресурсов и служит проводником для передачи технологий.

Основными путями МТТ в настоящее время являются торговля товарами с высокой долей добавленной стоимости, прямые иностранные инвестиции, межгосударственная миграция работников, торговля на рынках технологий (лицензирование). В качестве механизмов, которые не попадают под контроль держателей технологий и не являются объектом рыночных операций, можно выделить обратное проектирование, исследования на базе находящейся в свободном доступе или купленной информации (опубликованные заявки на патенты, опубликованные исследования, конференции), передвижение ключевых специалистов и т.п. Существуют также неформальные каналы технологического обмена (прямой обмен кадрами, совместные исследовательские проекты и др.).

Остановимся более подробно на **двух основных каналах МТТ** – международной торговле и ПИИ.

Основную роль в осуществлении мирового трансфера знаний и технологий по-прежнему играет **международная торговля**. Исследования показывают, что открытость в торговле оказывает большее влияние на общую производительность факторов производства в развивающихся странах – импортерах технологий, чем инвестиции в научные исследования и разработки. Другими словами, большая часть передачи технологий в данном направлении происходит за счет импорта технологически-емких товаров.

Таблица 1. Крупнейшие экспортеры
высокотехнологичной продукции в 2012–2013 гг.

Страна-экспортер	Место в рейтинге	Изменение места	Экспорт высоко- технологичной продукции (млн долл.)	Доля на мировом рынке высокотехнологичной продукции (%)	Изменение доли на миро- вом рынке высокотехно- логичной продукции (%)	Преобладающий сегмент высокотехнологичной продукции
Китай	1	–	761 906	27	↑↑ (7.1)	ННТ (57)
США	2	–	317 573	11	↓ (–3.9)	ННТ (57)
Германия	3	–	311 806	11	– (–0.4)	ННТ (50)
Южная Корея	4	↑	167 827	6	– (0.5)	МНТ (52)
Япония	5	↓	164 331	6	↓ (–1.4)	МНТ (55)
Сингапур	6	↓	160 744	6	– (0.1)	ННТ (73)
Франция	7	↓	159 820	6	– (0)	ННТ (67)
Нидерланды	8	↓	110 832	4	– (–0.4)	ННТ (55)
Швейцария	9	↑	88 498	3	– (0.4)	МНТ (53)
Бельгия	10	↓	77 071	3	– (–0.4)	МНТ (59)
Итого в целом по крупнейшим экспортерам высокотехнологичной продукции			2 320 410	81	↑ (1,5)	ННТ (55)

Условные обозначения: МНТ – умеренно высокотехнологичный экспорт; ННТ – особо высокотехнологичный экспорт.

Источник: Форсайт, 2016, с.60.

Данная таблица показывает абсолютные значения и динамику экспорта высокотехнологичной продукции за период 2012–2013 гг. Мы видим, что устойчивое лидирующее положение занимает Китай, на протяжении целого ряда лет активно применявший государственные стратегии по созданию возможностей для абсорбирования новейших технологий и, как следствие, развитию собственных R&D. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время.

Наша страна все еще остается «узкоконическим производителем и экспортером высокотехнологичной продукции со слабыми конкурент-

ными позициями по большинству товаров и высокой зависимостью от импорта из стран, введших против нее санкции». По большинству сегментов, связанных с производством и экспортом высокотехнологических товаров, позиции России являются «умеренно слабыми» или «устойчиво отрицательными». При этом в ряде сегментов реального сектора, связанных, например, с производством и экспортом продуктов, основанных на ядерных технологиях, турбин и двигателей, она занимает лидирующие позиции (4, с.66, 65).

Ключевым фактором в осуществлении МТТ являются **прямые иностранные инвестиции**.

Исследование, проведенное UNCTAD в 2013 году, показало, что среди различных возможных методов управления в глобальных производственно-сбытовых цепочках, в тех случаях, когда ведущая фирма непосредственно осуществляет операции и участвует во внутрифирменной торговле, воздействие ПИИ, как правило, является позитивным с точки зрения передачи знаний, особенно в развивающихся странах. В то же время степень горизонтальных и вертикальных побочных эффектов различна в зависимости от страны и отрасли. В исследовании делается вывод о том, что, хотя существуют реальные потенциальные выгоды от осуществления данных процессов, они не являются автоматическими и регулирование должно учитывать несколько потенциальных рисков. Один из таких рисков – создание определенной зависимости от узкой технологической базы (11).

Следует подчеркнуть, что при формировании глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) основной объем инвестиций в R&D сосредоточен не в зарубежных филиалах, а в материнских компаниях. Таким образом ТНК контролируют базовые фрагменты ГЦСС – прежде всего, научные исследования и разработки, использование интеллектуальной собственности (патенты, лицензии, но-хау), финансирование, маркетинговые и рекламные услуги. Таким образом, филиалам остается лишь несколько процентов добавленной стоимости, а главные финансовые потоки сосредотачиваются в материнских компаниях. Затрудняя перемещение исследований и разработок за пределы стран базирования, ТНК препятствуют самостоятельному научно-технологическому развитию стран расположения филиалов. Тем не менее, новым сдвигом в инновационном потенциале ТНК в развивающихся странах является все большее распространение соз-

дания в них условий для R&D, которые выходят за рамки адаптации к местным рынкам (17, 2018).

В связи со значительным потенциалом в осуществлении трансфера технологий, которым обладают ПИИ, директивные органы принимающих стран предусматривают различные меры, направленные на их привлечение. В качестве примера можно привести создание в 2003 году в Республике Корея компании «ИнвестКорея» с мандатом на поощрение ПИИ в R&D. Это привело к созданию Корейского фонда международного сотрудничества в области науки и техники, который служит связующим звеном между национальными и иностранными центрами в сфере R&D (17, 2005).

Не ставя в данной статье цель рассмотрения ПИИ в российской экономике, отметим только, что Россия остается их крупнейшим реципиентом среди стран Восточной Европы и бывшего СССР, и что влияние ПИИ на развитие российских компаний и экономики в целом не однозначно. С одной стороны, мощное конкурентное воздействие зарубежных компаний на российские фирмы приводит к сокращению рыночной доли последних, с другой – прямые иностранные инвестиции активизируют борьбу за долю рынка, что, в свою очередь, стимулирует российские компании к развитию, модернизации производства, внедрению инноваций. Государственная стратегия в этой сфере должна быть направлена, прежде всего, на привлечение ПИИ для производства товаров с высокой долей добавленной стоимости, ранее не производившихся в нашей стране. При этом необходимо стимулировать закупки сырья и промежуточных продуктов внутри страны для обеспечения потребности своих производств (5, с.81).

Важнейшим условием, влияющим на диффузию технологий, и, соответственно, на способность конкретной страны «догнать» более технологически продвинутые государства, является **способность к абсорбции**, которая подразумевает наличие нескольких факторов:

- высококвалифицированного человеческого капитала,
- определенного уровня технологического развития,
- доступа к соответствующему финансированию,
- адекватной технологической инфраструктуры.

Обзор данных экономического роста в развивающихся странах показывает, что, чем больше технологический разрыв между страной-инвестором и страной, принимающей ПИИ в качестве источни-

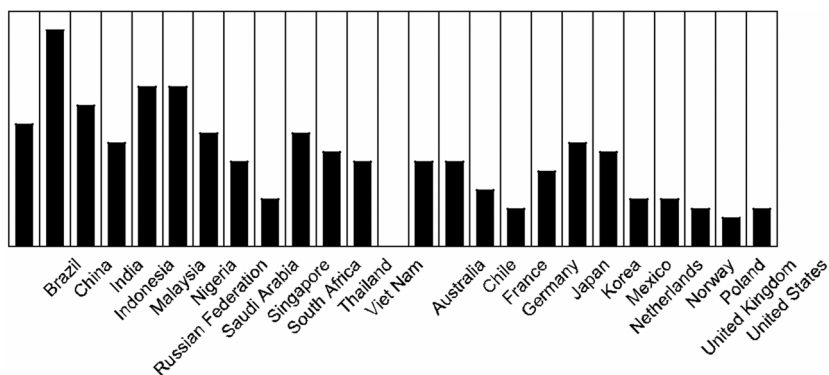
ка современных знаний и технологий, тем меньше их влияние на экономический рост в последней (9, р. 27). Для того, чтобы воспринять новое знание, компании должны изначально обладать определенным уровнем собственных технологических возможностей. По мнению Коэна, наличие собственных R&D выступает в качестве одного из приоритетных факторов, усиливающих «способность фирм ассимилировать и использовать внешние знания» (8, р. 128–130). При этом следует отметить, что влияние собственных R&D на способность к абсорбции слабее в экономиках крупных развитых стран, что может быть связано с их приоритетной ориентацией в сфере R&D на создание новых, а не на абсорбцию существующих внешних технологий (12, р.14).

Одним из важнейших факторов, направленных на рост абсорбционного потенциала, является наличие в стране соответствующего человеческого капитала и образования. Исследование стратегий, связанных с МТТ, в странах, входящих в ОЭСР, показывает, что более половины из них реализуют стратегии, направленные на облегчение инвесторам доступ к высококвалифицированному человеческому капиталу в технологически интенсивных областях. Этот подход применяется в развитых странах, где такое содействие имеет, в частности, форму связей между техническими школами и предприятиями. Например, во Франции существует сложившаяся сеть взаимоотношений между инженерными школами и фирмами. В Корее Управление Омбудсмана продвигает набор для работы в иностранных инвестиционных компаниях будущих выпускников непосредственно на кампусе. Такой рекрутинг касается технологически интенсивных отраслей -автомобилестроения, электроники и IT (10).

Что касается факторов, снижающих способность к абсорбции новых технологий, то одним из них может быть отсутствие у фирмы возможности получать финансирование на развитие R&D или на внедрение конкретных технологий из-за слабого развития местных финансовых институтов, а также ограниченных корпоративных финансовых ресурсов (10). В качестве негативного фактора может также выступать низкий уровень конкуренции в местной деловой среде, что, повышая стоимость инвестиций и производства, снижает стимулы к развитию инноваций. Государственное регулирование в этом случае должно быть направлено на создание необходимых рыночных

условий, стимулирующих конкуренцию и, тем самым, обеспечивающих местным фирмам стимулы к инновационному развитию. Таким образом, существует убедительное свидетельство того, что выбор правильной стратегии повышает способность к абсорбции в развивающихся и «догоняющих» экономиках. Для усиления возможности абсорбирования, прежде всего, в странах с более низким уровнем экономического и технологического развития, необходимо проведение государственной политики, стимулирующей инвестирование компаниями в R&D, а также обеспечение доступа к высококвалифицированной рабочей силе и ее подготовка. В качестве важнейших факторов выступают также наличие в принимающей стране адекватного государственного финансирования R&D, соответствующей институциональной инфраструктуры и общего уровня образования.

Диаграмма 1. Применение стратегий в сфере МТТ по странам

Источник: материалы ОЭСР (10; 13; 15)

Данная диаграмма показывает менее широкое применение мер, связанных с эффективностью трансфера технологий в развитых странах по сравнению с их распространением в развивающихся и быстро растущих экономиках. По объему применения мер, стимулирующих технологический обмен, Россия находится между основными быстро растущими экономиками и развитыми странами.

В майских указах Президента РФ была поставлена приоритетная задача «совершения технологического прорыва», без которого отста-

вание нашей страны будет сохраняться (6). Однако тот факт, что данная цель ставится уже не впервые, говорит о том, что мы все еще далеки от ее реализации. Причина, на наш взгляд, состоит в отсутствии системного подхода к осуществлению модернизационно-технологических преобразований в рамках государственной промышленной политики, без которого переход к новому индустриальному обществу второго поколения не представляется возможным. «Переход к НИО-2, – пишет С.Д. Бодрунов – требует реформирования системы экономических отношений, что предполагает развитие активной индустриальной политики, стратегического планирования, государственно-частного партнерства, интеграции производства, науки и образования на микро- и макроуровнях, и т.д.» (2, с. 8.). Одним из компонентов такой государственной политики должны быть стратегии, связанные с осуществлением международного трансфера технологий.

Список литературы

1. Бодрунов С. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. – 2016. № 2(48) – С. 5–15.
2. Бодрунов С. Ноономика. Будущее: Четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России. – 2018. № 2(56) – С. 5–13.
3. Бодрунов С. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России. – №3(57). – 2018. – с. 5–13.
4. Гнидченко А., Мозилат А., Михеева О., Сальников В. Трансфер зарубежных технологий: оценка зависимости российской экономики от импорта высокотехнологичных товаров // Форсайт. – Т.10, № 1. – 2016. – С. 53–67.
5. Драпкин И., Лукьянов С., Бокова А. Влияние прямых иностранных инвестиций на внутренние инвестиции в российской экономике // Вопросы экономики. – №5. – 2020. – С. 69–85.
6. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2017 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на пери-

од до 2024 года». [www // http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf](http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf)

7. Keller W. Do Trade Patterns and Technology Flows Affect Productivity Growth? // World Bank Economic Review. Vol. 14. N° 1. – 2000 – P. 17–47.

8. Cohen W., Levinthal D. Absorptive capacity: A new perspective on learning and innovation. – Administrative science quarterly. – 1990. – P. 128–152.

9. De Mello J. Foreign direct investment in developing countries and growth: A selective survey // The Journal of Development Studies. 34(1). – 1997. – P. 1–34.

10. Financing SMEs and Entrepreneurs: An OECD Scoreboard. – OECD Publishing. – Paris. – 2017.

11. Global Value Chains: Investment and Trade for Development. – United Nations publication. – World Investment Report – New York and Geneva. – 2013.

12. Kneller R. Frontier technology, absorptive capacity and distance // Oxford Bulletin of Economics and Statistics, 67(1). – 2005. – P. 1–23.

13. Localising Data in a Globalised World. – OECD Publishing. – Paris. – 2016.

14. Maskus K. Encouraging International Technology Transfer (Vol. 7). – Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development – 2004.

15. Policy Framework for Investment. – OECD Publishing. – Paris. – 2015a.

16. Transfer of Technology. Document prepared by the Secretariat, Standing Committee on the Law of Patents, Fourteenth Session. – WIPO. – Geneva, January 25 to 29. – 2010. – http://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/en/scp_17/scp_14_4_rev_2.pdf.

17. World Investment Report. – UNCTAD. – Geneva. – 2005, 2007, 2015, 2018.

Щербина А.Ю.,

*аспирант кафедры международной экономики
Донецкого национального технического университета*

Shcherbina A.Y.,

*post-graduate, International Economics Department
at Donetsk National Technical University*

**Российская Федерация в международном
рейтинге инноваций и общемировые тенденции
развития инновационных процессов**

**The Russian Federation
in the International Rating of Innovations
and Worldwide Trends of Innovative Process**

Аннотация. В статье рассмотрена позиция Российской Федерации в глобальном инновационном процессе на основании базы данных Индекса Глобальных Инноваций за период 10 лет, выявлены сектора экономики с позитивной динамикой развития, а также сектора, развитие которых недостаточно активно либо имеет отрицательную динамику. Систематизированы и описаны общемировые тенденции развития инноваций и сделан вывод об их актуальности для Российской Федерации.

Abstract. In the article the position of the Russian Federation in the global innovation process on the basis of the Global Innovation Index database for a period of 10 years is considered, sectors of the economy with positive development dynamics, as well as sectors which development is not active enough or has negative dynamics are identified. Global trends in the development of innovations are described and systematically arranged, conclusions regarding their relevance for the Russian Federation are made.

Ключевые слова: общемировые тенденции инновационного развития, инновационная система.

Keywords: global trends in innovation development, innovation system.

Актуальность темы исследования. Современный этап развития мировой экономики характеризуется замедлением экономического роста национальных экономик большинства ведущих и развивающихся стран, усилением глобальной конкуренции на основных рынках, активным развитием фундаментальной и прикладной науки. Рост национальных экономик развитых стран мира во многом определяется государственной политикой в области инноваций, способствующей реализации интересов государства, национального капитала и научного сообщества. Экономика Российской Федерации показывает устойчивую тенденцию к росту (2019г. – 1,4%, 2018г. – 2,5%), во многом достигнутый прогресс объясняется выбором инновационного пути развития, в ходе которого основной акцент сделан на поддержку инноваций, обеспечивающих развитие процессов цифровизации, стимулирующих цифровые трансформации как отдельных компаний, так и в целом отраслей экономики, внедрение цифровых технологий в государственное управление, системы образования и здравоохранения. Поскольку инновационное развитие Российской Федерации является одним из приоритетов государственной политики, точное представление о занимаемом Россией положении в области инноваций в сравнении с другими странами мира способствует обоснованному принятию решений по управлению инновационной деятельностью в приоритетных для государства направлениях, их поддержке и финансированию (2). В связи с этим проведение анализа занимаемого Российской Федерацией места в мировой системе инновационного развития, а также выявление основных общемировых тенденций в сфере инновационной деятельности представляется актуальной задачей.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованию влияния инноваций на экономический рост стран были посвящены работы Й. Шумпетера, П. Друкера, парадигму развития экономики знаний и её влияние на мировое инновационное развитие, а также роль интеллектуальных ресурсов в инновационном развитии государства изучают Бодрунов С.Д. и Клейнер Б.Г. Несмотря на экспо-

ненциальный рост внимания научного сообщества к проблемам инновационного развития, анализ различных его аспектов в динамике представляется актуальной задачей, решение которой позволит эффективно управлять инновационной системой в целом, так как она нуждается в постоянной корректировке с учётом складывающейся экономической и политической конъюнктуры (1).

Результаты исследования. Инновации продолжают оставаться ключевым фактором экономического развития государства, при этом наблюдаемые в настоящий период ускоренные темпы технологических изменений создают новые предпосылки фундаментального характера, способствующие развитию народного хозяйства и росту конкурентоспособности государства на мировой арене (4). Динамичность инновационного сектора, обеспеченная тесным взаимодействием науки, системы образования и знаниеемких отраслей промышленности, где непрерывного увеличивается относительная доля знаний во всех компонентах производства, использующих интеллектуальные ресурсы, определяет как важность и место государства в системе мировых экономических отношений, так и уровень его экономической безопасности (3). Как показывают исследования, инновационное развитие национальной экономики зависит не только от качества жизни и человеческого капитала, высоких стандартов социальной безопасности и ведения бизнеса, но также в значительной степени от привлекательности инвестиционного климата, уровня развития инфраструктуры, наличия высокоразвитых интеллектуальных центров и эффективного госрегулирования (1). Создание данных условий является первостепенной задачей государства, стремящегося укрепить свои позиции на международной экономической, и, как следствие, политической арене. Уровень инновационного развития Российской Федерации определяется в рейтингах и индексах, методики расчёта которых разработаны международными организациями и научно-исследовательскими институтами (таблица 1).

Позиции Российской Федерации в каждом из указанных рейтингов и индексов различны ввиду использования при их расчётах принципиально разных методик количественного и качественного анализов, интерпретаций статистических данных, классификаций стран на группы по релевантным признакам и по количеству анализируемых стран. По мнению экспертов, Глобальный инновационный индекс

(Global innovation index, GII) представляет собой наиболее полный комплекс показателей инновационного развития экономик мира, рассчитанный в относительном выражении к численности населения и ВВП страны в текущих ценах или по ППС в долларах США.

*Таблица 1. Глобальные рейтинги
и индексы инноваций и экономики знаний*

Показатель	Организация	Подход
1. Индекс Экономики Знаний KET Knowledge Economy Index	Европейский Банк Реконструкции и развития	Комплексный показатель, характеризующий уровень развития экономики, основанной на знаниях, в странах и регионах мира. Рассчитывается по методике Всемирного банка (The World Bank)
2. Глобальный Инновационный Индекс Global Innovation Index (GII)	Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности. Глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю развития инноваций по версии международной бизнес-школы INSEAD	
3. Глобальный Индекс Конкурентоспособности Global Competitiveness Index (GCI)	Всемирный Экономический Форум	Глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю экономической конкурентоспособности по версии Всемирного экономического форума (World Economic Forum)
4. Европейский Инновационный Рейтинг European Innovation Scoreboard (EIS)	Европейская Комиссия	Система показателей научно-технического развития стран Европы, характеризует, среди прочего, положение в сфере защиты прав на интеллектуальную собственность, чем подчеркивается вклад объектов интеллектуальной собственности в инновационном развитии экономик стран ЕС

5. Индекс Инноваций Блумберга Bloomberg Innovation Index	Международное агентство Bloomberg L.P.	Ежегодный рейтинг стран, оценивающий их инновационную активность по количественным показателям
6. Индекс Экономической Сложности Economic Complexity Index (ECI)	Обсерватория Экономической сложности (ОЕС). Является мерой интенсивности знаний в экономике или продукте с учетом интенсивности знаний в производстве экспортных товаров	
7. Ежегодный рейтинг глобальной конкурентоспособности (The IMD World Competitiveness Yearbook, WCY IMD)	Institute of Management Development, IMD, Швейцария	Оценивание способности национальной экономики создавать и поддерживать среду для стимулирования конкурентоспособности бизнеса
8. Индекс готовности к будущему стран G-20	Совместный проект Международного дискуссионного клуба «Валдай» и ВЦИОМ, Россия	Анализ роли стран в сценариях будущего, анализ по экономическим, политическим и социальным критериям
9. Показатель Добавленной Стоимости в Торговле Trade in Value Added (TiVA)	Организация Экономического Сотрудничества и Развития	Рассмотрение добавленной стоимости каждой страны в производстве товаров и услуг, которые потребляются во всем мире

Источник: составлено на основании EBRD Knowledge Economy Index (10).

Таблица 2. Российская Федерация в Глобальном Инновационном Индексе за период 2010–2019 гг.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество стран в рейтинге	132	124	141	142	144	141	128	127	126	129
Место России	64	56	51	62	49	48	43	45	46	46
<i>Кол-во пунктов</i>	<i>н.д</i>	<i>35,9</i>	<i>37,9</i>	<i>37,2</i>	<i>39,1</i>	<i>39,3</i>	<i>38,5</i>	<i>38,8</i>	<i>37,9</i>	<i>37,62</i>
1. Институты (место в рейтинге)	117	97	93	87	88	80	73	73	74	74
<i>Кол-во пунктов</i>	<i>н.д</i>	<i>51,8</i>	<i>49,1</i>	<i>56</i>	<i>56,4</i>	<i>56,6</i>	<i>57,9</i>	<i>56,1</i>	<i>57,8</i>	<i>60,9</i>
2. Человеческий капитал и исследования (место в рейтинге)	46	38	43	33	30	26	23	23	22	23
<i>Кол-во пунктов</i>	<i>н.д</i>	<i>45,1</i>	<i>43,8</i>	<i>34,1</i>	<i>44,5</i>	<i>47,5</i>	<i>50,4</i>	<i>50</i>	<i>48,4</i>	<i>48,3</i>
3. Инфраструктура (место в рейтинге)	51	73	54	49	51	65	60	62	63	62
<i>Кол-во пунктов</i>	<i>н.д</i>	<i>25,8</i>	<i>37,8</i>	<i>37,2</i>	<i>41,1</i>	<i>40,6</i>	<i>44,5</i>	<i>47,5</i>	<i>45,2</i>	<i>47,1</i>
4. Развитость рынка (место в рейтинге)	97	74	87	74	111	94	63	60	56	61
<i>Кол-во пунктов</i>	<i>н.д</i>	<i>36,4</i>	<i>35</i>	<i>45,4</i>	<i>42,5</i>	<i>43,5</i>	<i>43,1</i>	<i>47,1</i>	<i>48,1</i>	<i>49,4</i>
5. Развитость бизнеса (место в рейтинге)	95	37	43	52	60	44	37	33	33	35
<i>Кол-во пунктов</i>	<i>н.д</i>	<i>44,9</i>	<i>44,3</i>	<i>36,1</i>	<i>34,3</i>	<i>38,4</i>	<i>37,5</i>	<i>40,3</i>	<i>39,9</i>	<i>40</i>
6. Результаты в области знаний и технологий (место в рейтинге)	39	34	32	48	34	33	40	45	47	47
<i>Кол-во пунктов</i>	<i>н.д</i>	<i>32,9</i>	<i>38,4</i>	<i>30,4</i>	<i>37,6</i>	<i>36,6</i>	<i>31,9</i>	<i>27,6</i>	<i>28,9</i>	<i>27,1</i>
7. Результаты в области творчества (место в рейтинге)	72	75	84	101	72	79	66	62	72	72
<i>Кол-во пунктов</i>	<i>н.д</i>	<i>28,9</i>	<i>29,1</i>	<i>30,8</i>	<i>31,4</i>	<i>30,1</i>	<i>28,7</i>	<i>31</i>	<i>26,9</i>	<i>25,1</i>

Источник: составлено на основании Глобального Инновационного Индекса 2010–2019 (9).

Анализ занимаемого Российской Федерацией положения в Глобальном Инновационном Индексе за период 2010–2019 (Табл. 2) демонстрирует последовательное улучшение показателей инновационной активности по целому ряду направлений. Так, в 2019г. Россия заняла 46 место среди 129 стран, при этом поднявшись на 18 позиций относительно 2010 г. (64 место). Улучшение позиций произошло по следующим критериям: «Институты», в котором даётся оценка политической стабильности страны, эффективности работы правительства и правовой системы, степени сложности открытия бизнеса (74-е место в 2019 г., что на 43 пункта выше показателя 2010 г.), «Человеческий капитал и исследования», отражающий ситуацию в сфере образования – уровень расходов государства на школьное обучение, процент охвата населения высшим образованием, расходы государства на академические исследования и разработки, позицию университетов страны в международных рейтингах (46 место в 2010 г., 23 место в 2019г.). Примечательно, что в рейтинге лучших университетов мира QS World University Rankings в 2020 году число российских вузов возросло на три по сравнению с предыдущим годом и составляет 28, что подтверждает положительную динамику инновационного развития образования в стране. Результатом приложенных государством усилий в интенсификации инновационной деятельности также является трёхкратное улучшение показателя «Развитость бизнеса», в котором Россия в 2010г. занимала 95-е место среди 132 анализируемых стран, и по результатам исследования 2019 г. поднялась на 35-ю позицию. Данный показатель характеризует ситуацию на рынке интеллектуальных продуктов и услуг (занятость специалистов в знание-емких сферах деятельности, взаимодействие исследовательских лабораторий с промышленными предприятиями, движение инновационных продуктов и услуг от разработки до внедрения в производство, импорт высокотехнологичных и ИКТ услуг).

Следует отметить, что по ряду показателей в анализируемом периоде происходит стагнация, что требует особого внимания к данным проблемам со стороны государства. Так, показатель, характеризующий результаты в области знаний и технологий, в сфере создания и регистрации объектов интеллектуальной собственности, экспорта ИКТ услуг, а также размеров затрат на программное обеспечение за 10 лет опустился с 39-го места в 2010г. до 47-го места в

2019г. Остаются на уровне 2010 года и показатели результатов в области творчества, в которых учитываются, среди прочих, экспорт культурных, креативных и медиа-услуг, создание ИКТ бизнес-моделей. Также ухудшение результатов показателя «Инфраструктура» с 51-го места в 2010г. до 62-го в 2019г. свидетельствует о кризисном состоянии в сфере общей инфраструктуры, логистических связей и экологической устойчивости.

В целом, оценивая динамику изменений позиции Российской Федерации в глобальном инновационном рейтинге за период с 2010 по 2019 годы, следует отметить позитивные сдвиги в таких индикаторах, как «Институты», «Человеческий капитал и исследования», «Развитость бизнеса»; вместе с тем, ухудшение наблюдается в показателях «Инфраструктура», «Результаты в области знаний и технологий» и «Результаты в области творчества».

Поскольку Российская Федерация, как и другие государства, в полной мере подвержена общемировым тенденциям в области развития инновационных технологий, обусловленных развитием процессов цифровизации, рассмотрим те из них, которые уже сейчас порождают коренные изменения моделей экономической деятельности и социальной жизни в ведущих странах мира (5).

Первая тенденция – трансформация условий жизни человека. Развитие инноваций происходит не только в экономической сфере, но также реализуется в социальных сферах, способствуя решению таких актуальных проблем общества как старение населения, социальное расслоение, экологические проблемы. Возникновение «умного» общества, основанного на ориентации на потребности человека, стимулирует создание «умных» городов, «умных» домов, цифровых рабочих мест (7). Создаются «умные» пространства, в которых инновационные технологии становятся неотъемлемой частью повседневной жизни человека в любой его социальной роли – работника (работа в виртуальной среде, удалённо от офиса, онлайн частичная или разовая занятость), клиента (электронная коммерция и онлайн покупка товаров и услуг), члена общества (социальные коммуникации в интернет-сообществах), гражданина (взаимодействие с органами управления через порталы государственных услуг, онлайн отчётность). Инновации также трансформируют систему образования, на которую возлагается задача формирования новых

компетенций специалистов, способных работать в условиях цифровизации, что ведёт к формированию на образовательном рынке высококонкурентной среды. Численность абитуриентов, поступающих в университеты других стран после окончания школы, растёт в среднем на 10% в год, поэтому многие государства, включая Российскую Федерацию, в настоящее время реализуют программы поддержки экспорта образования (6). Онлайн образовательные технологии стимулируют конкуренцию между традиционными провайдерами образовательных услуг из США и Великобритании и новыми образовательными центрами из Азии и Восточной Европы. Внедрение инноваций в здравоохранении способствует активному развитию таких наук о жизни, как биоинформатика, геномика, клеточные технологии, синтетическая биология, которые в своем взаимодействии позволяют улучшить предоставление медицинских услуг за счёт постоянного мониторинга состояния здоровья каждого человека и подбора индивидуальных методов лечения.

Вторая тенденция – распространение инновационных бизнес-моделей. Технологии Big Data и искусственного интеллекта способствуют созданию дополнительной ценности товара на основе изучения цифровых портретов потребителей и паттернов их экономического поведения, таким образом трансформируя информацию о клиентах в основной актив IT компаний (8). Актуальной тенденцией является возникновение и распространение инновационных бизнес-моделей в экономике, таких как цифровые платформы, которые, в зависимости от продукта и рыночного сегмента, могут быть коммуникационными, социальными, медиа, поисковыми, операционными и контролируемыми, сервисными, шеринговыми, продуктовыми, транзакционными и т.д. Уровень распространения новых бизнес-моделей в Российской Федерации существенно различается по отраслям экономики: наиболее распространены цифровые платформы на рынках, характеризующихся тесным взаимодействием поставщиков и потребителей, – в ритейле, сферах финансовых услуг, потребительских товаров, где платформенные решения активно развиваются с начала 2010-х годов.

Третья тенденция – цифровизация промышленности. Инновации в промышленности обеспечивают интеграцию ряда прорывных технологий в процессы производства: виртуального моделирования,

Интернета вещей, робототехники, искусственного интеллекта, больших данных, технологий облачных и граничных вычислений, предиктивной аналитики, новых стандартов связи и др. Экономический эффект от внедрения технологий индустриального Интернета вещей к 2025 г. в мире составит порядка 1,2–3,7 трлн долл. США. В России концепция «умного» производства уже сейчас внедряется на предприятиях транспортной, авиастроительной и ракетно-космической отраслей. К 2035 г. планируется запустить 40 российских «умных» «фабрик будущего». На крупнейших предприятиях начинают активно применяться стандартизированные решения, связанные с предиктивным обслуживанием и ремонтом, автоматизированные системы контроля качества, системы удаленного мониторинга и управления энергопотреблением в режиме реального времени.

Четвертая тенденция – цифровое государственное управление. Инновационная деятельность распространяется также на функции государства, формирование платформенной модели в этой системе подразумевает создание комплексной инфраструктуры для предоставления государственных услуг, что повысит эффективность системы государственного управления с одновременным внедрением инновационных механизмов контроля над гражданами для обеспечения правопорядка. Со стороны правительств государств в настоящее время наблюдается повышение спроса на инновации, позволяющие регламентировать процессы в медиа- и киберпространстве, сформировать подходы для регулирования новых технологий и решения связанных с ними этических вопросов. Становятся возможными формирование норм поведения пользователей в сети Интернет (включая аспект цифровой идентификации), введение элементов цифровой цензуры.

Российская Федерация достигла высоких результатов на пути цифровизации взаимодействия с гражданами, при этом очевидно, что интенсификация усилий в данном направлении крайне необходима, о чём свидетельствует тот факт, что в рейтинге глобальных инноваций по показателю «Эффективность правительства» Российская Федерация занимает лишь 76-е место среди 129 государств.

Пятая тенденция – цифровизация науки. Научное сообщество переходит к инновационной парадигме проведения исследований: значимые научные результаты могут быть получены на основе ин-

теллектуального анализа огромных массивов данных в различных предметных областях. Активно развиваются науки с «интенсивным использованием данных», к примеру, биоинформатика, геномика, геоинформатика, нейроинформатика и др. Применение инновационных технологий искусственного интеллекта и машинного обучения обладают колоссальным потенциалом повышения продуктивности науки, при этом расширяя круг участников научных исследований и обеспечивая удалённый доступ к передовой научной инфраструктуре широкому кругу исследователей. Инновационные возможности фиксации и введения в оборот эффективных инструментов учета и правовой охраны объектов интеллектуальной собственности при помощи технологий блокчейн стимулируют процессы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности. Необходимо отметить, что научные достижения отдельно взятого государства напрямую зависимы от уровня затрат на развитие науки, к примеру, расходы на исследования и разработки лидера инновационной деятельности Швейцарии составляют 3,4% ВВП, а Соединенных Штатов Америки, занимающих третье место в рейтинге инновационной эффективности – 2,8% ВВП, в то время как Российская Федерация выделяет на эти цели только 1,1% своего ВВП.

Данный факт свидетельствует о необходимости пересмотра фискальной политики государства в сфере финансирования научных исследований.

Выводы. В результате проведенного исследования была рассмотрена позиция Российской Федерации в Глобальном Инновационном Индексе за период с 2010 г. по 2019 г., сделан вывод о позитивных результатах развития инновационных процессов в таких категориях, как «Институты», «Человеческий капитал и исследования», «Развитость бизнеса»; вместе с тем, выявлена стагнация в показателях «Инфраструктура», «Результаты в области знаний и технологий» и «Результаты в области творчества». Отмечено, что международные индексы инновационного развития стран и рейтинги, основанные на данных индексах, формируются из совершенно разных и нередко мало связанных между собой показателей, а пользователи индикаторов инновационной деятельности часто не учитывают сложность измеряемого феномена.

Также исследование выявило пять основных тенденций развития инноваций в мире, обусловленных процессами цифровизации всех отраслей экономики, науки, государственного управления, а также в сферах обеспечения жизнедеятельности населения. Информирование руководителей в области управления государством о развитии данных тенденций будет способствовать определению приоритетов развития и совершенствования инновационной политики государства.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С.Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 328 с.

2. Бодрунов С.Д. К вопросу о ноономике // Экономическое возрождение России, №1 (59), 2019. С. 4–8. – Режим доступа: <http://e-v-r.ru/экономическое-возрождение-россии-№1-59/>

3. Гладышева И.В. Экономическое и инновационное развитие России и мира: тренды и ландшафт // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-i-innovatsionnoe-razvitie-rossii-i-mira-trendy-i-landshaft> (дата обращения: 22.06.2020).

4. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, изменение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 82 с. – ISBN 978-5-7598-1898-4 (e-book).

5. Nikolai I. Kuznetsov, Nadezhda V. Ukolova. Research of strategic directions of Russian economy's innovative development. Revista ESPACIOS. ISSN 0798 1015 Vol. 41 (№07) Year 2020

6. Lyudmila V. Popova, Irina A. Maslova. Innovation economy: A study of the influence of international experience on the Russian economic system. Revista ESPACIOS. ISSN 0798 1015 Vol. 40 (№ 10) Year 2019

7. OECD (2018), OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2018: Adapting to Technological and Societal Disruption, OECD Publishing, Paris. https://doi.org/10.1787/sti_in_outlook-2018-en

8.OECD (2019), OECD Science, Technology and Innovation Outlook: Embracing Innovation in Government. Global Trends 2019. Accessed: <https://www.oecd.org/innovation/innovative-government/embracing-innovation-in-government-global-trends-2019.htm>

9.Cornell University, INSEAD, WIPO (2019); The Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives–The Future of Medical Innovation, Ithaca, Fontainebleau, Geneva.

10.European Bank for Reconstruction and Development. Introducing the EBRD Knowledge Economy Index 2019. Accessed: <https://www.ebrd.com/news/publications/brochures/ebrd-knowledge-economy-index.html>

глава 4
Социально-,
гуманитарно-
и эколого-
ориентированное
развитие
в условиях
генезиса ноономики

Воронова Н.С.,

доктор экономических наук,
профессор кафедры теории кредита
и финансового менеджмента, СПбГУ

Voronova N.S.,

*Doctor of Econ. Sc., Professor of Credit Theory and Financial
Management department, St. Petersburg state University*

Давыдкин С.М.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет

Davydkin S.M.,

*Candidate of Econ. Sc., Associate Professor of Financial
department, St.-Petersburg State University of Economics*

Ассоциированные инвесторы и их роль в финансировании устойчивого развития

Associated Investors and their Role in Financing Sustainable Development

Аннотация. В статье дается сравнительный анализ методологических подходов к трактовке устойчивого развития в условиях технологических трансформаций, обосновывается необходимость и возможность более глубокого исследования проблематики ответственного инвестирования в парадигме ноономики. Снимается противоречие между традиционным и продвинутым пониманием проблем потребления, принятым в рамках ноономики, на основе чего выявляется взаимосвязь ответственного потребления и ответствен-

ного инвестирования. Анализируются особенности нового класса инвесторов, названных ассоциированными, и характеристики новых инвестиционных механизмов. Уделяется особое внимание необходимости отталкиваться от концепции нового индустриального общества второго типа по всем параметрам формирования новой евразийской общности, включая финансовые.

Abstract. The article provides a comparative analysis of methodological approaches to the interpretation of sustainable development in the context of technological transformations, substantiates the necessity and possibility of a deeper study of the problem of responsible investment in the paradigm of noonomy. The contradiction between the traditional and advanced understanding of consumption problems, adopted within the framework of noonomy, is removed, on the basis of which the relationship between responsible consumption and responsible investment is revealed. The features of a new class of investors, called associates, and the characteristics of new investment mechanisms are analyzed. Special attention is paid to the need to build on the concept of a new industrial society of the second type in all parameters of the formation of a new Eurasian community, including financial ones

Ключевые слова: устойчивое развитие, ноономика, ответственное инвестирование, ассоциированные инвесторы

Keywords: sustainable development, noonomics, responsible investment, associated investors

Концепция устойчивого развития складывалась под давлением проблем негативного влияния человека на природу. Решения ассоциировались прежде всего с преодолением его пагубных последствий, но требовали внимания отнюдь не только экологов. Достаточно долго направлениями соответствующей проблематики отдельно занимались (и занимаются в настоящее время) специалисты практически всех сфер жизнедеятельности, а также эксперты из всех областей науки и управленцы разных отраслей и уровней государственной власти. Однако с самого начала было понятно, что для достижения целей устойчивого развития необходима консолидация общества на новой основе. Идеи такой консолидации предлагаются в вариантах, отталкивающихся от индустриальных, информационных, коммуни-

кационных, финансовых, социальных и других технологий разной степени революционности.

Наиболее перспективными в этом смысле являются подходы, которые можно назвать комплексными с точки зрения широты оснований, на которых они базируются. К таковым безусловно следует отнести теорию ноономики, в рамках которой экономическое развитие под воздействием технологической трансформации рассматривается в контексте его влияния на изменение природы общественных отношений и самого человека с его потребностями, ценностями и мотивами (2, с. 13–16).

Дело в том, что распространяющиеся в мире все более интенсивно (а у нас зарождающиеся) новые тенденции и потребления, и инвестирования все сложнее трактовать в методологии классических или неоклассических финансов. Однако они вполне укладываются в парадигму ноономики, которой, как нам представляется, не противоречит идеология ответственного потребления, хотя отправной точкой оценки преобладающей сегодня практики потребления служит озабоченность наличием явных перекосов в его структуре. С одной стороны, обусловленное техническим прогрессом возрастание потребностей приводит к появлению так называемых симулятивных потребностей, способных привести к извращению человеческой природы и трактуемых в теории негативно. С другой стороны, развитие знаний, их «технологическое применение» наряду с развитием духовных потребностей дает надежду на возможность рационального удовлетворения симулятивных потребностей и их переход «в разряд несимулятивных», отражающих тот факт, что индивидуум уже сейчас является «человеком разумным», ориентированным на развитие человеческих качеств и ценностей в их новой иерархии, где на первом месте оказываются «самоценность личности, потребность в её развитии, в общении, в общественном признании и в самооценке» (2, с. 198, 201–204, 209.)

На волне внимания к устойчивому развитию население мира достаточно давно демонстрирует вполне приемлемые, зеленые, потребительские тенденции, ориентированные на товары и услуги, безвредные для человека и природы. Еще пять лет назад к ответственным потребителям можно было отнести до 19 % взрослого населения, их покупательная способность приближалась к 300 млрд долларов в

год, 13% российских потребителей эксперты также относили к ответственным, а в целом к потенциально зелеными потребителями можно было отнести, как считалось, до 70% населения (4, с. 42).

Сегодня в России, по данным исследований, только в продукто-вом сегменте 21% потребителей выбирает экологически чистые то-вары, даже когда они стоят дороже, 84% потребителей предпочита-ет натуральную косметику и для 49% потребителей важно, чтобы она не тестировалась на животных (5, с. 35, 42–43). Ожидается, что прогноз по объему продаж «здоровых продуктов» в России подтвер-дится, и по уточненным итогам 2019 г. он превысит 900 млрд рублей. Долю российских потребителей чистых продуктов в сравнении с не-которыми странами можно видеть в таблице1.

Таблица 1. Число потребителей экологических продуктов

Страна	Доля потребителей экологических продуктов в стране (%)
Российская Федерация	12
Соединенные Штаты Америки	48
Китайская Народная республика	50
Республика Индия	57
Социалистическая республика Вьетнам	66

Источник: составлено по (9).

Определенный оптимизм относительно перспектив ответственного потребления внушают выявленные исследователями мотивы приобретения россиянами экологичных товаров и услуг. Мотивом 65,4% потребителей является возможность внести личный вклад в сохранение окружающей среды, польза для здоровья служит мотивом для 62,4% потребителей, а этические мотивы в виде отсутствия те-стирования на животных и достойных условий труда производителей важны для 49,8% из них, 33,9% покупателей экологичных продуктов принципиально мотивированы на зеленое потребление, 1,6% экопо-требителей исходят из религиозных соображений (6, с.11).

Разумеется, направленность, структура, качество и уровень по-требления в современном социуме далеко не исчерпываются приве-

денными выше характеристиками. Жесткость в оценке потребительства как синдрома общественного нездоровья более чем оправдана. Однако есть все основания констатировать, что здоровые тенденции пробиваются сквозь толщу привычек излишнего потребления. Подчиняя свои потребности социальным, экологическим и этическим ориентирам, современный индивидуум приходит к пониманию, что может таким образом лично способствовать развитию и экономическому росту. Это приводит к повышению самооценки интеллектуально и духовно развитого индивидуума. В атмосфере, насыщенной идеологией устойчивого развития, следующим шагом становится осознание возможности влиять на прирост не только своего, но и общего благосостояния и его справедливое распределение путем участия в финансировании проектов, реализуемых в рамках данной идеологии. Поначалу этот путь связан с благотворительностью, но когда вырисовываются контуры концепции социально-преобразующих инвестиций, становится возможным участвовать своими средствами и в прибыльных проектах при соблюдении следующих условий:

- наличие социальных проблем, требующих огромных инвестиций, которые не в состоянии аккумулировать правительства;
- возможность использования бизнес-моделей, обеспечивающих возврат средств инвесторам;
- появление коммерческих проектов, не обладающих привлекательностью для институциональных инвесторов, например, по признаку масштабности;
- организационное и регуляторное оформление рынка частных инвестиций (1, с. 96–97).

Таким образом, в современном обществе одной из важнейших потребностей человека становится потребность осознанного, ответственного инвестирования, ориентированного на финансовую поддержку производств, не наносящих вреда природе, не нарушающих социальное и гендерное равенство, соответствующих этическим нормам. Естественно, было бы утопией оценивать подобную идеологию как уже получившую широкое распространение, но ее существование невозможно отрицать, ее реализация методологически разрабатывается и организационно оформляется глобальными финансовыми институтами. Это свидетельствует об особой роли в системе финансовых отношений ответственного индивидуума (в том

числе как потребителя), значимой характеристикой которого являются его знания и интеллект.

Когда на волне информационных технологических инноваций появляется индивидуальный инвестор с новыми мотивами, по-новому понимающий цели и задачи своего участия в инвестиционном процессе, в практике устойчивого развития происходит изменение инфраструктуры, обеспечивающей функционирование институтов и применение методов и инструментов инвестирования, формируется сфера альтернативных финансов, возникает индустрия финансового посредничества новой природы.

Одним из самых распространенных его видов служит краудфандинг в своих разнообразных проявлениях (краудинвестинга, краудлендинг, краудсорсинг и другое). По данным аналитиков, в краудфандинговом инвестировании участвуют около 10% населения США, за счет инструментов альтернативного финансирования формируется в целом до 54% капитала, привлеченного от частных инвесторов; в Великобритании в альтернативном финансировании участвует 3,8% населения, доля которого за 2016 г. увеличилась на 130%, интересно, что среди физических лиц ответственных инвесторов там преобладают «представители обеспеченной интеллигенции – врачи, адвокаты, преподаватели и предприниматели» (8, с. 34–35). В России к середине 2018 г. краудплатформами пользовалось 0,6% населения, тем не менее эксперты прогнозировали рост его объемов в течение следующих пяти лет до 1 трлн рублей в год.

Масштабы и динамика краудфандинга как механизма ответственного инвестирования в мировом разрезе представлены в таблице 2. Они свидетельствуют о существенном вкладе частных ответственных инвесторов в финансирование экономического роста с соблюдением социальных, экологических, этических и других принципов устойчивого развития.

Таблица 2. Объемы и динамика краудсектора

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Объем (млн долл. США)	2 700	6 100	16 200	34 400	51 900	69 700	84 100	97 192
Темп роста (%)	–	226	266	212	151	134	121	116

Источник: составлено по (8, с. 29, 35).

Концептуальные основы новой экономики, в которой человеческий капитал и интеллектуальные ресурсы становятся факторами производства, только складываются. Как уже отмечалось, в настоящее время они органично вписываются в контекст ноономики. Концентрируя внимание на особенностях нового индустриального общества второго поколения и обосновывая необходимость социально и экологически ориентированного развития в условиях технологических и социальных трансформаций, ее авторы поднимают остро актуальные для России вопросы ускорения технологического развития с сохранением социо-гуманитарной направленности общества. Особо отмечается значимость новых технологий для финансовых институтов и важность гармонизации процессов трансформации в реальном и финансовом секторах российской экономики для преодоления парадоксов экономического роста (3, с. 45–46, 49–50).

В рамках ноономики понимание роли и места индивидуального инвестора в обществе может быть дополнено в контексте его ассоциированности с объектом инвестирования, с другими инвесторами, с финансовыми регуляторами разных уровней. Традиционно различные собственники денежных средств инвестируют их самостоятельно, обращаясь к финансовым посредникам брокерского типа (в том числе в онлайн-овом формате), или через институты коллективного инвестирования (инвестиционные фонды, негосударственные пенсионные фонды, страховые компании). Частных (не институциональных, не относящихся к бизнес-ангелам) инвесторов использующих специальные платформы, не относят к особому классу. Нам представляется необходимым выделение такого класса инвесторов, закрепляющего их сущностные особенности – это по сути коллективное инвестирование, но деньги поступают объекту инвестирования, минуя как институт коллективного инвестирования, так и какого-либо другого традиционного посредника. При этом инвесторы придают особое значение объекту инвестирования, ассоциируя себя с со-инвесторами в данный объект как с носителями определенных этических ценностей, которые они разделяют. Пожалуй, в этом случае их можно назвать ассоциированными инвесторами.

Понятно, что подобное предположение требует обоснований. Для их разработки стоит обратиться в том числе к исследованиям, посвященным ассоциированным бизнесам. В одном из них просле-

живается развитие подходов зарубежных и российских экономистов к оценке роли бизнес-ассоциаций в экономике (начиная с середины 60-х гг. XX в.) от полного скептицизма до признания их институтами, поддерживающими или дополняющими рынок производства общественных благ при определенном состоянии рыночной инфраструктуры (11, с. 26–28, 32). Отметим, что мы ни в коем случае не пытаемся провести аналогию между бизнес-ассоциациями и ассоциированными инвесторами хотя бы потому, что по российскому законодательству членами ассоциации могут быть только юридические лица. Для начала мы хотим очертить как можно более широкий круг источников информации, отражающей научную проблематику ассоциирования.

В контексте исследуемых проблем следует отметить еще один важный аспект.

Представления о целях и задачах устойчивого развития, о механизмах их достижения и обеспечивающих институтах, об ожидаемых результатах их реализации не получили широкого распространения в России за пределами профессиональных сообществ ученых, экспертов и специалистов определенных областей. Это не значит, что идеология устойчивого развития не влияет положительно на экономику и социальную сферу страны. Она признана официально и в последние несколько лет продвигается и достаточно интенсивно регулируется на государственном уровне, даже функционирование краудфандинговых платформ законодательно обеспечено (10, гл. 1–6). Отставание от мировой практики в этом направлении обусловлено объективными факторами и касается не только России, но и других стран на постсоветском пространстве. В этой связи, как мы неоднократно отмечали в своих работах, усилия входящих в ЕАЭС стран по формированию общего рынка должны консолидироваться на принципах устойчивого развития, позволяющих объединить национальные инвестиционные потенциалы для создания нового индустриального общества в евразийском масштабе (7, с. 15–16).

Выводы по результатам исследования можно структурировать следующим образом.

Достижение целей устойчивого развития может потребовать настолько значительных инвестиций, что государство не всегда в состоянии профинансировать проекты социального или экологического

статуса, а институциональные инвесторы могут быть не заинтересованы в них по причине недостаточной прибыльности. Положение усугубляется в процессе формирования нового индустриального общества второго типа, когда проблемы обостряются на фоне технологических и социальных трансформаций.

Решение проблем лежит в русле так называемого ответственного инвестирования, ориентированного на финансирование объектов, имеющих социальную, экологическую, гендерную или этическую значимость. Преобразующие инвестиции имеют особую природу, проявляются в новых формах и предполагают использование новых финансовых методов и инструментов. Склонность к ответственному инвестированию проявляется в развитии ответственного потребления. Противоречие между инерцией нерационального, излишнего потребления и новыми положительными тенденциями в потреблении непротиворечиво описывается в теории ноономики. Ответственных частных инвесторов можно назвать ассоциированными инвесторами, однако использование данного термина требует обсуждения.

Инвестирование новой природы реализуется в новых механизмах, которые обслуживают значительные объемы движения капитала, способствуя устойчивому развитию в мировом масштабе. Российская практика устойчивого развития и социально-преобразующего инвестирования тормозится по ряду объективных и субъективных причин, тогда как могла бы служить драйвером формирования общего рынка на евразийском пространстве.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00526.

Список литературы

1. Баг-Левин Э., Эмерсон Дж. Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги / Энтони Баг-Леви, Джед Эмерсон; [пер. с англ.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 271 с.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика / Монография / – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.

3. Бодрунов С.Д., Демиденко Д.С., Плотников В.А. Реиндустриализация и становление цифровой экономики: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование. – 2018. – № 2(110). – С. 43–54.

4. Воронова Н.С. Механизмы и инструменты финансирования зеленых проектов // Эффективность экономики, экологические инновации, климатическая и энергетическая политика – 2017: Сборник статей по результатам 2-го Международного научно-исследовательского семинара. СПбГУ/ Н.В. Пахомова, К.К. Рихтер (отв. ред.). – СПб: Скифия-принт, 2017. – 240 с. – С. 41–49.

5. Динамика потребительской активности на фоне снижения реальных доходов населения / Потребительский сектор в России. – М.: Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ, 2019. – 85 с. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/consumer-business/articles/2019/consumption-in-russia.html>

6. Как потребители выбирают экотовары? / Отчет по результатам исследования выбора ответственных потребителей, заинтересованных в покупке экотоваров. – М.: НП «Экологически союз» и Экобюро GREENS при поддержке Совета министров Северных стран. – 2018, – 24 с.

7. Львова Н.А., Воронова Н.С. К постановке вопроса об устойчивом развитии формирующегося финансового рынка ЕАЭС // Проблемы современной экономики. 2018. – № 3 (67). – С. 12–17.

8. Новые инструменты привлечения финансирования для развития технологических компаний: практика использования и перспективы развития в России / Аналитический доклад Центра стратегических исследований. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 96 с. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/219492205>

9. Покупатели распробовали ЗОЖ. Каковы перспективы российского рынка органических продуктов // Газета Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3933095>

10. Федеральный закон от 28.08.19 (ред. от 20.07.2020) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»

11. Яковлев А.А., Зудин А.Ю., Голикова В.В. Бизнес-ассоциации и их роль в процессах модернизации в России // Общественные науки и современность. – 2011. – № №. – С. 26–35.

Иванов С.А.,

доктор экономических наук,
доцент, заведующий лабораторией
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Института проблем региональной экономики
Российской академии наук;
заведующий лабораторией
изучения социально-экономических
и политических процессов современного общества
Санкт-Петербургского государственного университета

Ivanov S.A.,

Doctor of Econ. Sc., head of laboratory in Institute
for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences;
head of laboratory in Saint-Petersburg State University

**Трансформация труда и трудовых ценностей
на пути к VI технологическому укладу
и цифровой экономике**

**Transformation of Labor and Labor Values
on the Way to the VI Technological Mode
and the Digital Economy**

Аннотация. Анализируются трансформационные феномены в сфере труда в условиях перехода страны к VI технологическому укладу и цифровой экономике. Представлены результаты исследования трансформации в массовом сознании образа труда, трудовых ценностей по результатам социологического опроса. Определены основные тенденции трансформации трудовых отношений под влиянием цифровизации и смены форм организации трудовой деятельности.

Abstract. Article presents results of analyses the transformational phenomena in the labour field in the context of the transition to the VI technological order and the digital economy. The results of the study of the transformation in the mass consciousness of the image of work, labour values according to the results of a sociological survey are presents. The main trends in the transformation of labor relations under the influence of digitalization and a change in labor form activity have been determined.

Ключевые слова: технологический уклад, цифровая экономика, новое индустриальное общество, труд, трансформация, ценности

Keywords: technological paradigm, digital economy, new industrial society, labour, transformation, values

Анализу различных трансформационных феноменов, возникающих в условиях перехода нашей страны к VI технологическому укладу, цифровизации экономики и общества в целом, пока не уделяется должного внимания со стороны отечественных исследователей. Возможно, поэтому на пути к цифровой экономике, новому индустриальному обществу возникает так много проблем. В этой связи, прежде всего, следует еще раз обратиться к сути изменений, происходящих на этом этапе, возникающим феноменам, прежде всего, в сфере труда

Важнейшей особенностью перехода именно к VI технологическому укладу, по мнению ведущих исследователей (Д. Львов, С. Глазьев, С. Бодрунов и др.) является «интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий»¹, а также одновременно существенное сокращение участия человека в материальном производстве. В VI технологическом укладе «основными функциями человека становятся целеполагание и контроль», а «манипуляции с веществом природы выполняют автономные “технетические существа”»². При этом принципиально важно подчер-

¹ Глазьев Сергей. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2018. С. 59.

² Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы. // Экономическое возрождение России. 2019. № 4(62). С. 9.

кнуть, что «производство вовсе не перестает быть материальным – оно лишь превращается в знаниеинтенсивное материальное производство»¹.

Переход к VI технологическому укладу происходит на фоне цифровизации экономики и общества. Исследователи, практики управления по-разному характеризуют это процесс, но чаще всего упор делается на внедрении на производстве тех или иных цифровых технологий. И надо сказать, что это характерно не только для программы «Цифровая экономика России»², но и для большинства теоретических работ, посвященных цифровой экономике.

Как отмечают В.Иванов и Г.Малинецкий, «в современном понятии “цифровая экономика” речь идет об изменении технологической базы экономики, что позволит автоматизировать рутинные операции. Это значительно меняет скорость реализации многих процессов, предоставляет новые возможности, но не меняет базовых основ экономики»³.

В действительности развивающаяся цифровизация меняет многие базовые основы, причем не только экономики, но и общества.

В экономике формируются новая система экономических отношений, касающаяся не только отношений между руководителем и подчиненными, которые во все в больших масштабах работают удаленно, но и между самими работниками, ранее – членами одного коллектива. Теряет значение само понятие трудового коллектива. На смену ему приходят сетевые модели человеческого капитала⁴,

¹ Там же, с. 9.

² Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика России». Утвержден президиумом Совета и Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

³ Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива/ РАН М.: ООО «Нюанс», 2017. С. 6.

⁴ Иванов С.А., Светлов К.В. Сетевые модели человеческого капитала в цифровой экономике // Актуальные проблемы труда и развития человеческого потенциала: Вузовско-академический сборник научных трудов. Выпуск №2 (18) / Под редакцией В.И. Сигова и С.В. Кузнецова. – СПб. Изд-во СПбГЭУ, 2019. с. 77–85.

распределенный человеческий капитал. В дистанционном режиме начинает происходить управление машинами, оборудованием, которые становятся по сути дела программируемыми роботами. В этом же режиме начинается управление распределенным человеческим капиталом.

В обществе цифровые технологии формируют виртуальное пространство коммуникаций, в которое переносятся социальные связи, развиваются общественные отношения, опосредованные «цифрой». В виртуальном пространстве возникают и функционируют сообщества по интересам, в этом же пространстве «личные кабинеты» становятся главным средством общения власти с обществом, практически полностью заменяя живое общение на взаимодействие людей с ботами, в лучшем случае на коммуникацию с должностными лицами по электронным каналам.

И самым главным изменением, как представляется, становится изменение одной из важнейших, базовых основ экономики – труда. Причем происходит не просто изменение содержания труда, что неизбежно при смене любых технологий. Происходит изменение труда как такового, трансформация самого образа труда, базовых трудовых ценностей, ломка сложившихся веками стереотипов трудовой деятельности человека.

Одним из результатов исследований трансформации трудовых ценностей, проводимых в Санкт-Петербургском государственном университете с участием автора с 2017 года, стала выявленная тенденция снижения ценности общественного признания результатов труда. По данным последнего на эту тему опроса петербуржцев (февраль 2020г.) лишь 41,8% молодежи в возрасте 18–29 лет считают для себя важным чтобы результаты их труда получали признание коллег по работе. Оценка не только результатов труда, но и отношения к работе, важны лишь для половины молодых петербуржцев в возрасте 18–29 лет (49,1%).

Снижение роли и значимости института трудового коллектива, безусловно, обусловлено в первую очередь, технологическим изменениями, новыми возможностями, которые возникли вместе с цифровыми технологиями. Развиваются новые формы реализации трудового потенциала: расширяется система фриланса, конституируется дистанционная работа, формируются механизмы организации

труда даже не с компанией в традиционном понимании, а с компьютерной программой, с агрегатором, с виртуальным представителем работодателя.

Второй серьёзной тенденцией является постепенная утрата в массовом сознании связи карьеры с формальным образованием. Только 29,7% молодежи 18–29 лет, как показали результаты этого же опроса петербуржцев, согласны с тем, что качество образования, получаемого в традиционных учебных заведениях, влияет на возможности человека для построения успешной карьеры.

Фактически это означает, что молодежь перестает воспринимать формальное образование как социальный лифт, ориентируясь на другие приоритеты и на другие способы повышения своей квалификации. И в первую очередь на те способы, которые предоставляют сегодня цифровые технологии, новые формы коммуникации.

При этом трансформируется и содержание понятия «качество образования». Оно все меньше ассоциируется с формальным дипломом, и все больше с набором востребованных текущих и перспективных компетенций, обеспечивающих конкурентоспособность на рынке труда.

Отметим здесь же, что в определенной мере этому способствует и развитие новой Национальной системы квалификаций, в рамках которой создаются отраслевые и корпоративные центры оценки квалификаций, наделенные правом проведения независимой сертификации профессиональной квалификации работника. При этом присвоение квалификации, соответствующей более высокому квалификационному уровню (в соответствии с Национальной рамкой квалификаций), не связано с получением диплома о более высоком уровне образования, а обусловлено лишь наличием необходимых профессиональных компетенций, приобретение которых возможно в результате получения практического опыта работы.

Еще одной не менее серьезной тенденцией трансформации трудовых ценностей и в целом образа труда как такового является снижение интереса людей к самореализации на основном рабочем месте.

В рейтинге ценностей по основному рабочему месту, как показали результаты опроса, также проведенных с участием автора, профессиональный рост занимает одно из последних мест. На наш взгляд, это является свидетельством того, что для части современных, осо-

бенно молодых, работников самореализация не связана именно с так называемым основным рабочим местом. Молодежь не считает особой ценностью привязку к конкретному рабочему месту, поскольку, во-первых, с ростом их квалификации становится естественным переход на другое рабочее место, во-вторых, смена технологий вообще меняет структуру рабочих мест, убирает с рынка труда целые профессии, в-третьих, самоуважение и признание в обществе для многих теперь связаны не столько с конкретной работой и даже не с результатами своего труда, которые могут быть просто никому не видны кроме заказчика, если работа выполняется индивидуально, вне трудового коллектива, сколько с получаемым вознаграждением за работу.

По результатам опросов населения Санкт-Петербурга, доля горожан, имеющих подобные представления, в последние годы устойчиво росла (с 61,0% в 2018г. до 70,4% в 2020 г). А, в соответствии с такими представлениями о труде, его роли в обществе формируются и другие терминальные ценности, определяющие не только отношение к труду как таковому, но и поведение человека в социуме, содержание общественных отношений.

В этой связи уже не кажется таким уж парадоксальным прогноз С.Бодрунова о том, что в перспективе с цифровизацией экономики и общества кардинально изменится сущность трудовой деятельности, что труд в его нынешнем понимании и интерпретации как посредника между человеком и удовлетворением его потребностей попросту исчезнет, а труд человека «заменит работа технических устройств, использующих добываемые человеком знания и осуществляющих на их основе необходимые усилия»¹.

Соответственно изменится и вся система общественных отношений, построенная на ценностях, сформированных новой объективной реальностью, материальной силой развития которой станут цифровые технологии на производстве, а также новейшие био- и нанотехнологии, искусственный интеллект, нейронные сети, Интернет вещей и сберегающее природопользование.

¹ Бодрунов С.Д. Ноономика /Монография/ – М.: Культурная революция, 2018. С. 268/

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Ноономика /Монография/ – М.: Культурная революция, 2018. – 432с.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы. // Экономическое возрождение России. 2019. № 4(62). С. 6–18.
3. Глазьев Сергей. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.
4. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива/ РАН М.: ООО «Нюанс», 2017. – 63 с.
5. Иванов С.А., Светлов К.В. Сетевые модели человеческого капитала в цифровой экономике // Актуальные проблемы труда и развития человеческого потенциала: Вузовско-академический сборник научных трудов. Выпуск №2 (18) / Под редакцией В.И. Сигова и С.В. Кузнецова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 77–85.
6. Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика России». Утвержден президиумом Совета и Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

Казанцева Д.Б.,

кандидат психологических наук,
докторант Южного федерального университета

Kazantseva D.B.,

Candidate of Psych. Sc.,
doctoral student, Southern Federal University

**Духовно-нравственный потенциал личности
и экономический рост в условиях
генезиса новых общественных отношений**

**Spiritual and Moral Potential of the Individual
and Economic Growth in the Context
of the Genesis of New Social Relations**

Аннотация. В статье раскрываются возможности решения противоречий мировой социально-экономической системы и новых технологических вызовов времени через самореализацию духовно-нравственного потенциала личности, как единственной перспективы развития экономики и общества современной России. Именно это позволит снять главное противоречие создавшее кризис современной системы, а именно восприятие человека как биологического, а не духовного существа. Вызовы времени разрешаются цивилизационными смыслами России, базирующимися на духовно-нравственных основах русской ментальности, обеспечивающей субъективную идентификацию с онтологическим содержанием духовного, проявленного в духовно-нравственном потенциале и обеспечивающим максимальную самореализацию личности в любых кризисных условиях.

Abstract. The article reveals the possibilities of solving the contradictions of the world socio-economic system and new technological challeng-

es of the time through self-realization of the spiritual and moral potential of the individual as the only prospect for the development of the economy and society of modern Russia. This is what will help to remove the main contradiction that created the crisis of the modern system, namely the perception of man as a biological, not a spiritual being. The challenges are resolved civilizational meanings of Russia, based on spiritual and moral foundations of Russian mentality, providing subjective identification with the ontological contents of spiritual manifested in the spiritual and moral potential and for maximum personal fulfillment in all crisis conditions.

Ключевые слова: духовно-нравственный потенциал, экономика, ноосфера, ментальность, ментальная программа, нормативная и модальная структуры, личность, противоречия, общество.

Keywords: spiritual and moral potential, economy, noosphere, mentality, mental program, normative and modal structures, personality, contradictions, society.

Глобальный кризис цивилизаций, обостривший противоречия мировой социально-экономической системы, новые технологические вызовы времени определяют перспективы будущего развития экономики и общества современной России. Единство мира и его взаимозависимость, актуализируют необходимость активных мер для разрешения возникших противоречий в каждой из взаимосвязанных сфер: экономической, социальной, политической. Возросшая интенсивность потребления знаний производством, а отсюда повышение качества требований требуют пересмотра понимания фундаментальных принципов развития личности и государства.

Основой, ядром противоречий является отношение к человеку, а именно рассмотрение человека только как биологического существа, без учета его второй природы – духовной. Длительное стремление понять основы человеческой деятельности и ее модификации привели к тому, что все человечество вышло на перекресток двух дорог: одна, с полным уходом в зоодеградацию и превращение человека в ресурс, в «тело», которое способно трансформироваться, чтобы удовлетворять лишь свои низменные потребности, а именно физиологические, в дальнейшем саморазрушаясь и самоуничтожаясь и

вторая с возвращение к себе, человеку настоящему, сущностному, а значит духовному.

Новый век приносит новые перспективы и требует коррекции противоречий. Поэтому, в настоящее время идёт дискуссия о том, как преодолеть дисбаланс между развитием человечества и общественными механизмами, обеспечивающими его воспроизводство. Каждая страна дает свою ответную реакцию на вызовы времени исходя из ее ментальных особенностей, цивилизационных смыслов. Выбор России определяется спецификой ее менталитета базирующегося на традиционном духовно-нравственном основании, ориентированном на сущностные способы решения кризисных ситуаций. Характерное для российского народа стремление к самореализации, как потребности духовного плана, позволяет с позиций культурного и духовного уровней, по-своему регулировать характер разрешения проблемных вопросов.

Переход человечества с жизнедеятельностной, социодинамической, социокультурной, деятельностной, на культурную и духовную ступени развития¹ определяет на каждом этапе своеобразие развития и функционирования психических механизмов личности. Аппеляция ученых-исследователей разных сфер знаний к культуре показывает ее определение на современном этапе главной сферой жизнедеятельности человека и общества и то, что современный мир постепенно переходит от удовлетворения потребностей, расположенных на нижних ступенях структурной лестницы развития к удовлетворению потребностей более высокого порядка, а именно культурного и духовного.

Поэтому, закономерным этапом перехода является с большой болью развенчивающееся мифотворчество об идеальном развитии человека на основе потребления «симулякров»², необходимости запол-

¹ Анисимов О.С. Методология и развитие духовности в XXI веке. – М., 2008; Анисимов О.С. Субъективная рефлексия в игромоделировании и ее понятийное обеспечение // Энциклопедия управленческих знаний. – М.: ООО «Угрешская типография», 2012. – С. 370.

² Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 31–42.

нения мира симулятивными благами, формировании искусственно создаваемых симулятивных потребностей, как значимого социально-экономического явления. Иллюзорное общество становится не актуальным для человечества.

На передний план выходит «ноо» подход, подразумевающий разумность, ориентированность на собственно человеческие ценности и отсюда ноопроизводство, ноопотребности, нооразвитие. А также изучение знаниеинтенсивности технологий, нового типа материального производства – знаниеинтенсивного производства, нового качества его продукта – знаниеемкого материального продукта и др.¹

Вновь актуализируется и становится предметом исследований и обсуждений философов, экономистов, социологов и политологов концепция ноосферы В.И. Вернадского². Ученый обосновал производство самого человека, с единой, организованной вокруг него системой производства, общественных отношений, потребностей и ценностей человека, внутренних культурных и нравственных критериев производства.

На основе его концепции современными учеными разрабатывается целостное видение актуального качественного скачка из понимания человека как биологического существа, в существо социальное, а точнее, конкретизируем, в существо культурное и духовное. Изучаются потребности в самореализации, роль духовных ценностей и

¹ Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018; Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России, №2 (56), 2018. С. 5–13; Бодрунов С.Д. К. Маркс. Четвертая технологическая революция. Ноономика // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 211 (№3/2018). М.: ВЭО России, 2018. С. 367–389; Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России, №3 (57), 2018. С. 5–12; Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России, №4 (62), 2019. С. 6–18.

² Биосфера и ноосфера – Вернадский Владимир. <https://www.litmir.me/br/?b=267888&p=1>

мотивов развития человека и всего общества. Из-за риска вторжения технологий в живую материю выбираются императивы, как общие нравственные предписания, на основе которых важно социализировать, гуманизировать и окультурить экономические отношения и институты. Таким образом, объединяются две стороны единого процесса – рациональная и иррациональная, материальная и духовная.

Именно от того, какие будут выбраны «императивы»¹ управляющие как всем спектром производства от материального до духовного, так и сутью человека, выстраивающего определенные производственные и общественные отношения регулирующие производство, зависит развитие и будущее, как отдельной страны, так и всего человечества.

Императивы русского народа определяются его ментальностью, представляющую собой – «традиционные (архаические) структуры социальных представлений вплетенных в повседневность»², неосознанные и устойчивые культурные архетипы с трудом поддающиеся изменениям. Они являются совокупностью архаических образов, нормативно-ценностных ориентаций, установок коллективного бессознательного. Задают образцы жизнедеятельности людей независимо от количества многовековых пластов культурных трансформаций³.

У каждого народа существует своя ментальная программа, сложившаяся веками и консолидировавшая в себя опыт, установки, стереотипы, паттерны поведения, ценности и традиции с их многообразием проявления, специфичность актуализации потенциала личности в зависимости от этапа исторического развития. С точки зрения исследований А.В. Лубского, ментальная программа есть совокупность рефлексивных (осознанных, неустойчивых и динамичных), то есть

¹ Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль. Под редакцией В.С. Стёпина. 2001.

² Козловский В.В. Понятие ментальности в социологической перспективе // Социология и социальная антропология. – СПб., 1997. – С. 35.

³ Лубский А.В. Какое влияние оказал геополитический фактор на формирование русского культурного архетипа? // Культурология в вопросах и ответах. – М., 1999. – С. 245.

модальных структур и не рефлексивных (не осознанных, устойчивых, дремлющих, активизирующихся вопреки желанию и воле при возникновении подходящих условий), то есть нормативных структур представлений, ценностей и установок определяющих социальные общности. При этом именно устойчивые к внутренним и внешним воздействиям, константы нерелексивных структур представляют собой ментальные матрицы социального поведения в обществе, выполняющие идентификационную функцию¹.

При этом, именно духовно-нравственные основы русской ментальности, обеспечивают путь субъективной идентификации с онтологическим содержанием духовного, заложенного в родовом и ментальном, что позволяет совершать быстрое движение в развитие. Заложенный архитипичный уровень, родовое независимое начало, задает определенные стереотипы восприятия реальности и структуры сознания, обеспечивающие самореализацию личности в любых кризисных условиях.

Ментальная программа русского человека (россиянина) реализуется на практике через духовно-нравственный потенциал, материализующий духовно-нравственное, сущностное, трансформируя его в конкретное нормативно-ценностное историческое пространство, под влиянием определенных, запускающих механизм, регулятивов. Нормы (моральные, нравственные, правовые), представления, ценности, установки, потребности, идеалы, сохранившиеся в ментальной структуре, регулирующие социальную активность и поведение личности в социуме, могут при не оптимальных для их развития условиях стать менее устойчивыми и диверсифицироваться под влиянием среды, создавая ментальное напряжение и цивилизационную неадекватность.

По мнению Д.Б. Казанцевой, духовно-нравственное начало личности является сущностной основой ядра потенциала личности, главным и единственным условием ее возможного ресурсного развития. Потенциал, удерживая родовое, ментальное начало как источник

¹ Лубский А.В. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / А.В. Лубский; отв. ред. А.В. Лубский. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. – С. 39–41.

силы личности, ее мотивов и внутренней активности выступает базовой основой духовного развития личности и общества, предпосылкой формирования процесса самореализации через проявленность сущностных законов, свойств и детерминант развития. Феномен «духовно-нравственный потенциал личности» воплощает многомерность человеческого бытия, движение глубинных сущностных жизненных сил разворачивающихся через ментальную программу, являющуюся родовым архитипичным основанием становления и самореализации (родовой архетип духовно-нравственных качеств человека и алгоритм движения по ступеням духовного развития), обеспечивающую как путь субъективной идентификации с онтологическим содержанием духовного, так и специфику индивидуальной траектории развития духовно-нравственной личности раскрывающую ее духовно-нравственное, сущностное начало¹.

Реализация традиционной для России духовно-нравственной ментальной программы в экономической сфере, при создании благоприятных условий, позволяет актуализировать духовно-нравственный потенциал, как личности, так и российского общества. Ноопроизводство, как интеграция производства, науки и образования наиболее максимально может осуществляться через развитие субъектов материального и духовного производства, их самореализации. Личность, самореализующая духовно-нравственный потенциал способна выдержать постоянно интенсифицируемый уровень знаний в технологиях, быть носителем знания, формируя экологично знаниеинтенсивное производство, при этом быть ответственной за происходящие глубокие техногенные процессы и не отходить от истоков сущностного, дающих начало и развитие всех явлений и процессов.

К. Маркс отмечал, что расцвет мира культуры может осуществиться только на базе соответствующего высокопроизводительного материального производства, при котором человек будет вытеснен за его пределы, воздействуя на сферу не приложением рук, а лишь силой знания.

¹ Ссылка на авторскую монографию – *Казанцева Д.Б.* Самореализация духовно-нравственного потенциала личности в России: монография. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – 50–55.

Анализ работы философа, экономиста, социолога К. Маркса показывает, что ученый отмечал закономерное превращение труда в «первую жизненную потребность», при этом сам труд представлял не средством достижения цели, а самой целью. При этом он подчеркивал, что труд должен быть не подневольным, а свободным, где человек свободно выражает себя как индивидуальность, посредством физических и психических сил, таким образом, обретая единение с природой.

В видении автора о труде как цели и как потребности, о труде и его свободе, о человеке как индивидуальности в труде, о гармоничной связанности с природой именно такого труда, заложены противоречия. В труде осуществляется процесс самореализации человека. По мнению психолога Эриха Фромма, изучавшего именно глубинные процессы развития человека, его природу, систему целеполагания, самореализацию, история человека есть история его самореализации именно через труд и производство.

Результаты анализа психологических основ системы целеполагания и самореализации дают основание видеть труд лишь средством, способом, инструментом достижения цели, ни в коем случае не подменяющим саму цель. Труд становится целью лишь в случае отсутствия самореализации потенциала личности. Это сразу ведет за собой и отсутствие проявления индивидуальности, являющейся духовной неповторимостью, уникальностью, частью процесса самореализации. Также это ведет к отсутствию свободы в труде, как отсутствию самовыражения потенциала несущего уникальное преобразование продукта, средств и орудий труда. Именно в результате отсутствия самореализации потенциала происходит превращение не реализованного личностью потенциала в ресурс для других, системы или людей его использующих ради своих интересов в производстве. При этом, нарушение проявления в процессе самореализации именно духовно-нравственного потенциала, закрывает сущностное, объединяющее органично человека и природу и наиболее яркое проявление уникальности.

Из вышеизложенного следует, что если труд становится целью, а человек ресурсом, то последний не может быть свободным в проявлении своей природной индивидуальности и ее самореализации. Из-за отсутствия проявления внутреннего таланта, дара данного от

природы, у человека затрудненным становятся и качественные результаты позволяющие развивать производство.

Являясь потребностью, труд, с актуализирующей соответствующей ценностью – трудолюбием, посредством трудовых достижений с использованием инструментария позволяет достичь цели самореализации. Под целью самореализации потенциала подразумевается продукт, создающий благо для людей и способствующий развитию их потенциалов в духовной и материальной сферах. Именно стремление реализовать свой потенциал, в соответствующей ему сфере в виде качественного ее улучшения, несущего благо обществу, мотивирует на труд, позволяя создавать посредством его шедевры в искусстве, творения в науке, высокотехнологичное производство в экономике.

Пока точками роста является труд как цель, а не нравственные императивы культурного и духовного развития общества, его благообеспечения, для создания условий самореализации личностных потенциалов, задачу развития страны и обеспечения выхода из цивилизационного кризиса решить невозможно. Вывести страну из кризиса может лишь единственно поставленная цель – актуализация реализации личностных потенциалов, и непосредственно, характерного для русской ментальности духовно-нравственного потенциала, как проявления сущностного, свободного, индивидуального, органически целостного и единого с природным, ноосферным, универсальным.

Можно констатировать, что осознание необходимых для развития страны и общества духовно-нравственных императивов, органически связанных с природой в единый организм, уже происходит. Это проявлено в обсуждении духовно-нравственной тематики в экономической науке, рефлексивно и не рефлексивно включающей труд средством достижения чего-то более высокого и качественного, чем материальное производство.

Таким образом, существующие у российского народа духовно-нравственные императивы, став приоритетными, способны создать условия проявления посредством самореализации потенциала удивительной силы свободной творящей благо индивидуальности, обусловленной безусловными, нерефлексивными, скрытыми в нормативной структуре ментальной матрицы принципами поведения. В

таком случае цель, выведенная в духовно-нравственное поле развития личности, общества, государства, за пределы производительного труда и экономики преодолевает подчинение существующим условиям, в которых гибридно сковывающие реальность симулякры, подменяют самореализацию потенциалов наваждениями, поддерживающими единую мировую деформированную распадающуюся модель экономики, все более усиливающую экономический кризис и разрыв последних производственных цепочек.

Список литературы

1. Анисимов О.С. Методология и развитие духовности в XXI веке. – М., 2008; Анисимов О.С. Субъективная рефлексия в игромоделировании и ее понятийное обеспечение // Энциклопедия управленческих знаний. – М. : ООО «Угрешская типография», 2012. – С. 370.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М. : Культурная революция, 2018.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России. – № 2 (56). – 2018. – С. 5–13.
4. Бодрунов С.Д. К. Маркс. Четвертая технологическая революция. Ноономика // Научные труды Вольного экономического общества России. – Т. 211 (№ 3 / 2018). – М. : ВЭО России, 2018. – С. 367–389.
5. Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России. – № 3 (57). – 2018. – С. 5–12.
6. Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. – № 4 (62). – 2019. – С. 6–18.
7. Биосфера и ноосфера – Вернадский Владимир. <https://www.litmir.me/br/?b=267888&p=1>
8. Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии. – 2012. – № 11. – С. 31–42.
9. Казанцева Д.Б. Самореализация духовно-нравственного потенциала личности в России : монография. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – 50–55.

10. *Козловский В.В.* Понятие ментальности в социологической перспективе // Социология и социальная антропология. – СПб., 1997. – С. 35.

11. *Лубский А.В.* Какое влияние оказал геополитический фактор на формирование русского культурного архетипа? // Культурология в вопросах и ответах. – М., 1999. – С. 245.

12. *Лубский А.В.* Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / А.В. Лубский; отв. ред. А.В. Лубский. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. – С. 39–41.

13. Новая философская энциклопедия / под редакцией В.С. Стёпина: В 4 т. – М. : Мысль, 2001.

Ложко В.В.,

кандидат медицинских наук, научный руководитель
Санкт-Петербургского института
управления развитием человеческих ресурсов

Lozhko V.V.,

Candidate of Med. Sc., Scientific director of St. Petersburg
Institute of Mangement of Hyman Resourse Development

Хайкин М.М.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории
Санкт-Петербургского горного университета

Khaykin M.M.,

Doctor of Econ. Sc., Professor, Head of department
of economic theory of St. Petersburg Mining University

**Мегасистема Информацио-Природо-Социо-
ценоза как междисциплинарное основание
системного развития хозяйственной
деятельности и теории ноономики**

**Megasystem of Informational-Natural-Socio-
censis as an Interdisciplinary Basis of Systematic
Development and Theory of Noonomy**

«Наше время понимает, чувствует,
переживает мир как хозяйство,
а мощь человечества как богатство
преимущественно в экономическом
смысле слова.

*...Жизнь есть процесс, прежде всего,
хозяйственный – такова аксиома
этого современного экономизма,
получившая самое крайнее
и даже заносчивое выражение
в экономическом материализме.
...Политическая экономия
с своим экономизмом особенно
нуждается в философском пересмотре
и углублении своих основ
и освежении их
философским сомнением».*
С.Н. Булгаков

Аннотация. В статье раскрывается новый междисциплинарный мировоззренческий подход, основанный на введении понятийного аппарата мегасистемы Информацио-Природо-Социо-ценоза, центральную роль в существовании, функционировании и развитии которого играет не западный антропоцентризм Социо-ценоза с его индивидуалистической сущностью, а надындивидуальный, ценотический смысл. Поэтому чисто материальная основа хозяйственной деятельности, развития ноосферы и ноономики не имеет будущего.

Abstract. The article is revealed a new interdisciplinary ideological approach, grounded in the introduction of a new conceptual apparatus information-nature-socio-cenosis, the central role in existence, functioning and development does not play western anthropocentrism with its individualistic essence, but supraindividual, coenotic meaning. Therefore purely material basis economic activity, development noosphere and noonomics has no future.

Ключевые слова: новый междисциплинарный мировоззренческий подход, Информацио-Природо-Социо-ценоз, ценотически обусловленная хозяйственная деятельность, ноосфера, нономика.

Keywords: new interdisciplinary ideological approach, information-nature-socio-cenosis, coenotically determined economic activity, noosphere, noonomics.

Мир привык к чисто материальным основам хозяйственной деятельности, не созная и не принимая во внимание духовной составляющей бытия. Такое мышление, мировоззрение и основанная на них институциональная материоцентрическая матрица социума (идеология, политика, экономика) не позволяют понимать, осознавать и практически осуществлять жизнь и деятельность в реальном бытии цивилизации.

В современном обществе России существует две системообразующие составляющие: периферия, имеющая здоровые основания, детерминированные архетипически передающимся из поколения в поколение духовно-культурным укладом (ДКУ) общества, и ядро центра, руководствующееся чуждой для населения России моделью ультралиберальной спекулятивно-рыночной экономики и монетаристских догм, следующей интересам мировой гегемонии глобального капитала. Лидеры первой составляющей, исследуя и осмысливая процессы, происходящие в институциональной матрице страны (идеология-политика-экономика), выдвигают научно обоснованные социально-экономические альтернативы. Они необходимы для формирования новой стратегии социального и хозяйственного развития российского общества. Формирование таких альтернатив требует создания нового, иерархически построенного понятийного аппарата жизнедеятельности социума, отражающего качественно изменившиеся процессы и их связи, которые детерминированы системообразующими основаниями общественных отношений и процессов и служат созданию нового уровня существования, функционирования и развития общественного целого и его воспроизводства в мегасистеме «информация-природа-общество».

Бытие как способность быть, представляет собой всеобщее свойство всех вещей, а также, обеспечивающую это свойство, аксиоматическую управляющую способность законов существования, функционирования и развития информации, природы и общества. С позиций жизнедеятельности целесообразно определить этот единый холистически детерминированный и взаимообусловленный комплекс бытия информации, природы и общества, как Информацио-Природо-Социо-ценоз (ИПС-ценоз).

Сущность ИПС-ценоза заключается в равнозначности и равновеликости составляющих мегасистемы, детерминированных так

же, как и равнозначность, равновеликость и единство духа и материи в реалистическом мировоззрении диалектически снимающем крайности идеализма и материализма.

Содержание бытия раскрывается через существование, как единственный способ самообнаружения. До настоящего времени все, что касается человека, его всесторонней хозяйственной деятельности, человеческого потенциала как главного ресурса общества в сфере социально-экономических наук и практической деятельности, рассматривалось только относительно социума, что не отражает реальные процессы жизнедеятельности.

Новый междисциплинарный подход рассматривает подсистему социально-экономических отношений, подсистему хозяйственной деятельности и главный их ресурс – человеческий потенциал не только относительно законов и процессов социума, но и таковых в информации и природе, т.е. в ИПС-ценозе – едином целом живого и неживого бытия как мегасистемы.

Сущность ИПС-ценоза, как мегасистемы, детерминирована сущностями ее составляющих. Информацио-ценоз как вселенская анимированная семиотическая «система языка мира как живого целого», обозначает сущность содержащую целый ряд составляющих мегабанка данных черпаемого нами из внешнего мира в процессе жизнедеятельности, приспособления к нему и приведения в соответствие с ним нашего мышления [1].

Под природоцензом следует понимать исторически сложившуюся совокупность естественного мира неодушевленных предметов геосферы, растительного мира и живых существ, подчиняющуюся в процессе своего существования, функционирования и развития своим и универсальным законам, всеобщим требованиям естественной необходимости [1].

Под социоценозом будем понимать крупномасштабное в рамках региона, страны, континента или Мира ученому межстрановое объединение людей как полифункциональной, саморегулирующейся, цивилизационной системы разнообразных форм социальных взаимодействий, обеспечивающее в процессе существования, функционирования и развития с помощью комплекса фундаментальных, системообразующих, неотчуждаемых способностей (КФСНС) человека и социума расширенное воспроизводство не только общественного целого с его

хозяйственной системой, но и регулирующее воспроизводство информационного и природного пространств, при условии соблюдения законов информации, природы и общества и не нанесения ущерба всем подсистемам мегасистемы ИПС-ценоза [1].

Экономика не способна успешно существовать, функционировать и развиваться вне устойчивой общности людей – Социо-ценоза, основой которого является национально-государственное территориальное сообщество, которое формируется, существует, функционирует и развивается на основе и с помощью своего главного ресурса – человеческого потенциала, детерминированного КФСНС, и несет за это нравственную ответственность.

В результате системной эволюции ИПС-ценоза и, прежде всего, эволюции биосферы образовалась ноосфера, которая в качестве понятия была введена французским исследователем Э. Леруа, использована в изучении «феномена человека» П. Тейяром де Шарденом и приобрела статус концепции, существенный вклад в формировании которой внес В.И. Вернадский. Осмысленное понимание учеными ноосферы, рожденной человеческой мыслью, означало в тот период особую оболочку, окружающую земной шар и несущую в себе духовную и интеллектуальную энергию. В соответствии с воззрением В.И. Вернадского ноосфера есть сфера взаимодействия социума и природы как единства биосферы и человечества. В надиндивидуальном, цено-тическом виде мегасистема ИПС-ценоза есть полноценное единство, в которой ноосфера становится реальностью как в единстве и равновеликости материальной природы и духа.

Подобно человеку – творцу ноосферы, она по В.И. Вернадскому имеет такое же, как и он, строение: дух, душу и тело. Ключевая идея теории В.И. Вернадского заключается в том, что человек не является самодостаточным живым существом, живущим по своим законам. Он существует (а также функционирует и развивается – наше примечание) внутри природы (и информации) и является их частью. Таким образом, это единство является продолжением универсального единства реальности – единства духа и материи и обусловлено содержательной, структурной и функциональной неразрывностью человека и социума с окружающей средой.

В современном понимании дух, душа и тело, как составляющие ноосферы, реализуются по законам информации, природы и социу-

ма (ЗИПС) следующим образом. Дух – Информацио-ценоз, в котором в виде идеосферы (идеологии) формируется сфера идеальных продуктов деятельности человечества, таких как философия, наука, религия и др. Душа – Социо-ценоз, в котором в виде социосферы формируется вся совокупность отношений между людьми, в том числе властно-управленческие отношения (политика). Тело – Природо-ценоз, без которого невозможно формирование любых видов человеческой деятельности, в том числе воспроизводственно – хозяйственной, с помощью которой социосфера вместе с идеосферой формируют техносферу.

Таким образом, составляющие ИПС-ценоза являются первоосновой институциональной матрицы социосферы (идеология, политика, экономика).

Государства с различными типами общественно-хозяйственно-го устройства способны формировать свою национальную институциональную матрицу, которая путем применения КФСНС человеческого капитала обеспечивает функционирование и воспроизводство общества в целом и его подсистем через определенную структуру институтов идеологии, политики и экономики (институциональную матрицу) [2]. При этом ценности и идеи по существу детерминируют политические и экономические решения. Принято выделять способность формирования в страновых социоценозах двух типов доминирующих матриц: X-матрица формируется экономическими институтами редистрибуции (движение ценностей и прав по их использованию опосредуются центром), политическими институтами унитарного устройства (построения общества сверху на основе иерархической организации), идеологическими институтами коммунитарности, в которых установлен приоритет «Мы над Я» (к ней относится Россия, Китай, страны Азии и Латинской Америки); Y-матрица формируется экономическими институтами рынка, политическими институтами федерации (построение общества снизу из отдельных самостоятельных территориальных общностей) и субсидиарными ценностями, в которых установлен приоритет «Я над Мы» (к ней относятся США, Европейские страны). В любом обществе одна матрица доминирует, другая является дополняющей. Доминирующая матрица устанавливает основной способ общественно-хозяйственного устройства исторически сформирован-

ный обществом в конкретной информационно-природно-социальной среде.

Ноосфера характеризуется *способностью* человечества за счет научных знаний и огромных технико-технологических возможностей подобно геологическим силам изменять поверхность, структуру и все составляющие планеты. Рожденная человеческой мыслью ноосфера стала геокосмическим детерминирующим процессом-явлением. Эти причины имеют по своей значимости чрезвычайные нравственно-этические последствия. Это означает, что в высшей степени возросла ответственность ноосферного человека как вида и ноосферного социума за все виды своей деятельности в идеосфере, социосфере, природной сфере и, конечно, техносфере.

Хозяйственная деятельность в Социо-ценозе основана, прежде всего, на природной составляющей как теле ноосферы, которое находится на самом нижнем базисном уровне материальных хозяйственных ресурсов. Поэтому необходимо осмысление всей структуры ресурсов Социо-ценоза в существующей системе изменяющегося капиталистического общества.

В соответствии с современной концепцией признаваемых и реально существующих ресурсов, *жизнеспособность любого государства как Социо-ценоза, определяется тремя группами ресурсов* [3]. Первая группа ресурсов: ресурсы духовно-культурного уклада (цивилизационная матрица): культурно-ценностные ресурсы, моральные ресурсы, информационные ресурсы накопленных знаний. Вторая группа ресурсов – главные цивилизационные ресурсы: человеческий потенциал и капитал, научные ресурсы, технологические ресурсы. Третья группа ресурсов – ресурсы так называемого «экономического образа мышления»: административные ресурсы, финансовые ресурсы, сырьевые ресурсы. Очевидно, что качество ресурсов третьей группы, в соответствии с законом иерархии напрямую зависит от качества ресурсов второй группы, а тех от первой. Следует понимать, что цивилизационная матрица представляет собой совокупность генетических кодов этноса, определяемых ими архетипов национального сознания, которые задают содержание и направление цивилизационных алгоритмов [4].

Новый человеческий потенциал и капитал в стратегическом развитии России и ее регионов выступает, с одной стороны, в каче-

стве ценностной цели и ожидаемого результата социально-экономического развития, а с другой стороны является основным двигателем, механизмом этого развития. Для обеспечения такого развития необходима системная трансформация общества по всем направлениям: духовно-культурному (обеспечивающая идентичность региональному российскому архетипу социума), идеологическому, политическому, экономическому, социальному, экологическому. Главным субъектом способным объединить и осуществить все эти трансформационные процессы является человеческий потенциал.

С учетом этого необходимо дать новое определение человеческого потенциала, не формулировавшееся ранее в научных работах. Человеческим потенциалом следует считать целостный комплекс фундаментальных системообразующих неотчуждаемых способностей (информационных, природных и социально-экономических характеристик-способностей, мировоззренческих ценностей, знаний, умений и готовностей) человека, осуществляющий с их помощью производство, распределение, обмен и потребление материальных и нематериальных благ на основе справедливой (не спекулятивной) стоимости, не наносящий ущерба информации, природе и обществу, позволяющий в результате этого приносить справедливый доход отдельным людям, предприятиям, региональным сообществам и государству, обеспечивающий их полноценное существование, функционирование и развитие, т.е. достойное качество жизни.

Воспроизводственный цикл человеческого потенциала и капитала включает в себя, на основе создания, применения и развития комплекса неотчуждаемых фундаментальных системообразующих способностей (КНФСС) человека и общества в ИПС-ценозе, его формирование, распределение, использование для целей расширенного воспроизводства и повышения качества человеческого потенциала нового поколения (молодежи), а также воспроизводства с его помощью общественного хозяйства страны.

Ноосферный этап общества, как пишет профессор С.Д Бодрунов, наступит после «разрешения грядущего цивилизационного кризиса, из которого человек найдет выход обязательно – через знание, осознание необходимости и т.п.» [5, 286]. Очень важно понимать, что творцами нового общества выступают не технологии сами по себе, а культура (мораль, т.н. базовые ценности и т.п.) которая «выступает

средством формирования важнейшего элемента цивилизационного кода такого общества – того внутреннего самоограничения человека, которое ориентирует его с безудержного количественного наращивания потребления, отягощенного погоней за разного рода миражами-симулякрами, к формированию потребностей человека разумного...» [5, 270].

Возникает «необходимость выхода на первый план культурных императивов формирования потребностей и регулирования направленной на их удовлетворение хозяйственной деятельности» [5, 317]. Общественную форму такого регулирования представляет «ноономика – неэкономическая общественная форма хозяйственной деятельности людей, нацеленная на удовлетворение потребностей (в первую очередь – потребностей в развитии личности человека) на основе развития ноопроизводства, то есть такого производства, которое осуществляется при выходе человека из непосредственной трудовой деятельности («безлюдное производство») и управлении техносферой как внешней по отношению к человеку сферой реализации потенциала человеческого познания.

Очевидно, что процесс формирования ноономики – это область будущего, движение к которому может осуществиться через философский пересмотр и углубление своих основ.

Такой философский пересмотр, по нашему мнению, может основываться на интегрирующем принципе междисциплинарного ноосферного подхода практического применения ИПС-ценоза, в котором ставится главная доминантная ценностная цель – расширенное воспроизводство нравственного общественного целого в сочетании с необходимостью развития дополняющих ценностных целей, воспроизводства справедливого информационного и полноценного природного пространств.

Таким образом, новое понимание «ноосферы» как формируемой человеком новой системы, по существу, представляет собой результат реализации развивающегося комплекса фундаментальных, системообразующих, неотчуждаемых способностей человеческого социума в мегасистеме ИПС-ценоза.

Список литературы

1. Ложко В.В., Хайкин М.М. Осмысление реалистического подхода к развитию хозяйственной жизни с позиции процессов, происходящих в мегасистеме информацио-природо-социо-ценоза // Современное общество: проблемы, противоречия, решения. Сборник научных трудов Межвузовского научного семинара 29 мая 2020 г. / Санкт-Петербургский горный университет. СПб, 2020. – С. 74–92. (313 с).
2. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М.: ТЕИС, 2000. – 213 с.
3. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. пособие / Под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А.И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006. – 512 с.
4. Леонова О.Г. Россия и мир в XXI веке. / Россия и мир в XXI веке. Материалы научного семинара. Вып. № 4. – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 57.
5. Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики: /Учебник/. – М.: Культурная революция, 2019. – 504 с.

Любарская М.А.,

доктор экономических наук,
профессор, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет

Liubarskaia M.A.,

Doctor of Econ. Sc.,
Professor, Saint-Petersburg State University of Economics

Путинцева Н.А.,

кандидат экономических наук,
доцент, Санкт-Петербургский
государственный экономический университет

Putinceva N.A.,

Candidate of Ec. Sc., Associate Professor,
Saint-Petersburg State University of Economics

Кандеев К.О.,

аспирант,
Балтийская академия туризма и предпринимательства

Kandeev K.O.,

PhD student,
Baltic Academy of Tourism and Entrepreneurship

**Роль экологических мероприятий
в формировании пространства
ассоциированного производства и потребления**

**The Role of Environmental Activities i
n the Formation of the Public Awareness
of Associated Production and Consumption**

Аннотация. Статья посвящена обоснованию роли экологических мероприятий в процессе снижения негативного влияния деятельности человека на окружающую среду. В ней дается краткий обзор экологических мероприятий, проводимых в современной России. По мнению авторов, эти мероприятия способны повысить понимание обществом необходимости перехода к новому экологическому мышлению, к созданию экономики замкнутого типа, к знание-интенсивной модели материального производства. Элементом научной новизны является авторская классификация экологических мероприятий. В статье поднимается вопрос о том, что организация любых мероприятий должна быть оценена с точки зрения экологической составляющей, так как они оказывают непосредственное влияние на величину экологического следа стран и регионов.

Abstract. The article is devoted to the substantiation of the role of environmental activities in the process of reducing the negative impact of human activities on the environment. It provides a brief overview of the environmental activities carried out in modern Russia. According to the authors, these activities can increase the understanding of society of the need to move to a new ecological thinking, to create a circular economy, to knowledge-based model of material production. An element of scientific novelty is the author's classification of environmental activities. The article raises the question that the organization of any events should be assessed from the point of view of the environmental component, since they have a direct impact on the size of the ecological footprint of countries and regions.

Ключевые слова: экологическое мероприятие, экологический след, организация, окружающая среда, производство, потребление

Keywords: environmental activity, ecological footprint, organization, environment, production, consumption

Экологическим аспектам процессов производства и потребления придается все большее значение в современном мире. В частности, распространение получает оценка жизнедеятельности стран и регионов с точки зрения экологического следа с учетом преобладающих технологий и методов управления ресурсами. Эта тенденция обусловлена обострением социально-экологических проблем, включая негативное влияние ухудшающегося качества окружающей среды

на состояние здоровья населения, условия производственной деятельности, экологическую безопасность городов.

Вопросам применения «более чистых», «зеленых», «наилучших доступных» технологий посвящено большое число актуальных исследований российских и зарубежных ученых. Сфера организации мероприятий, как и любая человеческая деятельность, оказывает значительное влияние на окружающую среду (14, с.169). Организация масштабных мероприятий без учета их экологических аспектов может нанести непоправимый вред экосистемам (16, с.10). Руководствуясь этими доводами, в 1999 году Международный Олимпийский комитет принял «Повестку-21» и добавил поддержку ответственности в экологических вопросах и продвижение устойчивого развития в спортивной сфере в качестве тринадцатой миссии в Олимпийскую Хартию. Как отмечают З.М. Кузнецова и Дж.Л. Чаплит, «первые зимние Игры, принимавшие во внимание окружающую среду самым серьезным образом, имели место в Саппоро в 1972 году» (8, с. 76). Спустя почти 50 лет, в 2020 году переход на принципы циклической экономики во всех сферах сделал актуальной для организации Олимпийских и Паралимпийских игр в Токио использование вторичных материалов. В частности, организаторы планируют изготовление подиумов для медальных церемоний из переработанного бытового и океанического пластика. Чтобы набрать необходимые для изготовления 100 подиумов 45 тонн вторичного пластика, было выпущено информационное письмо для граждан Японии об установке в более чем 2000 торговых точках по всей стране специальных ящиков для сбора образующихся в домашних хозяйствах отходов пластика (10). Мероприятия, в процессе организации которых должным образом учитываются и контролируются экологические аспекты, а также продвигаются идеи защиты окружающей среды могут оказать позитивное влияние на уровень экологического сознания населения, а также стать примером инноваций в области экологического менеджмента.

В связи с этим становится все более и более важным разрабатывать модели, которые могут измерять экологическую устойчивость тех или иных видов деятельности, в частности, организации мероприятий. Хотя все больше внимания уделяется этому сектору, в настоящее время не существует стандартного метода оценки экологической устойчивости мероприятий. Итальянскими учеными А. Бод-

жиа, Дж. Массей, Л. Паолотти, Л. Роччи и Ф. Скиави была разработана инновационная процедура оценки для измерения экологической устойчивости мероприятий (15, с.836). Он основан на нескольких показателях, которые объединены с помощью многокритериального подхода и в итоговый индекс, который получил название METER (Measuring Events Through Environmental Research – Измерение мероприятий с помощью исследований окружающей среды). В индексе METER используются девять основных операционных категорий, разделенных на подкатегории, включающие управление отходами, использование водных и энергетических ресурсов, планирование размещения новых объектов и другие позиции. Все основные аспекты, касающиеся экологической устойчивости мероприятия, оцениваются на всех его этапах, а именно: планирование, организация, реализация, завершение. Индекс позволяет создать базу для проведения оценки мероприятия с точки зрения его воздействия на окружающую среду. В то же время, он прост в применении и удобен для использования различными целевыми группами, например, представителями местных органов власти, экологических движений. На наш взгляд, использование этого или подобных индексов целесообразно при управлении деятельностью по организации мероприятий во всех странах. Официальные международные документы, касающиеся устойчивого развития, в настоящее время требуют комплексного рассмотрения всех аспектов влияния деятельности человека на окружающую среду. Однако до сих пор не применяется какой-либо сертификации или какого-либо инструмента оценки мероприятий с точки зрения их экологических последствий.

Снизить негативное влияние деятельности человека на окружающую среду можно посредством внедрения «более чистых», «зеленых», «наилучших доступных» технологий. Однако, при теоретической доступности технологических инноваций они оказываются в недостаточной степени востребованы на практике. Определенная роль в процессе повышения уровня внедрения экологически эффективных разработок, на наш взгляд, должна принадлежать методам их продвижения, в том числе, организации и проведению экологических мероприятий.

Как отмечает С.Д. Бодрунов в книге «Ноономика», в условиях нового индустриального общества «взаимодействие между людьми

останется лишь в процессе творческой деятельности, в процессе открытия новых знаний и «трансляции» их в техносферу, имплементирования их в новые технологии» (3, с.270). К таким видам творческой деятельности можно отнести и организацию экологических мероприятий. К тому же, «прогресс технологий несет не только новые возможности, но и очень серьезные риски, которые ставят человечество перед дилеммой в цивилизационном развитии» (5, с.12).

Основными для сферы организации экологических мероприятий являются неформальные требования, которые определяются на основании преобладающего в обществе отношения к вопросам защиты окружающей среды, в котором находит отражение достигнутый уровень экологического просвещения и социально-экономического развития государства. В процессе организационного совершенствования, по мнению Е.В. Алябиной, большое значение имеют технологические и структурные интервенции, которые могут быть осуществлены либо «в процессе экспериментирования с новыми организационными структурами, либо в процессе использования новых способов и имеющихся технических ресурсов для решения проблем» (1, с.110).

Актуальной становится задача совершенствования функций субъектов управления в сфере организации экологических мероприятий. Данные функции реализуются в отношении различных объектов от небольшой выставки (11, с. 58) до крупного экологического конгресса, примером которого может служить ежегодно проводимое в Санкт-Петербурге мероприятие «Экология большого города». Для обеспечения научно обоснованного, и, вместе с тем, персонализированного подхода к управлению организацией экологических мероприятий, необходимо провести декомпозицию объектов управления (мероприятий), распределив их по группам в зависимости от различных классификационных признаков (таблица 1).

Таблица 1. Классификация мероприятий

Классификационный признак	Виды мероприятий	Описание мероприятий
По целевой аудитории	Детские	Организуются для группы лиц возрастной категории до 16 лет

	Молодежные	Организуются для группы лиц возрастной категории от 16 до 25 лет
	Профессиональные	Организуются для группы лиц, объединенных профессиональ- ными связями
	Общественные	Организуются для группы лиц, объединенных социальными связями
По территориальному охвату	Местные	Организуются на уровне населенного пункта
	Региональные	Организуются на уровне региона
	Национальные	Организуются на уровне страны
	Международные	Организуются в выбранной стране с приглашением участ- ников из других стран

Источник: составлено авторами

Для каждой из вышеприведенных групп актуальна реализация следующих функций субъекта управления:

- прогнозирование потребности в проведении мероприятий с разделением по территориальным и клиентским сегментам;
- планирование деятельности по проведению мероприятий, включая составление графика подготовки, с учетом особенностей территориальных, клиентских и целевых сегментов;
- контроль графика подготовки и проведения мероприятий.

Рассмотрим некоторые экологические мероприятия, получившие наибольшую известность среди граждан России. Вообще, если оценить тенденции экологической инициативы граждан, то ее рост как раз подтверждает точку зрения С.Бодрунова, что переход к знание-интенсивному материальному производству «в сфере общественных отношений будет соответствовать возрастающая роль разного рода добровольных объединений и союзов людей, решающих научно-исследовательские, опытно-конструкторские, производственные, экономические, предпринимательские, управленческие, образовательные, воспитательные, экологические и другие задачи» (2, с. 258). В первую очередь рассмотрим гражданские инициативы, связанные с органи-

зацией раздельного накопления отходов (РНО), так как опыт СССР и передовых стран позволяет утверждать, что внедрение РНО в источнике образования этих отходов является первоочередной задачей для оптимизации системы управления твердыми коммунальными отходами. В тоже время в современной России организация РНО на законодательном уровне носит скорее декларативный характер, в официальных документах не прописаны реальные меры по стимулированию организации РНО ни для бизнеса, ни для граждан. В 2020 году Минприроды Российской Федерации разработало «дорожную карту» по внедрению РНО на территории страны, во исполнение поручений В.В. Путина по итогам послания Федеральному собранию 24 января 2020 года. Однако, по мнению экспертов и этот документ носит скорее общий характер, в нем отсутствуют предложения для привлечения бизнеса, не просчитана финансовая сторона вопроса (12).

Среди наиболее известных экологических движений России – это организация «РазДельный Сбор», которая появилась в Санкт-Петербурге в ноябре 2011 года и сегодня имеет штаб-квартиры от Сочи до Владивостока. Экологическое движение «РазДельный Сбор» позиционирует себя как сообщество людей, которые главной своей целью считают внедрение обязательного РНО, как неременное условие для улучшения состояния окружающей среды и качества жизни человека. Деятельность движения способствует появлению и развитию новой системы обращения с отходами в России, основанной на принципах 3R (reduce, reuse, recycle – уменьшай, используй повторно, перерабатывай), и заставляет людей взглянуть на проблемы окружающей среды с точки зрения того, что каждый из нас может для нее сделать. Организация «РазДельный Сбор» занимается разработкой и внедрением практик раздельного сбора отходов у населения, в организациях, на мероприятиях; организовывает вывоз вторсырья на экомобиле; занимается просветительской деятельностью, проводит акции; занимается развиваем проектов с многоразовыми заменителями одноразовых вещей. Главной движущей силой движения являются активные неравнодушные граждане (волонтеры), которые регулярно выполняют трудную, но очень важную работу.

Представители движения в своей деятельности стараются находить общие интересы между всеми участниками сферы переработки отходов. Движение сотрудничает с компаниями-заготовителями и

переработчиками вторсырья, с одной стороны и ТСЖ, управляющими компаниями, руководством бизнес-центров, органами исполнительной власти, от деятельности которых зависит развитие системы РНО, формирование рынка вторичных материальных ресурсов и, в конечном счете, становление экономики замкнутого цикла.

Движение активно сотрудничает со средствами массовой информации. Через СМИ рассылаются пресс-релизы к акциям по сбору вторичного сырья, создаются инфоповоды, дается интервью печатным и интернет-изданиям, телевидению. Волонтеры движения регулярно проводят акции по сбору вторсырья, организуют и проводят фестивали, круглые столы, лекции и занятия с детьми, а также другие мероприятия, на которых можно получить исчерпывающую информацию, в том числе и через социальные сети, о необходимости переработки ТКО, возможностях сдачи вторсырья.

Успешным примером проекта, также ориентированного на развития РНО, является реализация экологической Программы «Разделяй с нами», созданной системой Coca-Cola в России в 2016 году. Одна из целей Стратегии «Мир без отходов», частью которой является Программа, – к 2030 году обеспечить сбор и переработку 100% эквивалента упаковки, выпускаемой на рынок. Инициативы Coca-Cola связаны с тем, что именно эта компания, по сведениям экологического движения «Освободись от пластика» (BFFB), является основным загрязнителем пластиковыми отходами (6).

К концу 2019 года в рамках Программы было переработано более 85 000 тонн отходов упаковки, установлено более 5500 контейнеров для раздельного сбора мусора в 50 городах России (13). Coca-Cola в России – пример того, как бизнес способен инициировать важные социальные сдвиги. Программа «Разделяй с нами» состоит из двух частей. Инфраструктурная составляющая Программы включает в себя закупку, расстановку контейнеров, сбор отходов упаковки в школах, университетах и дворах и организация переработки мусора. Просветительская часть направлена на обучение населения РНО: мероприятия программы организованы в интерактивной форме и рассчитаны на разные возрастные категории, включая школьников, студентов и взрослых.

Кроме того, в рамках программы «Разделяй с нами» в 2019 году правительство Республики Татарстан и Coca-Cola в России подписа-

ли соглашение о развитии культуры и практики РНО ТКО. Казань станет первым городом страны, где будет реализована концепция «Город без отходов». В рамках соглашения компания предоставляет необходимое количество контейнеров для раздельного сбора 100% отходов потребительской полимерной упаковки от продукции Соса-Cola, проданной в 2018 году в Казани. Собранное вторсырье отправляют на переработку на заводы-партнеры проекта. В дальнейшем компания планирует осуществлять сбор эквивалента отходов всей потребительской упаковки от продукции Соса-Cola на территории города.

Также Соса-Cola регулярно становится одним из инициаторов обеспечения контейнеров для раздельного сбора отходов в местах проведения крупных спортивных и культурных мероприятий в России: на Чемпионате мира по футболу FIFA 2018 в России™, на Универсиаде в Красноярске и Гайдаровском форуме в 2019 году.

Еще одна гражданская инициатива в России связана с отсутствием на государственном уровне ограничения (запрета) продажи одно-разовых изделий из пластика. Летом 2018 года в Санкт-Петербурге, а сегодня и в других городах России, заработал первый магазин «Покупай правильно», который предлагает покупать у него продукцию в собственную тару. Самыми популярными товарами в Санкт-Петербургских магазинах «Покупай правильно» являются гречка, растительное масло и сладости. Но продаются здесь и многоразовые бахилы, и мешочки, пошитые женщинами из кризисного центра «Дом надежды», и каши быстрого приготовления, сделанные воспитанниками интерната в Пушкине. И хотя этот бизнес не приносит его основателям пока стабильный доход, однако перспективы прослеживаются хорошие, поскольку каждый месяц количество экоосознанных покупателей «со своей тарой» растёт (9).

Также в преддверии реализации в России опыта приема через фондоматы использованных банок и бутылок, для граждан, уже сформировавших экологическое мировоззрение – стартовал проект кампании «Refill», направленный на сокращение использования одно-разового пластика. Согласно этому проекту, заведения, со специальным значком на дверях, наливают воду в тару посетителей бесплатно. На гугл-карте (<https://www.rada-k.com/napolnim-zanovo>) отмечены такие заведения в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Рязани, Ярославле, Петрозаводске и Архангельске. Конечно же, магазины и

кафе, которые присоединяются к этому проекту надеются, что кто-то из тех, кто придет к ним за бесплатной водой, все-таки задержится у них, заказав еду или купив какой-то товар. С другой стороны, эта инициатива объединяет людей, которых волнует проблема пластиковых отходов и которые хотят внести свой вклад в сохранение окружающей среды в своем районе или городе.

Согласно данным газеты «The Guardian», что эта инициатива может сократить ежегодный поток отходов города Бристоля (Великобритания, где зародилась инициатива) на 73 000 пластиковых бутылок (7).

Перечисленные выше инициативы – лишь небольшая часть проектов, которые стимулируют общество к новому экологическому мышлению и подталкивают органы власти, бизнес и населению к созданию экономики замкнутого типа, знаниеинтенсивной модели материального производства.

Список литературы

1. Алябина Е.В. Сравнение российских и зарубежных подходов к концепции организационного развития // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2011. Том 11. № 1. С. 105–117.

2. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Изд. 2-е, дополненное. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. <https://elibrary.ru/item.asp?id=32574236>

3. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018. <https://noonomy.ru>

4. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России, №2 (56), 2018. С. 5–13. <http://e-v-r.ru/экономическое-возрождение-россии-№-2-56/>

5. Бодрунов С.Д. Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России, №4 (62), 2019. С. 6–18. <http://e-v-r.ru/экономическое-возрождение-россии-№-4-62/>

6. Компанию Coca-Cola назвали главным пластиковым загрязнителем мира // National Geographic Россия. 30.10.2019. <https://nat-geo.ru/>

science/human/kompaniyu-coca-cola-nazvali-glavnym-zagryaznitelem-plastikom-na-planete/ (дата обращения: 27.07.2020)

7. Как бороться с пластиковыми бутылками // «Дронт. Экоцентр». 11.07.2017. <https://dront.ru/news/2017/07/11/kak-borotsya-s-plastikovymi-butyulkami/> (дата обращения: 20.07.2020)

8. Кузнецова З.М., Чаплин Дж.Л. Олимпийские экологические проблемы как наследие зимних игр // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2012. № 2 (23). С. 72–84.

9. Магазин без упаковки: в Петербурге за сахаром и мылом ходят со своей тарой // METRO. 19.02.2020. <https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/magazin-bez-upakovki-v-peterburge-zasaharom-i-mylom-hodyat-so-svoey-taroу-1644175/> (дата обращения: 27.07.2020)

10. Медальные подиумы на Играх-2020 изготовят из переработанных отходов пластика https://noc.by/news/medalnye-podiumy-na-igrakh-2020-izgotovyat-iz-pererabotannykh-otkhodov-plastika/?sphrase_id=141320 (дата обращения: 28.07.2020)

11. Мухина И.И. Выставка как элемент событийного менеджмента // Вестник Московского государственного университета печати. 2012. № 1. С. 58–61.

12. Подготовлена «дорожная карта» по внедрению раздельного сбора отходов во всей стране // Газета «Коммерсантъ». 2020. № 79. С 3. <https://www.kommersant.ru/doc/4336714>

13. Экологическая программа Coca-Cola в России «Разделяй с нами»: от раздельного сбора к городу без отходов // National Geographic Россия. 19.11.2019. <https://nat-geo.ru/special/cspecproekt-razdelyaj-s-nami-ot-coca-cola/> (дата обращения: 27.07.2020)

14. Backman K.F. Event management research: The focus today and in future // Tourism Management Perspectives. 2018. V.25. P. 169–171.

15. Boggia A., Massei G., Paolotti L., Rocchi L., Schiavi F. A model for measuring the environmental sustainability of events // Journal of Environmental Management. 2018. V.206. P. 836–845.

16. Thomas R., Thomas H. What are the prospects for professionalizing event management in the UK // Tourism Management Perspectives. 2013. V.6. P. 8–14.

Пономарёв В.П.,

доктор экономических наук,
профессор Горного института НИТУ «МИСиС»,
член Вольного экономического общества России

Ponomarev V. P.,

Doctor of Econ. Sc., Professor Mining Institute,
NITU "MISIS",
Member of the Free Economic Society of Russia

О природном капитале и ноономике

About the Natural Capital and the Noonomy

Аннотация. В статье приведен политэкономический синтез альтернативных идей: американских экономистов Уильяма Нордхауса, Роберта Констанца, и российских ученых в лице академика В.И. Вернадского и профессора С.Д. Бодрунова. В результате автор предлагает единую систему геоэкономического анализа как основу нового экономического мышления.

Abstract. The article presents a political and economic synthesis of alternative ideas American economists William Nordhaus, Robert Constance, and Russian scientists represented by academician V.I. Vernadsky and Professor S.D. Bodrunov. As a result, the author proposes a unified system of geoeconomic analysis as the basis of new economic thinking.

Ключевые слова: экологическая экономика, природный капитал, новое экономическое мышление, Ноосфера, Ноономика.

Keywords: ecological economy, natural capital, new economic thinking, Noosphere, Noonomics.

Общее состояние проблемы

Одна из актуальных проблем современной экономической теории – согласованное определение в единой расчетной системе параметров экологии и экономики, особенно в связи с резким усилением влияния хозяйственной деятельности людей на климат планеты и биосферу. В этом синтезе естественнонаучного и гуманитарного мышления у экологов доминируют параметры живой природы планеты, а у экономистов – параметры экономических отношений между субъектами при снижении давления на экологию планеты. Идейным лидером современных экологов по этой теме специалисты признают Роберта Констанцу, автора категории «природный капитал» (1) и идеологии «экологическая экономика» (2). Лидером современной экономической теории по этому направлению Нобелевский комитет признал Уильяма Нордхауса (3, 2018), развивающего идеи Пола Самуэльсона (4).

Если логика первого подхода нацеливает на сдерживании роста потребностей людей и, в конечном итоге, на торможение их социально-экономического развития ради спасения Природы, то логика второго подхода, наоборот, ориентирует на смягчение негативных антропогенных воздействий на окружающую среду, опираясь на развитие экономического потенциала мировой экономики.

Эти два альтернативных образа мышления имеют каждый свои достоинства, но один общий недостаток, – у них отсутствуют политэкономические основания ключевых методологических положений, и, в первую очередь, категории «Природный капитал». Классические идеи воспроизводства капитала Карла Маркса (5), а также учения о Биосфере и Ноосфере В.И. Вернадского (6), становятся актуальными в наши дни. Концептуально их идеи синтезированы в монографии «Ноономика» Президента ВЭО России С.Д. Бодрунова (7), а дальнейшее политэкономическое и практическое развитие этого синтеза разворачивают в своих работах члены ВЭО, включая автора статьи.

Модель DICE Уильяма Нордхауса

Ключевым показателем модели DICE служит «Социальная стоимость углерода» (SCC). Именно она была подвергнута многочислен-

ной критике как крайне неопределенная величина из-за её дисконтирования на длинных временных интервалах, и неоднозначного изменения от объёма выбросов. Критики считают, что SCC бесполезна для политиков, поскольку целью Парижского соглашения (ноябрь, 2015), в формате Рамочной конференции ООН об изменении климата, является сдерживание роста глобальной среднегодовой температуры ниже 2°C к 2030г., а не оптимальная рыночная цена выбросов CO_2 .

Однако для решения поставленной нами теоретической проблемы эта модель имеет принципиальное значение, так как чётко разделяет расчёты на два разнородных блока: естественнонаучный блок Природы и общественнонаучный блок Мировой экономики. Здесь синтез осуществляется не путём объединения в один массив разнородных параметров, а путём параллельных «эквивалентных» расчётов причинно-следственных событий в двух средах.

Недостатком модели является отсутствие категории «природный капитал» как самовоспроизводящего потенциала живой природы, то есть то, что присутствует в теории Констанца. Однако природный капитал Констанца отражает воспроизводство биологической материи, а не природной составляющей стоимости капитала мировой экономики, в котором накоплен труд Человечества.

Концепция природного капитала Констанца

Роберт Констанца мыслит природный капитал как совокупность минеральных, растительных и животных составляющих биосферы, которые являются «средствами производства» кислорода, углекислого газа, фотосинтеза первичного биовещества, озонового слоя, фильтрации воды, защиты земли от эрозии, защиты мирового океана от деаэрации, и других негативных деяний человечества. В его модели действуют объективные законы природы, а экономика служит лишь агрессивным фактором и инструментом оценки затрат на компенсацию негативных последствий. В результате исследований годовой стоимости «экологических услуг», группа Констанца (1) впервые получила стоимостные оценки, обоснованные прямым счётом. Оказалось, что общая медианная стоимость экологических услуг равна 33 трлн USD, при разбросе суммы обобщённых оценок от 16 до 54

трлн USD. В это время глобальный ВВП в текущих ценах Всемирный Банк оценивал на уровне 18 трлн USD. Полученные результаты конкретизируют очевидное: человечество безвозмездно берёт от природы гораздо больше, чем способно компенсировать при достигнутом уровне знаний и технологий.

Мировое сообщество в лице ООН, и проводимых им форумов, искренне озабочены проблемами изменения климата. Однако поставленная глобальная задача по снижению к 2030 г. выбросов CO₂ на 45%, и выходу к 2050 г. на нулевые выбросы не решается. Климат продолжает ухудшаться, несмотря на призывы ООН и практическое бездействие основных стран, генерирующих CO₂: США, КНР, Индия.

Но, даже если бы эти страны и остальной мир дружно взялись за ускоренное создание «зелёной» экономики, уверенности в стабилизации климата Земли нет, так как, кроме антропогенных факторов, решающее альтернативное влияние на климат планеты оказывает космос. Этот вывод подтверждают натурные исследования группы ученых антарктической станции «Восток» и выполненные на их основе палеоклиматические исследования Алексея Екайкина, (8).

Палеоклиматическая модель А.А. Екайкина

Поскольку в данной области знаний в специальной литературе существует множество альтернативных точек зрения учёных, а также спекуляций политиков, обратимся к результатам натурных палеоклиматических исследований Арктического и антарктического НИИ, полученным на основании изучения ледяных кернов скважины 5Г антарктической станции «Восток». На основании этих данных ведущий научный сотрудник ААНИИ Екайкин А.А. построил палеоклиматическую модель (8). Эти уникальные и, что очень важно, объективные исследования дают основания для следующих фундаментальных выводов:

1. Цикличное повышение уровня Мирового океана практически достигло очередного пика (цикл 120 тыс. лет), и вскоре начнёт снижаться под воздействием космических сил (в т. ч. циклов Миланковича). Планета начинает свой путь к новому оледенению, несмотря на возрастание выбросов CO₂;

2. Цивилизация Земли, за счёт интенсивных выбросов CO_2 и других парниковых газов, существенно тормозит снижение среднегодовой температуры, которая в отдельные годы даже может временно возрастать, оказывая противодействие объективным космическим процессам. В результате наблюдаются турбулентные климатические и биологические процессы, вызывающие экстремальные явления в биосфере Земли.

3. Вокруг климатических изменений в геополитическом пространстве разворачиваются различные спекуляции, которые политики трактуют в своих целях, пользуясь недостаточностью и неполнотой научных знаний. Данные палеоклиматических исследований российских и международных организаций (США, Франция, Россия) вносят определённую ясность в осмысление текущей климатической проблемы. В связи с этим становится ясной позиция США, КНР и Индии, игнорирующих решения ООН по климату.

Метаморфозы

натурально-стоимостного подхода Маркса

Формализацию воспроизводства природных ресурсов и глобального капитала цивилизации Земли целесообразно начинать с органичного развития натурально-стоимостных идей Маркса.

Всем экономистам хорошо известна, ставшая классической, формула расчёта валового внутреннего продукта из первой редакции учебника «Экономика» Пола Самуэльсона:

$$Y = C + I + G \quad (1),$$

которую в дальнейшем дополнили учётом сальдо внешней торговли:

$$Y = C + I + G + (Im - Ex) \quad (2),$$

где Y – валовой внутренний продукт (к использованию);

C – конечное потребление товаров и услуг;

I – валовое накопление капитала;

G – государственные расходы;

Im и Ex – импорт и экспорт.

Так как экологические параметры мы мыслим в натуральных показателях, то экономические потоки товаров и услуг мы должны также исчислять в натурально-стоимостном измерении. Финансовая сторона этого вопроса здесь уходит на задний план.

Классическая формула стоимости товарной продукции у Маркса имеет вид:

$$X = C + V + m \quad (3),$$

где X – стоимость товара (в терминах СНС – валовый выпуск);

C – стоимость постоянного капитала (в терминах СНС аналог отсутствует. По данным исследований автора (9): $C = A + M$ (амортизация основного капитала плюс стоимость материальных ресурсов);

V – стоимость переменного капитала (в терминах СНС – «оплата труда наёмных работников»);

m – прибавочная стоимость (в терминах СНС – «валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы»).

Как известно, Саймон Кузнец наполнил категорию ВВП конкретным содержанием (на примере США), а Василий Леонтьев уточнил формирование промежуточного продукта в валовом выпуске (для мира). В результате мы знаем, что ВВП (Y) равно валовому выпуску (X) минус промежуточный продукт (M):

$$Y = X - M \quad (4).$$

Таким образом, мы получаем следующие модифицированные формулы Маркса для определения валового выпуска X и ВВП (Y):

$$X = M + \{Y\} = M + \{T_x + V + (A + P)\} \quad (5);$$

$$Y = V + (A + P) + T_x \quad (6),$$

где T_x – налоговые и иные доходы государства ($T_x = G$). Эти формулы многократно проверены автором в конкретных расчётах по статистике СНС ООН.

Доказательство учёта природных ресурсов в ВВП нации

Экономисты привыкли считать, что в структуре ВВП есть только результаты живого труда, и нет ни грана материализованного «тру-

да» Природы. Этот догмат Рикардо принят как в марксистской, так и в современной неолиберальной политэкономии, о чём свидетельствует формула (4). Однако транснациональные корпорации, формируя международные цепочки добавленной стоимости, сами того не желая, на практике доказали, что в совокупной добавленной стоимости нации сидят материальные затраты (доходы) на первичные природные ресурсы, рис 1.

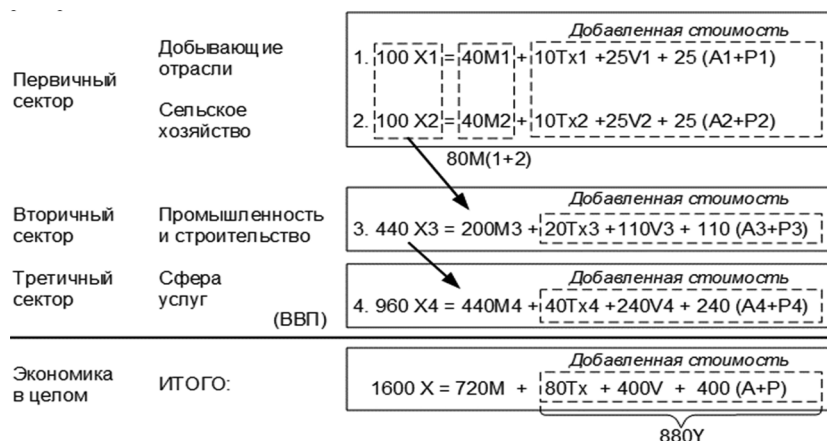

рис. 1. Структура производства ВВП по цепочкам добавленной стоимости

Как и ТНК, национальные экономики получают больший доход на величину стоимости природных ресурсов, которая в данном примере равна 80 у.е. Это и есть доход на природный капитал, который был использован в экономике на экологические, но более, на неэкологические цели политики. То, что было тайным, стало явным, благодаря натурально-стоимостному подходу Карла Маркса. Отсюда следует фундаментальный вывод: **доход на природный капитал в структуре ВВП учтён в виде части стоимости промежуточного продукта в составе аграрного сектора и добывающих отраслей.**

Теперь представим, что структура геоэкономики примерно совпадает со структурой, принятой в исследованиях Констанца. Зададим для итогового элемента значение $Y = 18$ трлн USD, и получим развернутую структуру мировой экономики в текущих ценах и кур-

сах валют на 1995 г. По этим укрупнённым расчётам, доход на природный капитал по мировой экономике в 1995 г. находился на уровне одного триллиона USD (450 + 450 млрд USD), а по данным Констанца минимальный размер экологических услуг составлял 16 трлн USD. Совершенно очевидно, что здесь речь идёт о разных показателях. Если у нас этот триллион, как говорил Маркс, полит потом и кровью людей, реально трудившихся над производством природных ресурсов, в необходимом и достаточном для экономики количестве, то у Констанца – это гипотетическая стоимость, которую следует потратить человечеству, чтобы компенсировать экологические услуги и ущербы, предоставленные безвозмездно природой в том же году, включая поддержание собственного (природного) жизненного потенциала.

*ВВП как мультипликация дохода
на Природный капитал*

Из приведенного анализа вытекает простая по форме, но глубокая по содержанию, формула (7) как эколого-политэкономическое определение ВВП (Y):

$$Y = \mu \times R_{\text{пр}} \quad (7),$$

где $R_{\text{пр}}$ – стоимость природных ресурсов, вовлечённых в хозяйственный оборот;

μ – мультипликатор добавленной стоимости дохода на природный капитал. В условном примере $\mu = 960 : 80 = 12$.

Эта формула (7), по-видимому, является основополагающей формулой новой **экологической политэкономии**. Исследования также показывают, что для новой «зелёной экономики» Констанца мы имеем аналогичную по форме формулу **производства жизни на Земле**:

$$B = \beta \times X \quad (8),$$

где B – масса живого вещества биосферы Земли, произведенная за год, тонн. По Вернадскому, – это самая стабильная характеристика живого мира нашей планеты, равная по современным научным данным 2,4–3,6 трлн т;

X – масса хлорофилловой биоты, воспроизводимой за год на суше и в мировом океане, (тонн в сухом измерении). Этот показатель сегодня контролируют спутники;

β – мультипликатор живой материи. На текущую геологическую эпоху четвертичного периода (голоцен), без учёта влияния деятельности человека, по моим расчётам $\beta = 6$.

Антропогенные факторы уменьшают β -мультипликатор в связи с сокращением массы хлорофилла, что влечёт за собой сокращение видового разнообразия и биомассы Земли, т.е. существенно снижает жизненный потенциал планеты в целом, рис. 2.

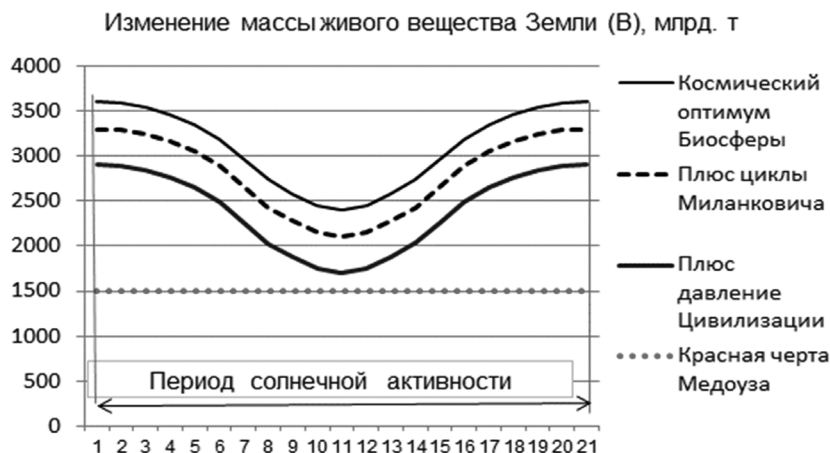

рис. 2. Изменение массы живого вещества Земли
(модельный расчёт)

Нам следует более опасаться не роста выбросов углекислого газа, а уничтожения зелёных организмов, генерирующих кислород. Человечество вполне реально приближается к «Красной черте Медоуза», которая связана не с недостаточностью пищи для возрастающей численности людей, как думал Мальтус, и не с «парниковым эффектом» от выбросов CO_2 , как думают Нордхаус и члены комиссии ООН по климату, а с уничтожением условий нормального воспроизводства «зеленых организмов», генерирующих свободный кислород атмосферы.

Список литературы

1. *Costanza R. d'Arge R., de Groot R., Farber St. at. el.* The Value of the World's Ecosystem Services and Natural Capital // *Nature*. – 1987. Vol. 387. – P. 253–260.
2. *Costanza R.* Ecological Economics: The Science and Management of Sustainability / Columbia University Press, 1991.
3. *William D. Nordhaus* (October 22, 2013). The Climate Casino: Risk, Uncertainty, and Economics for a Warming World. Yale University Press.
4. *Paul A. Samuelson, William D. Nordhaus.* Economics. 19th Edition. – Irwin McGraw-Hill. 2010.
5. *Karl Marx.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. – Hamburg: Verlag von Otto Meissner. 1867.
6. *Вернадский В.И.* Биосфера и Ноосфера (1937) / В.И. Вернадский, предисловие Р.К. Баландина. – М.: Айрис-пресс, 2009.
7. *Бодрунов С.Д.* Ноономика /Монография/ – М.: Культурная революция, 2018.
8. *А. Екайкин.* Климат Земли за последние 420 лет по данным ледяного керна станции Восток /<https://ekaykin.livejournal.com/122025.html>.
9. *Пономарев В.П.* Воспроизводство экономического потенциала добычи угля в системе ТЭК России: Методология переходной экономики. / М.: ИНКРУ, 1997 – 178 с.

Скоков Р.Ю.,

*доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры менеджмента и логистики в АПК,
Волгоградский государственный аграрный университет*

Skokov R.Y.,

*Doctor of Econ. Sc., Associate Professor,
Professor of the Department of Management and Logistics
in Agroindustrial Complex,
Volgograd State Agrarian University*

**Новое индустриальное общество:
новые товары, новые потребности,
новые способы их удовлетворения**

**New Industrial Society: New Goods, New Needs,
New Ways to Mmeet them¹**

Аннотация. На современном этапе цифровой трансформации система товарного производства, распределения, обмена и потребления и представляющие ее рынки существенно изменились по сравнению с моделями классической и неоклассической экономической теории. С цифровизацией экономические отношения, сохраняя свою природу, приобретают новые формы. Ноопроизводство ведет к трансформации личности человека, уровня и структуры его потребностей, товарных рынков. В условиях нарастающего применения информационных технологий в экономической теории появи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-410-340006, p_a.

лись новые объекты исследований: сетевые товары, цифровые товары, симулятивные товары. Их растущие рынки функционируют со значительными отклонениями от стандартных экономических моделей и закономерностей, что актуализирует их научные исследования.

Abstract. At the present stage of digital transformation, the system of commodity production, distribution, exchange and consumption and the markets that represent it have changed significantly in comparison with the models of classical and neoclassical economic theory. With digitalization, economic relations, while preserving their nature, take on new forms. But production leads to the transformation of a person's personality, the level and structure of his needs, product markets. In the context of the growing application of information technologies in economic theory, new objects of research have appeared: network goods, digital goods, simulation goods. Their growing markets function with significant deviations from standard economic models and patterns, which actualizes their scientific research.

Ключевые слова: цифровые товары, сетевые товары, симулятивные товары, аддитивные товары, цифровые аддитивные товары, COVID-19

Keywords: digital goods, online goods, simulation goods, addictive goods, digital addictive goods, COVID-19

На протяжении многих лет, казалось, что цифровая трансформация интересна бизнесу для повышения оперативности в работе, извлечения новой дополнительной ценности из информации, моделирования физических товаров, оптимизации бизнес-процессов. Действительно, цифровые технологии часто имеют решающее значение для бизнеса, но оказалось, что цифровая трансформация, в своей основе, касается лично каждого потребителя.

Особенно сегодня в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 приходится по-новому взглянуть на цифровые технологии. Цифровая трансформация дает гораздо больше, чем просто скорость и рост бизнеса, она удовлетворяет каждодневные потребности людей в товарах, ставших «первой необходимостью». Эти товары стали важнейшим инструментом связи, способом объединения, чтобы решать проблемы, как бизнеса, так и для сообщества.

Увлеченная гонкой в первенстве за товары военного назначения, космической промышленности, сырьевого сектора, информационных товаров локального пропагандистского толка, сначала СССР, а затем Россия оказалась отстающей на мировом рынке цифровых товаров. Сегодня цифровые товары, с одной стороны, вошли в обиход практически каждого человека, с другой стороны, стали орудиями информационной пропаганды, кибервойн ведущих мировых держав.

Нобелевские лауреаты изучали различные аспекты потребления: М. Фридман (1976), Г. Беккер (1992), Дж. Акерлоф, М. Спенс, Дж. Стиглиц (2001), Д. Канеман и В. Смит (2002), А. Дитон (2015), Р. Талер (2017). Пока в российских экономических учебниках раздел теории потребительского поведения давался обзорно или отсутствовал, а преподаватели могли не включать его в свой курс «без ущерба для логики изложения и понимания смысла последующих глав» (8, с. 30), в зарубежной экономической науке и практике исследования потребительского поведения покупателей стали прорывными. Лидерами на рынке стали транснациональные технологические корпорации, которые строят бизнес на собираемых из различных источников, данных о потребителе.

В таблице 1 представлен рейтинг из 12 самых дорогих компаний в мире, построенный по показателю рыночной капитализации, который рассчитывается посредством умножения количества выпущенных компанией акций на стоимость одной такой акции (13).

Таблица 1. Самые дорогие компании в мире в 2020 г.
(по состоянию на 20.01.2020г.)

Рейтинг	Название компании	Рыночная капитализация, млрд.	Отрасль	Продукция	Специализация на цифровых товарах	Страновая локализация по собственности
1	Saudi Aramco	1 880	Добыча, переработка нефти и газа	Нефть, природный газ и другие продукты нефтехимии	Нет	Саудовская Аравия

2	Apple inc.	1 397	Электроника, информационные технологии	Персональные компьютеры и планшеты, мобильные телефоны, аудиоплееры	Да	США
3	Microsoft	1 274	Разработка программного обеспечения	Microsoft Office, Microsoft Windows, Xbox	Да	США
4	Alphabet Inc.	1 020	Интернет	Google, AdWords, Android, YouTube	Да	США
5	Amazon Inc.	924,52	Розничная торговля	Различные товары	Нет	США
6	Facebook	633,49	Интернет	Социальная сеть	Да	США
7	Alibaba Group	610,13	Интернет	Электронная коммерция, хостинг онлайн-аукционов, онлайн-переводы денег, мобильная коммерция	Нет	Китай
8	Berkshire Hathaway Inc.	562,39	Конгломерат	Страхование, финансы, железнодорожный транспорт, коммунальные услуги, производство продовольственных и непродовольственных товаров	Нет	США
9	Tencent	492,9	Конгломерат	Социальные сети, обмен мгновенными сообщениями, средства массовой информации, веб-порталы, многопользовательские онлайн-игры и т.д.	Да	Китай
10	Visa Inc.	441,61	Финансовые услуги	Электронные платежи	Нет	США
11	JPMorgan Chase	433,48	Банковское дело	Банковские услуги	Нет	США

12 Johnson & Johnson	392,6	Фармацевти- ческая промыш- ленность	Производство лекарств, медицин- ского оборудования	Нет	США
Всего	10 062				

Специализацией пяти из двенадцати самых дорогих в мире компаний являются цифровые товары (digital or electronic goods) (16, с. 249): Apple inc. (персональные компьютеры и планшеты, мобильные телефоны, аудиоплееры), (США); Microsoft (Microsoft Office, Microsoft Windows, Xbox), (США); Alphabet Inc. (Google, AdWords, Android, YouTube), (США); Facebook (социальная сеть), (США); Tencent (социальные сети, обмен мгновенными сообщениями, средства массовой информации, веб-порталы, многопользовательские онлайн-игры), (Китай). Их рыночная капитализация 48% всех компаний Топ 12.

Еще три компании во многом благодаря цифровой трансформации вошли в Топ 12: Amazon Inc. (электронная торговля различными товарами), (США); Alibaba Group (электронная коммерция, хостинг онлайн-аукционов, онлайн-переводы денег, мобильная коммерция), (Китай); Visa Inc (электронные платежи), (США). Их рыночная капитализация составляет 2% всех компаний Топ 12.

Совокупно доля рыночной капитализации восьми компаний, ставших прямо или косвенно лидерами на мировом рынке благодаря цифровым технологиям 68 % всех компаний Топ 12.

Удельный вес в 32% рыночной капитализации всех компаний Топ 12 приходится на четыре компании: Saudi Aramco (нефть, природный газ и другие продукты нефтехимии), (Саудовская Аравия); Berkshire Hathaway Inc. (страхование, финансы, железнодорожный транспорт, коммунальные услуги, производство продовольственных и непродовольственных товаров), (США); JPMorgan Chase (банковские услуги), (США); Johnson & Johnson (производство лекарств, медицинского оборудования), (США).

Как видно, в Топ-12 отсутствуют российские компании.

Кардинальные изменения международной обстановки и картины социально-экономического развития на рубеже XX–XXI вв., а также кризис в отечественной экономической науке требовали и требуют новых подходов в научной и практической деятельности. Такие подходы должны иметь интегрированный междисциплинарный харак-

тер (12). Междисциплинарность позволит экономистам вернуться или открыть для себя исследовательские сферы, которые они сознательно покинули, обходят, оберегая границы паспортов экономических специальностей или «в стремлении соответствовать идеалам научности» (5). Такой сферой для отечественной экономической науки является теория поведенческой экономики и психологии.

Проблема дифференциации потребностей давно привлекает внимание экономистов. Ф. Германн потребности подразделял на «абсолютные и относительные, высшие и низшие, неотложные и могущие быть отложенными, положительные и отрицательные, прямые и косвенные, общие и особенные, непрерывные и прерывистые, постоянные и временные, обычные и чрезвычайные, настоящие и будущие, индивидуальные и коллективные, частные и государственные» (10). П. Гольбах их классифицировал на «первые», имеющие природное начало, и «мнимые», связанные с субъективным восприятием необходимого (6). К. Маркс потребности классифицировал на физические, интеллектуальные, социальные (9).

В условиях нарастающего применения информационных технологий в экономической теории выделены в отдельную область исследований симулятивные потребности: Ж. Бодрийяр (1), А. Бузгалин и А. Колганов (3), С. Бодрунов (2). Изучаются «раздувание» симулятивных потребностей в погоне за объемами сбыта, природа и роль симулятивных товаров (симулякров), их рынков, знаков удовлетворения мнимых потребностей. По мнению, С.Бодрунова рыночная экономика становится пространством производства уже не столько реальных потребительных стоимостей, удовлетворяющих реальные потребности, сколько миром создания товаров-симулякров, удовлетворяющих симулятивные потребности, искусственно создаваемые при помощи маркетинга, пиара и различных способов манипуляции сознанием потребителя (2, с.198).

Многие цифровые товары имеют признаки симулякров, например, социальные сети. А. Бузгалин и А. Колганов к товарам-симулякрам отнесли виртуальные s-товары, которые являются совокупностью предметов и услуг виртуального потребления (от бессодержательных компьютерных игр до привычки к бездумному и бессмысленному web-серфингу (3, с. 65–91). Социальные сети, удовлетворяющие естественные потребности в общении, изменяют реальность. Жизнь людей

через призму соцсетей кажется красивее, лучше. Однако, человеческое общение становится поверхностным. Информационные зависимости также могут приводить к физиологическим нарушениям, отрицательным социальным и экономическим эффектам, которые еще только предстоит оценить, в регулировании которых нарастает необходимость в обществе.

Однако, очевидно, что растущие рынки цифровых товаров, многие из которых одновременно имеют признаки сетевых товаров, функционируют со значительными отклонениями от стандартных экономических моделей и закономерностей. На рынках цифровых товаров имеют специфику механизмы спроса, предложения, государственного регулирования.

В результате пандемии люди превратились в цифровых работников, делающих цифровые продукты. Ярким примером является, как компании и частные лица по всему миру быстро, а некоторые даже за ночь, перешли от личных встреч к видеоконференцсвязи. Приложение для видеоконференций Google Meet продемонстрировало ежедневный рост более 60% (14). Очевиден рост числа поставщиков услуг видеоконференцсвязи и цифровой работы для удовлетворения новых потребностей. Они расширяют возможности подключения и создают функции, которые помогают людям чувствовать себя более связанными и активными.

По мнению К.Харди это не означает, что экономика выходит за рамки своих нынешних беспрецедентных проблем. Тем не менее, скорость изменения для миллионов работников в сравнении с прошлыми переходами на рабочих местах ошеломляющая. Для пишущих машинок, копировальной бумаги и картотеки потребовались десятилетия, чтобы стать стандартом. Даже для перехода на электронную почту и обработку текстов потребовалось много лет и много версий.

Кажется, что активно обсуждаемая до пандемии общественностью и властью в России проблема запрета гаджетов в школах откроется в новом свете, придется пересмотреть рекомендации региональным и муниципальным властям в сфере образования по вопросу ограничений использования мобильных устройств связи в школах обучающимися, педагогами и родителями (11), изменится отношение россиян, 73% которых недавно выступали за запрет школьникам пользоваться смартфонами и другими гаджетами во время занятий (7).

Следует согласиться с К. Харди, что опасения, что цифровые технологии предвещают бесчеловечное будущее, не подтвердятся реальностью. Современные герои находятся в физическом мире непосредственного ухода за пациентами. Другие важные работы, такие как доставка, сельское хозяйство и обслуживание цепочек поставок, в основном связаны с человеческими головами, руками и сердцами. Тем не менее, они активируются и дополняются цифровыми технологиями, будь то с помощью телемедицины, картографирования маршрутов, приложений для прогноза погоды или инструмента для совместной работы. Пандемия пройдет, но урок, заключается в том, что совместная работа, решение сложных проблем и преодоление трудных времен требуют связи и способов обнять друг друга человечеством. Это относится к людям, сообществам, бизнесу. И роль технологии, которая действует для этого, всегда неоценима.

Многие цифровые товары также как, алкоголь, сигареты, азартные игры, наркотики, реализуют потребность ухода от реальности и вызывают зависимость, поэтому являются аддиктивными: приложения для смартфонов, планшетов, видео и цифровые игры, социальные сети, электронные сигареты (digital addictive goods). Цифровые аддиктивные товары не случайно, а по замыслу производителей вызывают привыкание. Подтверждением тому являются товары мировых лидеров, входящих в Топ 12: социальная сеть Facebook; многопользовательские онлайн-игры Tencent. Специфическими характеристиками спроса являются: ограниченное действие закона спроса; с уменьшением дохода аддикта обращение к криминальным источникам; вход на рынок и «привязывание» стимулируются «психологическими манипуляторами», выход – связан с барьерами – «затратами на переключение»; маркетингу более подвержены дети и молодежь.

Стратегии предложения на рынках цифровых товаров и аддиктивных товаров имеют общие черты: цены могут быть нулевыми, отрицательными, и зависят от числа потребителей; затраты на их производство относительно обычных благ низкие; велики усилия по агрессивной монополизации рынка.

Цифровые аддикции могут приводить к физиологическим нарушениям, отрицательным социальным и экономическим эффектам (туннельный синдром, синдром компьютерных глаз, нарушение слуха (17), снижение производительности, успеваемости, cyberbullying,

self-absorption (самолюбование, эгоцентризм), онлайн-шопоголизм, ДТП (4), кибер мошенничество, повышение риска депрессии (15).

Очевидно, что влияние рынков цифровых товаров на общество и экономику будет и далее неуклонно и ускоренно расти. Проводимых в мире исследований и усилий ученых пока явно недостаточно при высокой сложности возникающих проблем, поэтому общество и государство и после пандемии вернутся к поиску инструментов регулирования цифровых товаров. Пока специальные инструменты позволяющие людям контролировать присутствие и взаимодействие через Интернет не получили достаточного развития, необходимо их заимствование из опыта регулирования алкогольной, табачной, наркотической и игровой зависимостей. В отличие от других сред, вызывающих зависимость, таких как алкоголь, технология может сыграть роль в том, чтобы сделать ее использование более осознанным (схема самоисключения и блокировки). Также способом жизни для человека должно стать управление самим собой – человек постоянно должен думать, что он делает.

Таким образом, современные изменения системы отношений товарного производства, распределения, обмена и потребления актуализируют исследования процессов формирования, параметров и границ новых товарных рынков, интересов и отношений их стейкхолдеров, специфики механизмов спроса и предложения, конкуренции и монополии, природы ценообразования и прибыли, коррупции запретов и теневого оборота, интернальных и экстернальных эффектов в экономике и обществе для приоритетной модернизации механизмов регулирования новых сфер экономики и общества.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Библион-Русская книга, 2003. – 272 с.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политэкономии // Альтернативы. 2012. № 2. С. 65–91.

4. В ООН назвали главные причины гибели россиян за рулем. URL: <https://news.mail.ru/society/39511881/> (дата обращения: 09.01.2020).

5. Вольчик В.В. Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // Пространство экономики. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnost-v-ekonomicheskoy-nauke-mezhdu-imperializmom-i-plyuralizmom> (дата обращения: 28.04.2020).

6. Гольбах П. Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1987. – 724 с.

7. Демченко Н. Матвиенко предложила запретить мобильные телефоны в школах. URL: <https://www.rbc.ru/society/04/07/2019/5d1e02b9a79476b62beae2ec5> (дата обращения: 30.08.2019).

8. Кэмпбелл Р. Макконнелл, Стэнли Л. Брю. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. Т. 2. Таллин : [б. и.], 1993. 400 с.

9. Маркс К. Из ранних произведений. – М.: Мысль, 1956. – 686 с.

10. Маршалл А. Принципы экономической науки. URL: http://eteor.at.ua/_ld/o/20_HFk.pdf (дата обращения 27.02.2016).

11. Методические рекомендации об использовании устройств мобильной связи в общеобразовательных организациях (утв. Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки от 14 августа 2019 г. №№ МР 2.4.0150-19/01-230/13-01)

12. Мокий В.С., Лукьянова Т.А. Междисциплинарные взаимодействия в современной науке: подходы и перспективы // ЭНСР. 2017. №3 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnye-vzaimodeystviya-v-sovremennoy-nauke-podhody-i-perspektivy> (дата обращения: 28.04.2020).

13. ТОП 10 самых дорогих компаний мира в 2020 году // URL: <https://ru.fxssi.com/top-10-samyx-dorogix-kompanij-mira> (дата обращения: 28.04.2020).

14. Hardy Q. COVID-19 And Our Surprising Digital Transformation // URL: <https://www.forbes.com/sites/googlecloud/2020/04/08/covid-19-and-our-surprising-digital-transformation/#147841d620e7> (дата обращения: 28.04.2020).

15. Lapiere M.A., Zhao P., Custer B.E. Short-Term Longitudinal Relationships Between Smartphone Use/Dependency and Psychological Well-

Being Among Late Adolescents // Journal of Adolescent Health. 2019. Vol. 65, Issue 5. Pp.607–612.

16. *McKenzie R.B., Tullock G.* The new world of economics: a remake of a classic for new generations of economics students. 6th ed. Heidelberg; Dordrecht; London; New York: Springer, 2012. – 559 p.

17. *Velayutham P. G., Govindasamy K., Raman R., Prepageran N.* High-frequency hearing loss among mobile phone users // Indian journal of otolaryngology and head and neck surgery : official publication of the Association of Otolaryngologists of India. 2014. Vol. 66(Suppl 1). Pp. 169–172.

глава 5

Неравенство

при продвижении

к НИО.2 и ноономике:

финансовые

и региональные аспекты

Горин Е.А.,

*доктор экономических наук,
профессор, главный научный сотрудник
Института проблем региональной экономики РАН*

Gorin E.A.,

*Doctor of Econ. Sc., Professor,
Chief research officer at Institute for Regional Economics
Studies Russian Academy of Sciences*

**Неравенство в практической ноономике:
глобальные тренды и региональный дисбаланс**

**Inequality in Practical Noonomy:
Global Trends and Regional Imbalances**

Аннотация. Обсуждаются ресурсные возможности регионов и территориальное распределение социально-экономического потенциала. Особое внимание уделено социальным факторам, снижению избыточной миграции населения, динамике подготовки специалистов высшей квалификации, закреплению населения на традиционных территориях проживания. Проводится сравнение научного уровня и образовательного процесса, инновационной деятельности и деловой активности в федеральных округах Российской Федерации. Обсуждается нарастающее противоречие между агрессивной цивилизационной концентрацией и дифференцированным социальным комфортом.

Abstract. The resource potential of regions and the territorial distribution of socio-economic potential are discussed. Special attention is paid to social factors, reduction of excessive migration of the population, dynamics of training of highly qualified specialists, and consolidation of the population in traditional territories of residence. A comparison of the scientific level

and educational process, innovation and business activity in the Federal districts of the Russian Federation is made. The growing contradiction between aggressive civilizational concentration and differentiated social comfort is discussed.

Ключевые слова: Территориальное распределение, региональные особенности, инновационный процесс, социально-экономические условия, образование, ресурсы, миграция.

Keyword: Territorial distribution, regional features, innovation process, socio-economic conditions, education, resources, migration.

Реализация глобальных технологических трендов и становление ноономики сопровождается не только позитивными сдвигами в экономике и социуме, но объективно порождает глубокие противоречия, в первую очередь, в общественных отношениях¹. Речь идет не только о нарастании ограничений для мирового развития со стороны ограниченных потенциалов частной собственности в глобальных сферах и, как следствие, все большему становлению государства в качестве активного экономического субъекта², но и изменении баланса между общественными задачами и индивидуальными потребностями.

В указанном контексте проф. С.Д. Бодрунов выделяет противоречие между ростом значимости для индивида социально-экономической среды с одновременным сохранением желания к индивидуализации личной жизни, отражающейся в естественной потребности сохранения и оберегания личной, интимной сферы человеческого существования на фоне объективного расширения всяческой открытости и технологической доступности любой информации.

Наряду с личными способностями и результатами воспитания, перспективные различия в интеллектуальной продуктивности конкретного человека и его роль в новом индустриальном сообществе в значительной степени определяются постановкой для него жизнен-

¹ Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018. – С. 186.

² Воейков М.И. Государство и рынок: новая политико-экономическая парадигма. Экономическое возрождение России, 2018, № 2 (56), с.79–90.

ной идеи в совокупности с доступностью к качественному образованию, интеллектуальным и культурным ресурсам¹.

Несмотря на постоянно возрастающую информационную и логистическую доступность в современном мире, как в горизонтальных, так и в вертикальных срезах социума даже экономически развитых стран сохраняется значительное неравенство. Для российской действительности проблема неравенства серьезно дополняется территориальной разобщенностью, культурно-историческими традициями и климатическим разнообразием.

Результатом современного общественного развития становится нарастающее противоречие между агрессивной цивилизационной концентрацией и дифференцированным социальным комфортом.

Меняется не только структура и содержание промышленного производства и обеспечивающие его систем, но вся общественная аура, ориентация политических и технологических элит, интересы населения и миграционные процессы, структура образования и подготовки кадров. Наряду с решением задач по трансферу технологий, внедрению новаций в традиционные предприятия, необходимо совершенствование структуры занятости населения и профессионального образования. Становится проблематичным применение классического отраслевого деления в экономике, поскольку внедряется интегрированный обмен ресурсами и сложная логистика, включая анализ рынков и информацию о средствах производства, цифровое моделирование, прототипирование и адаптивное производство. Все в большей степени трансформируется как само производство, так и смежные сферы, ориентируясь на ключевые составляющие «Индустрии 4.0»². Происходит «вымывание» среднедоходных рутинных профессий, приоритетными и востребованными становятся высокодоходные творческие профессии либо низкодоходные с ручным трудом. Усиливается дисбаланс между неуклонно устаревающей производственной и социальной инфраструктурой и нарастающими потенциями

¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. – Том 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы. – М.: Ленард, – 2015. – С. 467.

² Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.

передовых технологических укладов, складываются новые общественные отношения, происходят изменения в смежных сферах. Для различных территорий нарастает дисбаланс между мировыми и национальными возможностями, с одной стороны, и реальным положением и ожидаемыми перспективами, с другой стороны, когда отставание в технологическом развитии неизбежно ведет к росту социальной напряженности. Широкий информационный обмен при недостаточной инфраструктурной и социальной обеспеченности усиливает неудовлетворенность населения периферийных территорий, приводит к неадекватной миграции и ускоренному перемещению в крупные города, не умаляя роль последних для национального и мирового инновационного развития.

Как результат, сохранение сложившегося уклада жизни и ориентация на традиционное потребление природных ресурсов при отсутствии инновационного развития, соответствующего научно-образовательного потенциала и современного качества жизнеобеспечения неизбежно приводит к усилению диспропорций в распределении населения и деградации удаленных от центра территорий.

Одновременно, крупные города вступают в конкурентную борьбу за ресурсы и достижение конкурентных преимуществ, при этом оптимизация социально-географического пространства и инфраструктурная модернизация становятся важным элементом, а иногда и основной составляющей национальной социально-экономической трансформации¹.

Существенное значение приобретает не только рациональное хозяйствование, повышение эффективности использования имеющегося промышленного потенциала и применение прогрессивных технологий, но выравнивание с учетом современных требований социального уровня различных территорий с сохранением уже сложившихся профилей экономической специализации².

¹ Глухов В.В., Горин Е.А., Осеевский М.Э. Управление инновационным социально-экономическим развитием мегаполиса: методология, принципы, механизмы. – СПб: изд. Политехнического университета, 2012. – 427 с.

² Горин Е.А., Осеевский М.Э. Поступательное развитие территориальных систем: качество жизни как результат см. на след. странице

Указанная проблема всегда существовала и в нашей стране из-за ее территориальной протяженности, климатических, ресурсных и культурно-исторических различий, но динамизм мировых социально-экономических изменений делает ее особенно актуальной.

Для удаленных территорий сохранение уровня их интегральной конкурентоспособности и привлекательности для проживания, нейтрализация экологических угроз и технологического преобразования требует решения комплекса экономических и социальных, а главное – управленческих задач.

По убеждению специалистов в области инновационной экономики, «новые реалии жизни привели к коренным качественным переменам в самом государственном управлении, которое из послушного исполнителя требований рынка превратилось в интеллектуально-информационный центр его регулирования, прогнозно-стратегического ориентирования, социального оздоровления, без чего рыночное хозяйство уже давно исчезло бы.

Именно с помощью интеллектуального государства возник и утвердился принципиально новый тип управления, отличного от оперативного – программно-целевой.

Коренное изменение регулирующей роли государства в современном мире, обретение им нового качества – информационно-аналитического, прогнозирующе-стратегического, а потому – социального и демократического стало важнейшим итогом постиндустриальной революции»¹.

Существенно, что в отличие от моделей рыночного равновесия и производственных функций, предполагающих взаимозаменяемость факторов производства, в практическом применении знание зачастую является неотделимым от своего носителя – индивида, научного или производственного коллектива.

см. на предыдущей странице взаимосвязи образования и экономического роста. – Системный анализ в проектировании и управлении. Сб. научн. трудов. – СПб: ФГАОУВО «СПб политехнический университет Петра Великого». – 2014. – С. 179–181.

¹ Горин Е.А. Современная промышленная политика: факторы трансформации // Бюллетень науки и практики, 2018, т. 4, № 9, с. 218–227.

Ситуация носит глобальный характер, в частности, для европейских стран выражается в необходимости постоянного инновационного совершенствования для поддержания уровня жизни из-за возрастания конкуренции на мировых рынках. Из 238 европейских регионов 159 улучшали свои показатели на протяжении последних восьми лет, в то время для основного числа регионов характерны увеличение отставания, «утечка мозгов» и старение населения¹. В качестве превентивной меры для роста производительности и конкурентоспособности предложена самая амбициозная исследовательская и инновационная программа в истории Евросоюза – Horizon Europe – на период 2021–2027 гг. с бюджетом до 100 млрд евро².

В российских реалиях динамика и качество изменений в крупных городах и на периферийных территориях сегодня могут быть обеспечены только ответственно-патриотическим отношением населения и его высоким образовательным уровнем. Поэтому ориентация на ускорение экономического развития, в первую очередь, должна подкрепляться расширением доступности и повышением качества образования, углублением изучения фундаментальных дисциплин и профильных профессиональных компонент.

Существенно, что лидирующие возможности российских регионов и уровень их инновационности объективно обусловлены имеющимся на их территории ресурсным потенциалом, включающим собственно территорию с запасами полезных ископаемых, профилем производственных мощностей, созданным энергетическим комплексом и транспортными коммуникациями, научной и образовательной компонентами, уровнем культуры и профессиональной подготовки населения. Качество использования имеющегося ресурсного потенциала обеспечивается как долговременными факторами: сложившимся социально-культурным пространством, системой институтов управления и коммуникации, географическим положением и климатическим условиями, так и весьма нестабильными и меняющи-

¹ https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_19_2991

² http://www.bio-economy.ru/ramochnaya_programma_es/gorizont_2020/9_ramochnaya_programma_gorizont_evropa.php

мися обстоятельствами, такими как политическая ситуация, наличие собственных или привлекаемых финансовых средств¹.

Сохраняющаяся потребность мирового рынка в углеводородах, металлах и иных природных ресурсах позволяет большинству российских регионов участвовать в глобальной экономике через их добычу, переработку и экспорт, частично получая источник реинвестиций в инфраструктурное развитие, приобретение продуктов и технологий после общефедерального распределения доходов.

Вместе с тем, для устойчивого развития любого региона и усиления его роли на общенациональном уровне необходима системная концентрация ресурсных возможностей, создание институциональной среды, позволяющей перейти к современным сетевым механизмам быстрой передачи результатов исследований и разработок в практическую экономику и создания конкурентоспособных продуктов и услуг, формированию единого комплекса «исследования-технологии-внедрение».

Происходящие в мире процессы демонстрируют необходимость применения разнообразных форм социального обустройства, не ограничиваясь только углублением глобализации и концентрацией все большего числа людей в плотно населенных конгломерациях². При этом исходим из подхода к количественным и качественным характеристикам населяющих страну жителей как важнейшему национальному богатству.

Практика эффективного использования всего комплекса ресурсных возможностей российских регионов не может быть реализована без учета этого обстоятельства, снижения происходящих необоснованных перетоков населения и формирования пустынных пространств, осваиваемых исключительно вахтовым методом. Для роста населения и его закрепления на удаленных территориях, кроме привлекательного трудоустройства, возможностей культурного развития и повышения

¹ Горин Е.А. Ресурсный потенциал социально-экономического развития региона. – Инновационные направления в науке, технике, образовании. – Ч. 2. – Смоленск: ООО «Новаленсо», 2016. – С. 126–129.

² Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи. – М.: ИНИР им. С.Ю.Витте: Центркаталог, 2020. – 328 с.

квалификации, необходимо обеспечить качественную инженерную и транспортную инфраструктуру, образование, медицину и т.п.¹

Здесь необходимо подчеркнуть, что «...дальнейшее развития НИО.2 – это трансформация интеграционного «треугольника» «производство-наука-образование», то есть, если «... в концепции нового индустриального общества Дж.К. Гелбрейта, неявно включающей в себя необходимость такой интеграции, главенствующая роль отводилась производству, оставляя науке и образованию в некотором роде роль подчиненную, «обслуживающую» нужды индустрии. В НИО.2 их позиции смещаются – базовую роль в «треугольнике» все более играет знание, становясь драйвером знаниеинтенсивного производства. Фактически знание, становясь основным производственным ресурсом («непосредственной производительной силой»), в значительной мере замещает «матчасть» в новоиндустриальном производстве»².

Именно поэтому, критерием инновационного развития территорий является востребованность в высококвалифицированных кадрах, доступность для такой категории жителей научных достижений, их участие в исследованиях и разработках, а также увеличение доли специалистов, способных не только эффективно внедрять на территориях проживания, удаленных от ведущих национальных научно-образовательных центров, современные идеи, технологии и материалы, но и генерировать новые практические приложения. Традиционной формой такого взаимодействия является подготовка местных кадров высшей квалификации через аспирантуру, что остается фактором инновационного развития территорий, несмотря на значительные деформации в этой отлаженной системе после преобразований, начатых в 2013 году, когда аспирантура стала только третьим уровнем высшего образования.

В результате с 2010 до 2018 год число организаций в России, имеющих аспирантуру, сократилось в 1,3 раза, общая численность аспирантов – на 42,3%, прием в аспирантуру сократился в два раза. Около

¹ Павлов М.Ю. Маркс и марксизм о принципах расселения людей: будущее за «родовыми поместьями»? // Вопросы политической экономики, 2020, № 2(20), с. 113–129.

² Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018. – С. 177.

90% от общей численности аспирантов обучается в вузах, количество участвующих в подготовке научных организаций постоянно сокращается, то есть реальное научное сообщество отстраняется от кадрового восполнения¹.

Соответствующие данные по численности аспирантов и организаций, ведущих их подготовку, для федеральных округов² показаны на рис. 1. Периферийные округа явно уступают традиционным научно-образовательным центрам и демонстрируют отрицательную динамику. Как это отражается на социально-экономических характеристиках и инновационных способностях этих регионов?

Рейтинговые данные Агентства инновационных регионов России позволяют сделать соотносительные оценки ключевых параметров регионов нашей страны³. На рис. 1 даны расчетные диаграммы по направлениям «научные исследования и разработки – инновационная деятельность – социально-экономические условия инновационной деятельности – инновационная активность», исходя из характеристик базовых территорий федерального округа как фактических научно-образовательных концентраторов и управленческих центров округов.

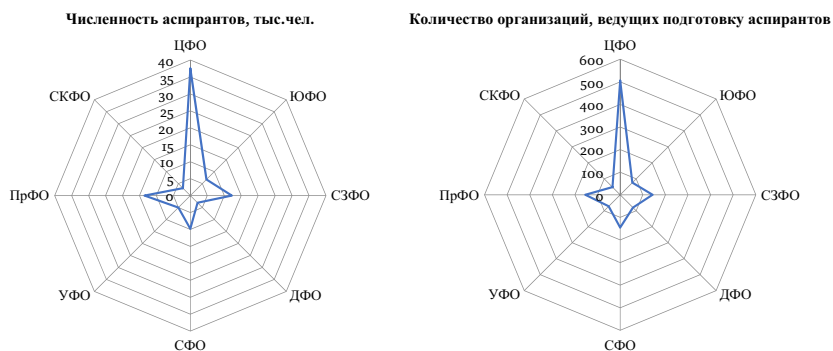

рис. 1. Численность аспирантов и организаций, ведущих их подготовку, в федеральных округах (по данным [15])

¹ <https://iq.hse.ru/news/283623388.html>

² https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/document/2018/02/documents/airr17.pdf

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 1204 с.

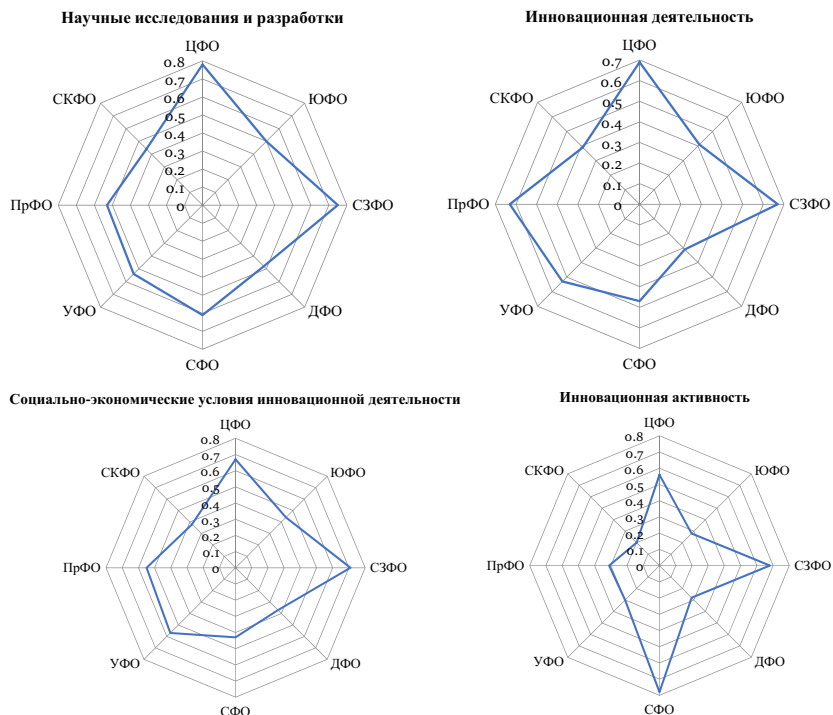

рис. 2. Расчетные диаграммы достигнутых уровней для федеральных округов (соответственно, Центральный, Южный, Северо-Западный, Дальневосточный, Сибирский, Уральский, Приволжский, Северо-Кавказский) по направлениям «научные исследования и разработки – инновационная деятельность – социально-экономические условия инновационной деятельности – инновационная активность» (по данным [16])

Возможное объяснение о смещении акцентов подготовки научной элиты для удаленных территорий в крупные научно-образовательные центры не подтверждается фактическим состоянием, показанным на рис. 3, для Санкт-Петербурга, Москвы и Российской Федерации в целом.

Наблюдается принципиальное совпадение качественных параметров экономической ситуации и количественных данных перспективного научного персонала. Кроме того, мы сравнили в сопостави-

мых единицах инновационную активность в федеральных округах и численность подготавливаемых научно-педагогических кадров высшей квалификации. Результаты такого сравнения даны на рис. 4 при допущениях, что половина таких кадров в Москве подготавливается для других регионов, на которые оставшуюся численность мы перенести равномерно, кроме Северо-Западного федерального округа, где самодостаточна такая подготовка в Санкт-Петербурге.

Еще более удручающая картина вырисовывается при анализе выпуска специалистов с ученой степенью, поскольку, как показано на рис. 5, качественное диссертационное исследование может предъявить только один из восьми прошедших аспирантский срок¹.

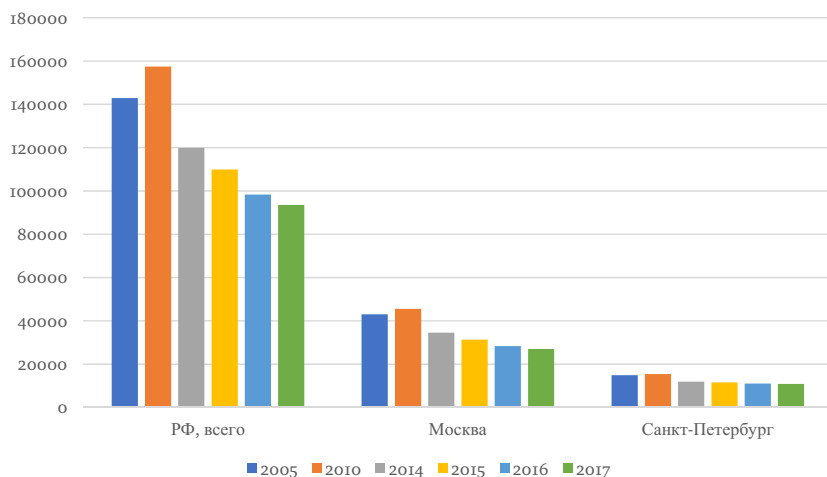

рис. 3. Численность аспирантов в РФ,
Москве и Санкт-Петербурге

Трудности реализации в нашей стране большинства преобразований и перевода национальной экономики на инновационный путь связаны, в значительной степени, с историей развития общества и сложившейся за многие столетия национальной ментальностью, недостатками в использовании богатых природных ресурсов, смеще-

¹ www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/document/2018/02/documents/airr17.pdf

нием приоритетов на крупные города с отставанием обширных удаленных территорий, в том числе в отношении модернизации кадрового ресурса. Необходим рациональный баланс между концентрацией интеллектуальных и производственных ресурсов в крупных агломерациях и на обширных территориях с уравниванием условий и возможностей.

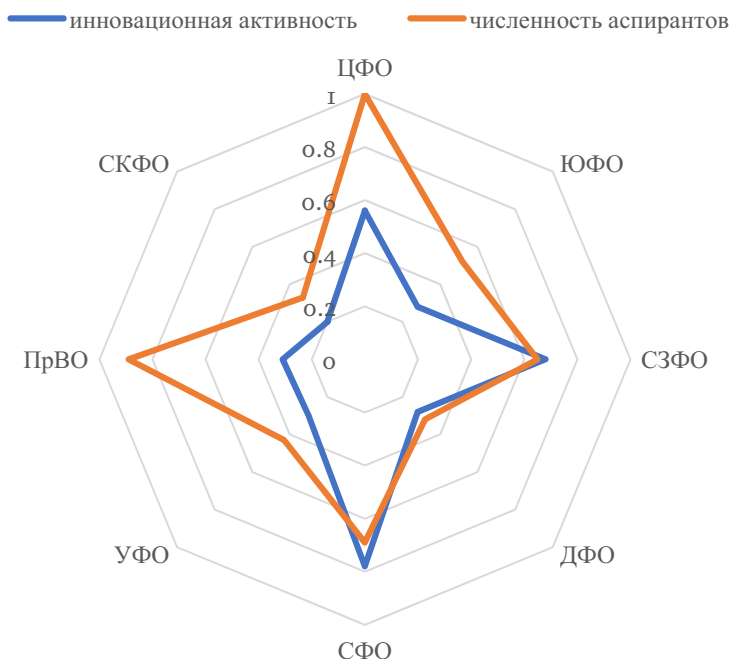

рис. 4. Качественное сравнение инновационной активности в федеральных округах и численности подготавливаемых научно-педагогических кадров высшей квалификации

Вместе с тем, во всем мире ключевой тенденцией пространственного развития является ресурсная концентрация в ограниченном числе крупных центров и повышение социально-экономической роли городов. К началу XXI века в нашей стране сформировалось около 40 крупных агломераций, в которых численность населения растет, а численность населения городов, где проживает менее 100 тыс. жителей и сельских территорий устойчиво снижается. Стратегией про-

странственного развития Российской Федерации на период до 2025 года 20 агломераций отнесены к перспективным территориям экономического роста национального уровня¹.

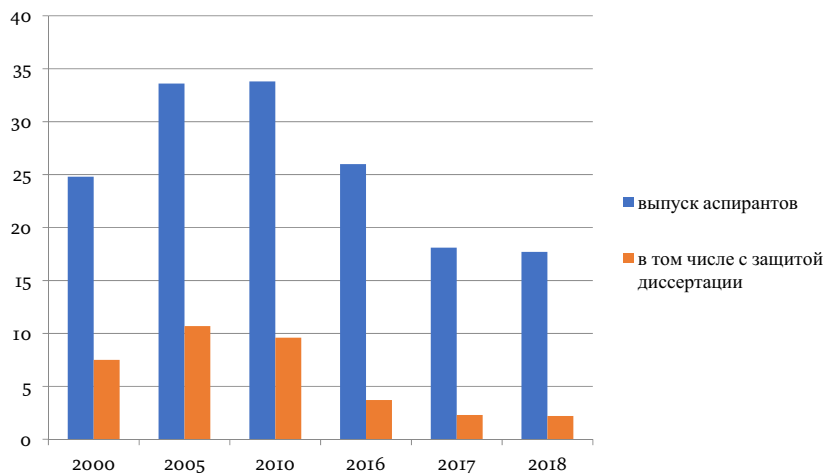

рис. 5. Подготовка научно-педагогических кадров в аспирантуре, в том числе с защитой диссертации, тыс. чел.

Пандемия COVID-19 продемонстрировала наличие серьезных рисков для устойчивости активно формирующейся мировой системы расселения и территориальной организации экономики, определенные центробежные тенденции для крупных городов². В последние годы в нашей стране уже фиксировался двусторонний характер внутренней миграции и, наряду с мощным потоком переселения в крупные города, существовал и обратный процесс движения из мегаполисов в малые города и сельскую местность, хотя тогда стремление

¹ <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtTo8o6oRktoOXl22JjAe7irNxc.pdf>.

² Максимов А.Н., Соснин Д.П. Анализ долгосрочных перспектив развития городской среды населенных пунктов России и ее адаптации к последствиям пандемии Covid-19 // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития, 2020, № 20 (122), с. 28–35.

к переезду из больших городов было незначительным¹. Одним из вероятных сценариев пространственного развития России становится определенная коррекция миграционных потоков в пользу средних и малых городов, сельской местности, а особенно – в города с населением менее 1 млн человек.

Уже имеется зарубежный опыт трансформации городской политики в условиях пандемии, включающий отход от логики «мобильности» и переход к логике «доступности» базовых функций и услуг². Это позволяет сформировать новую политику распределения населения, повысив устойчивость к экономическим, социальным и экологическим рискам. В свете такого подхода, для нашей страны важно воспользоваться складывающейся ситуацией, усилить тенденции к равномерному территориальному размещению населения, основываясь на традиционных формах занятости, новых ресурсно-производственных сферах трудовой деятельности, повышении качества жизни и доступности образования. Ориентация управленческих структур и общественных организаций на решение подобных задач усиливается, принята государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», продолжается обсуждение механизмов дальнейшего освоения малых населенных пунктов³. На цели повышения статуса территорий и, соответственно, увеличения общественного интереса, привлечения инвестиций и закрепления кадров, стало введение в Гражданский кодекс нового объекта интеллектуальных прав – географического указания и вступление с 27.07.2020 норм Федерального закона 230-ФЗ от 26.07.2019.

В заключение отметим, что в практической ноономике возникают противоречия между глобальными трендами, ориентированными на концентрацию интеллектуальных ресурсов и использование наукоемкого ресурсосберегающего производства, с одной стороны, и необходимостью сохранения социального комфорта для каждого

¹ www.youtube.com/watch?v=GYE4p3nWuo8&t=490s.

² www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/citiespolicy-responses-fd1053ff/

³ <https://yandex.ru/turbo/s/iz.ru/1039720/evgeniia-priemskaja/umenshit-traektorii-mozhet-li-pandemiia-dat-shans-malym-territoriyam>

жителя планеты, с другой стороны. Нивелирование возникающих противоречий находится на пути сбалансированного развития доступности науки, образования и культуры для равно распределенных территорий, а не только для крупных агломераций – центров инновационной деятельности и деловой активности, генераторов агрессивной цивилизационной концентрации.

Учет этого фактора приобретает особое значение для России, как страны с большой площадью территории и неравномерным распределением населения.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. – Том 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы. – М.: Ленард, – 2015. – 904 с.
3. Воейков М.И. Государство и рынок: новая политико-экономическая парадигма. Экономическое возрождение России, 2018, № 2 (56), с. 79–90
4. Глухов В.В., Горин Е.А., Осеевский М.Э. Управление инновационным социально-экономическим развитием мегаполиса: методология, принципы, механизмы. – СПб: изд-во Политехнического университета, 2012. – 427 с.
5. Горин Е.А., Осеевский М.Э. Поступательное развитие территориальных систем: качество жизни как результат взаимосвязи образования и экономического роста. – Системный анализ в проектировании и управлении. Сб.научн.трудов. – СПб: ФГАОУВО «СПб Политехнический университет Петра Великого». – 2014. – С. 179–181
6. Горин Е.А. Современная промышленная политика: факторы трансформации // Бюллетень науки и практики, 2018, т. 4, № 9, с. 218–227
7. Горин Е.А. Ресурсный потенциал социально-экономического развития региона. – Инновационные направления в науке, технике, образовании. Сб.научн.трудов. – Ч.2. – Смоленск: ООО «Новаленсо», 2016. – С. 126–129

8. *Радика Десаи*. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи. – М.: ИНИР им. С.Ю.Витте: Центркаталог, 2020. – 328 с.

9. *Кузнецов С.В., Горин Е.А., Имзалиева М.Р.* Модернизация промышленности макрорегиона «Северо-Запад»: трансформация структуры занятости и системы подготовки профессиональных кадров. – Актуальные проблемы труда и развития человеческого потенциала: вузовско-академический сборник научных трудов. Выпуск № 1 (17). – СПб: изд-во СПбГЭУ, 2018. – С. 86–95

10. *Максимов А.Н., Соснин Д.П.* Анализ долгосрочных перспектив развития городской среды населенных пунктов России и ее адаптации к последствиям пандемии Covid-19 // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития, 2020, № 20 (122), с. 28–35

11. *Павлов М.Ю.* Маркс и марксизм о принципах расселения людей: будущее за «родовыми поместьями»? // Вопросы политической экономии, 2020, № 2(20), с. 113–129

12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 1204 с.

13. *Шваб К.* Технологии Четвертой промышленной революции. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.

Дейнека Л.Н.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры инженерной экономики
Южного федерального университета

Deineka L.

N., Candidate of Econ. Sc.,
associate Professor departments of engineering Economics
Southern Federal University

**Реиндустриализация как процесс формирования
нового индустриального общества
второго поколения (НИО-2)
и проблема неравенства в России**

**Reindustrialization as a Process of Forming
a New Industrial Society of the Second Generation
(NIS-2) and the Problem of Inequality in Russia**

Аннотация. В статье прослеживается влияние на поляризацию общества в России изменений, связанных с разрушением производственного потенциала страны. Выявляются проблемы стоящие на пути восстановления материального производства на новой научно-технологической основе (реиндустриализация), вступившей в шестой технологический уклад. Ставится вопрос о перспективах становления нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), о проблемах углубления или ослабления поляризации общества и неравенства в доходах в ходе продвижения общества через технологические изменения к ноономике.

Abstract. The article traces the influence of changes related to the destruction of the country's production potential on the polarization of

society in Russia. The article identifies the problems that stand in the way of restoring material production on a new scientific and technological basis (reindustrialization), which has entered the sixth technological order. The question is raised about the prospects for the formation of a new industrial society of the second generation (NIS.2), about the problems of deepening or weakening the polarization of society and income inequality in the course of moving society through technological changes to the noonomy.

Ключевые слова: Реиндустриализация, технологический уклад, цифровизация, неравенство, поляризация общества, стоимость рабочей силы, эксплуатация, ноономика, новое неравенство, мирохозяйственный уклад,

Keywords: Reindustrialization, technological structure, digitalization, inequality, polarization of society, labor cost, exploitation, noonomy, new inequality, world economic structure,

Сегодня в мире осуществляются глубокие преобразования: четвертая промышленная революция, переход к новому, шестому технологическому укладу, на основе которого формируется (НИО.2), складывается новый мирохозяйственный уклад. Россия также включена в эти процессы. Однако в перестроечный период Россия потеряла ориентиры индустриального развития, для России самое главное сейчас восстановить промышленный сектор экономики на основе реиндустриализация и обеспечить экономическую безопасность страны. Реиндустриализация должна есть осуществляться в рамках «неоиндустриальной модели развития», суть которой «состоит в возврате промышленности роли локомотива экономического роста на основе полноценного внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) непосредственно в производство, а также в создании информационных платформ для управления жизненным циклом продукции» (15, с. 128).

Технологическим стержнем неоиндустриализации является цифровая трансформация промышленных предприятий.

По данным, представленным **ведущим экспертом по внедрению систем и решений цифровой трансформации «Эмерсон» В. Куликовым**, современное промышленное производство использует

цифровые и компьютерные технологии во всех аспектах своей работы: от непосредственного контроля и управления технологическим процессом до бизнес-планирования и документооборота.

Ссылаясь на исследование McKinsey Global Institute, эксперт заключает, что процесс цифровой трансформации находится на ранней стадии: степень адаптации цифровых технологий с точки зрения реализации их бизнес-потенциала оценивается примерно в 20% от возможного по состоянию на 2018 г., причем в промышленности эти показатели ниже, чем по экономике в целом. Общий рост бизнеса, обусловленный цифровой трансформацией, может составлять более \$13 трлн.

Ведущие промышленные предприятия, (компании «верхнего квартиля»), значительно превосходят конкурирующие компании, имеющие средние значения индексов – метрик, по которым ведется оценка состояния предприятия. Так, в нефтепереработке компании «верхнего квартиля» показывают на 4% большую эксплуатационную готовность (надёжность) и на 10% большую производительность оборудования, на 20% меньшие эксплуатационные затраты и втрое меньшее количество инцидентов (безопасность) в сравнении со средними значениями. Аналогично в нефтегазодобыче: компании «первого квартиля» имеют на 8% большую эксплуатационную готовность, на 40% меньшие эксплуатационные затраты и вдвое меньшее количество инцидентов, соответствие законодательным нормам по экологии. (29)

Как известно, трансформационные преобразования в России периода 1991–2000 гг. начались с приватизации собственности и привели к: 1) беспрецедентному спаду производства (40% ВВП), «сгону рабочих, инженерно-технического персонала и служащих с рабочих мест», связанных с индустриальным производством, 2) **деиндустриализации**: сокращение более чем в два раза производства стали, продукции гражданского машиностроения, металлорежущих станков, свёртывание производства прядильных и ткацких станков (17); 3) **научно-технологическому регрессу**: сокращение выпуска наукоёмкой продукции, сокращение доли в экспорте высокотехнологичной конечной продукции, эмиграция специалистов за рубеж, свёртывание научно-исследовательской базы, сокращение расходов на образование, науку, культуру.

Такие изменения в традиционной системе производственных отношений привели к **расколу общества на сверхбогатых** (владеющих капиталом) **и бедных** (не владеющих даже средствами существования для воспроизводства своей жизни и жизни своих детей), что является началом функционирования капиталистической системы хозяйствования, основанной на эксплуатации труда, тех, кто получил отчуждение (как сейчас говорят, «не получил доступа к ресурсам») от собственности на средства производства.

Количество безработных возросло с 5,5% в 1991г до 14% в 1999г. По мнению Р. Капелюшника, «безработицу сдерживали «нестандартные» способы адаптации – работа в режиме неполного рабочего времени, вынужденные административные отпуска, вторичная занятость и занятость в неформальном секторе, задержки заработной платы, теневая оплата труда» (12). Неформальная занятость – скрытая форма безработицы (выживание).

Доля населения с доходами ниже черты бедности в 1992 г. составляла 34%. Уменьшалась до 1998 г. В 2000 году превысила долю 1992 г. и составила 35% (23). Почти 41 млн. человек оказались на грани нищеты! А если учесть безработных, пенсионеров, студентов, инвалидов, то эта цифра будет на порядок выше.

На фоне спада производства, роста безработицы и бедности, в этот период формируются первые российские олигархические группы, попавшие в список Forbes: Б.Б. Березовский – дилер АвтоВАЗа, зам. секретаря Совета безопасности РФ, активы – \$3 млрд; М. Ходорковский – совладелец и глава нефтяной компании «ЮКОС», активы – \$2,4 млрд; В. Алекперов – президент и совладелец нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», активы – \$1,4 млрд; В. Потанин – глава ОНЭКСИМ банка; «Норникель», доли в нефтяной и химической промышленности и др., активы – \$700 млн (21). Как видим, наши миллиардеры разбогатели на топливно-энергетических и сырьевых ресурсах, перехваченным ими за бесценок в ходе приватизации и эксплуатации труда.

2000–2008 – «экономический рост без развития»: непрерывный рост цен на нефть, увеличение в структуре экспорта доли топливно-энергетических товаров, стали главными источниками роста ВВП, профицита государственного бюджета, роста золотовалютных резервов, снижения инфляции, роста реальных доходов, сокращения безработицы.

Разрушению индустриального потенциала страны способствовал значительный приток иностранного капитала¹. Господствующая либеральная доктрина позволяла им самостоятельно (бесконтрольно) решать куда вкладывать капитал. Внедрение иностранных инвестиций в отрасли машиностроения (перепрофилирование), производящих фондообразующих технику, привело к разрушению технологических процессов по производству профильной продукции, и прекращению выпуска высокотехнологичных товаров². Факты роста в структуре импорта машин и оборудования (с 31% в 2000г. до 52,7 в 2008 г.) свидетельствуют о том, что зарубежным конкурентам удалось захватить российский рынок машин и оборудования

В этот период, на наш взгляд, произошло окончательное разрушение производственного потенциала страны, деформация отраслевой структуры российской экономики, закрепилась экспортоориентированная модель экономического роста, зависимость от колебаний цен на энергоресурсы и валютного курса.

Одновременно углубилась поляризации общества. Несмотря на относительно высокие темпы роста ВВП в этот период (в среднем около 7%), бедность работающего населения, хотя и сократилась в виду оживления экономики, приобрела хронический характер. Число миллиардеров в списке Forbes возросло с 8 до 87 (в 10 раз), что связа-

¹ Дан некоторый анализ в статье Дейнека Л.Н. Иностранные инвестиции в российской экономике: способствуют её развитию или сдерживают его? // : Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики: монография: в 3 т. / [Е.С. Аверкиева и др.; ЮФУ; под ред. А.Б. Яценко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд. ЮФУ, 2017/

² См о перепрофилирование и его результатах крупнейшего в советское время предприятия ОАО «Таганрогский комбайновый завод» в предприятие ТАГАЗ (автосборочное предприятие), Дейнека Л.Н. Иностранные инвестиции в российской экономике: способствуют ее развитию или сдерживают его? Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики: монография: в 3 т. / [Е.С. Аверкиева и др.]; Южный федеральный университет; под ред. А.Б. Яценко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд. ЮФ, 2017. С. 77–81.

но с ростом цен на нефть, ростом котировок на российском фондовом рынке. Суммарное их состояние увеличилось с \$14,80 до \$459,5 млрд (почти в 33,5 раза). Количество же бедных сократилось чуть более чем в два раза.

2008 (вторая половина) – 2010 гг. Мировой финансово-экономический кризис. В конце 2008 г. цены на нефть снизились до \$33,7 долл. за баррель. На 35% сократился стоимостной объем российского экспорта, что вызвано сокращением спроса на нефть в связи с рецессией в странах-партнёрах. В результате ВВП в первой половине 2009 года уменьшился на 9% (2008 – рост 5,6% в), промышленное производство – на 14% (2008 рост на 2,1%), инвестиции – на 18%, Уровень безработицы возрос с 6,4% до 8,4 в 2009 г. Оборот розничной торговли упал на 5,5% (2008 – рост 13,3%) Реальная заработная плата уменьшилась на 2,8% (2008г. рост на 11,5%.) (19). Экспортоориентированная модели экономического роста показала свою несостоятельность, обострилась проблема экономической безопасности страны.

Переломным моментом в российской экономике стали анти-российские санкции (март, 2014), которые спровоцировали снижение цен на нефть, падение курса рубля, чрезмерную его волатильность, удорожание импорта, снижение стоимостного объема импорта машин, оборудования и транспортных средств на 44,1%. В результате 2015 г., (год реакции экономики на санкции) по сравнению с 2014 г. ВВП снизился на 3,7%, инфляция возросла на 15,5%, реальная заработная плата снизилась на 9,5%, величина прожиточного минимума возросла на 20,5%. (20). Таким образом, от санкций пострадала не только экономика, но и население. Оно стало беднее.

Обострение проблем воспроизводства национальной экономики и экономической безопасности активизировало правительство РФ к разработке стратегии и созданию программ импортозамещения в России до 2020 года [24].

Доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, комплектующие изделия определяет степень зависимости экономики от импорта. По данным Минпромторга РФ в 2014 г., доля импорта в потреблении продукции базовых отраслей, составляла: станкостроение – более 90%; легкая промышленность – 70–90%; тяжелое машиностроение 60–80%; электронная промышленность – 80–90%; машиностроение для пищевой промышленности 60–80 [16].

Чрезмерная зависимость от импорта оборудования для фондообразующих отраслей, покупных и комплектующих материалов, ограничения поставок в связи с антироссийскими санкциями, рост цен на несанкционированную продукцию создают проблемы восстановления отечественного машиностроения – базовой отрасли реиндустриализации.

Поляризация общества углубилась. В настоящее время по официальным данным более 20 млн работающего населения прозябают за чертой бедности (по данным экспертов – более 35 млн) недополучая эквивалент стоимости своей рабочей силы. Недополученная заработная плата – скрытая форма эксплуатации труда, а невыплаты заработной платы – преступление, требующее уголовной ответственности. По данным Росстата на 01.04.2019 по организациям (без малого предпринимательства), суммарная задолженность по заработной плате (по наблюдаемым видам экономической деятельности) составила почти 3 млрд рублей. Увеличилась за месяц на 14,2%¹. Не получили заработную плату 47,1 тыс. человек. Из них 46% – работники обрабатывающих производств, запуск которых крайне необходим для импортозамещения и обеспечения экономической безопасности.

Для сравнения: с начала 2019 года (три месяца) состояние богатейших россиян увеличилось на 20 миллиардов 536 миллионов долларов (Bloomberg). Приведём некоторые примеры

Владелец НЛМК В. Лисин «заработал» за три месяца 2,44 млрд долл. (источник дохода: металлургия, транспортные компании); Совладелец «Лукойла» В. Алекперов – главный нефтяной магнат крупнейшей частной нефтяной компании России – 3,67 млрд долл.; Совладелец «Норникеля» В. Потанин – 1,36 млрд долл. В. Потанину принадлежат 34,6% акций металлургического гиганта. В металлургическом бизнесе компании почти 50% приходится на долю палладия, 20% – никеля. Палладий-благородный, редкий и очень дорогой металл. Это природное (общенародное) достояние, а не достояние отдельного лица или лиц. Значит, и богатство такого рода носит грабитель-

¹ Если учесть ненаблюдаемые виды экономической деятельности индивидуальное и малое предпринимательство, то оставшихся без оплаты труда будет гораздо больше.

ский характер. Тоже самое можно сказать о богатстве семьи С. Керимова (член Совета Федерации от Дагестана!) По данным на 05.08.2020 в рейтинге Forbes Real-Time он стал лидером российских бизнесменов. За что же такое вознаграждение получает семья Каримовых? **Они владельцы крупнейшей в России золотодобывающей компании «Полюс» (по объёму производства входит в пятерку крупнейших золотодобывающих компаний в мире)!** Весь пакет акций 76,84% принадлежит сыну сенатора Саиду Керимову. С начала пандемии состояние семьи выросло на \$14,7 млрд. Только за один день 05.08.2020 г. оно увеличилось на \$1,7 млрд и составило \$24,7 млрд. Такое внезапное обогащение связано с ростом цен на акции (4%) и золото на 34% (с \$1521 за унцию до \$2043), т.е. абсолютно дармовое. Глобальная пандемия нанесла огромные экономические и людские потери, углубила дестабилизацию мировой экономики, а владельцы национальным неделимым природным богатством грабят страну. Кто дал ми право на такое владение? Это изъяны нашей преступной приватизации.

Как повлияет на неравенство продвижение экономики через реиндустриализацию к НИО2?

1. Реиндустриализация предполагает рост стоимости рабочей силы, который должен быть воплощен в более высокой оплате труда. Придерживаясь марксистской позиции, мы полагаем, что заработная плата есть превращённая форма стоимости (цены) рабочей силы (не цена труда). Факторы роста стоимости рабочей силы с учетом реиндустриализации обобщены автором в опубликованной статье¹. В ней же сделан вывод: «заработная плата, отражающая стоимость рабочей силы, по своей сути должна быть дифференцирована, т.е. разностная, т.к. стоимость рабочей силы у разных категорий работников, работающих в разных сферах, не может быть одинакова. Проблема состоит в том насколько заработная плата соответствует стоимости рабочей силы, кто и на основе какого права обирает работающих и не доплачивает им необходимый денежный эквивалент. Это и есть скрытая форма эксплуатации труда».

¹ Дейнека Л.Н. Политическая экономия в исследовании современных проблем неравенства (марксистский подход) / Вопросы политической экономии. №1, 2020.

2. Может углубиться **классовое неравенство**, если сохранится монополия собственности олигархов на природные ресурсы, позволяющая присваивать результаты нововведений, связанные с реиндустриализацией, и использовать их для целей обогащения. Это заметно проявляется в настоящее время. Крупные ТНК имеют средства внедрять цифровизацию, роботизацию, искусственный интеллект и т.д. Они же и пользуются их результатами, наращивая миллиардные состояния.

3. Главы госкорпораций, частных компаний, топ-менеджеры должны получать более высокие доходы, чем работающие, они осуществляют функции более высокого порядка, общегосударственного значения и международного уровня, но эти различия должны иметь узаконенные пределы. Беспредел в распределении доходов – главный источник коррупции, криминала и нагнетания социальной напряженности.

Можно ли как-то смягчить классовое неравенство сегодня, и сделать его более справедливым? Следует согласиться с позицией А.В. Бузгалина «...поздний капитализм, с одной стороны, интенсифицирует это неравенство, а с другой создает систему его компенсаторов». Неравенство «оказывается тем меньше, чем сильнее действуют механизмы общественно-государственного регулирования»¹ [2]. **Если соответствующая доля приростного продукта от внедрения новейших технологий будет поступать в государственный бюджет и перераспределяться на социальные и бюджетные выплаты: достойная заработная плата работников образования, здравоохранения, науки и культуры. достойные пенсии, пособия, достойные стипендии, то неравенство может стать допустимым, что снимет и социальную напряжённость.** Глобальная пандемия показала, что страны с неолиберальным правительством (Великобритания, США, Бразилия) не справились с пандемией. Жесткая экономия (основа политики неолиберализма) вызвала нехватку запасов

¹ А.В. Бузгалин рассматривает социально-экономическое неравенство в широком смысле слова: неравенство доходов, неравенство в доступе к медицинской помощи, неравенство жилищных условий, неравенство в доступе к хорошим рабочим местам, неравенство в доступе к образованию, неравенство в возможностях для детей из разных слоев общества и т.д.

ресурсов для производства товаров первой необходимости, в том числе медицинских Китай, Тайвань, Вьетнам, Новая Зеландия, Индия интегрировали мощность государственного регулирования и социальной политики, что помогло обуздать пандемию¹.

Сдерживать нарастание классового неравенства, не значит его упразднить. Необходимы более радикальные меры: национализация крупной собственности отдельных сегментов экономики в пользу общенародной, дающей право равного доступа к общенациональным (неделимым) благам. *Сироткин В.Б. отметил «Когда при благоприятных ценах на нефть и избытке бюджетных доходов материальное положение работающих ухудшается, можно предположить, что результаты цифровизации и прочих правительственных инициатив (если они состоятся) попадут в руки крупных капиталистов и высших чиновников. Контроль за имуществом и доходами находится в руках тех, кто не несёт и не собирается нести никакой социальной ответственности перед народом»* (13). Таким образом, проблема состоит не в неравенстве как таковом, а в справедливости (несправедливости) неравенства

Ноономика, по мнению автора концепции С. Бодрунова, изменит характер неравенства. «...новое неравенство...будет другое неравенство – в удовлетворении культурных/духовных потребностей, возможности развития личности, творческих способностей, культурных запросов.» (6, с. 188). Далее автор конкретизирует: «И, хотя к овладению такими возможностями (имеются в виду познания в области математики, физики, генетике и т.д.) более не будет социальных препятствий, факторами неравенства останутся различия индивидуальных способностей. Только они» (6, с. 194). Формирующийся в настоящее время 6-й технологический уклад, требует адекватной системы экономических отношений, но могут ли эти технологические изменения сами по себе изменить классовую структуру общества, основанного на международной олигархической форме собственности, укрепившей себя как раз в наукоёмких отраслях и эксплуатации мировой рабочей силы? Автор полагает, что в ноономике «человек вступает в отношение с безлюдным материальным производством как «его контролер

¹ Выступления на Московском Академическом Форуме 28 мая, 2020 (режим онлайн)

и регулировщик». «Отношения непосредственного производства... исчезают вместе с уходом людей из этого непосредственного производства» (6, с. 171–172) Представляется, что производственные отношения «не исчезнут», раз человек будет его «контролёром и регулировщиком», а перейдут в более совершенную форму отношений: отношения по поводу получения знаний, их углубления, дифференциации в разных отраслях науки. Надо знать, что контролировать, как регулировать, накапливать новые знания для обеспечения прорывов в самой ноономике. А сегодня мировая экономика переживает глобальный экономический кризис, причина которого «фундаментальное противоречие между прогрессом технологий и узким горизонтом системы производственных отношений, обусловленным усилением господства финансового капитала, углублением неравенства, ростом симулятивных потребностей (нерешенность глобальных противоречий)¹, в чём были единодушны практически все выступающие, в том числе зарубежные ученые. Разрешение этих противоречий будет вести к формированию нового интегрального мироустройства².

Список литературы

1. Бузгалин А.В. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление: Учебник / Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. М., 2018.
2. Бузгалин А.В.; Колганов А.И. Система производственных отношений и социально-экономическое неравенство: диалектика взаимосвязи / Вопросы политэкономии, №1, 2018
3. Варшавский А.Е. Неравенство: богатые и бедные, их характеристики и проблемы – Вопросы политэкономии, №2, 2019.

¹ Бодрунов С.Д. Выступление на Московском Академическом Экономическом Форуме, 28 мая, 2020 (онлайн).

² См.: Бодрунов С.Д. Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики. / Экономическое возрождение России, №2, 2020, с. 4–14; Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов, там же с. 15–32.

4. Бодрунов С.Д., Гэлбрейт Дж. К. Новая индустриальная революция и проблемы неравенства: учебно-методическое пособие / под общ. Ред. С.Д. Бодрунова. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017

5. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / Монография/ М.: Культурная революция, 2016, с.103

6. Бодрунов С.Д. Ноономика /Монография/ М: Культурная революция, 2018 – 432с.

7. Бодрунов С.Д. Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики. / Экономическое возрождение России, № 2, 2020, с. 4–14

8. Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов. / Экономическое возрождение России, № 2, 2020, с. 4–14; с. 15–32

9. Дейнека Л.Н. Иностранные инвестиции в российской экономике: способствуют её развитию или сдерживают его? // Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики: монография: в 3 т. / [Е.С. Аверкиева и др.; ЮФУ; под ред. А. Б. Яценко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд. ЮФУ, 2017

10. Дейнека Л.Н. Россия в системе мирохозяйственных связей: проблемы возрождения реального сектора экономики // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка. Т. 2 / Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского международного конгресса (СПЭК-2017) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб., 2018, с. 66

11. Дейнека Л.Н. Политическая экономия в исследовании современных проблем неравенства (марксистский подход) / Вопросы политической экономии. №1, 2020.

12. Капелюшников Р. Российская модель рынка труда: что впереди? / Вопросы экономики, №4, 2003, с. 88

13. Сироткин В.Б. Капиталистическая деятельность: основания для критики – Экономическое возрождение России. 2019, №3 (61)

14. Смолин О.Н. Экономия на человеке как механизм торможения: некоторые социоэкономические аспекты – Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее» Том1 / Сборник пленарных докладов IV Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК-18) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР, 2018. 240 с.

15. Толкачёв С.А. Киберфизические компоненты повышения конкурентоспособности обрабатывающих отраслей промышленности. Экономическое возрождение России. 2019, №3 (61), С. 127–145.

16. Минпромторг. URL: minpromtorg.gov.ru (Дата обращения 10.03.2016)

17. Промышленность-строительство: http://www.redov.ru/politika/belaja_kniga_yekonomicheskie_reformy_v_rossii_1991_2001/p6.php Дата обращения (21.04.2018)

18. Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru. (Дата обращения 21.02.2016; 25.04.2019; 5.02.20)

19. Росстат, Информационно-аналитическая компания «Росбизнес-Консалтинг» Данные фин.кр. 2008-10

20. Вестник Банка России. www.cbr.ru (дата обращения 20.10.2013, 17.03.2017)

21. Forbes: <https://totbs.livejournal.com/28276.html> Дата обр. 21.02.19

22. <https://www.rationalnumbers.ru/all/chislo-dollarovyh-milliardov-v-rossii-i-mire-s-2000-po-2018-go/> Дата обращения 21.02.19

23. www.demoscope.ru/weekly/011/tema02.php Бедность

24. Указ Президента РФ от 6 августа 2014г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»

23. <https://www.stevsky.ru/rejtingi-forbs/forbs-2019-rf-kto-popal-v-spisok-samich-bogatich-liudey-rossii-top-50-milliardero> (Дата обр. 29.04.19)

24. forbes.rumilliardery. 2017 (дата обращения 12 мая 2017; 29.04.2019)

25. <https://www.bloomberg.com/europe>

26. <https://www.bragazeta.ru/news/2019/04/01/rossiyskie-milliardery-razbogateli-na-20-mlrd-dollarov-za-tri-mesyaca/> Дата обращения 11.05.2019

27. <https://www.rationalnumbers.ru/all/chislo-dollarovyh-milliardov-v-rossii-i-mire-s-2000-po-2018-go> Дата обращения 21.02.19 2000–2008

28. <https://www.rationalnumbers.ru/all/chislo-dollarovyh-milliardov-v-rossii-i-mire-s-2000-po-2018-go/>

29. https://corp.cnews.ru/articles/2019-1125_chno_nuzhno_znat_otsifrovizatsii_promyshlennosti Дата обр. 07.08.2020.

Игонина Л.Л.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой экономики и финансов
Краснодарского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Igonina L.L.

Doctor of Econ. Sc., Professor, Head of the Department of
Economics and Finance of the Krasnodar branch of Financial
University under the Government of the Russian Federation

**Финансово-инвестиционная стратификация
и траектории социально-экономического
развития российских регионов
в условиях продвижения к НИО.2**

**Financial and Investment Stratification
and Trajectories of Socio-economic Development
of the Russian Regions in the Context of Progress
towards NIS.2**

Аннотация. В статье рассматривается проблема финансово-инвестиционной стратификации российских регионов во взаимосвязи с траекториями их социально-экономического развития. Представлены подходы к построению модели многомерной стратификации финансово-инвестиционного развития регионов страны по комплексу параметров, идентифицированных, исходя из логики системно-воспроизводственного подхода, дана интерпретация данной модели. Показано, что в условиях продвижения к НИО.2 и актуализации задач преодоления технологического отставания страны необходима реализация новой политики регионального развития,

ориентированная на активизацию инвестиционных процессов на основе формирования и задействования их конкурентных преимуществ и эффективного использования триггеров экономического роста.

Abstract. The article reveals the problem of financial and investment stratification of the Russian regions in conjunction with the trajectories of their socio-economic development. The approaches to the construction of a model of multidimensional stratification of the financial and investment development of the country's regions by a set of parameters identified based on the logic of the system-reproduction approach are presented, an interpretation of this model is given. It is shown that in the context of progress towards research 2 and the actualization of tasks to overcome the country's technological backwardness, it is necessary to implement a new regional development policy aimed at enhancing investment processes based on the formation and use of their competitive advantages and the effective use of economic growth triggers.

Ключевые слова: финансово-инвестиционная стратификация, регион, системно-воспроизводственный подход, модель, политика регионального развития.

Keywords: financial and investment stratification, region, system-reproductive approach, model, regional development policy.

Проблема финансово-инвестиционной стратификации российских регионов во взаимосвязи с траекториями их социально-экономического развития имеет особую теоретическую и практическую значимость в условиях продвижения к НИО.2 и актуализации задач преодоления технологического отставания страны (5; 6; 7). Императивы инновационного развития экономики России, ее реиндустриализации и цифровизации, внедрения технологий нового уклада, доминирующего развития материального производства при согласованном продвижении к высокоорганизованному обществу и гармоничному развитию личности (4, с.12) диктуют необходимость целенаправленного формирования условий для финансово-инвестиционного развития страны и ее территорий.

Как правило, стратификационный подход типичен и конвенционален для академического дискурса по проблемам распределения

доходных групп населения и выявления уровня неравенства. Действительно, российские регионы очень сильно дифференцированы по уровню жизни. В составленном Всемирным банком рейтинге Россия вошла в тройку лидеров по региональному неравенству среди стран Европы и Центральной Азии (после Словакии и Таджикистана). В нашем исследовании сделана попытка рассмотреть распределение регионов по уровню финансово-инвестиционного развития, используя при этом прием не традиционно одномерной, а многомерной стратификации, построенной на результатах кластерного анализа.

Ключевые критические точки финансово-инвестиционного развития отечественной экономики, формирующие современные вызовы, достаточно известны и исследованы в экономической литературе. К ним относят замедление темпов роста доходов граждан страны (2; 14), инвестиционного и потребительского спроса (9; 16), и, как следствие, социально-экономической динамики (8; 15), которые существенно усилились в условиях коронавирусной пандемии (2, с.34).

Стагнация доходов населения в течение последних лет при их существенной асимметрии обуславливает снижение совокупного сберегательного потенциала населения (9). Доля прироста сбережений в структуре использования денежных доходов населения, по данным Росстата, составляла в 2016 г. – 6,6%, в 2017 г. – 4,6%, в 2018 г. – 1,7%, в 2019 г. (по предварительным данным) – 3%.

В структуре источников финансирования инвестиций в основной капитал повышается доля собственных средств предприятий – с 41% в 2010 г. до 57,1% в 2019 г. Ведущим фактором роста самофинансирования остается дисбаланс между уровнем рентабельности активов нефинансовых предприятий и средневзвешенной ставки по кредитам при их высокой закредитованности, служащий барьером доступа к иным источникам финансирования, прежде всего – кредитным ресурсам. При нехватке инвестиций в основной капитал у предприятий реального сектора продолжают расти предпочтения к финансовым вложениям (рис. 1), что свидетельствует о сохранении неопределенности в экономике и ее инвестиционной сфере. По экспертным оценкам, лишь 8 % своей прибыли предприятия реального сектора направляют на финансирование инвестиций в основной капитал.

рис. 1. Соотношение финансовых вложений и инвестиций в основной капитал нефинансовых предприятий

Источник: данные Росстата. –

Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics.

Финансовый сектор отечественной экономики отличается ярко выраженной банкоцентричностью (11; 12). Банки, как основные финансовые медиаторы, обеспечивают около десятой части (11,2% в 2018 г., 8,7% в 2019 г.) совокупного объема финансирования инвестиций в основной капитал. Ресурсы фондового рынка весьма слабо включены в финансирование инвестиций (1, с.112).

Доля бюджетных инвестиций характеризуется понижательной динамикой – с 19,5% в 2010 г. до 15,8% в 2019 г.

Прирост инвестиций в основной капитал в 2019 г. составил 1,7% (в 2018 г. – 4,3%, в 2017 г. – 4,8%, в 2014–2016 гг. отрицательные темпы прироста), а динамика ВВП – 1,3%, что свидетельствует о проблемах не только масштаба инвестирования, но и эффективности использования инвестиций. Кроме того, с точки зрения воспроизводственного подхода это демонстрирует ограничения роста ВВП в условиях сокращения потребительского и инвестиционного спроса.

Общая картина детализируется и приобретает специфические, весьма значимые характеристики при исследовании ее в региональном разрезе. Выявление и идентификация данных характеристик представляет собой особую исследовательскую задачу.

Прежде всего, отметим, что территориальное распределение инвестиций в основной капитал является крайне неравномерным (рис. 2).

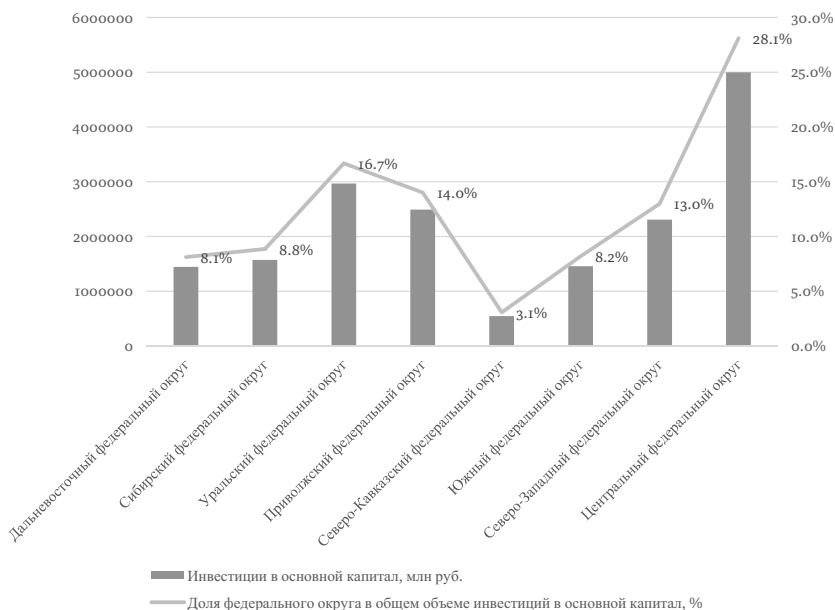

рис. 2. Инвестиции в основной капитал
в разрезе федеральных округов

Источник: данные Росстата. —

Режим документа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics.

Дифференцировано межтерриториальное распределение инвестиций в основной капитал и по их технико-экономическому уровню. При среднем по Российской Федерации за 2010–2018 гг. значении доли инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал, равном 17,7%, максимальный показатель фиксируется в Центральном, а минимальный – в Северо-Кавказском федеральном округе (рис. 3). При этом за исследуемый период он снизился практически во всех российских регионах.

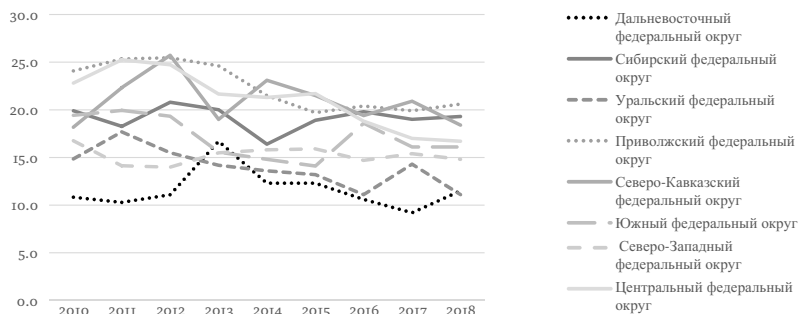

рис. 3. Доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал, по федеральным округам, %. Источник: данные Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics.

Существенным разбросом по федеральным округам характеризуются также структурные параметры финансирования инвестиций в основной капитал в разрезе наиболее крупных источников (рис. 4).

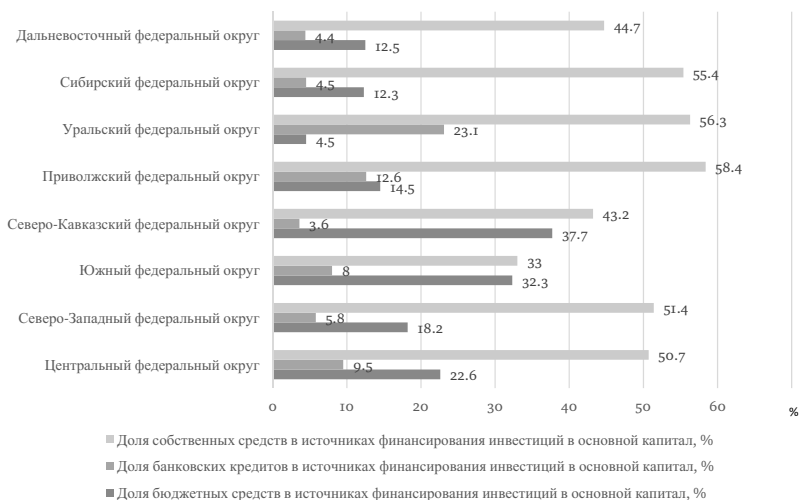

рис. 4. Соотношение наиболее крупных источников финансирования инвестиций в основной капитал по федеральным округам. Источник: данные Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics.

Наименьшим удельным весом собственных средств в совокупных источниках финансирования инвестиций в основной капитал характеризуются регионы Южного федерального округа. Как и в регионах Северо-Кавказского федерального округа, здесь весьма высокой является доля бюджетных средств в структуре источников финансирования инвестиций в основной капитал, прежде всего, из федерального бюджета. Отметим, что в Северо-Кавказском федеральном округе минимальна доля банковских кредитов в источниках финансирования инвестиций. Анализ показывает, что в регионах с низкой долей собственных средств в совокупных источниках финансирования инвестиций в основной капитал недостаток финансирования восполняется за счет не банковских кредитов, а бюджетных источников.

Комплексное представление о масштабах и соотношении уровней финансово-инвестиционного развития российских регионов предполагает построение модели многомерной стратификации по комплексу показателей, идентифицированных исходя из логики системно-воспроизводственного подхода к анализу финансово-инвестиционного процесса (рис. 5).

рис. 5. Показатели уровня финансово-инвестиционной развития регионов в системе системно-воспроизводственного подхода (10)

Разброс значений по данным показателям, как показывают расчеты, достаточно высок даже по усредненным данным по федеральным округам (рис. 6).

Для выявления относительно однородных по уровню финансово-инвестиционного развития групп регионов проведем их многомерную классификацию с помощью кластерного анализа, позволяющего систематизировать и иерархически выстроить исследуемые слож-

ноорганизованные объекты в кластеры не по одному признаку, а по их заданной совокупности.

Результаты исследования, полученные на основе построения иерархического алгоритма с использованием меры Евклидова расстояния и метода Уорда, показали, что в отдельный класс очевидно выделился г. Москва, в следующий – семь ресурсодобывающих регионов (Магаданская область, Сахалинская область, Республика Саха (Якутия), Тюменская область, включая Ханты-Мансийский автономный округ-Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ). Оставшиеся регионы – субъекты РФ вошли в третий (47 регионов) и четвертый кластеры (30 регионов), кроме регионов Северо-Кавказского округа, все из которых отнесены к четвертому кластеру. Наиболее многочисленным, как показывает исследование, выступил третий кластер.

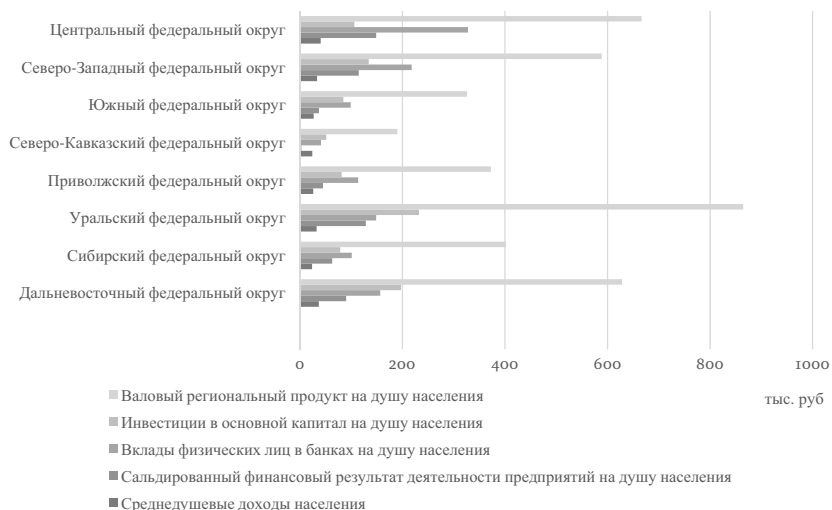

рис. 6. Показатели финансово-инвестиционного развития регионов в разрезе федеральных округов, тыс. руб.
Источник: данные Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics.

Исследования с применением иерархического алгоритма позволили выявить число кластеров и использовать метод k-средних для

выявления средних значений переменных, полученных при формировании 4 кластеров (табл. 1).

Таблица 1. Средние значения переменных при формировании 4 кластеров, различающихся по уровню финансово-инвестиционного развития, 2016–2018 гг., тыс. руб. на душу населения

	Валовый региональ- ный продукт	Инвестиции в основной капитал	Сальдированный финансовый результат предприятий	Доходы населения	Вклады населения
1 кластер	1235,1	165,1	375,6	65,3	7246,3
2 кластер	1287,4	436,9	285,0	49,3	206,9
3 кластер	443,0	103,8	63,8	30,0	154,0
4 кластер	236,1	57,6	12,9	22,5	75,9

Анализ средних значений переменных при выделении 4 кластеров, полученных с использованием метода к-средних, свидетельствует о наличии их существенных разрывов, которые к тому же обнаруживают явную тенденцию к росту (рис. 7).

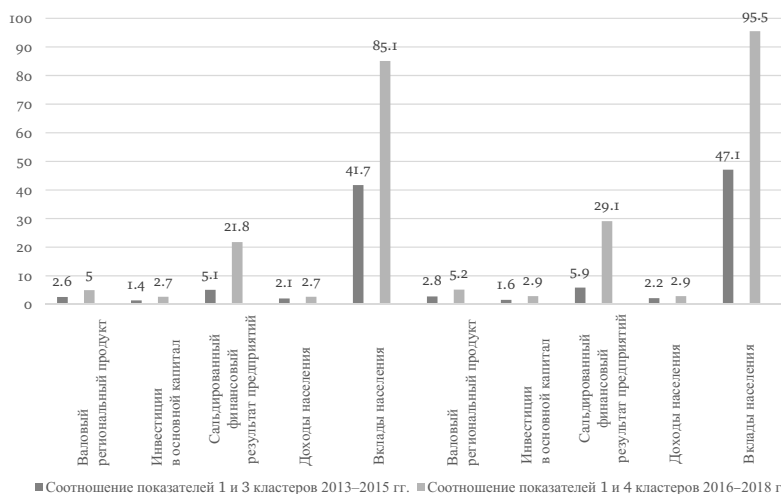

рис. 7. Соотношения средних значений подушевых показателей уровня финансово-инвестиционного развития регионов в составе лидирующего и замыкающих кластеров, раз

В результате исследования можно обозначить следующие наиболее значимые особенности финансово-инвестиционной стратификации регионов страны:

- выделение в качестве явного и устойчивого лидера, прежде всего, по уровню ресурсных показателей финансово-инвестиционного развития федерального центра – г. Москвы;
- лидирующее положение ресурсодобывающих регионов в части подушевых показателей инвестиций в основной капитал и валового регионального продукта;
- концентрация большей части регионов, характеризующимся недостаточным уровнем финансово-инвестиционного развития, в составе медианной группы;
- существенный и усиливающийся отрыв федерального центра от регионов замыкающих кластеров.

Важный результат исследования – вывод о том, что выделение отдельных полюсов роста при количественном доминировании медианной группы регионов с недостаточным уровнем финансово-инвестиционного развития сопровождается их возрастающей поляризацией. Устойчивый характер финансово-инвестиционной стратификации российских регионов диктует траектории их дальнейшего социально-экономического развития, что ведет к закреплению ведущих позиций лидеров и отставанию большинства российских регионов.

Ситуация в финансово-инвестиционной сфере, отражая сущность структурных деформаций, присущих отечественной экономике, опасна тем, что накопление рисков излишней концентрации несет угрозу торможения социально-экономического развития страны в целом. Она усугубляется тем, что отстающим регионам оказывается, как правило, существенная бюджетная поддержка, в то время как для регионов наиболее многочисленного кластера (так называемой «большой середины») не сформированы условия для устойчивого финансово-инвестиционного развития.

Известная дилемма «равенство – эффективность» в данном контексте приобретает новый формат, что диктует задачу поиска целесообразного оптимума этих ключевых социально-экономических критериев общественного развития.

Пути решения указанной задачи применительно к депрессивным регионам, а также регионам, важным в геополитическом аспекте,

традиционно всегда связывались с совершенствованием межбюджетных отношений. В новых условиях ключевыми направлениями такого совершенствования становятся прозрачность межбюджетных трансфертов, акцент на те их формы, которые ориентированы на стимулирование развития регионов с опорой на собственные силы, предоставление трансфертов не в режиме «ручного управления», а на базе научно обоснованных расчетных методик.

Для регионов «большой середины», значительно влияющих на устойчивость социально-экономической динамики страны в целом вследствие своего количественного доминирования, но не имеющих при этом очевидных конкурентных преимуществ (в отличие от лидирующих регионов), необходимы специальные меры. Прежде всего, это конструктивно-критический анализ имеющихся в регионе ресурсов и формирование с учетом его результатов видимых конкурентных преимуществ, привязка их к технологическим инновациям, трансфер инновационных технологий и инкорпорирование их в систему региональных драйверов роста, образование региональных финансово-инвестиционных институтов экономического развития, способствующих выращиванию и реализации конкурентных преимуществ территорий. Первоочередной характер приобретает целенаправленный институциональный дизайн, обеспечивающий адаптацию институтов и институциональной среды к задачам моделирования прицельных точек и траекторий финансово-инвестиционного развития регионов страны.

С учетом вышеизложенного разработка мер эффективной государственной политики регионального развития предполагает проведение структурно-функциональной диагностики финансово-инвестиционного потенциала российских регионов, выявление и конструирование их конкурентных преимуществ, запуск драйверов финансово-инвестиционного роста, формирование институциональных технологий перелома кризисных трендов финансово-инвестиционной стратификации регионов страны. Данные меры будут способствовать созданию условий для перехода к форсированному росту инвестиций в основной капитал, преодолению технологического отставания и конструирования инновационного технологического базиса экономики для подъема экономики и улучшения благосостояния и качества жизни населения.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики / А.Г. Аганбегян. – Москва: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. – 512 с.
2. Аганбегян А.Г. Предложения по социально-экономическому развитию в современной кризисной обстановке / А.Г. Аганбегян // Экономическое возрождение России. – 2020. – №2 (64). – С. 33–44.
3. Агеева С.Д. Оценка инвестиций в основной капитал за счет инструментов фондового рынка / С.Д. Агеева // Вестник НГУЭУ. – 2016. – №1 – С. 103–113.
4. Бодрунов С.Д. Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2020. – №2 (64). – С. 4–14.
5. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С.Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, дополненное. – Санкт-Петербург: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 328 с.
6. Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – №3 (57). – С. 5–12.
7. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? / С.Ю. Глазьев. – Москва: Книжный мир, 2016. – 640 с.
8. Вихарев В.В. Обзор концептуальных подходов к определению сущности трансформации социально-экономических систем / В.В. Вихарев // Наука Кубани. – 2015. – № 2. – С. 61–66.
9. Игонина Л.Л. Анализ внутреннего инвестиционного спроса в российской экономике: индикаторы, факторы, тенденции / Л.Л. Игонина // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16. – № 12 (471). – С. 2270–2289.
10. Игонина Л.Л. Инвестиционная значимость сбережений населения в российской экономике / Л.Л. Игонина // Дайджест-финансы. – 2017. – Т. 22. № 1 (241). – С. 4–18.
11. Игонина Л.Л. Структурно-функциональная организация финансово-инвестиционной системы регионов России в условиях трансформации экономики / Л.Л. Игонина // Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека: сборник докладов Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК– 2019).

Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 814–826.

12. Михайлова Е.В., Горбунова О.А. Сравнительная характеристика финансовых рынков стран БРИКС / Е.В. Михайлова О.А. Горбунова // Вестник Евразийской науки. – 2019. – №2. – Режим доступа: <http://esj.today/PDF/85ECVN219.pdf>.

13. Новые траектории развития финансового сектора России: монография / под ред. М.А. Эскиндарова, В.В. Масленникова. – М. Когито-Центр, 2019. – 367 с.

14. Смолин О.Н. Экономический рост и социальная политика // Экономическое возрождение России. 2020. № 1(63) С. 26–34.

15. Сухарев О.С. Структурная политика: к новой инвестиционной модели экономического роста. Финансы: теория и практика. 2019. №23(2). С. 84–104. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-2-84-104.

16. Роль кредитной системы России в формировании внутреннего инвестиционного спроса: монография / под ред. М.А. Абрамовой. – М.: КНОРУС, 2018. – 217 с.

Казанчева Х.К.,

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник,
профессор, Заслуженный деятель науки КБР.

Институт информатики

и проблем регионального управления

Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Kazancheva Kh. K.,

Doctor of Econ. Sc., Chief researcher, Professor,

Honored Scientist of the KBR. Institute of computer science

and problems of regional management of the Kabardino-

Balkarian scientific centre of the Russian academy of sciences

**Технологические трансформации,
императивы формирования
территорий опережающего развития д
епрессивных субъектов
в условиях постпандемического кризиса**

**Technological Transformations,
Imperatives for the Formation of Territories
of the Accelerated Development
of Depressed Subjects in the Post-pandemic Crisis**

Аннотация. Концептуальное обоснование эколого-экономических векторов устойчивого развития социоэкологоэкономической системы проблемных регионов актуализируется в ракурсе интенсификации преобразований в реальной макроэкономике, повышения роли экологического фактора. Одной из наиболее негативных тенденций последнего времени является прогрессирующее отставание значительного блока регионов. После нынешней пандемии,

возможно и не будет сильно негативных изменений, но вероятно ускорение уже наметившиеся структурных, инвестиционных изменений в обществе, экономике, глобальном управлении, и прорыва в цифровых технологиях, при этом доминирующей должна стать социальная нагрузка.

Abstract. The conceptual justification of the ecological and economic vectors of sustainable development of the socio-ecological and economic system of problem regions is updated in the context of intensifying transformations in the real macroeconomics, and increasing the role of the environmental factor. One of the most negative trends of recent times is the progressive lag of a significant block of regions.

After the current pandemic, there may not be much negative changes, but it is likely that the structural, investment changes in society, the economy, global governance, and a breakthrough in digital technologies will accelerate, and the social burden should become dominant.

Ключевые слова: Технологические трансформации, эколого-экономический вектор, TOP, депрессивных субъекты, постпандемический кризис.

Keywords: Technological transformations, environmental and economic vector, ASEZ, depressed subjects, post-pandemic crisis

Исследование способов концептуального обоснования эколого-экономических векторов устойчивого развития социоэкологоэкономической системы проблемных регионов актуализируется в ракурсе интенсификации преобразований в реальной макроэкономике, повышения роли экологического фактора. Реализация регулирования хозяйственности растёт через становление добавочных инструментов. Социоэкологоэкономическая модель региона, аккумулирующая сферу активных инновационных процессов, особенно перспективна для совершенствования региональной политики. Одной из наиболее негативных тенденций времени является прогрессирующее отставание значительного блока регионов (6). Стартовым этапом исследований, проводимых в регионах, должна стать классификация регионов по разным позициям изучаемых показателей, аналитическое сравнение итоговых группировок между собой для выделения однородных групп регионов.

По материалам СП РФ от 06.02.2020 г. итоги деятельности правительственных структур над нацпроектами показывают несогласованность планов ведомств, блока федеральных проектов и коррелирующих их национальных проектов с целями. Выявлен, что блок стратегического планирования деятельности властей несбалансирован, является неэффективной, нормативной точки зрения неурегулированной и методически необеспеченной, с низким уровнем контроля и исполнения. Выявлено, что из 525 показателей национальных проектов лишь 55% вошли в планы ФОИВ. Также положение с государственными программами негативно: из 1263 показателей в планы исполнительных структур имеются лишь 26%. Исследование выявило, что нормативно-правовые акты, регулирующие данный блок, не реализуют законченную форму стратегического планирования, нет увязки между стратегическим и текущим планированием, низкий уровень контроля за реализацией планов, отсутствие обратной связи. В итоге все утверждённые планы работы ФОИВ РФ на 2019–2024 гг. не соответствуют установленным требованиям.

Необходимо усилить контроль исполнительной дисциплины и наведение порядка в системе стратегического планирования. Необходимо исключить неиспользование запланированных бюджетных средств к концу срока, поскольку причина кроется или в неэффективном планировании, или в низком качестве управления. Приоритетная цель региональной политики заключена в снятии социальных и экономических диспропорций среди отдельных территорий государства, поскольку оно связано с обострением социальной напряжённости, ростом политического кризиса, ускорением конфликтов между регионами (4, 4г). Тем более, что региональная интеграция есть проявление общемировой тенденции к объединению.

Депрессивные территории, становятся очагами напряжений, исключая возможности возникновения новых стимулов развития, требующими немедленных реакций противодействия. Однако реальная система государственного регулирования по развитию территорий чаще всего не имеет требуемых корректирующих действий, способствующие выходу из проблемного состояния.

Доминантным вектором санации депрессивных территорий представляется ее конечная цель: временная консервация депрессивного состояния, реструктуризация, тотальная санация вследствие чрез-

вычайных ситуаций и также содержательная направленность регулятивных действий.

В странах мира проводится политика выравнивания уровня социальноэкономического развития регионов. Методы данной политики зависят от формы госустройства страны и развитости экономики, что и определяют масштабы господдержки депрессивных территорий, укрепляя целостность территории. Разбалансированность в социальноэкономическом развитии отдельных регионов РФ достигли угрожающих параметров: глубоко отстают Северокавказские республики от среднероссийского уровня.

Страны ЕС, если отдельный регион по социальноэкономическому развитию не достигает 75% от среднего, используют спецкомплекс мер по выводу территории из кризиса. Для сравнения в РФ отдельные регионы по некоторым показателям отстают от развитых регионов в десятки раз. Приоритет регионполитики Швеции – это создание условий для равномерного развития субъектов через реализацию региональных программ в сфере транспорта, занятости, коммуникации и др. Методы реализации такой политики основываются на оценке уникальных возможностей каждого региона. Главным инструментом реализации такой политики являются соглашения о развитии, основывающиеся на аналитических исследованиях конкурентных позиций экономразвития региона. В реальности соглашение – это программа экономразвития региона с определенными ключевыми игроками.

В этом отношении для РФ интерес представляет опыт господдержки предприятий Финляндии, находящихся в наименее развитых регионах страны. Размер средств, выделяемых государством для вышеуказанных целей в виде субсидий по частичному финансированию инвестиционных проектов, зависит от «зоны развития», в которой находится предприятие. Следует отметить, что в последние годы, после вступления Финляндии в Европейский союз, отмечается значительное возрастание участия ЕС в региональных проектах по развитию предпринимательства и привлечению инвестиций. Европейский фонд регионального развития (ERDF) активно финансирует с участием T&E Centre и Finnvera инвестиционные проекты в Финляндии, отвечающие вышеупомянутым региональным интересам в «зонах развития», а также, одновременно и интересам программ, реализу-

емых ЕС (www.info regio.org). Средства, выделяемые ЕС в рамках указанных программ, направляются, в основном, на развитие приграничной инфраструктуры (пункты пропуска, подъездные дороги и т.п.), а также в сферу поддержки предпринимательства и культуры. Особенностью этих программ является принцип трансграничного эффекта, что создает предпосылки для активизации трансграничного сотрудничества в интересах РФ с использованием средств ЕС. Вопросы финансовой помощи менее развитым территориям Финляндии решаются и системой налогообложения (2, 38–40). К примеру, у физических лиц подоходный налог считается по прогрессивной системе. В малозаселенных северных районах, которые нуждаются в привлечении людских ресурсов, инвестиций, размер подоходного налога меньше относительно более заселённых и экономически развитых. Экономическому росту территорий содействуют платежи, получаемые от владельцев недвижимого имущества, на территории которой оно находится: юрлица платят 1% стоимости, физлица – 80 евро за год.

Сбалансированность источников и форм финобеспечения составляет суть инвестполитики Японии относительно территорий приоритетного развития (5). При этом на всех уровнях реализации инвестполитики регионов рассчитывается общегосударственная долгосрочная стратегия финансирования, зависящая от целей регионполитики, возможностей госфинансов в реальное время.

Виды господдержки регионального развития:

– Бюджетное финансирование. Ассигнования на общественные работы составляют 10–12% расходной части государственного бюджета. Госсубсидии как средство стимулирования регионального развития весьма ограничены по объему и имеют строго целевую направленность: предоставляются компаниям, переводящим свои предприятия из районов высокой концентрации промышленности на периферию и создающим новые рабочие места путем промышленного строительства и расширения производственных мощностей.

– Государственные кредиты. В строительство объектов перепланировки, благоустройства провинциальных городов, перемещение промышленных объектов в провинцию, обновления инфраструктуры.

– Налоговые льготы. Временное освобождение компаний от тех или иных видов налогов адресно и целенаправленно, большая часть

льгот относится к сфере местного налогообложения, с госкомпенсацией недоимок местным бюджетам.

Целесообразность реализации опыта Японии в этой области определяется значительной универсальностью методов обеспечения регионразвития финресурсами, сходством условий реализации политики развития регионов, из-за степени централизации финансово-бюджетной системы.

В США ситуация с регионразвитием обстоит легче из-за наличия развитой инфраструктуры страны, но и здесь есть практика господдержки депрессивных зон, где создаются определенные зоны предпринимательства и актуальны освобождение от уплаты налога на имущество, подоходного налога, возврат уплаченных налогов на продажи. Также в США имеются и зоны внешней торговли (ЗВТ), являющиеся одним из вариантов «свободных портов»: на ввезенный на ее территорию товар не действует таможенное законодательство США до вывоза товара за пределы ЗВТ, также его полное потребление в процессе производства другой продукции. В РФ в определенной степени аналогом американских ЗВТ являются «свободные экономические зоны» (Калининградская область). Однако организация ЗВТ в отдельных регионах РФ не всегда эффективна: Республика Ингушетия, где результатом создания свободной экономической зоны стала монополизация банковского и финансового сектора экономики группой «БИН».

Относительно развивающихся стран, реализация господдержки депрессивных регионов и территорий приоритетного развития также дифференцирована. В Республике Словакия выделения территорий приоритетного развития не используется. Основным является снижение численности безработных. Посредством аналитического исследования на постсоветской территории отбираются регионы, которым необходима поддержка через регионполитику. Для определения объемов финансирования Минэкономразвития РФ была разработана (7) «Методика распределения финсредств из Фонда регионального развития» по ФЦП «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ (2002–2010 гг. и до 2015 г.)».

Следует отметить, что отдельные элементы региональной политики, применяемые в мировой практике, в РФ работают, но недостаточно эффективно. Мировая практика свидетельствует, что де-

прессивные территории не сумеют сами выбраться из данного состояния. Но и методики, механизмы предоставления достаточной господдержки для них в РФ еще не доработаны (3, 130, 132). Отчасти это объясняет неудачи усилий правительства по снижению различий в уровне развития российских регионов. Необходима законодательная основа, предполагающая регионам одинаковые возможности развития и статус (1, 8–9). Помимо этого в соцсфере прогрессивная система налогообложения для лиц, имеющих 1 млн рублей дохода в месяц будет способствовать преодолению ситуативной бедности в РФ (Ректор ВШЭ Я. Кузьминов). Необходимо достроить систему соцподдержки как матерям-одиночкам и многодетным семьям, так и всем семьям с детьми, имеющим низкий уровень дохода.

Стратегия социоэкономического развития территории должна аккумулировать разработку возможностей для реализации цели – выхода из данного состояния. Для доминантной части депрессивных территорий по международным канонам целесообразны вектора выхода из депрессии:

- односторонние госмероприятия за счет средств бюджета, при отсутствии ресурсов, имеющих спрос;

- для снятия отставания социоэкономического развития в части страны можно создать крупнейшую энергосистему, с ее недорогой электроэнергией для ускорения индустриализации (штат Теннесси);

- госвмешательство, через льготы и дотации организованным фирмам в продвинутых технологичных сферах, госинвестирование в инфраструктурные направления, техноцентров (Элементы стабилизационной политики в Германии);

- снятие депрессии в Шотландии начали с социоэкономического картирования всей ее территории, создание конкурентоспособных производств с реализацией местного ресурсного потенциала.

Изначально доминантные способы поддержания депрессивных субъектов – это предположительно аккумулирование разработанных, уже обусловленных нормативно-законодательными актами рычагов, механизмов, нахождение частных инвестиций, реализация инвеститивности, структурное совершенствование предприятий, перепрофилирование кадров и т.п. для обеспечения доступа к реальным векторам финпомощи. Вместе с этим при поддержке депрессивных регионов, должны использоваться правовые, оргмеры: реализация

жесткой формы реализации госпредприятий, располагающихся на депрессивных территориях, помощь в проведении инвестиционных торгов и организации новых эмиссий акций и т.п. После нынешней пандемии, возможно и не будет сильно негативных изменений, но вероятно ускорение уже наметившиеся структурных, инвестиционных изменений в обществе, экономике, глобальном управлении, и прорыва в цифровых технологиях, при этом доминирующей должна стать социальная нагрузка.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России, №2 (56), 2018. С. 5–13. <http://e-v-r.ru/экономическое-возрождение-россии-№2-56/>.
2. Dennis Puccinelli. «Foreign Trade Zones. U.S. Customs Procedures and Requirements». Foreign Trade Zones Board, Important Information. 2017. (<http://www.export.gov>). p. 127.
3. Лексин В., Швецов А. Социальная разгрузка депрессивных территорий: северный вариант. // Вопросы экономики 2011. №11. с. 128–139.
4. О федеральной поддержке особо нуждающихся депрессивных и отсталых территорий РФ // Регион: экономика и социология 2011. №1. с. 35–54.
5. По материалам с официального Интернет-сайта Европейской комиссии: <http://europa.eu> (раздел «региональная политика» – regional policy). В статье использованы материалы Международного валютного фонда: Japan: 2015 Article IV Consultation–Staff Report; Staff Supplement; and Public Information Notice on the Executive Board Discussion. IMF Country Report No. 04/249, 2015.
6. «Регионы России. Социально-экономические показатели», статистический сборник. Росстат, 2017 г., 920 с.
7. Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ (2002–2010 годы и до 2015 года)». Утверждена постановлением Правительства РФ от 11.11.2001 г. № 717.

Калинкин Е.В.,

доктор экономических наук,
профессор кафедры финансов и цен
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова,
Заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
руководитель магистерской программы

Kalinkin E.V.,

Doctor of Econ. Sc.,
Professor of the Department of Finance and Prices,
Russian University of Economics. G.V. Plekhanova,
Honored Worker of the Higher School
of the Russian Federation,
Head of the Master's Program

**Роль региональных систем
профессионального образования
в обеспечении
социально-технологических трансформаций
при переходе к новому качеству производства**

**The role of regional vocational education systems
in ensuring socio-technological transformations
in the transition
to a new quality of production**

Аннотация. Выявлена роль кадровой составляющей в движении к новому индустриальному обществу. Определена роль и специфика региональных рынков труда. Проведена оценка отдельных на-

правлений подготовки высококвалифицированных специалистов в региональных профессиональных учебных заведениях и в вузовских центрах. Отмечена целесообразность кооперации вузов различных регионов при подготовке и селекции кадров. Дан анализ практики целевой подготовки специалистов с участием потенциальных работодателей на основе трехсторонних договоров.

Abstract. The role of the personnel component in the movement towards a new industrial society is revealed. The role and specifics of regional labor markets are defined. The assessment of certain areas of training of highly qualified specialists in regional professional educational institutions and University centers was carried out. The expediency of cooperation between universities of different regions in the training and selection of personnel is noted. The article analyzes the practice of targeted training of specialists with the participation of potential employers on the basis of tripartite agreements.

Ключевые слова: кадровая основа развития региональной экономики, целевая подготовка специалистов, социально-экономическая роль региональных вузов и колледжей.

Keywords: personnel base of regional economy development, targeted training of specialists, socio-economic role of regional universities and colleges.

Объект исследования: практика кадрового обеспечения социально-экономического развития в процессе движения к новому индустриальному обществу, анализ влияния региональной системы профессионального образования на новые отношения в обществе.

Object of research: the practice of personnel support for socio-economic development in the process of moving to a new industrial society, analysis of the impact of the regional system of vocational education on new relations in society.

Предмет исследования: определение наиболее эффективных форм и методов формирования кадрового обеспечения региональной экономики.

Subject of the research: determination of the most effective forms and methods of forming personnel support for the regional economy.

Введение

Успешное движение к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2)¹, изменение социально-экономических отношений предопределяет необходимость своевременного обеспечения качественной кадровой составляющей всех принимаемых решений. В процессе формирования кадровой составляющей следует учитывать влияние профессиональной подготовки на качество новых общественных отношений (Яковлева, 2020), наличие неравенства в доходах домохозяйств. Эта задача усложняется в процессе социально-технологических трансформаций, в основе которых внедрение цифровых технологий, искусственного интеллекта, автоматизации и роботизации, а также необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов, предусматривающей выделение (отбор) наиболее способных и талантливых на основе селекции в старших классах и в студенческой среде. Именно они внесут существенный вклад в процесс формирования НИО.2. При этом не должны снижаться масштабы профессионального образования, которое обеспечивает возможности граждан для самореализации, улучшения качества жизни, адаптироваться к новым социально-экономическим отношениям. Формирование профессиональной составляющей не ограничивается подготовкой высококвалифицированных специалистов, поскольку социальная трансформация требует также адаптации населения к внедрению нововведений в общественной жизни. Именно региональные вузы и колледжи должны стать основой для подготовки населения к новым формам представления госуслуг, адаптации к изменению возраста выхода на пенсию, организации финансовой и цифровой грамотности. Одновременно с вузами и колледжами в систему профессионального образования региона входят учебные учреждения с различным организационно-правовым статусом, осуществляющими профессиональную подготовку различного уровня и направления. Это предопределяет сложность адаптации системы профессионального образования к изменяющимся требованиям рынка труда и социальным запросам населения. Тем не менее кадровая составляющая должна формироваться в процессе при-

¹ Термин введен и развит в работах Бодрунова С.Д. (Бодрунов, 2016).

нимаемых решений, относительно отдельных конкретных мероприятий, а в ряде случаев опережать их с учетом формирования НИО.2.

*Анализ и совершенствование
практики формирования кадровой основы
социально-экономического развития регионов*

Многообразие форм подготовки кадров, различные сроки обучения, миграция специалистов по различным причинам отражается на формировании кадровой составляющей, в основном, на региональном и муниципальном уровнях. Это относится и к «сквозным» федеральным программам, поскольку они реализуются в конкретных федеральных округах, регионах, муниципалитетах. В первую очередь, это относится к строительству доступного жилья, организации здравоохранения, формирования инфраструктуры. Следовательно, региональные системы профессионального образования играют значительную роль в социально-технологической трансформации с учетом существенных различий в социально-экономическом развитии регионов, статуса местных вузов и колледжей. Так, опорные вузы в отдельных регионах имеют федеральное значение, поскольку значительная часть их студентов являются иногородними. В Дальневосточный федеральный университет в 2020 г. поступали абитуриенты из 80 субъектов России. В этой связи необходимо определять степень участия таких вузов в региональной системе профессионального образования с учетом их значимости на федеральном уровне. Об этом свидетельствуют, например, роль Томского, Новосибирского и ряда других университетов. Именно такие вузы через своих выпускников, результаты научной деятельности обеспечивают переход к новому технологическому укладу (Глазьев, 2016).

Национальные проекты предусматривают сокращение числа дотационных регионов на основе финансовой господдержки их социальной сферы и развития материального производства. Последнее во многом зависит от уровня удовлетворения запросов региональных рынков труда со стороны местных систем профессионального образования. Состояние таких систем, зачастую, не отвечает современным требованиям, поскольку не всегда выпускники вузов и коллед-

жей по уровню своей профессиональной подготовки соответствуют требованиям работодателей. Одна из существенных причин – слабые связи учебных заведений с потенциальными работодателями. Кроме того, региональные системы подготовки кадров, далеко не всегда ориентируются на социальные запросы населения. В этой связи региональные системы профессионального образования должны оперативно вписываться в отдельные направления, способствующие развитию нового индустриального общества второго поколения.

Состояние региональных систем профессионального образования, как правило, соответствует уровню социально-экономического развития соответствующего региона. Между тем в ряде вузовских центрах отдельные экономические показатели уступают аналогичным в других регионах. Это свидетельствует о необходимости более высокой интеграции вузов и колледжей в рамках региона, что будет способствовать замедлению миграции из регионов. По данным Росстата насчитывается 7–8 млн человек, которые не могут найти работу на малой родине. Исправить положение можно на основе развития региональной экономики и рынка труда, удовлетворение запросов последнего – задача региональных вузов и колледжей.

В целях стимулирования инновационного развития Министерство промышленности и торговли России планирует повысить роль индустриальных парков и технопарков. Для этого предусматривается существенная финансовая поддержка по созданию региональной промышленной структуры, в частности увеличения числа индустриальных парков, где в 2019 году было занято около 200 тысяч высококвалифицированных специалистов. Индустриальные парки и технопарки в ряде случаев входят в промышленные кластеры, которые имеются не во всех регионах. Следовательно, увеличение числа кластеров и формирование их структур необходимо определять относительно конкретных регионов и с учетом перспектив их развития. Одновременно в кластеры необходимо включить агропарки, агробиотехпарки, что повысит спрос на высококвалифицированных специалистов. Подготовка последних, зачастую, выходит за возможности (рамки) отдельного региона и требует межвузовской кооперации. Этому может способствовать увеличение числа межрегиональных кластеров (в 2020 г их было 7), в рамках которых возможна совместная кадровая политика. При реализации последней необхо-

димо учитывать увеличение числа иностранных партнеров, инвестиции которых в существующие кластеры к началу 2020 г. превысили 600 млрд рублей. В результате региональные системы профессионального образования должны предусматривать подготовку, повышение квалификации российских специалистов в зарубежных вузах. С другой стороны, обучение в региональных вузах иностранных студентов будет способствовать повышению уровня учебного процесса.

Значительное число регионов имеют филиалы ведущих вузов, что можно считать формой кооперации по подготовке кадров. Вместе с тем необходимо учитывать факты дублирования филиалов местным вузам по отдельным направлениям и специальностям. Одновременно следует внимательно анализировать социально-экономическую роль региональных вузов при преобразовании их в филиалы даже ведущих университетов. Об этом свидетельствует преобразование Саратовского экономического университета в филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Получение выпускниками филиала столичных дипломов не повысило статус и роль саратовского вуза как в регионе, так и в соседних субъектах Поволжья. Более сложная задача – обеспечить эффективное участие ведущих вузов в работе своих филиалов, чтобы качество обучения в них соответствовало уровню профессиональной подготовки в головном вузе и соответствовало структуре региональной экономики, а также перспективам ее развития. Весьма важным направлением повышения эффективности региональной системы профессионального образования является организация кооперации вузов, филиалов и колледжей по совместной работе студентов для решения конкретных региональных проблем. Это позволяет на основе совокупности различных направлений подготовки кадров решать довольно сложные задачи. Так, студенты Московского государственного университета технологий и управления и Сеченовского медицинского университета разрабатывают проекты по заявкам профильных предприятий и организаций.

Региональная система профессионального образования должна способствовать созданию (построению) нового индустриального общества и формированию новых общественных отношений на основе формирования ноономики (Бодрунов, 2018a, 2018b), что требует изменения и дополнения в нацпроектах ориентированные на раз-

витие экономики до 2030 года. Конечная цель нацпроектов – повышение качества жизни населения на основе развития индустриального производства, а также расширения предоставляемых госуслуг. Следовательно, именно на региональном уровне должны создаваться соответствующие условия для формирования региональных рынков труда, социальной стабильности. Это подтверждает особое внимание к нацпроекту «Жилье и городская среда», предстоящее увеличение числа рабочих мест при развитии инфраструктуры. Так, строительство скоростной трассы Москва – Казань потребует организацию новых 300 тыс. рабочих мест в четырех регионах и 130 тыс. в смежных. Развитие строительства жилой недвижимости и инфраструктурных объектов в регионах потребует увеличение подготовки соответствующих специалистов в местных вузах и колледжах. Этому способствует расширение прав регионов по решению отдельных вопросов. Так, регионы смогут с января 2021 г. выходить за рамки федеральных ограничений при внедрении цифровых технологий в области медицины, транспорта, финансового сектора и искусственного интеллекта. Все это потребует формирование необходимой региональной кадровой основы, в основном, на базе местных профессиональных ученых заведений. При этом следует эффективно использовать проект World Skills на региональном уровне по опережающей подготовки кадров по программам среднего профессионального образования. Этот проект предусматривает быструю дистанционную подготовку кадров.

Многие новые направления в высшей школе и в системе профессионального образования базируются на региональном уровне. Адаптация студентов к новым социально-экономическим трансформациям и активное участие в их реализации будет способствовать расширению возможностей студентов получать рабочую специальность, соответствующую профилю вузовской учебы и сочетать ее с практической работой. В первую очередь, это должно внедряться на региональном уровне, где потенциальные работодатели смогут участвовать в разработке учебных программ с определением объема и содержания навыков практической работы студентов. Это позволит сократить период адаптации выпускников на местах будущей работы.

Повышению роли вузов и колледжей в регионах способствует намечаемый последовательный рост бюджетного приема до 2024

года. В 2021 году число бюджетных мест в вузах увеличиться на 48 тысяч. Значительная часть из них будет ориентировано преимущественно на региональную подготовку кадров преимущественно на учителей, врачей, специалистов по цифровым технологиям и другим инновационным направлениям. Распределение бюджетных мест по конкретным вузам, специальностям и направлениям определяется с учетом состояния и перспектив социально-экономического развития отдельных регионов. Последние должны обосновать увеличение бюджетных мест по существующим традиционным и новым направлениям подготовки кадров в местных вузах. Так, бюджетный прием в медицинские вузы в 2021 году увеличится на 20%. Что касается организации специалистов по новым специальностям, потребуется участие местных предприятий не только в определении потребности, но и в организации такой подготовки. Этому способствуют постановления правительства о целевой подготовки кадров, дополнения в федеральное законодательство, а также опыт формирования кадровой основы в отдельных регионах и по конкретным направлениям.

Основные задачи высшей школы: подготовка высококвалифицированных специалистов; предоставление возможности гражданам получить высшее образование и проведение научно-исследовательских работ. Успешное решение первой задачи предопределяет внедрение широкой селекции с целью определения наиболее способных к участию в реализации социально-экономических трансформаций. Подобная селекция имеет место на различных уровнях управления. Об этом свидетельствует практика назначения губернаторами выпускников подготовки резерва. Подобная работа ведется на межрегиональном уровне в соответствующей системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров для бизнеса и органов власти. Примером может служить Академия управления в Дальневосточном федеральном университете, где в учебном процессе задействован широкий круг российских и зарубежных вузов. В региональных вузах подобная селекция возможна лишь при участии потенциальных работодателей. Об этом свидетельствует работа самарских вузов, где талантливые студенты-старшекурсники из местных вузов участвуют в решении конкретных задач на местных федеральных предприятиях аэрокосмического комплекса и автомобилестроения. Отбор таких студентов с

гарантией трудоустройства сопровождается предоставлением студентам возможности практической работы во время учебы и финансовой поддержкой. Такая практика способствует важной части профессиональной составляющей в регионе и ускоряет внедрение инноваций в материальном производстве. На уровне регионов можно расширить предпринимательскую деятельность вузов и увеличить число источников их финансирования. Одновременно с традиционным платным приемом следует развивать коммерциализацию знаний на основе выполнения заказов бизнеса на научно-исследовательские работы с участием студентов и аспирантов. В рамках региона или федерального округа, коммерческая деятельность более эффективна на основе создания творческих групп из студентов ряда региональных вузов. В перспективе положительные результаты такой деятельности выходят за рамки региона. Это подтверждает, в частности, практика совместной работы студентов Санкт-Петербургского университета «ЛЭТИ» других вузов по внедрению цифровых технологий в сфере здравоохранения.

Социально-технологические трансформации направлены на снижение бедности в России, которая характеризуется, в частности, нехваткой средств домохозяйств на дополнительное профобразование детей, ограничивает их участие в системе селекции. В отдельных ведущих вузах созданы специализированные учебно-практические центры для одаренных старшеклассников. Среди последних мало учеников из бедных семей, поскольку средняя оплата обучения в таких центрах достаточно высокая. Региональные власти должны предоставлять финансовую возможность обучаться в таких центрах способной молодежи из малообеспеченных семей. Это будет способствовать увеличению в числе занятых наиболее способных в разработке и производстве наукоемкой продукции. В более широком плане получение новых профессий, переподготовка и повышение квалификации с государственной поддержкой граждан, должна ориентироваться на требования региональных рынков труда. Это обеспечит повышение доходов населения на основе легальной конкретной трудовой деятельности и позволит снизить долю социальных пособий в доходах домохозяйств.

Следует отметить необходимость оперативного кадрового сопровождения в регионах для решения задач, определяемых на федераль-

ном уровне. Так, мероприятия по внедрению бесплатного питания школьников младших классов не предусматривают подготовку необходимых для этого кадров. Между тем обеспечение детей питанием, в соответствии с установленными требованиями требует специальной подготовки занятых в этой сфере. Аналогичная ситуация с внедрением медицинских информационных систем в рамках нацпроекта «Здравоохранение», где наряду с техническим оснащением региональных медучреждений имеет место недостаточная подготовка медперсонала к работе с цифровыми технологиями. Региональные вузы, где увеличивается подготовка специалистов по цифровым технологиям, могут организовать не только целевую подготовку кадров, но и организовать целевое повышение квалификации медперсонала.

Своевременная подготовка кадров необходима и при строительстве крупных объектов в регионе. Их специализация и масштабы работы определяют требования к уровню подготовки и структуру необходимых кадров. Этому способствует практика подготовки специалистов, при которой специализация студентов – старшекурсников определяется в конце учебы и может ориентироваться на конкретные места работы. Вместе с тем целевая подготовка не должна негативно влиять на мобильность высококвалифицированных кадров в связи с изменяющимися требованиями рынка труда в условиях социально-экономических трансформаций. В этой связи специализация подготовки студентов с участием потенциальных работодателей должна базироваться на фундаментальной основе, которая в перспективе обеспечит при необходимости оперативную переподготовку и повышение квалификации.

На федеральном уровне предусматривается развитие малого и среднего бизнеса, однако подготовка к этому виду деятельности также должна осуществляться в регионах. Особенно это необходимо для подготовки перспективных и действующих индивидуальных предпринимателей. При этом любые формы обучения должны ориентироваться на региональную экономику. В такой подготовке в странах Евросоюза активно участвуют университеты и школы-бизнеса. При этом используют различные учебные программы, некоторые из них учитывают даже особенности обучения женщин-предпринимателей.

Процесс цифровизации экономики и социальной сферы – основная часть формирования нового индустриального общества второго

поколения. Вместе с тем это реализуется в настоящее время неравномерно, поскольку федеральные программы часто не «стыкуются» с возможностями регионов, где в основном формируются конечные результаты этого процесса. При наличии в регионах предприятий и организаций федерального уровня задача обеспечения их специалистами в сфере разработки и использования цифровых технологий должна вписываться в общую региональную работу по формированию соответствующей части кадровой основы. При этом администрации регионов могут оказывать содействие таким компаниям в получении государственных грантов с 2020 г. на новые разработки в области цифровых технологий.

Процесс формирования НИО.2 должен учитывать изменения в социальной политике, в частности, увеличение продолжительности жизни населения и одновременно повышение возраста выхода на пенсию. Это предопределяет значимость роли региональных систем профессионального образования в связи с увеличением доли населения предпенсионного и пенсионного возраста. Качество жизни этой категории населения во многом зависит от адаптации к новым социально-экономическим отношениям. В частности, возрастает роль повышения финансовой и цифровой грамотности населения в целом. В значительной степени это обусловлено внедрением цифровых технологий, в том числе в сфере предоставления госуслуг. По данным Комиссии по цифровому развитию к 2024 году 70% таких услуг будут предоставляться в цифровом формате. В тоже время Минэкономразвития считает, что к этому году только 40% населения будет обладать цифровыми навыками. Одновременно Минфин считает недостаточную подготовку населения к защите своей персональной информации при финансовых операциях. Региональные вузы и колледжи должны тесно сотрудничать с Национальным центром финансовой грамотности и использовать опыт подобной деятельности в вузах Саратова, Калининграда, Москвы и других учебных заведений.

Региональная система профессионального образования должна оперативно реагировать на требования соответствующего рынка труда, с учетом среднесрочной и долгосрочной перспективы. В настоящее время необходимо учитывать последствия пандемии, которая способствует росту безработицы, переходу на удаленный режим

работы. В результате возникла необходимость переподготовки и повышения квалификации специалистов, у которых уровень и профиль подготовки не соответствует требованиям региональных работодателей. В этих целях правительство выделяет целевое финансирование из федерального бюджета, эффективная реализация которого во многом зависит от потенциальных возможностей региональной системы профессионального образования и требований соответствующего рынка труда.

Для этого вузы и колледжи должны тесно сотрудничать со специализированными компаниям, агентствами занятости занимающиеся оперативным подбором кадров по заказу предпринимателей. Кроме того, необходимо повышать юридическую грамотность занятых и уволенных о их правах, ответственности работодателей при увольнении работников. Это будет способствовать снижению социальной напряженности в обществе.

Количество вузов и колледжей в отдельных регионах не соответствует требованиям рынка труда. Это связано с малонаселенностью, узконаправленной экономикой, но со значительными перспективами социально-экономического развития. Это подтверждает внимание к регионам Дальнего Востока и разработка национальной программы их развития до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Однако в ней отсутствуют конкретные меры по формированию кадровой основы намеченных мероприятий. Между тем необходимо развитие региональных систем профессионального образования и кооперация между вузами Дальнего Востока и опорными университетами совместно с потенциальными работодателями. Это позволит получить качественное и востребованное профессиональное образование и предотвратить отток населения из этих регионов. Успешное построение нового индустриального общества второго поколения зависит от многих внешних и внутренних факторов. Среди последних формирование системы непрерывного образования, которая позволит сформировать кадровую составляющую процесса построения нового индустриального общества, подготовить население к новым социально-экономическим отношениям. При этом необходимо уделять особое внимание развитию региональных вузов и колледжей, которые в наибольшей степени способствуют решению конкретных социально-экономических проблем.

Список литературы

1. ФЗ от 29.07.2019г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в РФ» и отдельные законодательных акты РФ в связи с изменением структуры федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в сфере образования и науки».

2. Федеральная программа «Развитие образования на 2018–2025 гг.»

3. Постановление Правительства РФ от 13.03.2019 № 261 «Об утверждении Правил установления организациям, осуществляющим образовательную деятельность, контрольных цифр приема по профессиям, специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупненным группам профессий, специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета».

4. Постановление Правительства от 21.03.2019 № 302 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования»

5. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР имени С.Ю. Витте, 2016.

6. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России, 2018а, №2 (56). С. 5–13.

7. Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018 б.

8. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы, 2016, №2. С. 3–29.

9. Калинкин Е.В. «Человеческий капитал и человеческий потенциал: роль вузов в их развитии и реализации». Сб. материалов III Международного конгресса «Производство, наука и образование России: преодолеть стагнацию», СПб, 2017 г., с. 376–386

10. Калинкин Е.В. Человеческий капитал и человеческий потенциал: роль профессиональной составляющей», Международный журнал // Проблемы машиностроения и автоматизации», 2017, № 2, С. 13–19.

11. *Калинкин Е.В.* «Цифровые технологии: формирование кадровой основы», журнал «Уровень жизни населения регионов России», 2020 г., с. 75–84

12. *Яковлева Н.Г.* Технологические и социально-экономические трансформации начала XXI века: роль и место образования // Экономическое возрождение России, №2, 2020. С. 133–141.

Никонова М.А.,

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Центральный экономико-математический
институт Российской академии наук

Nikonova M.A.,

Candidate of Econ. Sc., Senior Research Associate
of Federal state budgetary institution of science
«Central Economic-Mathematical Institute of the RAS»

**Неравенство регионов
и развитие нового индустриального общества:
проблемы и перспективы**

**Regional Inequality and the Development
of a New Industrial Society: Problems and Prospects**

Аннотация. Развитие индустриального общества, новых технологий может (и должно) вести к сближению регионов страны за счет не только развития промышленности, но и ускорения обмена информацией, товарами, ресурсами. Для анализа возможности сближения регионов России и происходящих изменений в экономике отдельных регионов был проведен анализ их инновационной активности и инвестиционной привлекательности. Для этого регионы России были разделены на кластеры по уровню наукоемкости (по уровню объемов выпуска продукции, производимой в отраслях, отнесенных к наукоемким). Для каждого кластера проведен анализ соответствия уровня инновационной активности (который оценивался по числу поданных заявок на патенты) и инвестиционной привлекатель-

ности (оценивался по объему инвестиций в основной капитал). Необходимо отметить, что, как показало исследование, несмотря на высокий уровень научного развития регионов, уровень инвестиционной привлекательности и, соответственно, инвестиций в экономику региона остается относительно низким, что, естественно, сказывается на социально-экономическом и промышленном развитии региона и, соответственно, значительно усложнит переход к НИО 2.

Abstract. The development of industrial society and new technologies can (and should) bring the country's regions closer together by not only developing industry, but also speeding up the exchange of information, goods, and resources. To analyze the possibility of convergence of Russian regions and the ongoing changes in the economy of individual regions, an analysis of their innovation activity and investment attractiveness was conducted. For this purpose, the regions of Russia were divided into clusters by the level of knowledge intensity (by the level of output volumes produced in industries classified as knowledge-intensive). For each cluster, an analysis of the compliance of the level of innovation activity (which was assessed by the number of patent applications submitted) and investment attractiveness (assessed by the volume of investment in fixed assets) was performed. It should be noted that, as the study showed, despite the high level of scientific development of the regions, the level of investment attractiveness and, consequently, investment in the economy of the region remains relatively low, which, of course, affects the socio-economic and industrial development of the region and, accordingly, will significantly complicate the transition to NIS2.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, инновационная активность, наукоемкость, научное развитие регионов, НИО 2.

Keywords: investment attractiveness, innovation activity, knowledge intensity, scientific development of regions, NIS2.

Введение

Несоответствие инновационной активности и инвестиционной привлекательности регионов России является одной из проблем развития регионов, которые не только снижают возможность развития

экономики регионов в будущем, но и значительно осложняют возможность перехода страны к экономике нового индустриального общества второго поколения, или второй генерации (НИО 2) и ноо-номике. Эта концепция, представленная на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе в 2017 г., призвана эффективно и согласованно решить вопросы инновационного и индустриального развития, а также социально-экономической трансформации, ориентированной на повышение благосостояния и качества жизни людей [1, 2]. Однако развитие «экономики знаний» пока не дает ощутимый эффект, что можно объяснить, в том числе, низким уровнем финансирования, особенно по сравнению с развитыми странами. Особенность экономики знаний заключается в том, что по мере развития наукоемкого сектора экономики складывается ситуация, когда при производстве продукции доля научных исследований превышает долю «материальной» части. Для анализа причин недостаточного интереса инвесторов к наукоемким регионам (которые могут и должны быть «точками роста» развития экономики страны) было проведено исследование, которое позволило выявить факторы, влияющие на инновационную активность регионов (как отражение их наукоемкости) и инвестиционную привлекательность.

*Выявление факторов,
влияющих на инновационную активность
и инвестиционную привлекательность регионов*

Необходимо отметить, что в качестве показателей инновационной активности и инвестиционной привлекательности использовались такие показатели, как отношение инвестиций в основной капитал к численности населения (как характеристика уровня инвестиционной привлекательности региона) и доля затрат на НИОКР в ВРП (как характеристика уровня инновационной активности региона).

Общий вид модели, используемой в исследовании, был следующим:

$$\ln y_i = a_0 + \sum a_{ij} \ln x_{ij}, \quad (1)$$

где y_i – эндогенные переменные: y_{1i} – отношение инвестиций в основной капитал к численности населения; y_{2i} – доля затрат на НИОКР

в ВРП; x_{ij} – экзогенные показатели, i – индекс кластера, $i = 1, 2, 3, 4$, j – индекс фактора, $j = 1, 2, \dots, n$, где n – число факторов.

В качестве экзогенных показателей были выбраны следующие:

x_1 – отношение численности персонала, занятого ИР, к занятому населению в регионе;

x_2 – доля исследователей в занятом населении;

x_3 – доля внутренних затрат на НИОКР в ВРП;

x_4 – доля наукоемких производств в общем объеме отгруженной продукции обрабатывающих производств;

x_5 – доля строительства в валовой добавленной стоимости региона (ВДС);

x_6 – доля сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства в НДС;

x_7 – доля добычи полезных ископаемых и сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства в НДС;

x_8 – доля добычи полезных ископаемых в НДС;

x_9 – доля обрабатывающих производств в общем объеме отгруженных товаров собственного производства;

x_{10} – доля обрабатывающих производств в НДС;

x_{11} – доля транспорта и связи в НДС;

x_{12} – доля операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг в НДС;

x_{13} – доля оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования;

x_{14} – доля операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг и оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования в НДС.

Для проведения анализа была использована кластеризация, предложенная в работе [3]. Согласно этой кластеризации были выделены 4 кластера регионов России:

кластер 1 – наукоемкие регионы: Владимирская, Воронежская, Калужская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Пензенская, Самарская, Свердловская, Тверская, Томская, Ульяновская, Ярославская области, Москва и Санкт-Петербург;

кластер 2 – автономные республики и области: Забайкальский край, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская Рес-

публики, Республики Адыгея, Алтай, Бурятия, Дагестан, Калмыкия, Карелия, Тыва, Хакасия, Ингушетия, Еврейская автономная область), а также Читинская область;

кластер 3 – регионы с высокой долей добывающей промышленности: Камчатский, Приморский, Хабаровский край, Иркутская, Магаданская, Мурманская, Тюменская, Сахалинская области, Республика Коми, Саха (Якутия), Чукотский автономный округ;

кластер 4 – были включены все остальные регионы, не вошедшие в предыдущие 3 кластера.

Результаты проведенного анализа позволили сделать следующие выводы.

Так, развитие сельского хозяйства, обрабатывающих производств, транспорта и связи не приводит к повышению инвестиционной привлекательности регионов, в то время, как расширение услуг и операций с недвижимым имуществом и аренды в наукоемких регионах, добычи полезных ископаемых в регионах кластера 3, операций с недвижимым имуществом и розничной торговли – к повышению привлекательности регионов для инвесторов.

При этом на рост инновационной активности в большинстве регионов влияло увеличение доли наукоемких производств в обрабатывающей промышленности и доли исследователей (или персонала, занятого ИР) в численности занятых. Кроме этого в наукоемких регионах возрастание доли обрабатывающей промышленности в валовой добавленной стоимости или доли обрабатывающих производств в общем объеме отгруженной продукции ведет к повышению инновационной активности, в регионах кластера 2 (автономных областях и республиках) росту инновационной активности способствует развитие добывающей промышленности и сельского хозяйства (в отличие от регионов кластера 3, в которых высока доля добывающих отраслей).

Таким образом, результаты анализа показали, что инвестиционная привлекательность регионов и их инновационная активность слабо коррелированы. Так, для инвесторов наиболее интересны регионы с высокой долей добывающих отраслей промышленности, сферы услуг и рынком операций с недвижимым имуществом. При этом наукоемкие регионы с преобладанием обрабатывающих производств для них не привлекательны.

Кроме того, необходимо отметить, что инвестиционная привлекательность регионов (которую можно проследить также по результатам соответствующих рейтингов) в последние годы практически не изменяется. Это свидетельствует об увеличении разрыва между регионами, основанном не на технологическом или инновационном преимуществе, а, в основном, на росте инвестиций в добывающую промышленность, банковский сектор и сферу услуг. При этом происходит постепенно увеличивающаяся региональная дифференциация населения России как по уровню доходов, так и по уровню качества жизни. Эти негативные тенденции не только усугубляют разрыв между уровнем развития регионов России, но и снижают возможность перехода к четвертой промышленной революции и НИО 2. Разработанные Правительством РФ, а также правительствами регионов России соответствующие стратегии развития носят в основном декларативный характер. В силу сложной ситуации во многих регионах России (особенно в тех, бюджеты которых являются дотационными) выполнение указанных стратегий становится либо значительно затруднительным, либо практически невозможным (несмотря на государственные дотации, которые часто приходят в регион с большим опозданием), что также снижает темпы продвижения России к ноономике. Это, в свою очередь, усугубит социально-экономическое положение населения в регионах России и не позволит качественно изменить общественные отношения.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России, №3 (57), 2018. С. 5–12. <http://e-v-r.ru/307/>
2. Бодрунов С.Д. К вопросу о ноономике // Экономическое возрождение России, №1 (59), 2019. С. 4–8. <http://e-v-r.ru/экономическое-возрождение-россии-№1-59/>
3. Варшавский Л.Е. Исследование влияния качества человеческого капитала на инновационную активность / Л.Е. Варшавский // Глава монографии. Инновационная ориентация российских экономических институтов. / Под ред. В.Е. Дементьева. – М.: URSS, 2009. – С. 74–99.

Скудалова О.В.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики предприятия и менеджмента
Института экономики и управления,
Тверской государственный университет,
ORCID: 0000-0002-8329-8089, SPIN-KO: 3066-7215

Skudalova O.V.,

Candidate of Econ. Sc., Associate Professor
of the Department of Enterprise Economics and Management,
Institute of Economics and Management,
Tver State University,
ORCID: 0000-0002-8329-8089, SPIN-KO: 3066-7215

Снятие неравенства

**в сферах доступа к ресурсам, богатству, доходах
и генезис новых форм неравенства
по мере продвижения к ноономике**

**Addressing Inequalities in Access to Resources,
Wealth, Income and the Genesis of New Forms
of Inequality as they Move towards Noonomy**

Аннотация. Современные социально-экономические реалии требуют от государственных структур, бизнеса, некоммерческих организаций и других институтов, новых инструментов и методов развития нашего общества, обеспечения равного доступа к основным благам. Цель данной статьи – краткий анализ существующего положения в современном мире на предмет неравенства в сферах доступа к ресурсам, богатству, доходах и выработка рекомендаций по изменению и улучшению существующего положения.

Abstract. Modern socio-economic realities require state structures, business, non-profit organizations and other institutions, new tools and methods of development of our society, ensuring equal access to basic benefits. The purpose of this article is to briefly analyse the current situation in the modern world with regard to inequalities in the areas of access to resources, wealth, and income and to make recommendations for changing and improving the current situation.

Ключевые слова: социальное неравенство, ноономика, инклюзивная экономика, социальные проблемы общества, снятие неравенства.

Keywords: social inequality, noonomics, inclusive economy, social problems of society, elimination of inequality.

В социально-экономических реалиях современного общества, возникает необходимость в нахождении баланса между государством, обществом и бизнесом. Сегодня усилия государственных органов управления направлены на поддержание конкурентоспособности экономических систем регионов и страны в целом, при этом решение актуальных социальных проблем общества и повышение качества жизни населения, рассматриваются лишь как сопутствующая задача [4]. В рамках обозначенного аспекта, целесообразно отметить разные подходы к пониманию социальной дифференциации, снятию неравенства в сферах доступа к ресурсам, богатству современного мира.

Во-первых, формирование «инклюзивной экономики». Термин инклюзивный происходит от латинского слова «*inclusivus*» и в переводе обозначает «включительный» [5]. Анализ научно-практических подходов позволяет отметить, что инклюзивная экономика – персонафицированная экономика, учитывающая удовлетворение потребностей каждого члена социума, субъективные оценки личностного статуса человека и возможности использования ресурсов в равной степени.

Во-вторых, создание и развитие ноономики. По мнению профессора С.Д. Бодрунова, «Ноономика предполагает иной способ оценки хозяйственных действий, иной способ оценки потребностей – основанный не на рациональности, а на разуме, на «ноо», исходящем из понимания истинных последствий хозяйственных решений и ис-

тинной ценности удовлетворяемых потребностей» [2]. Исходя из слов автора, формируются некие ноопотребности, без постоянного расчета для себя, без коммерческой, экономической выгоды.

В целях выявления направлений развития инклюзивной экономики проанализированы основные социально-экономические показатели, касающиеся дифференциации доходов населения, уровня бедности, социальной напряженности в России и многие другие. В основе анализа лежат статистические данные официального сборника Росстат «Социальное положение и уровень жизни населения России, 2017 год», официального сайта Федеральной службы государственной статистики, данные научно-практической российской и зарубежной литературы.

Касаясь зарубежного опыта, следует сказать, что на площадках Всемирного экономического форума в Давосе в 2018 г. (ВЭФ) активно обсуждалось инклюзивное развитие и был предложен индекс социального развития (Inclusive Development Index; IDI), который оценивает 107 стран по критериям роста, справедливости и устойчивости [6]. Он базируется на 12 индикаторах. Цель индекса социального развития – составить целостную картину экономического развития и способствовать устойчивому повышению уровня жизни населения во всем мире.

Нам представляется, целесообразным сформулировать три основных направления развития инклюзивной экономики и кратко их охарактеризовать:

- направление социальной интеграции;
- экономической эскалации;
- межпоколенческой справедливости и устойчивости.

Направление социальной интеграции

Обозначенное направление развития инклюзивной экономики включает в себя уровень бедности и неравенства граждан. Традиционно в экономике для оценки уровня абсолютной и относительной бедности рассматриваются различные показатели, например, такие как среднедушевой доход (руб./мес.), медианный доход (руб./мес.), прожиточный минимум (руб./мес.) и другие.

Направление экономической эскалации

В рамках данного направления развития инклюзивной экономики рассмотрены состояние безработицы, производительности труда, ожидаемой продолжительности жизни в России и другие.

Для примера, рассмотрим, один из макроэкономических показателей – безработицу. Общая численность безработных в России (в возрасте 15–72) в 2017–2018 году составила 4,2 млн человек (5,6% от трудоспособного населения). Среди безработных доля молодежи в возрасте до 25 лет – 18,7%, людей в возрасте 25–30 лет – 60,3%, свыше 50 лет – 21%. Средний возраст безработных в указанный период времени составил 36,8 года. Анализ данных говорит о том, что более молодая возрастная категория является безработной или не имеющей постоянной работы (рисунок 1) [7].

Профессор А.Г. Аганбегян приводит следующие причины [1]:

1. Уровень образования. Наибольшую долю безработных образуют лица, не имеющие профессионального образования, их обучение ограничилось общим средним или даже основным образованием. Среди лиц с высшим образованием, безработными являются – 3,5%, со специальным средним – 4,5% и среди квалифицированных рабочих – 6%. Следует отметить, чтобы смягчить данную проблему необходимо сделать высшее образование более доступным и обеспечить подросткам возможность учиться, а не сбегать с учебы, чтобы заработать на нее.

2. Семейное положение. Среди лиц в официальном браке – 4% безработных, среди вдов и вдовцов – 5%, среди разведенных – 6%, а во среди людей, разведенных в 2 и в 3 раза выше – 11,2%. Безусловно, для смягчения данной проблемы необходимо стимулировать в социально-экономической политике заключение браков, дифференцировать подоходный налог в зависимости от семейного положения, наличия детей и уровня доходов.

3. Экономическая ситуация в стране. В 2013 году наша страна вступила в полосу стагнации, которая в 2015 году переросла в рецессию. Произошло сокращение ВВП, объемов промышленности, строительства, инвестиций, реальных доходов населения, конечного потребления домашних хозяйств. На тот период времени более 400 тысяч человек стали безработными, не имели возможности получить полно-

ценное пособие по безработице. Люди получали мизерное пособие, которое было в несколько раз ниже прожиточного минимума и не индексировалось с учетом уровня инфляции тех лет, превышающего за год 10%. Сегодня, в рейтинге по размеру пособия по безработице из 26 стран Россия занимает последнее место. В сравнении размер пособия безработного в скандинавских странах (Швеция, Дания) доходит до 90% зарплаты. В настоящее время, нам представляется, что пособие по безработице в России не выполняет своей роли. Его размер необходимо привести в соответствие с достигнутым уровнем социального и экономического развития страны и с учетом опыта других стран (Греция, Германия, Япония).

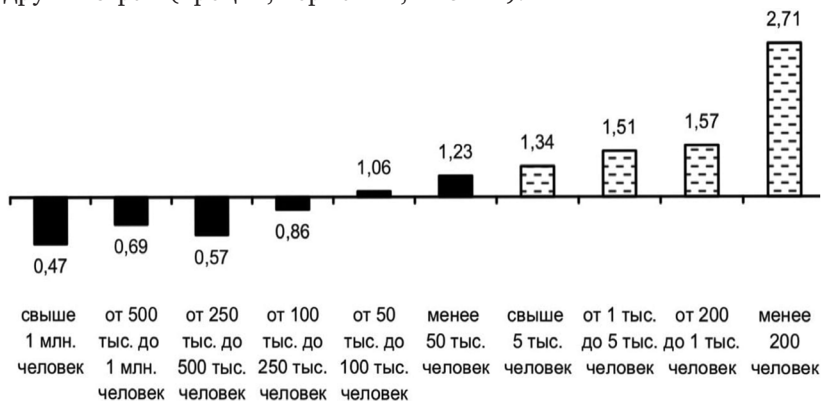

рис. 1. Индекс риска бедности по населенным пунктам
с различной численностью населения

Составлено на основе данных Росстат и сборника Росстат
«Социальное положение и уровень жизни населения России» [8].

Направление межпоколенческой справедливости и устойчивости

В рамках данного направления развития инклюзивной экономики, целесообразно можно рассмотреть статистические изменения некоторых выбранных параметров: уровень сбережений населения, уровень государственного долга и уровень загрязнения окружающей среды. Обратимся к уровню сбережений населения.

Сбережения населения, с одной стороны, являются важнейшей характеристикой материального благополучия семей, а с другой – выступают как мощный потенциальный внутренний инвестиционный ресурс. Сегодня больше половины российских семей 65% не имеют возможности делать накопления. Одна из причин – низкий уровень доходов. Реальные располагаемые доходы граждан падали на протяжении 2014–2017 годов, в 2018 году показали незначительный рост на 0,1%, следует из данных Росстата. С 2013 года реальные доходы упали на 8,3%, согласно новой методике (по прежней методологии падение достигало 10,9%). В среднем на душу населения денежные доходы россиян сейчас составляют 29,9 тыс. руб. (по данным за первый квартал 2019 года) [7].

По итогам 2018 года, денежных доходов, направленных на сбережения, составила 3,7%. Ниже данный показатель был только в 1998 году, когда на сбережения уходило 2,5% доходов. Большая часть доходов россиян уходит на текущее потребление и обязательные платежи, доля которых по итогам прошлого года выросла до максимума в истории России. Треть россиян (32%) полагают, что сейчас плохое время для того, чтобы сберегать средства. 38% респондентов не смогли назвать это время ни хорошим, ни плохим для сбережений, а 21% участников опроса считают настоящий момент хорошим для откладывания денег. Оценивая перспективы на 2020 год, мнение россияне разделилось: преобладают негативные (30%) и нейтральные (44%) настроения. Только 11% россиян полагают, что в 2020 году возможностей для сбережений будет больше, чем сегодня. Тем не менее опросы Левада-Центра фиксируют постепенное усиление позитивных ожиданий по сравнению с 2016 и 2017 годами (предыдущий опрос был проведен в декабре 2017 года), сообщили социологи. Рост интереса к сбережениям, говорит о том, что население не против откладывать определенные суммы денежных средств для своего спокойствия, но не всегда это получается ввиду социально-экономического положения в стране [1].

Разграничения данных направлений инклюзивной экономики позволили:

1. Определить уровень благосостояния, демографической нагрузки, государственного долга и загрязнения окружающей среды.
2. Дать оценку уровню экономического развития страны или конкретного региона.

3. Отразить целостную картину экономического развития той или иной территории, определяет устойчивое повышение уровня жизни населения.

Анализ состояния инклюзивной экономики в российской и зарубежной практике показывают, что большей устойчивостью к внешним угрозам и экономическим кризисам обладают страны с большей инклюзивностью социально-экономической системы, в которых приоритетом выступает решение социальных проблем в социуме и формирование политики, направленной на социальную защиту отдельных социальных категорий и выравнивание доходов.

Однако, необходимы новые взгляды и подходы к современным экономическим реалиям. Поэтому развитие как инклюзивной, так и ноономики очень важно. По словам профессора С.Д. Бодрунова: «Эволюция техносферы и формирующиеся в ее ходе техно тренды вплотную подводят нас к вопросу о пределах цивилизационного развития – постольку, поскольку технологическая эволюция начинает задавать параметры эволюции человека как со стороны его биологической, «вещественной основы», так и со стороны его социальных качеств [3].

На основе проведенного анализа предлагается ряд научно-практических мероприятий:

1. Учреждение социальной интеграции и равенства общих благ.
2. Развитие местного самоуправления как гаранта справедливости и социальной защиты.
3. Обеспечение приоритетного развития сфер здравоохранения и образования.
4. Повышение всеобщего доступа к средствам охраны здоровья, образованию, включая дополнительный уровень и культуре.
5. Активная борьба с коррупцией и развитие социально ответственной деятельности среди коммерческих и не коммерческих структур (НКО)
6. Формирование идеологической платформы системы ценностей в обществе, основанной на чувствах справедливости, честности и порядочности, без экономической выгоды для себя (ноономика) и другое.

Сегодня приоритеты экономической политики должны переориентироваться на более эффективное противодействие социальному

неравенству, которое сопровождается технологическими изменениями и глобализацией. Именно устойчивый, всеобъемлющий прогресс, сопровождающийся ростом доходов населения наравне с ростом его экономических возможностей, уровнем защищенности и качества жизни, должен быть признан политиками главной целью экономического развития.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики / А.Г. Аганбегян. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 512 с.
2. Бодрунов С.Д. К вопросу о ноономике / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1 (59). – С. 4–8.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.
4. Скудалова О.В. Услуги социально ориентированных предприятий: проблемы и перспективы: Монография / О.В. Скудалова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. – 160 с. (160 стр.)
5. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 208 с. С. 218
6. Новости экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.econominews.ru/mirovaja-jekonomika/524-indeks-inkljuzivnogo-razvitija-2018-vsemirnyjj.html>. – Дата доступа: 15.03.2020.
7. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 332 с.
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] [офиц. сайт]. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/>. – Дата доступа: 28.05.2020.

**На пути к ноономике:
человек, технологии и общество
в пространстве ассоциированного производства
и потребления**

Подписано в печать 04.11.2020.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1

Печать офсетная. Печ. л. 30,5.

Тираж 1000 экз.